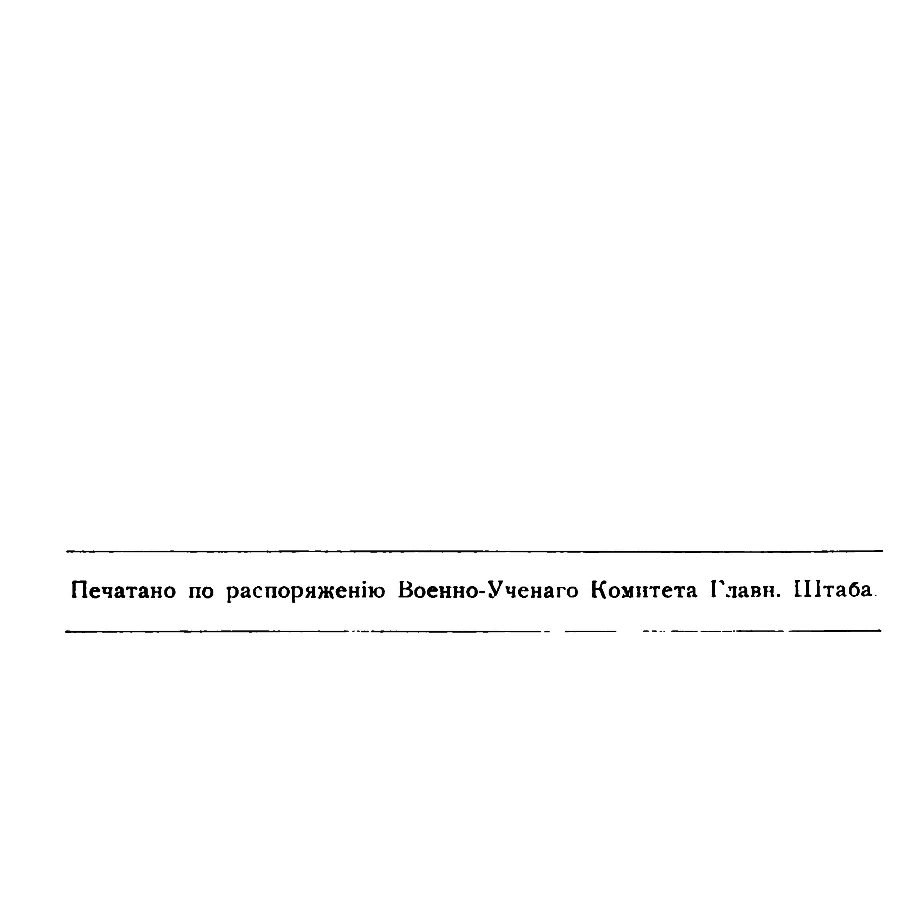
А. К. БУЛАТОВИЧЪ.

СЪ ВОЙСКАМИ
МЕНЕЛИКА II

Дневникъ похода изъ Эфіопіи къ озеру Рудольфа.

Съ 4 схемами, 3 картами и 78 фото-типогравюрами по фотографіямъ автора и поручика Давыдова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „Т-ва Худож. Печати", Англійскій, 28.
1900.

Печатано по распоряженію Военно-Ученаго Комитета Главн. Штаба.

№ 1523.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящее изданіе представляетъ собою дневникъ моего второго путешествіе въ глубь Африки въ 1897—1898 годахъ.

Первое путешествіе въ Абиссинію я совершилъ съ Санитарнымъ Отрядомъ Россійскаго Краснаго Креста, командированнымъ на театръ Италіано-Абиссинскихъ военныхъ дѣйствій въ 1896 году. Въ концѣ 1896 года Отрядъ возвратился въ Россію, а я предпринялъ самостоятельное путешествіе въ Западныя Области Эфіопіи. Тогда я достигъ западныхъ границъ Абиссиніи и перешелъ рѣку Баро, дотолѣ неизслѣдованную ни однимъ европейцемъ. На обратномъ пути я побывалъ въ низовьяхъ рѣки Дидессы, долинѣ Голубого Нила и въ первыхъ числахъ Мая 1897 года возвратился въ Россію *).

Въ Сентябрѣ 1897 года ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ благоугодно было завязать съ Абиссиніей непосредственныя сношенія, и по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію отправлена была къ Императору Менелику II Чрезвычайная Дипломатическая Миссія съ Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ Петромъ Михайловичемъ Власовымъ во главѣ. Чрезвычайнаго

*) Маршрутъ этого путешествія проложенъ на картѣ въ приложеніи.

Посланца сопровождала его супруга. Въ составъ Миссіи входили:

Секретарь Миссіи—Титулярный Совѣтникъ Орловъ.

Состоящіе въ распоряженіи Чрезвычайнаго Посланца:

Поручикъ Лейбъ-Гвардіи Гусарскаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка Булатовичъ.

Поручики Лейбъ-Гвардіи Стрѣлковаго Императорской Фамиліи Батальона Коховскій и Давыдовъ и Поручикъ Кавалергардскаго ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ полка Чертковъ.

Конвой Чрезвычайнаго Посланца:

Начальникъ конвоя Сотникъ Лейбъ-Гвардіи Атаманскаго Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича полка Красновъ

и 21 нижній чинъ (18 казаковъ Гвардейской казачьей бригады, 2 казака Лейбъ-Гвардіи Донской ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА батареи и 1 рядовой Лейбъ-Гвардіи Гусарскаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка).

Командированные отъ Военнаго Министерства:

Полковникъ Генеральнаго Штаба Артамоновъ и Поручикъ Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полка Арнольди.

Санитарный составъ миссіи:

Врачъ Статскій Совѣтникъ Лебединскій.
Врачъ Статскій Совѣтникъ Бровцынъ.
Фармацевтъ Лукьяновъ.
Классный чиновникъ Сассонъ
и Фельдшеръ Кузнецовъ.

Чрезвычайная Миссія выѣхала изъ С.-Петербурга въ концѣ Сентября 1897 года и въ первыхъ числахъ Февраля 1898 года прибыла въ столицу Абиссиніи Адисъ-Абаба. Д. С. С. Власовъ, его супруга, Секретарь Миссіи Т. С. Орловъ, весь санитарный составъ Миссіи и нѣсколько нижнихъ чиновъ конвоя находятся до сихъ поръ въ Абиссиніи; остальные же—возвратились въ Россію.

Чтобы извѣстить Императора Менелика о Высочайшемъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА соизволеніи на отправленіе къ нему Чрезвычайной Миссіи, нужно было командировать курьера. Выборъ палъ на меня, въ виду моего знанія абиссинскаго языка и знакомства съ условіями путешествія по этой странѣ.

9 Сентября 1897 года я выѣхалъ изъ Петербурга въ сопровожденіи рядового Лейбъ-Гвардіи Гусарскаго Его Величества полка Зелепукина и 15 Октября прибылъ въ Адисъ-Абаба ко двору Императора.

Въ концѣ Ноября снаряжалась значительная экспедиція абиссинскихъ войскъ съ цѣлью присоединенія къ Эѳіопской Имперіи еще неизслѣдованныхъ южныхъ областей, лежащихъ между Абиссиніей и озеромъ Рудольфа. Я воспользовался представившейся мнѣ возможностью сдѣлать съ этой экспедиціей походъ черезъ невѣдомыя страны. 5 Іюня 1898 года я возвратился въ Адисъ-Абаба, 14 Іюня выѣхалъ въ Россію и 19 Іюля прибылъ въ Петербургъ. Почти тотчасъ по возвращеніи я заболѣлъ и, какъ только оправился, принялся за обработку собраннаго мною матеріала, но едва успѣлъ окончить эту работу, какъ вновь состоялась моя командировка въ Абиссинію.

Заканчивая настоящее предисловіе, считаю долгомъ помянуть Начальника Военно-Топографическаго Отдѣла Генералъ-Лейтенанта Оттона Эдуардовича

фонъ Штубендорфа, Начальника Геодезическаго Отдѣленія Генералъ-Маіора Иліодора Ивановича Померанцева, Начальника Картографическаго заведенія Генералъ-Маіора Андрея Александровича Большова и Полковника Лейбъ-Гвардіи Гусарскаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Полка Сергѣя Дмитріевича Молчанова. Просвѣщенному содѣйствію ихъ и цѣннымъ указаніямъ обязанъ я тѣмъ, что настоящій трудъ доведенъ до благополучнаго конца, и за это приношу имъ здѣсь мою глубокую и почтительную благодарность.

20 Марта / 2 Апрѣля 1899 г. Черное море.

Пароходъ Добровольнаго Флота „Тамбовъ".

Сабля, принадлежавшая дѣду Менелика II, негусу Сахле-Селасьѣ.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ концѣ 1897 и въ началѣ 1898 года въ Африкѣ подготовлялись событія, которымъ суждено было имѣть весьма важное значеніе для ея будущности. На очереди стоялъ давно назрѣвшій вопросъ: какая изъ двухъ великихъ державъ,—Англія или Франція,—соперничающихъ за преобладаніе въ Африкѣ, возьметъ верхъ въ неравной, но рѣшительной борьбѣ? Успѣетъ-ли Англія осуществить свою завѣтную мечту—прорѣзать всю Африку съ сѣвера на югъ, отъ Каира до мыса Доброй Надежды, захватить въ свои руки неисчерпаемыя богатства ея центральныхъ земель и, такимъ образомъ, создать здѣсь для себя вторую Индію,—или же Франція помѣшаетъ ей въ этомъ?

Положеніе Англіи было гораздо сильнѣе.

20-ти тысячный, отлично снаряженный корпусъ англо-египетскихъ войскъ, подъ начальствомъ Китченера, находился уже на пути къ Хартуму, паденіе котораго казалось неминуемымъ. На встрѣчу ему съ юга, изъ Уганды, долженъ былъ двинуться отрядъ маіора Макдональда и занять все верхнее теченье Нила, теченье р. Джубы и устье р. Омо, впадающей въ оз. Рудольфа.

Чтобы разстроить планы своей противницы, Франція, въ свою очередь, снарядила нѣсколько экспедицій, которыя должны были водруженіемъ на берегахъ Нила французскаго флага перерѣзать путь англичанамъ.

Съ этой цѣлью съ запада, изъ французскаго Конго, шла къ Нилу незначительная экспедиція Маршана, и съ востока черезъ Абиссинію навстрѣчу ей направлялись экспедиціи Клошета и Боншана *).

---

*) Экспедиція Макдональда не состоялась, вслѣдствіе бунта его солдатъ. Печальный исходъ фашодскаго дѣла извѣстенъ, а дѣйствія Боншана и Клошета окончились полною неудачею и смертью послѣдняго.

Но, кромѣ Франціи и Англіи, въ вопросѣ объ обладаніи среднимъ теченіемъ Нила, была заинтересована еще третья держава—Эфіопія, и ея Императоръ весною 1897 года открыто заявилъ Великобританскому чрезвычайному посланнику Ренельду Роду, что считаетъ своими границами „2° и 14° с. ш. и побережье океана на востокѣ и правый берегъ Нила на западѣ", что онъ всѣми силами будетъ поддерживать эти свои притязанія.

Какое же положеніе должна была занять Эфіопія въ наступавшей борьбѣ?

Съ давнихъ поръ Африка привлекала къ себѣ европейцевъ, захватившихъ и подѣлившихъ между собой всю ея береговую полосу; но внутренность материка долгое время представляла изъ себя какъ бы громадный паркъ, гдѣ производилась охота за человѣкомъ и добывались рабочія руки для переселенцевъ и колонистовъ. Уничтоженіе рабства положило, однако, конецъ такому положенію вещей.

Съ развитіемъ торговли и мореплаванія, колоніи европейцевъ начинаютъ расширяться; внутрь Африки проникаютъ смѣлые изслѣдователи и пересѣкаютъ ее во всѣхъ направленіяхъ; за ними слѣдуютъ миссіонеры и купцы. Во вновь открытыхъ земляхъ у европейцевъ нарождаются торговые и политическіе интересы, поддерживаемые метрополіей, и мало-по-малу европейцы завоевываютъ новыя и новыя области.

На Брюссельской конференціи вся Африка раздѣляется заинтересованными державами на „сферы вліянія", т. е. территоріи, въ которыхъ онѣ могли бы осуществлять свои завоевательныя и колонизаторскія намѣренія. Права и интересы народовъ, входящихъ въ сферы этихъ „вліяній". совершенно игнорируются, и Абиссинія, такимъ образомъ, подпадаетъ подъ протекторатъ Италіи.

Если такой взглядъ на населеніе Африки оправдывался до нѣкоторой степени его низкимъ уровнемъ культуры, то онъ былъ совершенно несправедливымъ и произвольнымъ въ отношеніи абиссинскаго народа, исповѣдывавшаго христіанство гораздо ранѣе, чѣмъ какая бы то ни было европейская нація (съ 4-го вѣка по Р. Х.),—народа, съ богатымъ историческимъ прошлымъ и хотя отставшаго въ наше время отъ европейцевъ въ своемъ развитіи, но, во всякомъ случаѣ, имѣющаго всѣ данныя для блестящей будущности.

Въ исторіи чернаго материка Абиссинія сыграла немаловажную роль. Соприкасаясь съ древнимъ Египтомъ и благодаря семитической иммиграціи, Абиссинія рано сдѣлалась единственной просвѣтительницей и распространительницей культуры на Эфіопскомъ нагоріи и въ ближайшихъ къ нему областяхъ. Въ средніе вѣка Эфіопія представляла изъ себя могущественнѣйшее государство. Подъ властью Абиссинскихъ императоровъ объединились всѣ обитающія на Эфіопскомъ нагоріи племена. Къ началу XVI вѣка Эфіопія достигла апогея своего величія, и, по сохранившимся преданіямъ, Абиссинская имперія была въ то время такъ велика и могущественна, что одинъ изъ ея императоровъ, Негусъ-негыстъ Лыбъ-на-Дынгыль, или Давидъ II, молился Богу о ниспосланіи ему враговъ, сожалѣя о томъ, что не имѣетъ ихъ *).

Врагъ не замедлилъ явиться въ лицѣ Гранье **), который, во главѣ фанатическихъ мусульманскихъ полчищъ,—галласовъ и адальцевъ,—нанесъ Абиссиніи нѣсколько тяжелыхъ ударовъ. Въ то же время южныя области Абиссиніи подверглись нашествію дикихъ кочевыхъ галласкихъ племенъ, которымъ было тѣсно въ своихъ земляхъ, и которые неудержимымъ потокомъ вторглись въ Абиссинію и заняли ея лучшія земли по рѣкамъ Гибье, Дидессѣ, Голубому Нилу и Хауашу. Эфіопская имперія оказалась раздѣленной пополамъ, и ея южная часть—Каффа—на нѣсколько вѣковъ была обособлена отъ сѣверной.

---

*) По преданію, слышанному мною отъ абиссинцевъ, Лыбъ-на-Дынгылю были подвластны 48 народовъ. Войско, которое они выставляли, было громадно: когда однажды Лыбъ-на-Дынгыль собралъ его на смотръ, оно расположилось станомъ отъ Гондара до Годжама. При видѣ своего могущества и горюя, что ему не съ кѣмъ помѣряться силой, Лыбъ-на-Дынгыль приказалъ кнутами бить землю и, обратясь съ молитвой къ Богу о посланіи ему врага, сжегъ кучу (въ нѣсколько возовъ) ладону, дымъ котораго поднялся столбомъ до самаго неба.

**) Гранье—уроженецъ Харарской области, принадлежавшей тогда галласамъ, принявшимъ магометанство. Въ 1539 г. онъ, поднявъ среди мусульманскаго населенія прибрежной полосы знамя пророка и объявивъ священную войну, вторгся въ Абиссинію, сжигая и разрушая монастыри и церкви. Воодушевленный идеей исламизма, Гранье прежде всего направился въ сѣверную и центральную Абиссинію, какъ наиболѣе культурный и религіозный центръ имперіи, и разрушилъ г. Аксумъ. Въ 1545 г. въ Дамбіи, у озера Цана Гранье былъ убитъ.

Вслѣдъ за этимъ возникли внутренніе раздоры и междоусобія, ослабившіе императорскую власть и приведшіе Абиссинію къ разложенію.

Въ половинѣ XIX ст. Эфіопія возрождается къ новой жизни. Императоры Ѳеодоръ, Іоаннъ и, наконецъ, Менеликъ II вновь объединяютъ Абиссинію. Императоръ Менеликъ вступаетъ съ Италіей въ отчаянную борьбу за существованіе своего государства, его свободу и самостоятельность, одерживаетъ надъ своимъ врагомъ рядъ блестящихъ побѣдъ и этимъ самымъ доказываетъ неопровержимымъ образомъ, что въ Африкѣ есть черная раса, могущая постоять за себя и имѣющая всѣ данныя на независимое существованіе.

Конечно, и въ началѣ 1898 года Императоръ Менеликъ не могъ остаться безучастнымъ зрителемъ всего происходившаго въ Африкѣ. Обладая въ своей арміи громадной живой силой, упорядочивъ внутреннія и внѣшнія дѣла государства, онъ не остался бездѣятельнымъ въ эту рѣшительную минуту и двинулъ войска въ западныя и южныя области, на которыя и заявилъ притязанія.

Въ стремленіи расширить предѣлы своихъ владѣній, Менеликъ выполняетъ лишь традиціонную задачу Эфіопіи, какъ распространительницы культуры и объединительницы всѣхъ обитающихъ на Эфіопскомъ нагоріи и по сосѣдству съ нимъ родственныхъ племенъ, и совершаетъ только новый шагъ къ утвержденію и развитію могущества черной имперіи.

Вотъ причины, побудившія Менелика къ завоевательнымъ дѣйствіямъ, и мы, русскіе, не можемъ не сочувствовать этимъ его намѣреніямъ, не только вслѣдствіе политическихъ соображеній, но и изъ чисто человѣческихъ побужденій. Извѣстно, къ какимъ послѣдствіямъ приводятъ завоеванія европейцами дикихъ племенъ. Слишкомъ большая разница въ степени культуры между покоренными и ихъ покорителями всегда вела къ порабощенію, растлѣнію или вырожденію слабѣйшей расы. Туземцы Америки выродились и теперь почти не существуютъ; народы Индіи растлѣны и обезличены; черныя племена Африки стали рабами бѣлыхъ.

Совсѣмъ иные результаты получаются при столкновеніяхъ народовъ, болѣе или менѣе близкихъ другъ другу по своей культурѣ.

Для абиссинцевъ египетская, арабская и, наконецъ, евро-

пейская цивилизація, которую они мало по малу перенимали, не была пагубной: заимствуя плоды ея, въ свою очередь побѣждая и присоединяя сосѣднія племена и передавая имъ свою культуру, Абиссинія не стерла съ лица земли, не уничтожила самобытности ни одного изъ нихъ, но всѣмъ дала возможность сохранить свои индивидуальныя черты.

Такимъ образомъ, христіанская Абиссинія въ міровомъ прогрессѣ играетъ прекрасную роль передаточной инстанціи европейской цивилизаціи дикимъ средне-африканскимъ народамъ.

Высокая цивилизаторская миссія Абиссиніи, ея вѣковая, почти безпрерывная борьба за вѣру и свободу съ окружающими мусульманами, близость намъ ея народа по исповѣданію,—все это уже давно расположило къ ней русскихъ людей. Знаютъ ее и сочувствуютъ ей не только образованные классы, но и простой людъ, который видѣлъ набожныхъ, часто бѣдствующихъ черныхъ христіанъ въ Іерусалимѣ *).

Дорожный стаканъ изъ буйволоваго рога.

Много общаго видимъ мы въ культурныхъ задачахъ Абиссиніи съ нашимъ дѣломъ на Востокѣ и не можемъ не пожелать единовѣрческому намъ народу, чтобы онъ пріобщился лучшимъ завоеваніямъ европейской цивилизаціи, сохранивъ за собой свободу, независимость и тотъ клочекъ земли, которымъ владѣли его предки, и который у него хотятъ отнять наши алчные бѣлые собратья.

Осенью 1897 года я находился въ столицѣ Абиссиніи въ то время, когда рѣшались и подготовлялись экспедиціи абиссинскихъ войскъ, направлявшіяся въ долину Нила и къ оз.

*) Абиссинскій монастырь находится рядомъ съ русскимъ подворьемъ въ Іерусалимѣ. Абиссинцы-паломники часто посѣщаютъ наши церкви. Съ презрѣніемъ и высокомѣріемъ встрѣчаемые другими европейцами, они только у русскихъ находятъ сочувствіе и помощь.

Рудольфа. Въ концѣ Октября въ г. Адисъ-Абабу прибывали одинъ за другимъ военноначальники Менелика, а во дворцѣ засѣдали военные совѣты подъ предсѣдательствомъ самого Императора. 20 Октября была объявлена частная мобилизація собственныхъ постоянныхъ войскъ Менелика; а къ концу Ноября былъ окончательно выработанъ планъ дѣйствій.

Предполагались три главныхъ экспедиціи:

1) Расъ Маконенъ, генералъ-губернаторъ Харрара и Сомалійскихъ земель, во главѣ 30-тысячнаго отряда долженъ былъ двинуться на западъ и завоевать богатую золотомъ область Бени-Шонгулъ, и затѣмъ достигнуть, если представится возможнымъ, береговъ Нила *).

2) Дадіазмачъ Тасама, генералъ-губернаторъ крайнихъ юго-западныхъ областей Абиссиніи, съ 8-тысячнымъ отрядомъ, получилъ предписаніе овладѣть нижнимъ теченіемъ р. Собата и верхнимъ теченіемъ Нила **).

3) Расъ Вальде-Георгисъ, генералъ-губернаторъ Каффы и южныхъ областей Абиссиніи, долженъ былъ изъ Каффы идти на юго-юго- западъ, присоединить всѣ свободныя, находящіяся въ этомъ направленіи, земли, утвердиться на оз. Рудольфа. Крайнимъ предѣломъ для его завоеваній былъ 2° с. ш. и истоки Нила изъ оз. Альберта ***).

---

*) Отрядъ раса Маконена состоялъ изъ 7 тысячъ его собственныхъ войскъ, 6 тыс. гондарцевъ (стрѣлковъ) Менелика, подъ начальствомъ дадіазмача Демесье, генералъ-губернатора западныхъ галласкихъ земель, 4 тыс. иррегулярныхъ галласовъ дадіазмача Габро Егзіабеѣра, владѣтеля галласскаго королевства Леки, 4 тыс. иррегулярныхъ галласовъ дадіазмача Джоти, владѣтеля галласскаго королевства Уалаги, 3 тыс. табанджа-яжей (стрѣлковъ) Менелика подъ начальствомъ ликамакуаса (генералъ-адъютанта) Аденоу, 2 тыс. человѣкъ дадіазмача Уалди (отправленнаго лѣтомъ 1898 г. посломъ къ Президенту французской республики) и 1½ тыс. человѣкъ дадіазмача Хайле-Маріама. Расъ Маконенъ завоевалъ Бени-Шонгулъ и достигъ песчаной степи, которая тянется вдоль праваго берега Нила. Въ концѣ марта 1898 г. его отрядъ благополучно вернулся въ Адисъ-Абабу.

**) Дадіазмачъ Тасама достигъ устья р. Собата и водрузилъ на правомъ берегу Нила абиссинскій флагъ.

***) Абиссинская военная іерархія очень запутана, и ее трудно подвести подъ какую-нибудь табель о рангахъ.

Послѣдовательность чиновъ слѣдующая:

Негусъ-негыстъ—Императоръ, главнокомандующій всѣми арміями.

Негусъ—король, главнокомандующій арміей своего королевства.

Расъ—фельдмаршалъ, главнокомандующій своей области, или одной изъ армій Императора, или негуса.

Дадіазмачъ—приблизительно нашъ полный генералъ или генералъ-лейтенантъ; можетъ самостоятельно командовать отдѣльною арміей или отрядомъ въ арміи раса; въ послѣднемъ случаѣ соотвѣтствуетъ нашему корпусному командиру.

Мнѣ представилась возможность принять участіе въ одной изъ этихъ экспедицій. Въ виду громаднаго бытового, научнаго и военнаго интереса, который могло представить предстоявшее мнѣ путешествіе, я рѣшилъ воспользоваться удобнымъ случаемъ и сдѣлать походъ съ арміей, движущейся по совершенно еще не изслѣдованнымъ странамъ. Экспедиція раса Вальде-Георгиса была въ этомъ отношеніи самой интересной и много обѣщающей. Никому еще изъ европейцевъ не удалось изъ Абиссиніи проникнуть къ югу далѣе сѣверныхъ границъ Каффы, недавно еще могущественнаго, закрытаго для европейцевъ, государства, завоеваннаго абиссинцами лишь въ 1897 г.

Предо мной стоялъ цѣлый рядъ неразрѣшенныхъ наукой вопросовъ: куда течетъ главная рѣка южной Эѳіопіи—Омо, впадаетъ ли она въ оз. Рудольфа, или, огибая Каффу съ юга, течетъ въ Собатъ и затѣмъ—въ Средиземное море? Если же Омо не есть верховье Собата, а впадаетъ въ оз. Рудольфа, то гдѣ находятся истоки Собата?

Никому не удавалось пройти съ сѣвера къ оз. Рудольфа. На его берегахъ побывали до 1897 г. только четыре евро-

---

Фитаурари—генералъ-маіоръ; можетъ также командовать отдѣльною арміей. Когда командуетъ полкомъ, то соотвѣтствуетъ нашему полковнику.

Каніазмачъ—полковникъ.

Геразмачъ—подполковникъ.

Баламбаросъ и Ямато-Алака — чинъ, равный нашему капитанскому.

Яамса-Алака—поручикъ.

Среди многочисленныхъ придворныхъ должностей нужно отмѣтить:

Ликамакуасъ—генералъ-адъютантъ.

Азаджъ—гофмаршалъ.

Эльфинь-ашкеръ—пажъ (дословно слуга спальни). Эльфинъ-ашкеры набираются изъ мальчиковъ, воспитывающихся при дворахъ, какъ Императора, такъ расовъ и другихъ начальниковъ.

Хотя эльфинь-ашкеры исправляютъ обязанности простыхъ слугъ, но могутъ достигать самыхъ высшихъ должностей. Производство въ чины происходитъ не послѣдовательно, какъ у насъ, а по личному выбору начальника, такъ что какой-нибудь капитанъ или поручикъ можетъ быть произведенъ прямо въ расы. Главное несоотвѣтствіе абиссинской военной іерархіи съ нашей заключается въ томъ, что общій принципъ службы—личный, и каждый начальникъ имѣетъ право производить своихъ подчиненныхъ до чина, слѣдующаго за своимъ. Поэтому, нѣтъ, напр., полковника вообще, а есть полковникъ такого то генерала, или раса, или самого Императора. Отсюда, чтобы судить о служебномъ положеніи лица, нужно знать, кому оно служитъ. Напр., полковникъ Императора стоитъ выше генерала, служащаго въ арміи раса и обратно.

пейскихъ экспедиціи: 1) открывшая это озеро—графа Телеки и Хенеля, 2) Дональдсона Смита; 3) Кавендиша и 4) Ботеги.

Области, находящіяся къ сѣверо-западу отъ озера Рудольфа, были до послѣдняго времени въ полномъ смыслѣ слова terra incognita.

Въ высшей степени интересовало меня разрѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ и раскрытіе одной изъ столь немногихъ неразгаданныхъ до того времени на земномъ шарѣ географическихъ тайнъ: впадаетъ ли р. Омо въ озеро Рудольфа, или въ Нилъ? Но прежде, чѣмъ предпринять что-либо, я долженъ былъ испросить разрѣшенія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Власова, главы нашей дипломатической миссіи въ Абиссиніи, къ составу которой я принадлежалъ. Дѣйст. ст. сов. Власовъ вмѣстѣ съ миссіей находился въ это время еще только въ Джибути.

При кратковременномъ срокѣ, остававшемся въ моемъ распоряженіи, а также въ виду дальности и трудности пути, было очень рискованно полагаться на аккуратность почтовыхъ сношеній, и я рѣшилъ отправиться на встрѣчу нашей миссіи. 27-го Ноября, заручившись наканунѣ на аудіенціи у Императора письмомъ его къ д. с. с. Власову, я выѣхалъ изъ Адисъ-Абабы.

2 Декабря Менеликъ выступилъ со всѣмъ своимъ войскомъ, сдѣлалъ переходъ до горы Манагаша и здѣсь, назначивъ раса-Маконена главнокомандующимъ первой экспедицей, благословилъ его на дальнѣйшій путь, а самъ вернулся въ столицу.

Начальники другихъ экспедицій, дадіазмачъ (генералъ) Тасама и расъ Вальде-Георгисъ также отправились въ свои земли къ собираемымъ отрядамъ.

Выступленіе раса Вальде-Георгиса изъ Каффы, главной его резиденціи, было назначено на первыя числа января. Слѣдовательно, въ моемъ распоряженіи оставалось всего $1^1/_2$ мѣсяца, въ теченіе которыхъ я долженъ былъ побывать въ Джибути, вернуться въ Адисъ-Абабу и, организовавъ свой отрядъ, прибыть въ Каффу. Такимъ образомъ, мнѣ предстояло сдѣлать за это время около 2000 верстъ. (Джибути—Адисъ-Абаба 750—800 в. $\times$ 2 = 1500—1600 в.; Адисъ-Абаба—Андрачи (въ Каффѣ) 400—500 в.).

Я отправился въ путь 27 Ноября, а 8 Декабря, перемѣнивъ въ Харрарѣ людей и животныхъ, прибылъ въ Баяде

(первая станція отъ Джибути, гдѣ имѣется вода; отстоитъ отъ Джибути въ 50 верстахъ). Здѣсь я встрѣтилъ нашу миссію, пробылъ съ нею двое сутокъ, получилъ разрѣшеніе на участіе въ экспедиціи и, перемѣнивъ вновь людей и животныхъ, 10 декабря выступилъ въ обратный путь. 20 Декабря я былъ снова въ Адисъ-Абабѣ, пройдя около 1500 вер. въ 23 дня (съ 27 Ноября по 20 Декабря), считая въ томъ числѣ три дня остановокъ.

„*Пробѣгъ*" этотъ, который былъ, такъ сказать, только вступленіемъ и выполненіемъ условія sine qua non дальнѣйшаго похода, дался мнѣ нелегко. Поставленный въ обстановку кавалерійскаго рейда или развѣдки, я принужденъ былъ довольствоваться лишь самыми необходимыми предметами, которые можно было взять съ собой на сѣдло. О какихъ-либо удобствахъ (напримѣръ, палаткѣ) не могло быть и рѣчи; пища была самая скудная. Три раза пришлось мнѣ перемѣнить немногочисленный составъ моихъ спутниковъ и животныхъ. Крайне утомительная, тяжелая дорога наградила меня сильнѣйшимъ ревматизмомъ въ ногахъ, такъ какъ моя поѣздка совпала съ временемъ большихъ ночныхъ холодовъ*), особенно дававшихъ себя чувствовать на вершинахъ переваловъ горъ Черчера. Болѣзнь причиняла мнѣ такія страданія, что я одно время не въ состояніи былъ сѣсть въ сѣдло безъ посторонней помощи.

Прибывъ въ такомъ состояніи въ Адисъ-Абабу, я въ тотъ же день представился Императору, а затѣмъ приступилъ къ организаціи каравана, на которую у меня ушло семь дней. Купивъ 18 муловъ и нѣсколько лошадей, вьючныя сѣдла, приладивъ вьюки, я началъ наборъ людей.

Для путешественника вопросъ о личномъ составѣ каравана—одинъ изъ важнѣйшихъ: отъ того или иного набора людей часто зависитъ исходъ иной разъ съ трудомъ осуществляемой экспедиціи. На этотъ разъ моя задача оказалась не изъ тяжелыхъ. Большая часть моихъ будущихъ сопутниковъ была мнѣ уже извѣстна по участію въ моемъ путешествіи по Абиссиніи въ 1896—97 г. г. Заслышавъ о моемъ возвращеніи въ Абиссинію, они пришли сами и привели изъ деревень своихъ родичей. Этими новобранцами,—въ большинствѣ

*) Въ полдень $+15^0$, въ тѣни ночью передъ разсвѣтомъ—2^0.

случаевъ, совсѣмъ еще молодыми 16—18 лѣтними мальчиками, очень послушными, усердными, еще неиспорченными городскою жизнью,—я въ особенности былъ доволенъ. Изъ нихъ я выбралъ себѣ оруженосцевъ, носильщиковъ инструментовъ и ранца съ бумагами и документами. Кстати, съ особымъ удовольствіемъ замѣчу, что въ какихъ бы тяжелыхъ условіяхъ мы ни находились, эти дѣти никогда отъ меня не отставали: во всѣхъ трудностяхъ пути они были со мной, оставаясь вѣрными своему долгу.

Вальде-Тадика.

Всѣхъ слугъ у меня набралось около 30 человѣкъ. Ружей, считая въ томъ числѣ и лично мое, было всего 19 *).

Старшимъ надъ ашкерами (солдатами) я назначилъ Вальде-Тадика, въ высшей степени преданнаго мнѣ человѣка. Будучи еще солдатомъ раса-Маконена, онъ сопровождалъ меня въ мою первую поѣздку изъ Харрара въ Адисъ-Абабу въ 1896 году. Тогда въ самой тяжелой обстановкѣ онъ проявилъ большую находчивость и энергію; съ того момента, какъ онъ перешелъ ко мнѣ на службу, мы съ нимъ уже не разставались, раздѣляя вмѣстѣ всѣ трудности и опасности похода. Сопровождалъ меня также состоявшій при мнѣ рядовой Л.-Гв. Гусарскаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка, Зелепукинъ.

Мой багажъ, состоявшій только изъ самыхъ необходимыхъ вещей, былъ невеликъ: при мнѣ было 2 вьюка патроновъ и два вьючныхъ чемодана, служившихъ мнѣ и постелью (въ нихъ находились моя одежда, бѣлье, подарки, деньги и книги); ящикъ съ аптекой, приспособленный, въ случаѣ надобности и къ перенесенію на рукахъ; такой же ящикъ со столовыми и кухонными принадлежностями и консервами

*) Немного лишнее число людей, сравнительно съ дѣйствительной въ нихъ надобностью, я взялъ въ виду возможной убыли, а также для того, чтобы люди, чувствуя, что ихъ—излишекъ, больше дорожили мѣстомъ. Это, наконецъ, до нѣкоторой степени обезпечивало меня отъ возможности стачекъ и бунтовъ среди слугъ, весьма частыхъ у абиссинцевъ.

(сухой бульонъ Magi), чаемъ и сахариномъ; ящикъ съ виномъ и ящикъ съ фотографическими принадлежностями и, кромѣ того, два вьюка съ разными предметами. Продовольствіемъ я запасся всего на пять дней, расчитывая пополнять его въ пути. Благодаря этому половина мулловъ шла безъ вьюковъ, что значительно облегчало переходъ до Каффы.

26-го Декабря я имѣлъ прощальную аудіенцію у Императора, а на 27-е — назначилъ свое выступленіе.

Совершенное мною путешествіе представляетъ интересъ не только по дѣйствіямъ отряда, которому я сопутствовалъ и конечнымъ результатамъ, имъ достигнутымъ, но и по оригинальнымъ этнографическимъ, бытовымъ и чисто географическимъ условіямъ, въ которыхъ оно протекало. Приступая къ его описанію, я считаю долгомъ замѣтить, что, не увлекаясь обобщеніями, я придерживаюсь документальной истины — моего дневника, который я велъ день за днемъ, занося въ него всѣ событія, факты, наблюденія, казавшіеся мнѣ почему либо характерными.

Подарокъ Дадіазмача Габро-Егзіабеѣръ.
Сабля съ золотымъ наконечникомъ.

I.

Отъ Адисъ-Абабы до Джиммы.

27 и 28 Декабря. Послѣ долгихъ, но неизбѣжныхъ сборовъ, мы, наконецъ, выступили. Мулы на видъ бодры, не даютъ себя сѣдлать; между прочимъ, одинъ изъ нихъ вырвался и умчался съ вьюкомъ на спинѣ; бѣглеца съ трудомъ поймали и водворили на мѣсто слѣдованія. Все уладилось. Караванъ готовъ. Съ громкими и веселыми пѣснями мы около 12-ти часовъ дня оставляемъ городъ. Еще немного, и городъ исчезаетъ гдѣ-то за нами. Впереди разстилаются необозримыя пространства. Тамъ, вдали неизслѣдованныя области, полныя нераскрытыхъ загадокъ. Цѣль похода я сохранялъ въ тайнѣ. Моимъ ашкерамъ я сказалъ, что намъ, вѣроятно, предстоитъ охота на слоновъ.

Мы идемъ очень быстро, люди поютъ, не смолкая, животныя горячатся. Отрядъ бодръ, веселъ и производитъ впечатлѣніе выведеннаго на первый снѣгъ молодого, кровнаго коня, съ радостнымъ ржаньемъ рвущагося на волю. Избытокъ силъ такъ и бьетъ наружу... Дай Богъ, чтобы такое настроеніе продолжалось дольше! Я знаю по опыту, какъ нельзя полагаться на эти первыя бодрящія впечатлѣнія, какъ скоро вся эта энергія, при неумѣломъ расходованіи ея, улегается, и какъ недалеко, можетъ быть, то время, когда и для людей, и для животныхъ каждый шагъ будетъ на счету. Въ описываемый день мы сдѣлали небольшой $5^1/_2$ часовой переходъ, стали бивакомъ у подножія горы Уочеча, вблизи усадебъ галласовъ, а 28-го Декабря спустились въ долину Хауаша и послѣ 11 часоваго перехода съ $1^1/_2$ часовымъ приваломъ на берегу рѣчки Берги стали на ночлегъ въ деревнѣ Гура.

Долина Хауаша очень красива и сравнительно густо населена; она—плодородна, обильна водой, но совершенно безлѣсна. Топливомъ здѣсь служитъ коровій кизякъ, который складывается возлѣ каждой усадьбы въ правильныя кучи. Населеніе—галласы, повидимому, оправившіеся послѣ недавняго ихъ покоренія. Они очень крѣпко стоятъ за свое добро. Одинъ галласъ, напр., поднялъ крикъ и пришелъ ко

Галласы земледѣльцы.

мнѣ жаловаться на моего повара Икасу за то, что тотъ взялъ 3 камня для очага изъ лежавшей близъ его дома кучи.

Деревня, гдѣ мы остановились, называется Гура. Въ ней около двадцати усадебъ. Дома—большіе, круглые, съ конической соломенной крышей. Около домовъ расположены низенькіе, плетеные изъ хвороста, амбарчики, немного приподнятые надъ землею, для защиты отъ термитовъ, страшныхъ враговъ всего здѣсь живущаго.

Въ быту и въ одеждѣ населенія замѣтно вліяніе абиссинской культуры. Мужчины носятъ штаны изъ „абуджеди" (англійскій шертингъ) и шаммы *), а женщины — длинныя абиссинскія рубашки. У всѣхъ на шеѣ красуется черный шелковый шнурочекъ „матабъ"—знакъ крещенія.

Лѣтъ двадцать тому назадъ широкая, красивая равнина Хауаша, на горизонтѣ которой виднѣются суровыя горныя громады, была мѣстомъ кровопролитнѣйшихъ кавалерійскихъ боевъ.

Населявшіе ее галласы славились своимъ наѣздничествомъ и храбростью, и покореніе ихъ стоило абиссинцамъ немало труда и жертвъ. Не такъ далеко время, когда напоить коня водою Хауаша считалось рѣдкимъ и выдающимся подвигомъ абиссинца. Но ударъ за ударомъ, нанесенные расомъ Габаной, знаменитымъ вождемъ Менелика, сломили сопротивленіе храбраго племени. Расъ Габана—родомъ шоанецъ: его отецъ былъ галласъ, а мать абиссинка. Подъ его знамена стекались всѣ лучшіе боевые элементы Шоа. Гдѣ былъ расъ Габана, тамъ были успѣхъ и добыча, и на кличъ Габаны собирались десятки тысячъ воиновъ. Въ походахъ знаменитый расъ былъ отваженъ и неутомимъ. Его время — эпоха процвѣтанія кавалерійскаго духа и коннаго боя въ Абиссиніи. Огнестрѣльнаго оружія въ то время почти не знали. Копье, ретивый конь, натискъ и быстрота набѣга, численное превосходство—вотъ чѣмъ побѣждалъ Габана.

Галласовъ онъ обыкновенно заранѣе приглашалъ покориться, угрожая, въ противномъ случаѣ, истребить ихъ. Такія увѣщанія Габана посылалъ ко всѣмъ окрестнымъ племенамъ, но мало кто изъ нихъ добровольно покорялся. Тогда Габана предпринималъ набѣги на непокорныхъ. Обо-

*) Большіе бѣлые плащи изъ бумажной матеріи, вродѣ римской тоги.

зовъ онъ съ собою не бралъ — это были рейды десятитысячныхъ отрядовъ. Никто не зналъ, когда расъ выступитъ, куда пойдетъ, когда вернется. Ночью давался приказъ выступать, а къ утру всякая связь отряда, двинутаго въ походъ, съ первоначальной базой прекращалась. Когда затѣмъ, послѣ долгаго ожиданія оставшихся дома, показывался на горизонтѣ столбъ пыли, то говорили, что это возвращается Габана...

Подойдя къ владѣніямъ непокорнаго племени, расъ ночью переходилъ границу, а съ разсвѣтомъ его громадная орда уже разлеталась вихремъ по всѣмъ направленіямъ, уничтожая все, что ей попадалось на пути. Это было время личнаго геройства былинныхъ боевъ, когда ружья и бездымный порохъ не обезличивали солдата, и враги сходились лицомъ къ лицу помѣряться силой. Здѣсь каждый боецъ искалъ себѣ славы и добычи. Самъ же расъ съ резервомъ располагался гдѣ нибудь на центральномъ возвышенномъ холмѣ, съ котораго открывался далекій кругозоръ, и въ рѣшительную минуту пускалъ въ ходъ свой резервъ. Тактика галласовъ была выжидательной. Они отступали и укрывались отъ натиска абиссинцевъ; только, когда отягченные добычей, утомленные, на усталыхъ лошадяхъ шоанцы возвращались на сборное мѣсто, цѣлые кавалерійскіе отряды галласовъ, скрывавшихся въ складкахъ мѣстности, или въ пустыхъ загонахъ для скота, неожиданно выскакивали изъ засады. Съ пѣсней—„Джоли аба Рэби“—„я сынъ аба Рэби“ (начальникъ племени)—атаковывали они абиссинцевъ, отбивая у нихъ добычу. Много лежитъ на этой долинѣ абиссинскихъ и галласкихъ костей....

Суть военнаго дѣла Габана выражалъ двумя своими любимыми словами: „хидъ“, „белау“—„пошелъ, валяй!...“

Умеръ этотъ замѣчательный воинъ-кавалеристъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, разбившись при паденіи съ лошади. Съ его смертію кавалерійское дѣло въ Абиссиніи стало, какъ бы, угасать. Были этому, впрочемъ, и другія причины. У всѣхъ завелись ружья, къ тому же вслѣдствіе падежей скота и постоянныхъ войнъ многіе обезлошадились. Да, и театръ военныхъ дѣйствій сталъ инымъ: скалы и узкіе, лѣсистые горные хребты смѣнили собой прежнія плато и равнины, бывшія раньше мѣстомъ конныхъ боевъ.

Мой провожатый, участникъ походовъ раса Габаны, показывалъ мнѣ мѣсто, откуда расъ выпустилъ, такъ сказать, свой отрядъ въ одинъ изъ многочисленныхъ своихъ набѣговъ. Это было у подножія горы Уочеча. Многіе изъ отряда раса достигли въ этотъ день противуположныхъ горъ Чобо и къ вечеру успѣли вернуться къ сборному мѣсту. Сражаясь и захватывая добычу, они сдѣлали 80—100 верстъ...

29 Декабря. Пройдя черезъ землю Барбари-Мэдыръ, густо населенную солдатами Менелика, мы поднялись на горы Дэнди. На вершинѣ одного изъ отроговъ ютится городокъ, или, вѣрнѣе, укрѣпленная резиденція генералъ-губернатора этой области дадіазмача Хайле-Маріама.

Крѣпостцы этого рода очень характерны. Строятся онѣ обыкновенно на какомъ-нибудь трудно доступномъ, командующемъ надъ окружающей мѣстностью холмѣ, и на немъ абиссинскій властелинъ свиваетъ свое орлиное гнѣздо. Крѣпостцы окружены высокимъ частоколомъ, впереди ихъ глубокая канава. Внутренность крѣпости раздѣляется на нѣсколько отдѣльныхъ дворовъ, застроенныхъ всякими хозяйственными сооруженіями, съ большой площадью, гдѣ производится судъ. Въ центрѣ расположенъ эльфинъ, или внутренніе покои начальника. На сосѣднемъ холмѣ въ тѣни громадныхъ смоковницъ скрывается церковь, круглая, съ конической крышей и со звѣздой изъ тростниковыхъ палокъ, на концы которыхъ насаживаются страусовыя яйца. Вокругъ церкви и городка ютятся низенькіе домики многочисленнаго духовенства и солдатъ.

Генералъ-губернаторъ Хайле-Маріамъ отсутствовалъ. Онъ выступилъ съ своими солдатами въ походъ съ отрядомъ раса Маконена. Съ нимъ вмѣстѣ ушла также и значительная часть мужскаго галасскаго населенія.

Къ 11 часамъ дня мы поднялись на гребень бывшаго кратера горы Дэнди (3000 метровъ надъ уровнемъ моря), внутри котораго находится озеро того же имени. Подножіе горы сплошь застроено галасскими усадьбами, утопающими въ зелени банановыхъ плантацій; скаты ея, очень крутые, поросли громадными хвойными деревьями „тэда"—родъ кипариса и лиственными деревьями „куссо". *) Съ гребня горы

*) Изъ плодовъ куссо приготовляется лекарство противъ солитера.

открывается рѣдкій по красотѣ и сочетанію красокъ видъ. Далеко внизу сверкаетъ голубая, какъ небо, блестящая поверхность озера, опоясаннаго густой зеленью громадныхъ деревьевъ; вокругъ тѣснятся дикія, лишенныя растительности, неприступныя сѣрыя скалы. Озеро кажется состоящимъ изъ двухъ озерковъ, касающихся другъ друга своими окружностями. Должно быть, раньше здѣсь было два кратера. Изъ южнаго озера вытекаетъ рѣка Улука, притокъ голубаго Нила. „Дэнди" по галласки значитъ „большая вода", а Улука— „проходящая насквозь". Невдалекѣ отъ Дэнди высится другая гора Чобо съ озеромъ на вершинѣ, называемымъ Уончъ, изъ котораго вытекаетъ Уалга, притокъ рѣки Омо. Уалга, по словамъ мѣстныхъ жителей, протекаетъ нѣкоторое пространство подъ землей и затѣмъ, пробивъ кратеръ, выступаетъ наружу.

На берегу Дэнди, прилѣпившись къ подножію отвѣсной скалы, стоитъ усадьба фитаурари Абто-Георгиса, командира всей гвардіи Менелика II.

Мой путь до Джиммы пролегалъ черезъ его владѣнія, и, по приказанію Императора, Абто-Георгисъ долженъ былъ дать мнѣ проводниковъ. Генералъ вышелъ ко мнѣ на встрѣчу и пригласилъ въ свой домъ, гдѣ уже былъ приготовленъ для насъ обѣдъ. Мы сѣли на разостланныхъ коврахъ, и передъ нами слуги растянули широкую, скрывавшую насъ отъ посторонняго глаза, занавѣску. Одинъ изъ ашкеровъ принесъ мѣдный рукомойникъ затѣйливой формы (съ клеймомъ московской фабрики), и мы, по абиссинскому обычаю, вымыли себѣ передъ ѣдой руки. Одна изъ кухарокъ, красивая молодая галласка, вымывъ руки и закатавъ до локтей рукава рубашки, стала на колѣни передъ нашей корзиной и изъ маленькихъ горшечковъ начала вынимать на ломтикахъ энджеры (родъ лепешки) всякія кушанья и класть ихъ на хлѣбъ, разложенный на корзинѣ. И чего только тутъ не было: и крутыя яйца, сваренныя въ какомъ-то необычайно остромъ соусѣ, и рагу изъ баранины съ краснымъ перцемъ, и соусъ изъ курицы съ имбиремъ, и языкъ, и тертое или скобленое мясо,—все обильно приправленное масломъ и пересыпанное перцемъ и пряностями,—и холодная простокваша и сметана... На угольяхъ костра передъ нами жарилось нарѣзанное маленькими ломтиками мясо „тэбсъ", а завѣдывающій ското-

бойней держалъ надъ нашей корзиной громадный кусокъ сырого бычачьяго мяса. Мы ѣли руками, отрывая маленькіе лепестки энджеры и забирая ими понемногу всякихъ кушаній. Ротъ горѣлъ отъ множества перца, слезы выступали изъ глазъ; чувство вкуса притуплялось, и мы глотали все безъ разбора, охлаждая по временамъ ротъ сметаной или запивая чуднымъ медомъ—„тэджъ" изъ маленькихъ графинчиковъ, обвернутыхъ въ шелковый платочекъ. Зелепукина тоже пригласили къ обѣду. Когда мы насытились, позвали офицеровъ фитаурари и моихъ ашкеровъ. Они сѣли тѣсными кружками вокругъ десяти корзинъ съ энджерой, надъ которыми слуги держали по большому куску сырого мяса. Виночерпіи обносили обѣдающихъ медомъ въ большихъ роговыхъ стаканахъ. Всѣ ѣли чинно, безмолвно и, по окончаніи обѣда, также чинно, одновременно встали и ушли, никому не поклонясь. Генералъ Абто-Георгисъ—одинъ изъ самыхъ выдающихся современныхъ сподвижниковъ Менелика. Онъ сынъ главы маленькаго галласскаго племени, при покореніи котораго абиссинцы, согласно обычаямъ, взяли на воспитаніе дѣтей лучшихъ родовъ побѣжденнаго племени. Въ числѣ питомцевъ оказался и Абто-Георгисъ, попавшій ко двору Менелика. Все свое дѣтство и юношество онъ провелъ въ свитѣ негуса. Тутъ онъ прошелъ весь курсъ абиссинскихъ наукъ, изучилъ св. Писаніе, законодательство и, благодаря своему уму, прямотѣ и знанію законовъ, сталъ однимъ изъ главныхъ докладчиковъ при разбирательствѣ Менеликомъ судебныхъ дѣлъ. Въ послѣднюю войну съ Италіей онъ отличился подъ Адуей, и Менеликъ назначилъ его на мѣсто убитаго въ этомъ бою Начальника Гвардіи фитаурари Гобаю, прославляемаго нынѣ пѣсно-пѣвцами, какъ абиссинскаго героя. Абто-Георгисъ занимаетъ въ настоящее время должность личнаго фитаурари при особѣ Менелика и командира всей его гвардіи. Подъ его начальствомъ состоятъ одиннадцать тысячныхъ полковъ снайдеръ-яжей, т. е. носителей „ре-

Рога буйвола.

мингтона", и нѣсколько тысячъ собственныхъ его солдатъ. Войска эти расположены (ради удобства ихъ продовольствія) длинной полосой, отъ Чабо по лѣвому берегу рѣки Гибье-Омо, затѣмъ по берегу озера Абаси, или Уаламо, на югъ до озера Стефаніи и земель Борана. Послѣднія завоеваны Абто-Георгисомъ въ 1897 году.

Интересно происхожденіе войскъ Менелика. У Императора, въ началѣ его царствованія, былъ большой недостатокъ и въ ружьяхъ, и въ солдатахъ. Ядро его военныхъ силъ составилось изъ перешедшихъ на его сторону войскъ Императора Ѳеодора, называемыхъ „гондари"—гондарцы. Они и теперь еще называются такъ и расположнеы по границамъ имперіи; численность ихъ—около 20.000 чел. Войско это раздѣлено на тысячные полки, распредѣленные между разными вождями. Позднѣе, въ разное время собиравшіеся подъ знамена Менелика солдаты, въ зависимости отъ вооруженія, носили разное наименованіе: вооруженные ружьями, заряжавшимися съ дула, назывались „нефтанья", имѣвшіе кремневыя ружья—„табанджа-яжи", ружья, заряжающіяся съ казны—„снайдеръ-яжи".

Ружьями послѣдней, только что упомянутой системы Меникъ снабдилъ, прежде всего, свою личную охрану, выдѣлившуюся впослѣдствіи въ отдѣльный корпусъ, „снайдеръ-яжей", и преобразованную въ гвардію Менелика. Снайдеръ-яжи, какъ отборное войско, въ походахъ и бояхъ должны быть впереди всѣхъ войскъ Императора. „Табанджа-яжей" насчитывается около пяти тысячъ, состоятъ они подъ начальствомъ ликомакуаса (генералъ-адъютанта) Аденоу. „Нефтанья"—десятокъ полковъ, распредѣленныхъ между разными вождями. Всѣ они уже вооружены заряжающимися съ казны ружьями, хотя названіе сохраняютъ старое. Должность „личнаго фитаурари", которую занимаетъ Абта-Георгисъ, весьма отвѣтственна: въ походѣ онъ всегда впереди, въ бою обязанъ атаковать непріятеля первымъ и всегда съ фронта. На этотъ высокій постъ обыкновенно назначаются люди, выдающіеся своею храбростью.

30 Декабря. Въ 8 часовъ утра мы выступили въ дальнѣйшій путь. На прощаніе я подарилъ фитаурари хорошій златоустовскій клинокъ, который ему очень понравился. Утро было, не въ примѣръ прочимъ, холодное. Дулъ сильный западный

вѣтеръ, и реомюръ показывалъ только 5°, а тучи быстро проносились надъ вершинами Дэнди. Съ непривычки коченѣли руки, а мои босоногіе и полуголые ашкеры, чтобы согрѣться, дрожа, бѣжали рядомъ съ моимъ муломъ.

Генералъ далъ мнѣ проводниковъ до Джиммы: нѣсколько солдатъ и сына бывшаго галласскаго царька Чоле-Быру, что значитъ въ дословномъ переводѣ „ретивый—серебряный“. Это—уже старый, сѣдой громаднаго роста галласъ, съ мужественнымъ, но въ то же время дѣтски-наивнымъ лицомъ. Въ бѣломъ живописномъ плащѣ, съ соломенной шляпой на головѣ, небольшимъ соломеннымъ зонтикомъ въ рукахъ и длиннымъ копьемъ на плечѣ, онъ сопровождалъ меня верхомъ на маленькомъ мулѣ. Мальчикъ-слуга несъ за нимъ на головѣ кулечекъ съ продовольствіемъ и вещами.

Дорога шла долиной рѣки Уалга—по очень богатой и густо населенной галласами области Амая, недавно покоренной абиссинцами. Масса ручьевъ, стекающихъ съ горъ Роге и Тобо, дѣлаютъ эту мѣстность на рѣдкость плодородной. Поля сплошь обработаны, и усадьбы тянутся непрерывной улицей вдоль всей дороги.

Галласы Амая очень красивы, большого роста, хорошо сложены. Въ особенности красивы ихъ женщины; у нѣкоторыхъ совершенно цыганскій типъ. Одѣваются онѣ въ воловью кожу, которую опоясываютъ вокругъ бедеръ такъ, что она образуетъ какъ бы юбочку, отороченную сверху оборочкой. На рукахъ и ногахъ красуются громадные браслеты, изъ мѣди и слоновой кости, въ уши продѣты серьги, на шеѣ—бусы. Мужчины носятъ штаны и шаммы. Это племя въ своемъ бытовомъ укладѣ почти ничѣмъ не отличается отъ прочихъ галласовъ, превосходя послѣднихъ только своимъ торговымъ и промышленнымъ развитіемъ. Амая изобилуетъ базарами, на которыхъ можно достать отличныя бумажныя ткани.

Галласскій браслетъ изъ слоновой кости.

По дорогѣ я убилъ шакала, пуля пробила ему обѣ переднія ноги выше колѣна, совершенно раздробивъ кости. Въ это время ко мнѣ подъѣхалъ какой-то галласъ, оказавшійся сыномъ бывшаго царька Амая-Моти Бонти-Мая. Такое силь-

ное дѣйствіе маленькой на видъ пули 3-хъ линейной винтовки поразило моего новаго знакомаго и казалось ему сверхъестественнымъ. Онъ долго и съ удивленіемъ разсматривалъ ружье, восхищаясь имъ.

Перейдя рѣку Уалгу, текущую въ скалистыхъ отвѣсныхъ берегахъ, мы, послѣ $9^1/_2$ часоваго перехода, стали бивакомъ. Ночью была сильная буря. Два мула и лошадь сорвались съ коновязи, и ихъ утромъ уже собирались угнать галласы сосѣдней деревни. Мои ашкеры, однако, настигли злоумышленниковъ и передали мѣстному судьѣ. Къ моему большому неудовольствію, онъ счелъ нужнымъ арестовать не только виновныхъ, но и животныхъ, уменьшивъ этимъ мой и безъ того незначительный караванъ.

31 Декабря. Мы вступили въ почти пустынную равнину, раскинувшуюся широкой полосой вдоль рѣки Гибье и поросшую акаціями рѣдко встрѣчающагося въ Абиссиніи вида. Это—невысокія деревца, съ свѣтлой корой, почти безъ листьевъ. Стволъ ихъ въ верхней части сильно развѣтвляется, а вѣтки унизаны шипами, которые въ основаніи своемъ раздуты въ полый шарикъ. Почти каждый изъ нихъ съ дырочками-червоточинами, вслѣдствіе чего во время вѣтра шарики издаютъ какой то странный звукъ, вродѣ свиста. Равнина эта, богатая дичью, носитъ названіе „Моча", что значитъ чаща.

Въ полдень мы остановились на отдыхъ около маленькаго галласскаго хуторка. На встрѣчу намъ вышла молодая, хорошенькая галласка. Она жила въ домѣ своихъ родителей, убѣжавъ недавно отъ своего мужа.

— „Но твой мужъ можетъ тебя увести обратно: онъ вѣдь заплатилъ за тебя родителямъ выкупъ? Что ты тогда будешь дѣлать?"—спросилъ я ее.

— Что же дѣлать, я раба его... Поневолѣ покорюсь—отвѣтила она,—а потомъ опять убѣгу".

Абиссинское копье, 7 ф. 5 д.

Привожу этотъ разговоръ, въ виду его характерности, какъ мнѣ кажется, для положенія женщинъ у галласовъ.

Совершивъ въ этотъ день двѣнадцати-часовой переходъ, мы остановились бивакомъ у галласкаго хуторка. Зелепу-

кинъ на самомъ бивакѣ убилъ изъ винчестера дикую козу, благодаря чему мы встрѣтили новый годъ за отличнымъ ужиномъ, состоявшимъ изъ супа, свареннаго изъ убитой козы, козьяго жиго и хорошаго кофе съ рюмкою ликера. Обратившись, однако, къ нашимъ будничнымъ дѣламъ, мы, между прочимъ, замѣтили у одного изъ вьючныхъ муловъ набивку, которую мои ашкеры въ тотъ-же вечеръ прижгли *).

1898 годъ, 1 Января. Мы вторично перешли рѣку Уалгу, протекающую въ этомъ мѣстѣ по очень глубокому узкому ущелью. Въ степи, прилегающей къ рѣкѣ, много дичи. Не сходя съ тропинки я убилъ четырехъ дикихъ козъ **).

По рѣкѣ Уалгѣ тянется поселеніе Адале, огражденное со стороны „Мочи" широкой частой засѣкой, сдѣланной галласами для защиты отъ набѣговъ кавалеристовъ „Гурагье".

Воинственное племя это обитало на плато, находящемся между рѣками Гибье и Хауашемъ, на берегахъ нѣсколькихъ озеръ. Гурагье—семитическаго происхожденія и считаютъ себя выходцами изъ Гуры въ Тигрэ. Нашествіе галласовъ въ XVI столѣтіи, завоевавшихъ весь басейнъ Гибье и Хауаша, изолировало Гурагье отъ прочихъ родственныхъ имъ племенъ и заставило вести въ продолженіе 3-хъ вѣковъ неровную, но отча́янную борьбу съ галласами за независимость.

*) Прижиганіе въ такихъ случаяхъ обычное въ Абиссиніи средство и производится слѣдующимъ образомъ. На первомъ же привалѣ животное валятъ на землю и раскаленными на кизякѣ серпами прижигаютъ спину, проводя по ней рядъ поперечныхъ чертъ отъ позвоночнаго столба внизъ по ребрамъ. На слѣдующій день послѣ прижиганія мула сѣдлаютъ легкимъ сѣдломъ, послѣ чего опухоль довольно быстро расходится, набивка же не подвергается гніенію.

**) Кстати считаю умѣстнымъ упомянуть о различномъ дѣйствіи трехлинейной винтовки при стрѣльбѣ пулею съ подпиленнымъ концемъ и пулею цѣльною, обыкновенною. Первую козу я положилъ на разстояніи 150 шаговъ обыкновенною цѣльною пулею, которая пробила животному оба легкія и на вылетъ ребро, вынесенное на квадратный сантиметръ, причемъ въ ранѣ ощупывались его осколки. Несмотря на такую сильную рану, коза проскакала еще шаговъ двѣсти и только тогда пала замертво. Другую козу я застрѣлилъ подпиленной пулей, на нѣсколько большей дистанціи. У нея также оказались пробитыми оба легкія въ верхней части, а кости и сердце остались незадѣтыми. Между тѣмъ коза не сдѣлала ни шага дальше и упала на мѣстѣ.

Они сохранили свою сомобытность, языкъ и христіанскую вѣру. Покоренные Менеликомъ, они и по настоящее время не утратили своего боеваго духа. Во время войны съ Италіей, когда Менеликъ съ войсками былъ въ Тигрэ, Гурагье совершили рядъ набѣговъ на сосѣднихъ галласовъ и, между прочимъ, на жителей Адале. Послѣдніе встрѣтили ихъ въ только что описанной засѣкѣ, весьма неудобной дла коннаго боя. Тутъ произошла схватка, окончившаяся отступленіемъ Гурагье.

Начальникъ области Баша-Метаферья, онъ же командиръ расположеннаго здѣсь полка „снайдеръ-яжей", отсутствовалъ. На встрѣчу намъ вышелъ, въ сопровожденіи толпы абиссинцевъ и галласовъ, временно-начальствующій офицеръ, съ низкими поклонами просившій насъ принять почетные дары („дурго")— хлѣбъ, медъ, масло, барановъ, куръ, яйца, молоко и соль (обычно собираемые, по приказанію Императора, для подношенія почетнымъ проѣзжающимъ), и остановиться въ домѣ Баши. Для ночлега часъ казался еще черезъ-чуръ раннимъ (было всего 3 часа дня), и потому я пока отклонилъ это любезное приглашеніе.

Миновавъ селеніе, мы спустились по очень трудной тропинкѣ съ высокаго крутаго плато, на 800 метровъ возвышающагося надъ рѣкою Гибье. У непривычнаго человѣка могла бы закружиться голова отъ такой крутизны, которая, тѣмъ болѣе, казалась непреодолимой для нагруженнаго мула. Но мулы поражаютъ своей ловкостью и выносливостью: для нихъ такіе спуски самое обыкновенное дѣло. Спокойно, осторожно ступая, только изрѣдка косясь на раскинувшуюся почти подъ ногами пропасть, мулъ увѣренно шагаетъ съ камня на камень. Но вотъ онъ остановился... На дорогѣ оказалась преграда. Моментъ..... мулъ дѣлаетъ смѣлый, сильный прыжокъ и благополучно пробирается по самымъ непроходимымъ на видъ мѣстамъ. Съ края плато открывается замѣчательно красивый видъ на рѣку. Гдѣ-то глубоко внизу вьется она среди тѣснящихъ ее каменныхъ громадъ, обрамленная густой зеленью лиственнаго лѣса, узкой лентой убѣгающаго вдоль ея береговъ далеко, далеко... Долина рѣки безлюдна. Вокругъ царитъ нѣмая тишина, лишь изрѣдка нарушаемая громкимъ фырканьемъ, почти ревомъ рѣзвящихся въ водѣ гиппопотамовъ.

Гибье беретъ начало въ горахъ Гудеру, которыя тянутся вдоль лѣваго берега Синяго Нила. По близости отъ мѣста, гдѣ мы проходили, Гибье принимаетъ справа два своихъ главныхъ притока—Гибье-Энереа и Гибье-Каке, а слѣва—р. Уалгу. Здѣсь она, сжатая съ обѣихъ сторонъ горами, течетъ въ узкомъ ущельѣ, а далѣе, какъ бы прорвавъ горный хребетъ, бѣжитъ на югъ по широкой, низменной долинѣ. Здѣсь она уже носитъ названіе не Гибье, а Омо.

Намъ пришлось пройти черезъ рѣку. Проводники указали мѣсто, и мы пустились въ бродъ. Тутъ Гибье имѣетъ ширину 180 шаговъ, а глубину 1 аршинъ. Быстрота ея теченія больше 8 верстъ въ часъ. На противоположномъ берегу рѣки мы охотились на большихъ серно-быковъ „Оробо", которыхъ съ горы приняли за буйволовъ. Впервые послѣ болѣзни во время этой охоты я попробовалъ ходить и бѣгать. Мои ашкеры черезъчуръ горячились, стрѣляли торопливо и давали поэтому промахи. Въ концѣ концовъ былъ убитъ только одинъ оробо, положенный мною двумя выстрѣлами изъ экспресса на разстояніи пятидесяти шаговъ. Первая пуля попала ему въ ляшку, и раненый звѣрь, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, остановился, повернувшись ко мнѣ въ полуоборотъ. Я послалъ ему вторую пулю, пробившую ему шею, и оробо свалился.

Рога серна-быка, 5 ф. 4 дюйм.

Въ рѣкѣ было много гиппопотамовъ. Стрѣльба въ нихъ оказалась прекрасной школой обученія людей. Дѣло въ томъ, что гиппопотамъ обыкновенно нѣжится въ водѣ, высунувъ на ея поверхность голову. Пуля, не долетая до гиппопотама, или перелетая за него, попадаетъ въ воду и подымаетъ брызги, и только попавъ въ цѣль, не оставляетъ слѣда на поверхности. Такимъ образомъ, получается точное указаніе, взятъ ли вѣрно прицѣлъ.

Къ вечеру прибылъ на бивакъ начальникъ Адале, во главѣ длинной вереницы галласовъ, несшихъ „дурго", и мои люди, предвкушая обильный ужинъ, ликовали.

Мѣстность, гдѣ мы остановились на ночлегъ, изобилуетъ хищными животными. Изъ предосторожности мы разложили на ночь большіе костры, и поставили на концахъ коновязи караулы.

II.

Джимма.

Джимма расположена на длинной узкой полосѣ земли, протянувшейся съ юго-запада на сѣверо-востокъ, по теченію рѣки Гибье-Каке. Ее окружаютъ горы, съ которыхъ сбѣгаетъ въ Гибье масса ручьевъ и рѣчекъ, орошающихъ Джимму и дѣлающихъ ее одной изъ самыхъ плодородныхъ мѣстностей. Вершины хребтовъ покрыты густымъ вѣковымъ лѣсомъ. Климатъ долинъ достаточно влажный (здѣсь бываетъ 2 дождевыхъ періода: одинъ въ мартѣ и апрѣлѣ, другой въ іюлѣ и августѣ), очень ровный и благопріятствующій произростанію даже кофейнаго дерева, которое на эфіопской возвышенности встрѣчается только въ юго-западной части, въ мѣстахъ, сопредѣльныхъ съ Каффой. Прекрасныя природныя условія сдѣлали Джимму одной изъ самыхъ населенныхъ и производительныхъ частей Эфіопіи, а ея центральное положеніе среди другихъ богатыхъ областей—крупнымъ торговымъ центромъ. Сюда стекаются арабы, абиссинцы и галласы, чтобы обмѣнивать свои заморскіе товары-матеріи, оружіе и бусы—на кофе, мускусъ, слоновую кость, медъ, воскъ, хлѣбъ и лошадей изъ Джиммы и сосѣднихъ съ ней: Каффы, Куло, Конты и Лиму. Отсюда цѣнные товары отправляются, черезъ Годжамъ и Тигрэ, въ Массову, или, черезъ Харраръ, въ одинъ изъ портовъ Таджурахскаго залива, на берегу Индійскаго океана.

Джимма славится своими бумажными и желѣзными издѣліями. Хозяйство ея весьма интенсивно, площадь посѣвовъ значительно расширена, такъ какъ разсчитана не только на удовлетвореніе домашнихъ потребностей и уплату налоговъ, но и на вывозъ хлѣбовъ. Пустующихъ земель почти нѣтъ. Общеніе съ иностранцами повліяло какъ на развитіе промышленности и благосостоянія области, такъ и на ея бытъ и религію.

Къ сожалѣнію, параллельно съ торгово-промышленнымъ ростомъ Джиммы, шло процвѣтаніе работорговли и торжество магометанства. Уже 3-е столѣтіе, какъ царствующая династія и весь народъ ревностно исповѣдуютъ исламъ.

Населеніе Джиммы принадлежитъ къ племени галласовъ-Оромо. Народъ считаетъ своимъ родоначальникомъ Каке—вѣроятно, выходца изъ Боранье, колыбели всѣхъ галласовъ. Въ общемъ, ни по типу, ни по нравамъ и обычаямъ, обитатели Джиммы почти не отличаются отъ прочихъ своихъ соплеменниковъ. Галласы Джиммы—большаго роста, отлично сложены, съ правильными чертами лица. Женщины славятся своей красотой. Цвѣтъ кожи каштановый. Одеждою мужчинъ служатъ шаммы *), а женщинъ: знатныхъ—кожаная юбка и коричневаго цвѣта кофта, рабынь-же только кожаная юбочка. Женскія прически очень оригинальны. Богатыя женщины носятъ парики изъ человѣческаго волоса, напоминающіе своимъ видомъ громадную шапку, оплетенную параллельными рядами горизонтальныхъ тоненькихъ косичекъ.

Серьга галласки Джиммы.

Благодаря богатству и торговому духу, народъ Джиммы никогда не отличался боевыми качествами и, дорожа своимъ благосостояніемъ, всегда былъ данникомъ сильнѣйшаго сосѣда, сначала короля Каффы, затѣмъ негуса Годжамскаго и, наконецъ, съ 1886 г., негуса Менелика. Въ настоящее время Джимма независима во внутреннемъ управленіи, платитъ дань имперіи и соблюдаетъ лишь обязательные для всей имперіи законы и указы. Верховный судъ и право смертной казни принадлежатъ Императору Абиссиніи.

Когда работорговля была воспрещена Менеликомъ подъ страхомъ смертной казни, благосостоянію Джиммы, какъ одному изъ главныхъ центровъ этого промысла, былъ нанесенъ чувствительный ударъ. Императоръ отмѣнилъ также обращеніе въ рабство виновныхъ въ уголовныхъ преступленіяхъ,—раньше очень распространенный въ Джиммѣ родъ наказаній. Разъ подвергнувшіеся ему становились собственностью короля и доставляли ему источникъ немалыхъ дохо-

*) Шаммы—бѣлыя съ красной полосой мантіи, похожія на римскія тоги. По обычаю, ихъ носятъ только свободные галласы.

довъ. Теперь же продолжительность военно-плѣннаго состоянія ограничена 7 годами, по истеченіи которыхъ, рабъ-военно-плѣнный становится свободнымъ. Этими благодѣтельными законами рабство окончательно должно было бы считаться уничтоженнымъ. Но, въ дѣйствительности, потомки прежнихъ рабовъ находятся и по настоящее время въ зависимомъ состояніи, аналогичномъ съ положеніемъ нашихъ крестьянъ во времена крѣпостнаго права. Разселенные на земляхъ королей и обязанные 8-ми-дневной работой въ мѣсяцъ въ ихъ пользу, они остальное время работаютъ лишь частью на себя, а затѣмъ трудъ ихъ принадлежитъ мѣстному начальнику. Нѣкоторые изъ бывшихъ рабовъ для хозяйственныхъ надобностей находятся при дворѣ короля, представляя изъ себя своего рода „дворовыхъ".

Во главѣ государственнаго управленія Джиммы стоитъ наслѣдственный король изъ династіи Каке-Аба-Джефаръ, унаслѣдовавшій отъ своего отца Аба-Дула *) престолъ. Джимма была въ тѣ времена королевствомъ и находилась въ ленной зависимости отъ Каффы. По воцареніи своемъ, Аба-Джефаръ призналъ себя сперва данникомъ Годжамскаго негуса (короля) и затѣмъ, восемь лѣтъ тому назадъ, Шоанскаго-Менелика. Послѣдній, черезъ два года по присоединеніи Джиммы къ Абиссиніи, наказавъ его за стремленіе къ чрезмѣрному увеличенію своего постояннаго войска и переманиваніе абиссинскихъ солдатъ къ себѣ на службу, заточилъ Джефара на годъ въ Анкоберѣ. По отбытіи наказанія, Аба-Джефаръ вновь получилъ отъ Менелика престолъ Джиммы, ставъ, послѣ такого урока, однимъ изъ послушнѣйшихъ вассаловъ и аккуратнѣйшимъ данникомъ Императора **).

При королѣ—верховный совѣтъ изъ его родственниковъ и вообще представителей выдающихся родовъ. Судъ во всѣхъ важныхъ дѣлахъ—кромѣ тяжкихъ уголовныхъ, раз-

*) Аба-Дула и Аба-Джефаръ—не собственныя имена этихъ лицъ, а названіе ихъ боевыхъ коней—Дула, Джефаръ; слово Аба значитъ владѣлецъ, или ѣздокъ.

**) Дань, платимая королемъ, состоитъ изъ ежегоднаго взноса деньгами—7 тыс. талеровъ и натурою: 5—7 тыс. мѣховъ меда, 300—400 укетовъ (укетъ—1 пуд. 28 ф.) слоновой кости и, по мѣрѣ требованій Менелика, сивета (мускусъ), желѣзныхъ издѣлій, матерій, муки и т. п. Самъ же Аба-Джефаръ, помимо доходовъ отъ собственныхъ земель, расхо-

сматриваемыхъ самимъ Императоромъ, чинитъ король со старѣйшинами, а болѣе или менѣе мелкіе проступки разбираются особо назначенными судьями, или же мѣстными начальниками. Въ административномъ отношеніи Джимма раздѣлена на 60 малыхъ областей, управляемыхъ аба-коро—должность, поручаемая старшей линіи наиболѣе древняго въ данной мѣстности рода. Аба-Коро назначаетъ себѣ помощника, аба-генда, при которомъ состоитъ небольшой штатъ низшихъ исполнителей, такъ называемыхъ „абаланга". Интересно отмѣтить особое покровительство законовъ купцамъ, которыми, между прочимъ, вѣдаетъ самъ король. Торговцамъ отводятся земли, различныя хозяйственныя угодья, на которыхъ они возводятъ свои усадьбы, словомъ, для развитія и поддержанія въ странѣ коммерческаго духа, купцамъ оказываются всевозможныя льготы.

Очень строго соблюдается дорожная повинность, возлагающая на каждаго владѣльца, подъ страхомъ тяжелаго наказанія (въ былое время даже продажи въ рабство), обязанность содержать дорогу въ порядкѣ. Благодаря этому, я нигдѣ не встрѣчалъ такихъ дорогъ, какъ здѣсь: широкія, ровныя, обсаженныя деревьями, съ мостами черезъ канавы и топкія рѣчки. На всѣхъ дорогахъ, ведущихъ къ Джиммѣ, устроены заставы, для надзора за движеніемъ каравановъ, которымъ предоставляется свободный въѣздъ, обратно же выйти ни одинъ изъ нихъ не можетъ безъ разрѣшенія короля. Прибывшій съ товарами купецъ извѣщаетъ короля о томъ, что онъ съ собою привезъ, поднося приэтомъ посильные дары.

Желая выѣхать, торговецъ испрашиваетъ королевское разрѣшеніе на пропускъ своего каравана, сопровождаемаго, въ такихъ случаяхъ, до заставы однимъ изъ особо назначенныхъ людей, вооруженныхъ оригинальнымъ копьемъ о двухъ лезвіяхъ. Взимаемая съ купцовъ дань не превышаетъ въ общемъ 10% стоимости товара. На придорожныхъ базарахъ принято

дуемыхъ на содержаніе двора и войска, имѣетъ однихъ таможенныхъ пошлинъ и доходовъ съ базаровъ около 100 тыс. руб. въ годъ, да, кромѣ того, собираетъ значительную сумму съ подданныхъ въ видѣ налога—по 1 соли (20 к.) въ годъ съ каждаго двора и по 4 куны (корзинка, размѣромъ около 4-хъ нашихъ гарнцевъ) съ участка всякаго рода посѣвовъ.

проходящему каравану подносить въ даръ нѣсколько лепешекъ изъ хлѣба и вареныхъ корней „гудера“ (родъ нашего картофеля).

Къ юго-востоку отъ Джиммы, по хребту, отдѣляющему ее отъ р. Омо, обитаетъ племя Джанжеро, жившее когда-то самостоятельнымъ королевствомъ. По присоединеніи къ Джиммѣ, послѣдній изъ королей этого племени призналъ сюзеренитетъ Менелика, но его преемникъ въ 1890 г. отложился отъ негуса, послѣдствіемъ чего были—походъ на Джанжеро раса Вальде-Георгиса, совмѣстно съ королемъ Джиммы, и окончательное прикрѣпленіе этой области къ Джиммѣ.

Джанжеро какъ по нравамъ, такъ и по своему языку, рѣзко отличаются отъ сосѣднихъ племенъ. Замѣчательные охотники и звѣроловы, Джанжеро очень храбры, выносливы, и крайне свирѣпы. Говорятъ, что у нихъ существовали даже человѣческія жертвоприношенія.

2 Января. Мы вступили въ Джимму. Пройдя пограничный, тянущійся вдоль рѣки Гибье лѣсъ, мы поднялись на высокій берегъ, на крутомъ подъемѣ котораго, въ ущельѣ, устроена застава, охраняемая нѣсколькими галласами. Вблизи высится скала Али-Кѣла, огромный каменный монолитъ, какъ бы оторванный отъ возвышеннаго берега рѣки Омо. Бока его совершенно отвѣсны, на вершинѣ виднѣется небольшая рощица, въ которой есть, по словамъ туземцевъ, озеро. Тутъ же, почти рядомъ, выдвигается и другая скала, напоминающая своимъ видомъ обелискъ и называемая „Тулу-сайтана“, т. е. гора дьявола.

Сдѣлавъ въ этотъ день 12-ти часовой переходъ съ небольшимъ приваломъ въ полдень, мы расположились на бивакъ. Уже совсѣмъ стемнѣло. Остановившись около усадьбы богатаго галласа, мы надѣялись добыть у него зерна, сѣна или соломы для муловъ, но хозяинъ, магометанинъ, отнесся къ намъ не особенно дружелюбно: отказалъ въ зернѣ и сѣнѣ и вообще увѣрялъ, что у него нѣтъ ничего. Трава по близости была выжжена и сохранилась только на берегу ручья. Было черезчуръ темно, чтобы рвать траву среди колючихъ кустовъ. Я не рѣшился послать на работу моихъ людей, и безъ того уставшихъ отъ утомительнаго перехода. Мулы, слѣдовательно, должны были голодать до утра. Но мои аш-

керы показали себя молодцами. Во главѣ со старшимъ команды, они по собственной инициативѣ отправились вдоль ручья и нарвали достаточное количество травы на ночь. Экскурсія эта, какъ и надо было ожидать, обошлась несовсѣмъ благополучно: вернулись они исколотые и исцарапанные. Поступокъ моихъ ашкеровъ лучше всего свидѣтельствовалъ о бодромъ настроеніи духа, господствовавшемъ въ моемъ отрядикѣ.

3 Января. Мы двигались по очень красивой, густо населенной и хорошо обработанной мѣстности. Дорога шла по возвышенному правому берегу р. Гибье-Каке, пересѣкаясь многочисленными ея притоками. Окрестности, рѣзко отличаясь отъ пройденныхъ нами раньше земель лѣваго берега р. Гибье, своей растительностью, почвой и богатствомъ природы живо напомнили мнѣ Леку, съ которой я ознакомился въ прошлое свое путешествіе (1896-7 гг.). Ни мимозъ, ни акацій, такъ часто встрѣчающихся въ Шоа и между Адисъ-Абабой и Гибье, я здѣсь почти не замѣтилъ. Преобладала порода небольшихъ деревьевъ, похожихъ на персиковыя съ ярко зеленой листвой. Почва красная, глинистая, но въ долинахъ попадается и сочный черноземъ. Изъ горныхъ породъ я больше всего наблюдалъ красноватый песчаникъ, мѣстами граниты; базальта, такъ часто встрѣчающаго въ Абиссиніи, я не встрѣчалъ.

На пути мы перегоняли и встрѣчали торговые караваны, везшіе въ Джимму по большей части бумажныя матеріи, „абуджеди", а обратные—преимущественно кофе. Тяжело нагруженные мулы *) и лошади идутъ табуномъ, окруженные погонщиками; сзади ихъ хозяинъ важно возсѣдаетъ на своемъ мулѣ, въ фетровой шляпѣ, которую онъ при случаѣ охотно продаетъ абиссинцу, и съ соломеннымъ зонтикомъ въ рукахъ. За караваномъ плетутся женщины-служанки или жены погонщиковъ, нагруженныя всякими хозяйственными принадлежностями. Двигаются караваны очень медленно, дѣлая въ день не болѣе 12—15 верстъ. Съ мѣста выступаютъ они раннимъ утромъ, а къ полдню становятся на бивакъ, образуя живописную картину. Гдѣ-нибудь въ долинѣ, на берегахъ ручьевъ, подъ сѣнью излюбленныхъ громадныхъ

*) На мула грузятъ обыкновенно 6—8 пудовъ.

смоковницъ разбиваются купеческія палатки. Грузъ разложенъ правильными кучами, разсѣдланные и сверкающіе ярко красными набивками на спинахъ мулы пасутся на сочномъ лугу; тутъ же погонщики, полуголые, блистающіе черной кожей съ сильной мускулатурой, срѣзываютъ серпами траву на ночь. У костровъ копошатся женщины, приготовляя пищу. На ночь животныхъ берутъ на коновязь. Путники, поужинавъ прѣсными лепешками, усаживаются тѣснымъ кружкомъ у костра и за безконечными разговорами проводятъ вечеръ. Вотъ у кого-то отыскался музыкальный инструментъ, напоминающій трехструнную арфу, и подъ однообразный ритмическій аккордъ его затягивается грустная, тихая пѣснь. Костеръ гаснетъ, съ нимъ замираетъ меланхоличная мелодія. Караванъ располагается на ночлегъ. Всюду воцаряется тишина; слышно только мѣрное пожевываніе животныхъ, да крикъ ночной птицы.

Вдоль дороги часто встрѣчаются маленькіе базары. Десятокъ женщинъ сидитъ гдѣ-нибудь подъ тѣнью большого дерева, въ ожиданіи покупателей. Торгуютъ хлѣбомъ (небольшія круглыя лепешки) и густымъ кислымъ пивомъ.

Среди продавщицъ попадаются очень хорошенькія, молоденькія женщины, но всѣ онѣ имѣютъ забитый, угрюмый видъ, какого я не наблюдалъ у галласокъ другихъ племенъ. Не явилась ли эта сумрачность послѣдствіемъ магометанства?

4 Января. Мы переправились въ бродъ черезъ р. Гибье и къ вечеру, сдѣлавъ одиннадцати-часовой переходъ, вступили въ столицу Джиммы г. Джеренъ *).

По мѣрѣ приближенія къ Джерену, мѣстность становилась все красивѣе и оживленнѣе. Густо насаженныя по обѣимъ сторонамъ дороги деревья были въ цвѣту и наполняли воздухъ благоуханіемъ. Зелепукинъ, къ превеликой своей радости, нашелъ въ кустахъ свою старую знакомую ежевику, съ созрѣвающими уже ягодами.

Городъ „Джеренъ“ расположенъ у подножья хребта, служащаго водораздѣломъ рѣкъ Гибье-Каке и Гибье-Энареа.

---

*) На берегу р. Гибье я убилъ птицу, какой мнѣ еще не приходилось встрѣчать въ Абиссиніи. Она довольно большихъ размѣровъ, съ перьями чернаго цвѣта, въ общемъ имѣетъ сходство съ аистомъ. У самцевъ на головѣ оригинальный перистый хохолъ.

На одномъ изъ высокихъ холмовъ красуется дворецъ ленаго владѣтеля, Аба-Джефара. Къ главнымъ воротамъ дворца ведетъ широкая улица, по обѣимъ сторонамъ которой тянутся усадьбы родственниковъ и приближенныхъ короля, въ перемѣжку съ густыми плантаціями „кого". Въ долинѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда, виднѣются густыя поселенія мѣстныхъ купцовъ и большая площадь, гдѣ два раза въ недѣлю бываетъ знаменитый базаръ Джиммы.

Солнце уже заходило, когда я приблизился къ воротамъ дворца. Перейдя р. Гибье, я послалъ верхового извѣстить Аба-Джефара о моемъ прибытіи, но посланный почему-то задержался въ дорогѣ и пріѣхалъ почти одновременно съ нами. Нашъ неожиданный пріѣздъ произвелъ нѣкоторый переполохъ. На встрѣчу намъ выбѣжалъ главный азаджъ (гофмаршалъ) и, извиняясь, что вслѣдствіе поздняго извѣщенія, не успѣлъ приготовить мнѣ помѣщенія, просилъ отъ имени Аба-Джефара навѣстить его.

Оставивъ вьючныхъ муловъ и часть слугъ на площадкѣ, я съ остальными ашкерами направился во дворецъ, окруженный высокимъ красивымъ заборомъ, прихотливо сплетеннымъ изъ расщепленныхъ стволовъ бамбука, и раздѣленный на массу отдѣльныхъ двориковъ. Каждое изъ такихъ помѣщеній имѣетъ свое спеціальное назначеніе: или для какихъ-нибудь отдѣловъ дворцоваго хозяйства, или пріемныхъ комнатъ короля, или же его внутреннихъ покоевъ.

Пройдя рядъ первыхъ дворовъ, мы вступили во внутренніе покои. Здѣсь пришлось слѣзть съ мула и направиться дальше пѣшкомъ. Наконецъ, насъ ввели во дворъ, гдѣ находилась опочивальня Аба-Джефара и его гаремъ—мѣсто заточенія его двухъ женъ и двухъ любимыхъ наложницъ. Гаремъ — двухъ-этажное зданіе, затѣйливой архитектуры, съ узкими рѣшетчатыми окнами и рѣзной пестро-раскрашенной галлерейкой, прячется за высокимъ заборомъ и громадными деревьями *кого* *). Здѣсь меня принялъ Аба-Джефаръ. Моти (король) Джиммы сидѣлъ на складномъ креслѣ около большого костра, окруженный нѣсколькими десятками приближенныхъ. Поздоровавшись со мной по европейски, за руку, онъ сталъ разспрашивать меня на ломанномъ абиссинскомъ

---

*) Банановое дерево.

языкѣ про дорогу, освѣдомился, не усталъ ли я, и т. п. За его кресломъ сидѣли на травѣ, расположившись живописными группами, его тѣлохранители и свита; мои же ашкеры стояли полукругомъ за моимъ стуломъ съ ружьями у ноги (по абиссинскимъ обычаямъ, слуги не должны сидѣть въ присутствіи ихъ хозяина).

Аба-Джефаръ—еще молодой человѣкъ, красивый, рослый, немного полный. Прямой, тонкій носъ, блестящіе, красивые, подозрительно бѣгающіе по сторонамъ, глаза, густая черная борода, черные же, коротко обстриженные, курчавые волосы—вотъ его характерное лицо. Руки небольшія, изящныя, на всѣхъ пальцахъ громадные золотые перстни. Одѣтъ въ бѣлую рубашку и штаны, на плечи накинута тончайшая бѣлая шамма. Ноги, тоже очень маленькія и красивыя, обуты въ кожаныя сандаліи.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора, Аба-Джефаръ, извинившись, просилъ меня немного обождать, такъ какъ настало время вечерней молитвы. Въ сопровожденіи свиты онъ отошелъ на нѣсколько шаговъ въ сторону и приступилъ къ совершенію уставныхъ омовеній. Мальчикъ-слуга принесъ большой серебряный тазъ и такой же кувшинъ съ водой, и Аба-Джефаръ сталъ по всѣмъ правиламъ мусульманскаго ритуала омывать себѣ руки, ноги, грудь, голову, плечи, въ полголоса произнося при этомъ молитвы. Окончивъ обрядъ, онъ поднялся на бѣлую каменную, небольшую четыреугольную площадку, покрытую цыновкой, и, обратившись лицомъ къ востоку, началъ молиться.

Уже совсѣмъ стемнѣло... Чудную, фантастическую картину представляла молитва полудикаго магометанскаго властителя среди этой необычайной для глазъ европейца обстановки.

Пылающій костеръ освѣщалъ перемѣнчивыми огнями затѣйливое зданіе гарема, въ рѣшетчатыя оконца котораго, навѣрное, выглядывали теперь съ любопытствомъ заключенныя красавицы; освѣщалъ онъ и живописную группу красиво задрапированныхъ въ бѣлыя шаммы, похожихъ на привидѣнія, людей свиты Аба-Джефары, и стоявшую на возвышеніи громадную фигуру короля, рѣзко выдѣлявшуюся на мрачномъ фонѣ ночи. Аба-Джефаръ усердно молился, перебирая въ рукахъ четки и кладя земные поклоны. Была полная тишина. Только изрѣдка случайные порывы вѣтерка,

врываясь въ громадную листву банановыхъ деревьевъ и шелестя ихъ зеленой одеждой, нарушали царившее вокругъ благоговѣйное молчаніе.

Окончивъ молитвы, Аба-Джефаръ, довольный, повидимому, что могъ похвастаться передъ европейцемъ своимъ знаніемъ всѣхъ мусульманскихъ обрядовъ, снова расположился въ креслѣ.

Мы возобновили прерванный разговоръ. Король распрашивалъ меня про Стамбулъ (Турцію), Мысыръ (Египетъ), поинтересовался, правда-ли, что Стамбулъ самое могущественное государство въ мірѣ. Мнѣ, конечно, пришлось до нѣкоторой степени разочаровать моего собесѣдника и опровергнуть внушаемыя ему арабами тенденціозныя сказки. Слуги принесли въ большомъ глиняномъ кофейникѣ кофе и усѣлись возлѣ насъ на травѣ разливать его. Изъ плетеной, расшитой бисеромъ, соломенной корзинки, въ формѣ столбика, вынули десятокъ маленькихъ чашечекъ, безъ ручекъ, завернутыхъ въ красный кумачъ, и разставили ихъ на деревянномъ подносѣ. Кофе сначала предложили намъ, а затѣмъ по очереди угостили всю свиту и всѣхъ моихъ ашкеровъ.

Напившись кофе, я простился съ Аба-Джефаромъ, поручившимъ свитѣ проводить меня. Я сѣлъ на своего мула и, окруженный свитою и моими ашкерами, направился къ себѣ. Дорогу намъ освѣщали факеломъ, сдѣланнымъ изъ куска бамбуковаго ствола, залитаго внутри воскомъ, съ толстымъ бумажнымъ фитилемъ.

Дома насъ уже ожидалъ цѣлый отрядъ рабынь, со старшимъ ключникомъ во главѣ, принесшихъ намъ въ даръ отъ Аба-Джефара обильное дурго (почетные дары), состоявшіе изъ 130 штукъ энджеры (хлѣба), 6 ведеръ тэджа (меда), 4 барановъ, масла, куръ, меда, молока, соли, дровъ, сѣна и ячменя

Корзина для кофейнаго сервиза.

Графинъ для меда Каффскаго царя.

для нашихъ муловъ. Мои ребята забыли и усталость, и боль сбитыхъ отъ долгаго пути ногъ и ликовали, предвкушая обильное угощеніе.

5 Января. Дневка, г. Джеренъ. Около 9 часовъ утра Аба-Джефаръ прислалъ просить меня къ себѣ и для сопровожденія меня выслалъ отрядъ гвардіи, человѣкъ въ 500. Этимъ онъ, видимо, желалъ возмѣстить предполагавшійся наканунѣ торжественный пріемъ, не состоявшійся вслѣдствіе внезапности моего прибытія.

Отрядъ построилъ фронтъ въ нѣсколько шеренгъ передъ воротами моего дома; впереди стояли спѣшившіеся съ муловъ офицеры. На мое привѣтствіе отрядъ отвѣчалъ земнымъ поклономъ, а затѣмъ, быстро перестроившись въ два полу-батальона, занялъ мѣста: одинъ—впереди меня, другой — сзади. Въ такомъ порядкѣ мы тихо и торжественно направились ко дворцу, сопровождаемые толпой народа и ребятишекъ. Конвоировавшіе меня воины, преимущественно изъ абиссинцевъ, мнѣ очень понравились. Хорошо одѣтые и вооруженные, почти всѣ они имѣли боевые знаки отличія: золотыя серьги, оправленныя въ серебро сабли, украшенные серебромъ щиты, накидки изъ шкуръ леопарда и ленты на головѣ.

Меня проводили на большой внутренній дворъ дворца, имѣющій двоякое назначеніе: мѣста главнаго судилища и одновременно пріемнаго зала. Дворъ построенъ полукругомъ, свободно вмѣщающимъ нѣсколько тысячъ человѣкъ. По серединѣ устроенъ деревянный павильонъ, отдѣланный рѣзными пестро - раскрашенными украшеніями и покрытый черепичною крышей; архитектурой своей онъ напоминаетъ индійскія постройки. Павильонъ сооруженъ пришлыми мастерами — арабами и индусами. Три стороны его, обращенныя ко двору, открыты, съ четвертой — въ сплошной каменной стѣнѣ устроена

Кинжалъ галласовъ Джиммы.

ниша, задрапированная разноцвѣтными матеріями. Здѣсь помѣщается весь покрытый коврами тронъ Аба-Джефара. На одной изъ стѣнъ ниши, на этажеркѣ, стоятъ небольшіе стѣнные часики.

Вдоль противоположной павильону стороны возведена невысокая длинная деревянная колоннада, крытая соломой. Толпа народа, собравшагося во дворцѣ, чинно сидѣла на низенькихъ табуреткахъ, изъ цѣльнаго куска дерева.

Аба-Джефаръ принялъ меня, сидя на тронѣ съ поджатыми по-турецки ногами. На ступенькѣ трона сидѣлъ мулла, арабъ—вліятельнѣйшее лицо въ королевствѣ,—а по бокамъ трона, въ два ряда, также на низенькихъ табуреткахъ размѣщались старики, начальники галласскихъ родовъ. Для меня былъ приготовленъ противъ трона складной европейскій стулъ.

На мое привѣтствіе Аба-Джефаръ отвѣтилъ по арабски, подражая гортанному арабскому выговору и набожно закатывая глаза. Затѣмъ онъ очень оживленно сталъ распрашивать меня по абиссински, во все время разговора не переставая улыбаться. Мои отвѣты Аба-Джефаръ переводилъ по галласски старикамъ, представлявшимъ полнѣйшій контрастъ съ ихъ развитымъ и передовымъ королемъ. Закутавшись въ свои длинные плащи (шаммы), они величественно и безмолвно сидѣли, прислушиваясь недовѣрчиво къ невѣроятнымъ для нихъ разсказамъ про корабли, желѣзныя дороги и т. п. и совершенно равнодушно поглядывая на бѣлаго человѣка, занесеннаго судьбой въ ихъ далекій край какъ бы изъ другого міра. Казалось, имъ было безразлично, правду-ли говоритъ или вретъ находившійся предъ ними чужестранецъ.

Аба-Джефаръ забрасывалъ меня вопросами объ извѣстныхъ ему европейскихъ государствахъ, объ ихъ сравнительной величинѣ, населенности и т. д. Король слышалъ, что самое большое изъ нихъ—Россія и, когда я замѣтилъ, что въ цѣлый годъ не перейти ее съ запада на востокъ, онъ былъ пораженъ.

Узнавъ, что у меня есть съ собой аптечка, король просилъ показать ее и подѣлиться съ нимъ кое-какими средствами, а также полечить его больную мать. Я исполнилъ первую просьбу: далъ ему соды отъ изжоги, іодофорума и сулемы для леченья ранъ и копайскаго бальзама. Что же касается его матери, то я сказалъ, что долженъ прежде, чѣмъ

лечить, осмотрѣть ее. Больную послали предупредить о моемъ посѣщенiи, и черезъ нѣсколько минутъ я шелъ, въ сопровожденiи главнаго евнуха, въ то помѣщенiе гарема, которое занимала мать короля. Меня повели узенькимъ, огороженнымъ высокими заборами, дворикомъ, мимо цѣлаго ряда низкихъ, крытыхъ соломой и запертыхъ домиковъ. Во всѣхъ воротахъ стояли грозные и безмолвные стражи гарема—безусые евнухи, вооруженные длиннѣйшими кнутами. То тутъ, то тамъ появлялись красавицы-рабыни, осматривавшія насъ съ любопытствомъ и затѣмъ быстро скрывавшiяся. Отъ всей обстановки вѣяло какой-то таинственностью и восточною нѣгой...

Домъ, гдѣ жила мать Аба-Джефара, находился на отдѣльномъ дворикѣ и былъ немного побольше другихъ. Входъ въ него былъ завѣшанъ бѣлой матерiей, скрывавшей отъ нашихъ взоровъ хозяйку дома. Для меня былъ поставленъ стулъ по сю сторону занавѣски, и разговоръ нашъ, при помощи переводчика, сначала происходилъ черезъ нее. Больная жаловалась на изжогу, кашель, головныя боли. Мнѣ надо было осмотрѣть и выслушать ее, и я прошелъ за занавѣску.

На устланномъ коврами диванѣ сидѣла королева, одѣтая въ черный шелковый шитый золотомъ бурнусъ, накинутый поверхъ бѣлой, украшенной шелками рубашки. Цвѣтъ кожи у нея былъ совсѣмъ свѣтлый, черты лица правильныя, глаза замѣчательно красивыя. Несмотря на свои 40 лѣтъ, она казалась еще моложавой женщиною. Лобъ, шея и грудь у нея были нататуированы, пальцы рукъ выкрашены въ красную краску. Руки и ноги, на которыя были надѣты золотые браслеты, были такiя маленькiя, что имъ могла бы позавидовать любая китаянка. Королева была сильно надушена розовымъ масломъ и санталомъ. Толпа хорошенькихъ фрейлинъ въ оригинальныхъ коричневыхъ кожаныхъ юбочкахъ и бѣлыхъ бумажныхъ кофточкахъ, украшенныя серебряными серьгами, ожерельями, мѣдными и костяными браслетами и кольцами, окружала королеву. Нѣкоторыя изъ фрейлинъ были положительно красавицы. Мое неожиданное появленiе произвело на нихъ различное впечатлѣнiе. Однѣ стояли, потупивъ взоръ и не смѣя взглянуть на меня, другiя же—съ любопытствомъ разглядывали невиданнаго доселѣ бѣлаго человѣка, перешептываясь и переглядываясь между собой.

Къ ужасу всѣхъ, кромѣ самой больной, я выслушалъ королеву. У нея былъ маленькій бронхитъ, и я далъ ей порошковъ отъ кашля.

Я собрался уже уходить, но больная остановила меня, предложивъ угощеніе. Въ большомъ роговомъ стаканѣ мнѣ подали медъ, размѣшанный водой. Мы стали разговаривать. Королева поразила меня своимъ умомъ, замѣчательнымъ достоинствомъ и непринужденностью, съ которыми она себя держала. Видно было, что, несмотря на замкнутую жизнь въ стѣнахъ гарема, она не оставалась чуждой текущимъ событіямъ и не менѣе своего сына знала какъ о политическомъ положеніи ближайшихъ странъ, такъ и о далекихъ европейскихъ государствахъ. Оживленно и умно распрашивала меня королева о нашемъ бытѣ и государственномъ устройствѣ. Особенно интересовало ее, конечно, положеніе женщины. Свобода женщины казалось ей совершенно непонятной и чрезвычайно удивляла ее возможность появленія на людяхъ знатной четы—мужа и жены, съ открытыми лицами.

— Развѣ у васъ нѣтъ буды (оборотень, дурной глазъ, причиняющій болѣзнь и несчастіе),—спросила она—если ваши знатные люди не боятся показывать своихъ женъ постороннимъ? И на мой отвѣтъ, что у насъ давно прошло время вѣры въ существованіе „буды“, королева глубоко убѣжденнымъ тономъ сказала: „а у насъ до сихъ поръ еще есть“.

Прощаясь, я сфотографировалъ королеву и ея фрейлинъ, но снимокъ, къ сожалѣнію, не удался.

Въ тотъ же день вечеромъ посѣтилъ меня Аба-Джефаръ съ многочисленной свитой, прискакавъ на чудномъ, сѣромъ конѣ, блестѣвшемъ богатымъ серебрянымъ, густо позолоченнымъ уборомъ, съ золотой цѣпочкой на шеѣ.

Король попросилъ меня показать ему инструменты, фотографіи и т. п. и распрашивалъ о назначеніи и употребленіи каждаго изъ разсматриваемыхъ имъ предметовъ. Больше всего понравилось ему, конечно, оружіе: 3-хъ линейная винтовка и шашка,—которыя онъ долго и любовно разсматривалъ.

6 Января. Мы выступили въ Каффу. Аба-Джефаръ далъ мнѣ на дорогу нѣсколько кулей муки и обѣщалъ выслать въ Каффу еще 10, которые должны были составить мой продовольственный запасъ въ дальнѣйшемъ походѣ. Мы спусти-

лись съ холмовъ, на которыхъ расположенъ г. Джеренъ, и, миновавъ нѣсколько густо заселенныхъ поселеній торговцевъ и большую базарную площадь, сошли въ долину р. Гибье-Каке. Въ полдень сдѣлали привалъ на берегу этой рѣки, подъ тѣнью громадной сикоморы, а къ вечеру, перейдя верховье рѣки, стали бивакомъ у подножія водораздѣльнаго хребта между р. Гибье и Годжебомъ.

Вблизи нашего ночлега, у дороги весело работала толпа галласовъ. Подъ воодушевленный, переходящій въ неистовство припѣвъ: „Ашана, ада, хо, хо, хо“ (укрѣпи медъ, хо, хо, хо), десятокъ сильныхъ галласовъ деревянными вилами, обитыми на концѣ желѣзомъ, глубоко вскапывали землю, откалывая въ тактъ пѣсни большія глыбы. Возлѣ группы работавшихъ на землѣ сидѣла женщина съ большимъ глинянымъ кувшиномъ въ рукахъ, разливая изъ него пиво въ роговые стаканы для присутствующихъ. Когда мы поравнялись съ ними, галласы обступили насъ, упрашивая выпить пива. Сначала мнѣ, потомъ моимъ ашкерамъ поднесли по большому стакану, вмѣщающему болѣе полубутылки. Одного кувшина не хватило, тогда изъ сосѣдняго дома принесли другой и только послѣ того, какъ всѣхъ угостили, насъ отпустили, напутствуя самыми сердечными пожеланіями. Въ высшей степени симпатичными показались мнѣ эти дикіе, полунагіе, замѣчательно радушные и трудолюбивые люди.

7 Января. Мы перевалили черезъ хребетъ, поросшій громаднымъ чуднымъ лѣсомъ, населеннымъ множествомъ птицъ и обезьянъ. Деревья необыкновенныхъ размѣровъ перевиты ліанами и обросли красивымъ бѣлымъ мхомъ, свѣшивающимся съ вѣтвей длинными нитями. Туземцы называютъ этотъ мохъ „язафъ шебатъ“, т. е. сѣдина дерева. Дорога была очень оживленной. Непрерывными вереницами встрѣчались носильщики, рослые и крѣпкіе галласы, несущіе на головахъ въ Каффу большіе мѣха съ зерномъ или возвращающіеся оттуда нагруженными кофе и медомъ. Такъ какъ въ Каффѣ, послѣ недавней войны, ощущался большой недостатокъ въ зернѣ, то въ нее направлялся теперь весь избытокъ хлѣба Джиммы, который обмѣнивался тамъ на кофе и медъ. Носильщикъ за 1 соль (20 коп.) доставляетъ туда или обратно грузъ въ одинъ, полтора пуда. Идя бѣглымъ шагомъ и дѣ-

лая частые привалы, онъ легко проходитъ въ день 20—30 верстъ. Вся одежда носильщиковъ состоитъ изъ маленькаго кожанаго передничка на бедрахъ, а вооруженіе—изъ кинжала, который они носятъ на поясѣ. Въ рукахъ у нихъ длиннѣйшія трубки, сдѣланныя изъ 2 полыхъ тростниковыхъ стволовъ (одного короткаго, который набивается табакомъ, а другого длиннаго мундштука, всаженныхъ въ полую маленькую тыквочку, наполовину наполненную водой). Этотъ прообразъ кальяна я наблюдалъ у всѣхъ встрѣчавшихся мнѣ доселѣ галласскихъ племенъ.

Кромѣ торговыхъ каравановъ, мы часто перегоняли идущихъ къ сборному пункту солдатъ раса Вальде-Георгиса. Наиболѣе зажиточные изъ нихъ отправлялись на войну со всѣмъ своимъ семействомъ. Нѣсколько осликовъ везутъ домашній скарбъ солдата и запасецъ продовольствія; жена несетъ въ мѣшкѣ за плечами кухонную походную утварь; мальчишка-сынъ или посторонній гнется подъ тяжестью въ полтора раза длиннѣйшаго, чѣмъ онъ, ружья, а самъ хозяинъ, съ соломеннымъ зонтикомъ въ рукахъ и саблей за поясомъ, отсчитывая, вѣроятно, уже не первую сотню верстъ, беззаботно и весело идетъ на труды и лишенія, распѣвая всю дорогу боевыя пѣсни. Къ мѣстному населенію собравшіеся въ походъ солдаты относились довольно буйно. Такъ, напримѣръ, они считали своимъ безспорнымъ правомъ отнимать у встрѣчныхъ все съѣстное. Какъ ни вопилъ ограбленный галласъ: „Адера Меникъ" (Богомъ Менелика), солдатъ отбиралъ у него и тыковку меда, и кусокъ хлѣба,—словомъ, все, что бросалось ему въ глаза. Не отставали отъ своихъ мужей и солдатки. Мнѣ пришлось видѣть, какъ одна изъ нихъ, маленькая и тщедушная абиссинка, за какую то провинность била по лицу здоровеннѣйшаго галласа, который только жалобно причиталъ: „Абьетъ, абьетъ, гофтако" (помилуйте, помилуйте, сударыня).

Этимъ воинственнымъ духомъ прониклись и мои ашкеры... Въ концѣ концовъ, мнѣ пришлось употребить строгія мѣры, чтобы смирить ихъ буйные порывы, выражавшіеся, впрочемъ, въ довольно безобидныхъ формахъ. Такъ, я замѣтилъ, что у всѣхъ моихъ ребятъ вдругъ появились откуда-то соломенные зонтики. На мой вопросъ, гдѣ они ихъ достали?—мнѣ отвѣтили самымъ простодушнымъ тономъ: „намъ ихъ дали галласы".

Около полдня мы увидѣли у одного дома большую толпу народа. Оказалось, что братъ Аба-Джефара, генералъ (фитаурари) Аба-Дига, приводилъ въ исполненіе приказъ Менелика объ отобраніи и возвращеніи въ Каффу плѣнныхъ, захваченныхъ тамъ въ прошлую компанію.

Узнавъ о моемъ проѣздѣ, Аба-Дига выслалъ просить меня навѣстить его, что я и исполнилъ. Фитаурари угостилъ меня хорошимъ завтракомъ, причемъ предназначавшагося для меня барана приказалъ зарѣзать одному изъ моихъ слугъ — христіанину *).

Аба-Дига—уже пожилой, но красивый и умный мужчина. На всей его фигурѣ лежитъ отпечатокъ аристократизма. Велъ себя генералъ очень просто и съ достоинствомъ, разговаривалъ умно, и единственно, въ чемъ все-таки проявился дикарь, это въ попрошайничествѣ.

— Что вы съ собой везете? Есть ли у васъ часы? Мнѣ нужны часы, пришлите мнѣ ихъ! Есть ли у васъ шелкъ, духи, мыло? Пришлите мнѣ ихъ! — Подобнаго рода вопросы и просьбы сыпались на меня безпрестанно, несмотря на то, что я отвѣчалъ отрицательно. Въ концѣ концовъ, Аба-Дига удовольствовался моимъ обѣщаніемъ подарить ему часы по возвращеніи съ похода. Съ своей стороны, зная, что европейцы интересуются нѣкоторыми мѣстными предметами, могущими имѣть значеніе для этнографическихъ коллекцій, генералъ предложилъ, ко времени моего возвращенія, собрать кое-что изъ такихъ вещей, извѣстныхъ въ Абиссиніи, съ легкой руки итальянцевъ, подъ именемъ „антика". Разстались мы пріятелями.

Переваливъ хребетъ, мы пошли по сѣверному его склону, переходя по пути многочисленные рѣчки и ручьи, стекающіе въ Годжебъ. Дорога шла сначала по густо населенной мѣстности, но, по мѣрѣ приближенія къ Годжебу, составляющему границу Джиммы и Каффы, поселенія встрѣчались все рѣже и рѣже. По лѣвой сторонѣ тянулся густой лѣсъ, служащій мѣстомъ заповѣдной буйволовой охоты Аба-Джефара, построившаго близъ дороги охотничій домъ.

*) Какъ христіане—абиссинцы, такъ и магометане, считаютъ для себя оскверненіемъ ѣсть мясо животнаго, заколотаго лицомъ другого вѣроисповѣданія.

Перейдя р. Годжебъ, мы заночевали въ довольно пустынномъ мѣстѣ, на берегу красиваго ручья, поросшаго финиковыми пальмами, впервые увидѣнными мною въ Абиссиніи.

Рѣка Годжебъ беретъ начало въ горахъ Гумы и впадаетъ въ р. Омо. Въ этомъ мѣстѣ ширина ея до 40 шаговъ, глубина $1^1/_4$ арш., теченіе такое быстрое, что переходъ въ бродъ очень труденъ; долина Годжеба, окруженная горами Каффы, составляетъ пограничную полосу между этими двумя областями и не заселена. Она изобилуетъ дикими козами, антилопами. Встрѣчаются тутъ и леопарды, и львы, болѣе же крупные звѣри, какъ слонъ и носорогъ, держатся ниже по теченію, вблизи отъ впаденія Годжеба въ Омо.

8 Января. Пройдя рядъ заставъ съ разными фортификаціонными сооруженіями въ видѣ засѣкъ, волчьихъ ямъ, частоколовъ, мы вступили въ земли Каффы.

Изъ долины Годжеба, поросшей высокой травой и рѣдкими небольшими деревьями, мы поднялись на окружающія ее горы и вошли въ густѣйшіе лѣса, деревья которыхъ поражаютъ своими громадными размѣрами. На вершинахъ хребтовъ виднѣлись бамбуковыя рощи, а у подножій, въ долинахъ рѣкъ и ручьевъ, группы красивыхъ финиковыхъ пальмъ. Лѣсъ изобилуетъ цвѣтами, наполняющими воздухъ ароматомъ. Небо было безоблачно. Солнце находилось почти въ зенитѣ, но въ лѣсу вѣяло прохладой. Глазъ отдыхалъ на зелени окружающей густой листвы. Въ природѣ чувствовалась какая-то жизнерадостность, избытокъ таящихся въ ней могучихъ силъ. Чарующая красота мѣстности уносила куда-то далеко, въ волшебный міръ. Казалось, будто и слышишь, и видишь на яву дивную сказку... Словно предъ тобой заколдованный лѣсъ изъ „Спящей красавицы“, — не достаетъ только царевны, ея дворца и подданныхъ. Но, вмѣсто поэтической обстановки прекрасной сказки, предъ нами предстали страшные слѣды смерти и разрушенія. Среди зелени травы то тамъ, то сямъ бѣлѣютъ человѣческія кости. Поселеній нигдѣ не видно, только густыя заросли бурьяна на мѣстахъ недавно обработанной земли свидѣтельствуютъ о жившемъ здѣсь народѣ. Злая фея войны уничтожила его, разбросавъ по полямъ его кости. По мѣрѣ приближенія къ столицѣ Каффы, слѣды недавнихъ сраженій становились все

замѣтнѣе, около же самаго города полянки были сплошь усѣяны человѣческими костями...

Въ 5 час. пополудни мы вступили въ гор. Андрачи. Расъ, узнавъ незадолго передъ тѣмъ о моемъ прибытіи, выслалъ мнѣ на встрѣчу солдатъ, во главѣ со своимъ главнымъ агафари (камергеръ).

Окруженный приближенными и начальниками частей, расъ торжественно принялъ меня. Обмѣнявшись обычными привѣтствіями, онъ упрекнулъ меня, что я заблаговременно на предупредилъ его о своемъ пріѣздѣ, почему онъ былъ лишенъ возможности встрѣтить меня такъ, какъ желалъ бы. По абиссинскому этикету, считается невѣжливымъ утомлять прибывшаго съ дороги долгими распросами,—поэтому, послѣ немногихъ минутъ разговора, расъ предложилъ мнѣ пойти отдохнуть въ отведенное для меня помѣщеніе. Вечеромъ явились ко мнѣ агафари (камергеры) раса узнать о моемъ здоровьѣ, а одинъ изъ его эльфинь-ашкеровъ (пажей), любимецъ раса Гомтеса, принесъ разныя блюда, приготовленныя на европейскій ладъ: вареную въ маслѣ курицу и жареное маленькими кусочками мясо. Для моихъ ашкеровъ расъ прислалъ обильное „дурго", быка, нѣсколькихъ барановъ, хлѣба, пива, меда, перцоваго соуса и проч. Быка сейчасъ же зарѣзали. Вокругъ палатки засіяли костры, раздались пѣсни, и 70-ти верстнаго перехода какъ будто и не совершали.

Сегодня закончилась моя частная, такъ сказать, мобилизація. Мы пришли во-время. Мои люди были бодры и веселы, животныя, хотя и похудѣли въ дорогѣ (у нѣкоторыхъ, между прочимъ, спины оказались набитыми), но еще были въ состояніи продолжать походъ. Что же касается меня, то, благодаря нѣкоторымъ удобствамъ, которыми мнѣ удалось обставить переходъ отъ Адисъ-Абабы до Каффы, я, несмотря на форсированность его, значительно поправился отъ болѣзни, полученной мною во время перваго тяжелаго пробѣга.

Въ теченіи 42-хъ дней съ момента выступленія изъ Адисъ-Абабы на встрѣчу нашей миссіи, я сдѣлалъ болѣе 2.000 верстъ. Силы мои все это время были напряжены до крайности. Не говоря уже о физическомъ утомленіи, болѣзни и лишеніяхъ, немыслимымъ казалось въ такой малый срокъ успѣть побывать на берегу моря, вернуться обратно, сна-

рядиться и со всѣмъ обозомъ сдѣлать 500-верстный переходъ. Меня не переставало угнетать тревожное чувство: не пропадутъ ли даромъ всѣ мои труды, успѣю ли я прибыть къ сроку на сборное мѣсто, и только сегодня я заснулъ, спокойный и довольный...

III.

Каффа.

Каффа расположена на средней части и на восточномъ и западномъ отрогахъ хребта, служащаго водораздѣломъ между Индійскимъ океаномъ и Средиземномъ моремъ *). Приподнятость хребта дѣлаетъ Каффу доступной юго-западнымъ и сѣверо-западнымъ вѣтрамъ, приносящимъ ей періодически, два раза въ годъ (въ февралѣ - мартѣ и и августѣ - сентябрѣ) обильные дожди. Дожди, впрочемъ, выпадаютъ часто и въ остальное время года, и во всей Эфіопіи Каффа — самая обильная атмосферными осадками мѣстность; здѣсь никогда не бываетъ такой засухи, какъ въ сѣверной части Эфіопскаго нагорья, рѣки отличаются многоводностью, а сама Каффа покрыта богатою растительностію. На востокъ съ хребта стекаютъ рѣки Годжебъ, Адія, Гуми, Уошь и другія, впадающія въ Омо, а съ западныхъ скатовъ—Мену, Бако, Баро и др., служащія притоками Джубы или Собата **). Всѣ перечисленныя рѣки питаются безчисленнымъ множествомъ ручьевъ и небольшихъ рѣчекъ, берущихъ начало въ главномъ хребтѣ и его отрогахъ. Водный бассейнъ, служа прекраснымъ орошеніемъ, распредѣлятся равномѣрно по всей площади Каффы, что благотворно отзывается на плодородіи ея почвы, равнаго которому мнѣ не приходилось видѣть. Благопріятное вліяніе на растительность оказываетъ также умѣренная высота Каффы надъ уровнемъ моря, въ среднемъ не выше 2000 метр. и не ниже 1600 метр. Отдѣльныя вершины, какъ Гида-Шонга,

*) Неизвѣстный доселѣ хребетъ этотъ открытъ мною. См. ниже.
**) См. ниже.

Бонга-Беке, Бача-аки-Кила, Геше, — достигаютъ, впрочемъ, до 3000 метр.

Среди богатѣйшаго чернозема мѣстами встрѣчается глина. Все свободное отъ обработки пространство покрыто лѣсомъ, удивительно быстро и могуче разростающимся: стóитъ только запустить какое-нибудь мѣсто, и оно въ 2—3 года обращается въ непроходимую чащу. Съ лѣсомъ здѣсь человѣку приходится бороться такъ же, какъ съ песками, засыпающими земли, граничащія съ пустынями.

Изъ каменныхъ породъ преобладаетъ красный, пористый песчанникъ; изрѣдка попадаются граниты.

При такомъ обиліи лѣсовъ можно было бы предположить, что страна богата также и обычными обитателями ихъ—дикими звѣрями. Однако, хищныхъ породъ животныхъ здѣсь почти совсѣмъ нѣтъ (что объясняется культурностью страны и прежней ея населенностью); изрѣдка встрѣчаются дикія козы, антилопы, серны, и только въ заповѣдныхъ королевскихъ лѣсахъ—буйволъ и слонъ. Охота на нихъ строго воспрещена. Птицъ въ Каффѣ тоже очень мало, изъ пѣвчихъ я не слыхалъ ни одной, хищныя же появились, какъ говорятъ, лишь недавно, съ приходомъ абиссинцевъ.

Населеніе Каффы родственно абиссинцамъ, подобно которымъ представляетъ изъ себя смѣсь первобытныхъ, обитавшихъ въ Эфіопіи, племенъ съ семитами. Несомнѣнно, что у каффцевъ процентъ семитической крови меньшій, чѣмъ у абиссинцевъ. Впрочемъ, народъ Каффы не совершенно однотипенъ: — въ немъ замѣчаются какъ бы двѣ разновидности: самый чистый и близкій къ абиссинцамъ типъ—ихъ аристократія; низшій же классъ населенія, — потомки рабовъ изъ всѣхъ окружающихъ племенъ, походитъ по внѣшности на народы Сидамо, наименѣе смѣшавшіеся съ другими отпрысками поколѣнія первобытныхъ обитателей Эфіопіи.

Каффа еще недавно была могущественной южно-эфіопской имперіей, но въ 1897 году была завоевана Абиссиніей.

Возстановить исторію Каффы очень трудно, такъ какъ, кромѣ нѣкоторыхъ преданій, для этого почти не имѣется никакихъ данныхъ. Изъ абиссинскихъ источниковъ извѣстно, что во времена могущества Эфіопской имперіи Каффа составляла съ ней одно нераздѣльное цѣлое.

По преданію, Каффа была завоевана въ XV вѣкѣ Атье

(императоромъ) Зараокобомъ, ему же приписывается и названіе Каффы. Послѣ смерти его, въ Каффѣ воцарился одинъ изъ сыновей Эфіопскаго императора. При Лыбъ-На-Дынгылѣ, или Давидѣ II, король Каффы считался первымъ вассаломъ императора Эфіопіи. Во время пріѣздовъ ко двору ему оказывались самыя большія почести: императоръ самъ выходилъ къ нему на встрѣчу, и король Каффы сидѣлъ съ правой стороны трона.

Нашествіе галласовъ и войны Гранье (XVI в.) отдѣлили Каффу отъ остальной Абиссиніи и на многіе вѣка изолировали ее. Благодаря этому, Каффа сохранилась въ бытовомъ и культурномъ отношеніяхъ въ томъ видѣ, въ какомъ ее застало нашествіе галласовъ, но многое, однако, и утратила: христіанскую вѣру, которую исповѣдывала передъ этимъ, и письменность.

Населенная сильнымъ народомъ, проникнутымъ любовью къ своему отечеству и предпріимчивымъ, воинственнымъ духомъ, занимая выгодное центральное положеніе, защищенная неприступными лѣсами и горами, Каффа покорила окружающія государства, образовавъ изъ нихъ могущественную южно-эфіопскую имперію, извѣстную раньше подъ общимъ названіемъ Каффы. Имперія эта заключала въ себѣ слѣдующія шесть главныхъ вассальныхъ королевствъ: Джимму, Куло, Конту, Кошю, Мочу и Энарею.

Джимму населяли галласы. Въ Энареѣ, называемой также Лиму, жили племена, помѣсь галлассовъ съ коренными обитателями страны*) (родственными съ Каффой). Моча— одного происхожденія съ каффцами. Въ королевствахъ Куло, Конта и Кошя обитали родственныя племена, очень схожія по типу, имѣвшія общій языкъ, культуру и обычаи. Изслѣдователи Африки назвали эти народы почему-то „Сидамо" (имъ самимъ это имя неизвѣстно), и я буду держаться этого же наименованія.

Покоренныя земли эти, однако, не утратили самостоятельности: Каффа не вмѣшивалась въ ихъ внутреннія дѣла, требуя только платежа дани и признанія своего сюзеренитета.

*) Двойное наименованіе страны указываетъ на происхожденіе этого племени. Древнѣйшее — Энарея (что значитъ рабы) дано ей было завоевавшими ее абиссинцами; позднѣйшее—Лиму она получила по имени галласкаго племени, овладѣвшаго ею впослѣдствіи.

По смерти Зараокоба, въ Каффѣ царствовала его династія. Короли Каффы — тато (отъ слова Атье—императоръ по абиссински) титуловались королями Каффы и Энареи, но смуты, время которыхъ трудно опредѣлить даже приблизительно, привели къ раздѣленію престоловъ. Древняя династія Зараокоба осталась въ Энареѣ, въ Каффѣ же воцарился домъ Манжо. Распаденіе имперіи не уничтожило связи между обоими государствами. При посѣщеніяхъ Каффы, король Энареи пользовался почестями, даже бо̀льшими, чѣмъ ея собственный владыка: такъ, этотъ послѣдній вставалъ на встрѣчу своему гостю и усаживалъ его съ собою на тронѣ, по правую сторону.

Послѣ покоренія Энареи галласкимъ племенемъ Лиму, она утратила свое значеніе, сдѣлавшись подвластною завоевавшему ее галласкому князю, но династія королей Энареи продолжала существовать до послѣдняго времени, и до самаго конца самостоятельнаго существованія Каффы ею оказывались королямъ Энареи царскія почести.

Династія Манжо ничего, повидимому, не измѣнила ни въ государственномъ устройствѣ Каффы, ни въ придворномъ этикетѣ: какими они описаны въ древнихъ абиссинскихъ книгахъ Кобыра-Негыстъ, такими точно и остались. Своимъ устройствомъ, культурою и сословнымъ дѣленіемъ Каффа обязана всецѣло Абиссиніи. Во главѣ государства стоялъ самодержавный тато (король, императоръ), пользовавшійся неограниченною властью. Личность его считалась священной и неприкосновенной. Онъ окружалъ себя большими почестями и былъ недоступенъ для подданныхъ; при дворѣ его соблюдался самый строгій этикетъ. Никто изъ подданныхъ, за исключеніемъ его семи совѣтниковъ и нѣкоторыхъ приближенныхъ, не слыхалъ его голоса, и ни одинъ изъ нихъ никогда не дерзалъ посмотрѣть въ лицо своему властелину. При его появленіи, подданные бросались ницъ, хватая зубами землю, и тѣмъ буквально выполняли обычное привѣтствіе „для тебя грызу землю".

Для короля прокладывались особыя дороги, по которымъ никто не смѣлъ ходить. Резиденцій тато имѣлъ нѣсколько въ разныхъ мѣстахъ и жилъ въ нихъ въ тѣ времена года, которыя для данной мѣстности считались самыми здоровыми. Главной столицей былъ гор. Андрачи, въ которомъ нахо-

дился громадный дворецъ: каждый изъ столбовъ, поддерживавшихъ его, былъ въ нѣсколько обхватовъ, и абиссинцамъ, раззорившимъ городъ, долго пришлось возиться съ этимъ колоссальнымъ зданіемъ, пока, наконецъ, имъ удалось сжечь его. Передъ дворцомъ была большая площадь. Пріѣзжавшіе ко двору должны были здѣсь слѣзать и идти дальше пѣшкомъ.

Иногда тато появлялся въ судилищѣ, гдѣ сидѣлъ все время безмолвно и съ лицомъ, до глазъ покрытымъ шаммой; судящіеся стояли къ нему бокомъ.

Большими церемоніями сопровождался также обѣдъ короля. За занавѣски, за которыми располагался тато, допускался только тотъ, на комъ лежала обязанность кормить его и подавать ему пить. Самъ повелитель не дотрогивался ни до чего; все ему подносилъ и клалъ въ ротъ его оберъ-форшнейдеръ, постъ котораго считался очень важнымъ въ придворной іерархіи. Сановникъ этотъ долженъ былъ отличаться лучшими нравственными качествами, чтобы не повредить какъ-нибудь королю. Правая рука его, въ свободное отъ исполненія его прямыхъ обязанностей время, была увязана въ холщевый мѣшокъ, чтобы къ ней, кормящей короля, не пристала какая либо болѣзнь или сглазъ.

Первоначально тато были христіанами, но послѣдніе шесть королей формально отреклись отъ христіанства, изгнавъ изъ дворца священниковъ и замѣнивъ ихъ жрецами. Еженедѣльно, вмѣстѣ съ главнымъ жрецомъ Мэречо, тато запирался въ храмѣ и, гадая и колдуя, проводилъ тамъ съ нимъ нѣсколько сутокъ.

Для обсужденія важнѣйшихъ дѣлъ король назначалъ верховный совѣтъ, въ который могли быть избранными только представители пяти родовъ: Хіо (2 лица), Амара, Аргефа, Мачя и Ука. Изъ числа семи совѣтниковъ (большей частью изъ рода Хіо) одинъ, называвшійся „катамараша“, былъ главнымъ докладчикомъ и объявлялъ королевскую волю. Этому же совѣту предоставленъ былъ и высшій судъ.

Вся страна въ административномъ отношеніи дѣлилась на 12 областей: Гимби, Гауата, Геше, Бита, Ока, Дечъ, Адда, Каффа, Гобэ, Шашя, Уата и Чана. Каждая изъ нихъ была ввѣрена управленію губернатора „уараба“, или „раша“ (это названіе передѣлано изъ абиссинскаго слова „расъ“),

имѣвшаго помощника—гуда. Уарабы назначались королемъ, независимо отъ того, къ какому роду они принадлежали. На обязанности ихъ лежало чинить судъ и расправу, собирать ополченіе въ случаѣ войны и продовольствовать его.

Области, въ зависимости отъ населявшихъ ихъ родовъ,— по имени которыхъ онѣ носили названіе,—въ свою очередь распадались на болѣе мелкія части или участки. Мѣстнымъ начальникомъ считался старшій въ родѣ по старшей линіи. Слѣдовательно, въ основаніи государства лежало родовое, аристократическое начало, на которомъ зиждились и сословныя подраздѣленія. Послѣ перваго покоренія Каффы абиссинцами (въ XV в.), воцарившійся король, для упроченія своей власти, роздалъ завоеванныя земли и обращенныхъ въ рабство жителей своимъ сподвижникамъ. Свободу и привилегіи сохранили, вѣроятно, тѣ туземные роды, которые добровольно покорились, или оказали абиссинцамъ какія либо услуги. Такимъ образомъ, потомки осѣвшихъ въ странѣ абиссинскихъ пришельцевъ и привилегированныхъ туземцевъ образовали сословіе, пользующееся преимуществомъ свободы и землевладѣнія, но за то обязанное съ одной стороны — защищать государство отъ внѣшнихъ враговъ, съ другой—держать въ рукахъ покоренный край.

Изъ нѣкоторыхъ колѣнъ, находившихся, быть можетъ, въ кровной связи съ царствующей династіей, или родоначальники которыхъ заявили себя какими либо особыми, выдающимися дѣлами, избирались ближайшіе совѣтники короля. Изъ появившагося такимъ путемъ родового дворянства впослѣдствіи старшія линіи составили правящій классъ, младшія же—свободныхъ, обязанныхъ только военной службой, дворянъ.

Мои предположенія подтверждаются существованіемъ до сихъ поръ зависимаго, условно свободнаго, не несущаго военной службы населенія, а также и тѣмъ, что среди наименованій родовъ попадаются фамиліи абиссинскаго и не абиссинскаго происхожденія, какъ, напр., „Амара"—несомнѣнно, абиссинское имя, а „Хіо"—вѣроятно, мѣстное.

По мѣрѣ новыхъ завоеваній, плѣнные рабы, сливаясь съ покореннымъ населеніемъ, увеличивали число зависимаго класса.

Кромѣ этихъ двухъ основныхъ сословій, въ Каффѣ существовали еще свободные торговцы и жрецы. Первые—бывшіе

мѣстные купцы и пришельцы, вторые, въ виду строгой преемственности ихъ сана, тоже составили какъ бы отдѣльный классъ. Впрочемъ, только одинъ изъ сыновей жреца долженъ былъ наслѣдовать профессію отца, — остальнымъ дѣтямъ предоставлялся въ этомъ отношеніи свободный выборъ. Схожіе во всемъ остальномъ, каффцы только по своей культурѣ стоятъ ниже абиссинцевъ: они—язычники, письмена имъ неизвѣстны.

Одѣваются каффцы такъ-же, какъ и абиссинцы. Мужчины высшаго класса носятъ шаммы—широкій кусокъ толстой бумажной матеріи, который накидывается на плечи, а свободные концы закидываются назадъ, короткіе, не доходящіе до колѣнъ, очень широкіе штаны изъ толстой бумажной матеріи съ вытканными по краямъ красивыми узорами. Головной уборъ состоитъ изъ конусообразной шапочки, изъ шкуры козленка.

Низшій классъ не имѣетъ права одѣваться въ ткани и носитъ исключительно кожи. Весь костюмъ мужчины состоитъ изъ кожанаго передника на бедрахъ, а въ холодную погоду или дождь на плечи набрасывается накидка, сдѣланная изъ нѣсколькихъ, наложенныхъ одинъ на другой, громадныхъ полулистовъ дерева „кого" (musa enset),—причемъ широкая часть листа представляетъ изъ себя какъ бы бахрому, прикрѣпленную къ главному стеблю листа и спускающуюся внизъ длинными лентами.

Женщины высшаго класса носятъ длинныя рубашки, а низшаго—кожаныя юбочки. Головные уборы—одинаковые какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ. Встрѣчаются, кромѣ того, коническія шапочки изъ листьевъ того-же „кого".

Какъ мужчины, такъ и женщины украшаютъ руки и ноги браслетами, кольцами, серьгами и бусами.

Прической своей каффцы отличаются отъ другихъ племенъ. Мужчины отпускаютъ длинные волосы, которые, какъ, напр., у короля, стоятъ вверхъ копной, или же заплетены въ косы, спускающіяся до плечъ. Прическа женщинъ въ томъ же родѣ.

Браслетъ изъ слоновой подошвы, носятъ каффскіе аристократы, убившіе слона.

Пищу у каффцевъ въ былыя времена составляло мясо, молоко, каша изъ зеренъ разныхъ хлѣб-

ныхъ растеній, въ настоящее же время они питаются почти исключительно хлѣбомъ, изъ корней дерева „кого“ (тотъ же musa enset), такъ какъ „кого“ единственное продовольственное средство, уцѣлѣвшее при общемъ разрушеніи.

Приготовляется хлѣбъ слѣдующимъ образомъ: по достиженіи деревомъ четырехлѣтняго возраста, его выкапываютъ, обрубаютъ листья, а толстую нижнюю часть ствола зарываютъ въ землю и оставляютъ тамъ на нѣсколько мѣсяцевъ. За это время оно начинаетъ гнить и все какъ бы прокваливается. Тогда зарытое дерево извлекаютъ изъ земли, очищаютъ отъ испорченной оболочки, а внутреннюю, прокисшую и мягкую часть скоблятъ и растираютъ, а затѣмъ пекутъ на большихъ глиняныхъ сковородахъ. Хлѣбъ этотъ мало питателенъ, не вкусенъ и имѣетъ непріятный прокисшій запахъ. Если прибавить къ „кого“ муки, то хлѣбъ дѣлается немного лучше.

Дополненіемъ къ этой пищѣ служатъ разные корнеплоды, сваренные въ водѣ, а также кофе, который пьютъ по нѣсколько разъ въ день, до и послѣ ѣды. Варятъ его въ глиняныхъ сосудахъ и разливаютъ въ маленькія чашечки изъ бычачьяго рога.

Любимые напитки каффцевъ—медъ и пиво. Медъ очень густой, крѣпкій, но приготовляется безъ одурманивающихъ листьевъ гешо, на одномъ только солодѣ. Пиво тоже очень густое и притомъ кислое.

Утварь домашняя—та-же, что и у абиссинцевъ, только глиняные кувшины продолговатые и походящіе на древніе греческіе сосуды другой болѣе красивой формы.

Постройки каффцевъ имѣютъ большое сходство съ абиссинскими, но сдѣланы тщательнѣе и изящнѣе.

Своихъ покойниковъ каффцы хоронятъ въ очень глубокихъ могилахъ, на днѣ которыхъ устраиваютъ пещеру. Мертвеца обыкновенно заворачиваютъ въ пальмовыя вѣтви, а при погребеніи опускаютъ вмѣстѣ съ нимъ въ могилу кофе, деньги, слоновую кость. Близкіе родные умершаго, оплакивая его смерть, одѣваются въ рубище, царапаютъ себѣ лицо до крови, вырываютъ волосы и долгое время носятъ трауръ.

Каффцы—смѣлые, лихіе наѣздники. Лошади ихъ довольно рослы и, судя по тѣмъ, которыхъ мнѣ пришлось видѣть, не

могутъ быть названы плохими, несмотря на то, что климатъ и характеръ мѣстности не благопріятствуютъ коневодству; имѣются онѣ только у высшихъ классовъ и служатъ исключительно для боевыхъ цѣлей. Сѣдло каффское отличается отъ абиссинскаго тѣмъ, что оно меньше, покрыто кожей и лука гораздо ниже, удило такое же, какъ у абиссинцевъ; суголовье разукрашено металлическими украшеніями, но иначе, чѣмъ абиссинское

Оружіе каффца—метательное копье,—очень красивой формы, иногда украшенное затѣйливымъ наконечникомъ, и кинжалъ за поясомъ. Оборонительнымъ оружіемъ служатъ круглые кожаные щиты. Луковъ и стрѣлъ нѣтъ.

Женщина въ Каффѣ находится въ болѣе зависимомъ положеніи, чѣмъ въ Абиссиніи. Женъ покупаютъ, послѣ чего онѣ становятся рабами своихъ мужей и не имѣютъ права на разводъ.

Языкъ каффцевъ, хотя и рѣзко разнится отъ абиссинскаго, но имѣетъ съ нимъ много общихъ корней.

Религія представляетъ изъ себя странную смѣсь христіанскихъ, іудейскихъ и языческихъ вѣрованій, какой-то конгломератъ всевозможныхъ суевѣрій. Высшее божество называется Іеро или Іеръ (по всей вѣроятности, названіе это произошло отъ абиссинскаго слова „Егзіабееръ"—Богъ). Параллельно съ Іеро почитается—Деонтосъ; обоимъ божествамъ приносятся жертвы. Помогаютъ въ бѣдѣ по вѣрованіямъ каффцевъ и Христосъ, и Марія, и Сайтанъ (діаволъ), и просто калича, или бале—жрецъ.

Отъ христіанства здѣсь осталось очень мало слѣдовъ: уцѣлѣло лишь нѣсколько церквей, въ которыхъ служили когда-то пришлые изъ Абиссиніи священники, да до самаго послѣдняго времени королемъ и аристократіей соблюдаются нѣкоторые посты, какъ, напр., 50-дневный, совпадающій по времени съ нашимъ Великимъ, и 30-ти-дневный, приходящійся на осень. Изъ христіанскихъ праздниковъ каффцы чтутъ—Воздвиженіе Креста Господня, на ихъ языкѣ Машкала (Маскаль — по абиссински) и шанбатъ (санбатъ — по абиссински)—суббота; считалась праздникомъ пятница—вотъ этимъ и исчерпывается вся связь религіи каффцевъ съ христіанствомъ.

Отъ іудейства позаимствовали обрядъ обрѣзанія младен-

цевъ и способъ убоя скота (совершаемый у евреевъ, какъ извѣстно, по строго опредѣленному ритуалу). Язычество каффцевъ ярче всего проявляется въ томъ, что съ ихъ точки зрѣнія всѣ успѣхи и неуспѣхи въ жизни, всѣ бѣдствія и предотвращеніе ихъ зависятъ отъ божества, которое бываетъ при каждомъ отдѣльномъ случаѣ или милостивымъ, или карающимъ. Чтобы расположить къ себѣ и умилостивить это божество, надо принести ему достаточную жертву. Настроеніе божества и рѣшеніе вопроса—къ кому изъ боговъ обратиться, извѣстно лишь жрецу, колдуну—„бале". Онъ приноситъ въ жертву доставленное ему для того животное, затѣмъ гадаетъ по его внутренностямъ, и... даетъ совѣтъ. Но въ распоряженіи „бале" есть еще и другія средства: различныя заклинанія, лекарства и т. д. Въ неуспѣхѣ молитвы виновенъ всегда не жрецъ, а кліентъ, не умѣвшій достаточно умилостивить божество, сдѣлавшій что-либо противное ему, или же, наконецъ, вновь, послѣ жертвоприношенія, „сглаженный" какимъ-нибудь дурнымъ человѣкомъ.

Жертвоприношенія прежде бывали частныя и всенародныя, массовыя. Послѣднія совершались въ дни, соотвѣтствовавшіе нѣкоторымъ нашимъ праздникамъ (напр., Воздвиженія Креста Господня и др.), а также въ особенно важныхъ случаяхъ государственной жизни. Мѣстомъ жертвоприношеній была гора Бонга-Шанбата, т. е. субботная Бонга, на вершинѣ которой былъ построенъ храмъ. По словамъ старожиловъ, въ дни всенародныхъ жертвоприношеній, закалывались сотни быковъ, кровь ихъ стекала съ горы ручьемъ и десятки тысячъ человѣкъ ѣли жертвенныхъ животныхъ.

Несмотря, однако, на почти полное забвеніе христіанства, здѣсь оставалось нѣсколько родовъ, еще твердо державшихся его и съ радостью принявшихъ поэтому посѣтившаго столицу Каффы и пограничныя ея мѣстности миссіонера Масса. Миссіонеру этому удалось обратить въ католичество нѣсколько сотъ человѣкъ.

Въ далекое старое время, до абиссинскаго раззоренія и полоненія, Каффа,—тогдашній промышленный и торговый центръ Эѳіопіи,—благодаря своему богатству, плодородію почвы и т. д., слыла чуть-ли не сказочной страной. Она изобиловала хлѣбомъ, медомъ, скотомъ, лошадьми и собирала со своихъ данниковъ громадныя количества слоновой кости.

Большая часть вывозимаго изъ Эѳіопіи мускуса добывалась въ Каффѣ; въ ней же выдѣлывались отличныя ткани и лучшія желѣзныя издѣлія—копья и кинжалы. Но обстоятельства перемѣнились, и нѣкогда цвѣтущее и оживленное государство представляетъ изъ себя теперь совершенно раззоренную и почти пустынную страну...

Въ то время, какъ Каффа, изолированная галласами, ни въ чемъ не измѣняла своего внутренняго строя и застыла въ старыхъ формахъ жизни, Абиссинія, оправившись отъ нанесеннаго ей галласами удара, быстро росла, крѣпла и развивалась. Въ войскахъ своихъ она завела ружья. Окружающіе ее народы, подъ власть которыхъ она временно подпала, Абиссинія одинъ за другимъ покорила и, наконецъ, расширяя свои границы, она стала сосѣдкой Каффы. Переживая за это время столько переворотовъ, закаленная въ тяжелой борьбѣ какъ съ внѣшними, такъ и съ внутренними врагами, Абиссинія, разъ окрѣпнувъ, уже не могла остановиться на пути къ выполненію своей культурно-исторической задачи—объединенію и развитію средне-африканскихъ, населяющихъ Эѳіопію, племенъ.

Столкновеніе двухъ соплеменныхъ государствъ сдѣлалось неизбѣжнымъ, причемъ всѣ шансы на побѣду были, очевидно, на сторонѣ Абиссиніи. Каффѣ, какъ слабѣйшей, оставалось или подчиниться добровольно, или быть покоренной. Но Каффа рѣшила отстаивать свою самостоятельность до послѣдней возможности. Начались войны, нанесшія страшный ударъ благосостоянію страны, постепенно доведшія ее до полнаго упадка и раззоренія и кончившіяся, несмотря на отчаянное сопротивленіе, полнымъ покореніемъ Каффы и присоединеніемъ ея къ Эѳіопской имперіи (1897 г.).

Первый походъ на Каффу совершилъ въ 1880 г. расъ Адаль, владѣтель Годжама, раззорившій одну изъ областей ея. Одновременно Каффа потеряла одно изъ своихъ вассальныхъ государствъ—Джимму, король которой призналъ надъ собою власть раса Адаля.

Походъ въ воинственную, недоступную, — благодаря горамъ и лѣсамъ, — Каффу считался современниками выдающимся подвигомъ, и въ награду за него императоръ Іоаннъ сдѣлалъ раса Адаля негусомъ Годжама и Каффы, царствующимъ въ Годжамѣ и до настоящаго времени, подъ именемъ

Текле-Хайманота. Въ 1886 г. между королями Шоа-Меникомъ и Годжама-Текле-Хаймонатомъ возникла борьба изъ-за раздѣла юго-западныхъ эѳіопскихъ земель.

Разбивъ на голову въ сраженіи при Эмбабо короля Годжама, Менеликъ захватилъ въ свои руки и всѣ находящіяся къ югу отъ рѣки Абая земли, несмотря на то, что въ то время онѣ были независимыми. Въ числѣ захваченныхъ Меникомъ областей была и Каффа. Съ этого времени начинается постепенное завоеваніе Каффской имперіи вождями Менелика.

Тяжелая пора наступила теперь для всѣхъ государствъ, входившихъ въ составъ южно-эѳіопской имперіи. Въ исторіи ихъ начинается новый фазисъ: до сего времени обособленныя, замкнутыя они постепенно сливаются въ одно неразрывное цѣлое со всѣмъ объединеннымъ Эѳіопскимъ нагорьемъ. Такіе перевороты легко не даются.

Области, не желавшія покориться добровольно, Менеликъ отдавалъ своимъ наиболѣе талантливымъ военачальникамъ, которымъ и предоставлялъ завоевать ихъ и „*кормиться съ нихъ*". Въ конецъ раззоренныя войною области эти, однако, не могли продовольствовать всего покорившаго ихъ войска, что вызывало завоеваніе сосѣднихъ, свободныхъ еще земель. Такимъ образомъ, мало по малу, росли владѣнія Менелика, и расширялись границы Абиссиніи.

На юго-западныхъ окраинахъ дѣйствовали три абиссинскихъ вождя: дадіазмачъ Тасама, дадіазмачъ Бешахъ и расъ Вальде-Георгисъ (въ то время еще дадіазмачъ).

Въ 1887 году Менеликъ отдалъ дадіазмачу Тасамѣ: Гому Бешаху-Геру, а расу Вальде-Георгису Лиму. Племена, населявшія эти земли, въ особенности Гому, оказали абиссинцамъ отчаянное сопротивленье. Не разъ Тасама долженъ былъ обращаться за помощью къ Вальде-Георгису, которую тотъ немедленно ему оказывалъ. Однажды, когда Тасама съ незначительнымъ отрядомъ былъ осажденъ въ своей крѣпости превосходными силами галласовъ, и боевые и продовольственные припасы были у него истощены, только своевременное прибытіе Вальде-Георгиса съ войсками спасло его отъ неминуемой гибели.

Въ своихъ военныхъ дѣйствіяхъ вожди эти придерживались одинаковой тактики: каждый изъ нихъ, придя въ новую

Возвращеніе войскъ раса Вальде-Георгиса послѣ завоеванія Каффы.

землю, выбиралъ наиболѣе выгодный стратегическій пунктъ и строилъ крѣпость или, вѣрнѣе, обнесенный высокимъ заборомъ и канавой, лагерь, а затѣмъ начиналъ производить набѣги на окружающія области до тѣхъ поръ, пока храбро защищавшіеся жители не приходили, наконецъ, къ убѣжденію, что дольше сопротивляться немыслимо и безполезно, и покорялись. Покорившимся оставляли ихъ самоуправленье и царька, а дѣтей его и выдающихся родовъ брали на воспитаніе, въ видѣ заложниковъ, область-же распредѣляли на *„кормленіе“* между частями войскъ, причемъ желающимъ изъ солдатъ отводили земельные участки и давали изъ покоренныхъ жителей по нѣсколько крѣпостныхъ.

Ради популярности у войска, военачальники, въ свободное отъ военныхъ дѣйствій время, устраивали при своемъ дворѣ нескончаемыя, обильныя пиршества. Отбитые у непріятеля быки закалывались ежедневно десятками, медъ лился рѣкой,—слава вождей росла съ каждымъ днемъ, а съ нею вмѣстѣ увеличивалась и численность ихъ войскъ... средства же завоеваннаго края, разумѣется, истощались.

Наиболѣе популярнымъ былъ расъ, тогда еще дадіазмачъ, Вальде-Георгисъ. Получивъ у Менелика разрѣшеніе завоевать находящіяся по другую сторону р. Годжеба-Куло и Конту, онъ привелъ въ исполненіе свой планъ въ одну кампанію; въ слѣдующія же — разгромилъ ленныя каффскія государства Гофу, Кушя, затѣмъ перешелъ р. Омо и завоевалъ Мэло, Боко и др., распространивъ свои владѣнія почти до оз. Стефаніи.

Въ то же время дадіазмачъ Тасама покорилъ всѣ земли, граничащія съ Каффой на сѣверѣ, а также родственную ей Мочу, такъ что къ началу 1896 года изъ большой Каффской имперіи, еще независимой, оставалась только сама Каффа, съ трехъ сторонъ уже оцѣпленная владѣніями своего воинственнаго сосѣда. На юго-востокѣ находился расъ Вальде-Георгисъ съ 15-ю тысячной арміей, на половину вооруженной ружьями. На востокѣ былъ ленный король Джиммы. На сѣверо-востокѣ — дадіазмачъ Демесье, сдѣлавшійся, послѣ итальянской кампаніи, начальникомъ расположеннаго въ Лекѣ, Герѣ и Гумѣ 8-ми тысячнаго корпуса гондарцевъ, вооруженныхъ ружьями. На сѣверѣ-же дадіазмачъ Тасама съ 8-ми тысячнымъ войскомъ, тоже вооруженнымъ ружьями.

Эти три вождя неоднократно пытались завладѣть Каффой, но, дѣйствуя разрозненно, не имѣли никакого успѣха: безрезультатно кончился первый походъ въ Каффу раса Вальде-Георгиса, неудача постигла и дадіазмачей Тасаму и Демесье.

Благодаря упорно державшейся молвѣ о неприступности Каффы и отчаянной храбрости ея населенія, Абиссинцы неохотно отправлялись въ эти походы. Трудность горныхъ дорогъ и сырость климата гибельно отражались на здоровьи людей и коней. Къ тому же и добычи тамъ предвидѣлось мало: густые лѣса и гористая мѣстность служили прекраснымъ средствомъ для укрыванія какъ скота и имущества, такъ и самихъ жителей.

Рѣшивъ сломить сопротивленіе Каффы и окончательно присоединить ее къ Эѳіопской имперіи, Мениликъ, въ 1896 году, приказалъ сразу атаковать ее съ трехъ сторонъ, причемъ главное начальство возложилъ на Вальде-Георгиса, заранѣе предоставивъ ему право владѣнія всѣми землями, которыя онъ завоюетъ.

Королемъ (Тато) Каффы былъ въ это время Тченито, вступившій на престолъ въ 1887 году по смерти своего отца Тато-Галито. Молодой храбрый, энергичный, онъ, зная любовь къ родинѣ и преданность ему народа, рѣшилъ бороться до послѣдней крайности.

Предвидя всю тяжесть предстоящаго сопротивленія, Тченито тщательно приготовлялся къ нему и дѣятельно принималъ мѣры къ защитѣ страны. Вдоль границъ онъ устроилъ рядъ заставъ, чтобы предупредить внезапное нападеніе. Главнымъ же средствомъ борьбы онъ считалъ уничтоженіе хлѣбныхъ запасовъ. Хорошо зная, что абиссинцы во время походовъ продовольствуются исключительно средствами края, Тато-Тченито издалъ приказъ, которымъ запрещалось производить какіе-либо посѣвы, кромѣ посадокъ „кого“ *). Онъ надѣялся, что недостатокъ продовольствія принудитъ абиссинцевъ къ отступленію, каффцы же, привыкшіе къ „кого“, могли питаться имъ однимъ. Къ тому же въ народѣ распространился слухъ, будто главному жрецу было откровеніе, что именно этимъ способомъ каффцы побѣдятъ абиссинцевъ.

Что въ предстоящей войнѣ король имѣлъ въ виду дер-

*) Musa enset.

Торжественный въѣздъ въ Адисъ-Абаба раса Вальде-Георгиса
съ плѣннымъ царемъ Каффы.

„Т-во ХУДОЖЕСТВ. ПЕЧАТИ" Английский, 28.

жаться исключительно оборонительнаго образа дѣйствій, видно, между прочимъ, изъ того, что, на случай бѣгства, онъ самъ обучалъ свою любимую жену верховой ѣздѣ.

Характеръ главнаго врага, раса Вальде-Георгиса, былъ хорошо извѣстенъ каффцамъ, и они не питали никакихъ иллюзій на счетъ готовящейся борьбы и возможнаго ея исхода. Тревожное чувство, царившее среди нихъ, порождало немало различныхъ слуховъ. Такъ, разсказывали, напримѣръ, что на одномъ изъ обѣдовъ, въ присутствіи Менелика, расъ Вальде-Георгисъ произнесъ торжественную клятву во что бы то ни стало покорить Каффу и взять въ плѣнъ ея короля. Какъ бы въ подкрѣпленіе своей клятвы, онъ залпомъ выпилъ громадный кубокъ, который потомъ бросилъ вверхъ съ такой силой, что онъ ударившись о потолокъ, разлетѣлся вдребезги.

Но все-таки, ни очевидное неравенство силъ, ни ничтожность шансовъ на успѣхъ, ни несомнѣнное раззореніе страны, въ случаѣ маловѣроятной побѣды, не могли остановить короля и его народа въ ихъ непоколебимой рѣшимости бороться до послѣдней возможности.

Въ ноябрѣ 1896 г. расъ Вальде-Георгисъ, первымъ изъ трехъ участниковъ похода, вступилъ въ Каффу изъ Куло, съ 10.000 человѣкъ и, предавая на пути все огню и мечу, дошелъ до гор. Андрачи, столицы Каффы, гдѣ и устроилъ укрѣпленный лагерь. Тато (король) Тченито отступалъ, безпрестанно тревожа тылъ и фланги абиссинцевъ своими кавалерійскими отрядами, такъ что первые дни ознаменовались безпрерывными стычками маленькихъ партій, причемъ абиссинцы, благодаря огнестрѣльному оружію, имѣли всегда перевѣсъ.

Утвердившись въ Андрачи, расъ Вальде-Георгисъ раздѣлилъ свое войско на большіе отряды, разославъ ихъ въ разныя стороны. Отряды эти опустошили страну, раззоривъ ее на многіе десятки верстъ въ окружности, скрывавшихся въ лѣсахъ женщинъ и дѣтей забирали въ плѣнъ и предавали огню все, что могло горѣть.

Но раззореніе страны далеко не вело еще къ покоренію ея: пока король былъ живъ и на свободѣ,—дѣло Каффы не могло еще считаться проиграннымъ. Вальде-Георгисъ зналъ это хорошо по опыту прежнихъ походовъ. Ужъ много разъ

абиссинцы раззоряли Каффу по частямъ, но, въ концѣ концовъ, почти всегда побѣдители отступали, вынужденные къ тому утомленіемъ войскъ, недостаткомъ провіанта и дурными климатическими условіями (два дождливыхъ періода въ году). По уходѣ же непріятеля, скрывавшійся король снова появлялся въ столицѣ, изъ дебрей и пещеръ выходили женщины и дѣти, пригонялся вновь скотъ, приносились благодарственныя жертвы, отстраивались сожженные дома, и... Каффа заживала по старому.

Во избѣжаніе этого, Вальде-Георгисъ рѣшилъ напречь свои силы и употребить всевозможныя средства, чтобы или убить короля, или захватить его въ плѣнъ. Съ этой цѣлью онъ организовалъ тайныя развѣдки и шпіонство, преимущественно при посредствѣ плѣнниковъ. Шпіонамъ платили довольно крупныя суммы, а плѣнниковъ, дѣйствовавшихъ по указанію Вальде-Георгиса, отпускали на свободу.

Какъ только получались свѣдѣнія объ убѣжищѣ Тато, Вальде-Георгисъ немедленно направлялъ туда значительныя силы. Король бѣжалъ въ другое мѣсто, но и это мѣсто находили и преслѣдовали такимъ образомъ неутомимо,—по пятамъ.

Положеніе короля затруднялось еще и тѣмъ, что на западныхъ и сѣверныхъ границахъ появились и начали дѣйствовать отряды Тасамы и Демесье. Послѣдній въ Февралѣ вступилъ въ Каффу изъ Гумы, а въ Мартѣ соединился съ Вальде-Георгисомъ и сталъ лагеремъ въ г. Бончѣ.

Силы Тато-Тченито скоро были окончательно разстроены. Разсѣянные и лишившіеся своего главнаго вождя, находясь въ полномъ невѣдѣніи относительно его судьбы и не зная, гдѣ онъ находится, каффцы не могли сплотиться для дружнаго отпора. Каждому изъ уцѣлѣвшихъ оставалось только думать о собственномъ спасеніи.

Оставаясь въ центрѣ и дѣйствуя оттуда во всѣ стороны летучими отрядами, Вальде-Георгисъ частью своего войска оцѣпилъ область, гдѣ находился король, занявъ отдѣльными отрядами всѣ главные пути на югъ, въ негритянскія земли, и поставилъ на всѣхъ дорожкахъ и тропинкахъ рядъ заставъ. Каждая изъ нихъ на охраняемомъ пути, въ наиболѣе узкомъ мѣстѣ, устраивала засѣку, узкія ворота и рядомъ съ ними—маленькое укрѣпленьице, въ видѣ высокаго,

окружавшаго караулку, забора. Система эта дала прекрасные результаты.

Жены короля, все его имущество и регалiи съ самаго

Жены Каффскаго царя.

начала попались въ руки расу. На свободѣ была только любимая жена Тченито, не разстававшаяся съ нимъ, но на шестомъ мѣсяцѣ блокады и она была взята въ плѣнъ.

Тяжело давалась королю его свобода. Остатки свиты его были разсѣяны; онъ лишился даже лошадей, но, несмотря на все это, онъ продолжалъ искусно скрываться, сопровождаемый только нѣсколькими вѣрными слугами.

Теперь жизнь короля ничуть не была похожа на ту изнѣженную и роскошную, которую онъ велъ до сихъ поръ. Окруженный со всѣхъ сторонъ тайными и явными врагами, принужденный терпѣть всевозможныя лишенiя, съ трудомъ добывая себѣ скудную пищу, не имѣя даже крова въ продолженiе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, (къ тому же въ самое скверное время года), Тченито, однако, выказывалъ такую силу

воли и такую смѣлость, доходившую до дерзости, что поражалъ своихъ противниковъ. Въ рубищѣ, одѣтый простымъ каффцемъ, онъ, по разсказамъ, появлялся иногда въ самомъ лагерѣ абиссинцевъ и благополучно уходилъ изъ ихъ рукъ.

Но и расу нелегко давалось преслѣдованіе. Когда въ концѣ Февраля начался первый дождевой періодъ, грязь сдѣлалась невылазной, дороги непроходимыми, въ войскахъ сталъ ощущаться недостатокъ продовольствія и, вслѣдствіе дурного питанія, началась эпидемія дизентеріи, уносившая массу жертвъ, въ особенности среди иррегулярныхъ частей, состоявшихъ изъ галласовъ и сидамо. Ко всему этому прибавился еще падежъ скота, а въ окрестностяхъ лагеря появились въ изобилія трупныя мухи.

Въ войскахъ поднялся ропотъ, и всѣ окружающіе раса стали настаивать на томъ, чтобы онъ отступилъ обратно въ Куло. Вальде-Георгису доказывали, что надежда на поимку короля была потеряна, и что оставаться дольше въ разграбленномъ и въ конецъ истощенномъ краѣ безцѣльно и гибельно. Расъ давалъ уклончивые отвѣты, обѣщалъ отступить, затягивалъ исполненіе своего обѣщанія съ недѣли на недѣлю, но твердо рѣшилъ въ душѣ не уходить изъ Каффы до ея полнаго покоренія. Чтобы сколько-нибудь развлечь войска, онъ предпринялъ маленькій набѣгъ въ Геше, нетронутую еще до того времени Каффскую область (которая лежитъ на вершинѣ хребта, возвышающагося до 3000 метровъ надъ уровнемъ моря), а дадіазмачу Демесье разрѣшилъ двинуться на южныя области Гимиро, но заставы и небольшой резервъ, блокировавшіе мѣсто нахожденія короля, онъ оставилъ на мѣстѣ.

Въ это время былъ весенній дождевой періодъ, и войска сильно страдали отъ холода.

Походъ въ Геше имѣлъ благотворное вліяніе на положеніе дѣлъ, такъ какъ ободрилъ начавшихъ-было падать духомъ солдатъ и далъ имъ возможность добыть немного съѣстныхъ припасовъ. Вернувшись въ Андрачи, расъ досталъ сѣмена перца и капустную разсаду и велѣлъ солдатамъ сажать ихъ.

Послѣ Пасхи, встрѣченной при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, наступилъ лѣтній дождевой періодъ, когда ни о пре-

Войска раса Вальде-Георгиса, послѣ завоеванія Каффы, преклоняются предъ Императоромъ.

слѣдованіи Тченито, ни даже объ отступленіи не могло быть и рѣчи. Король все еще былъ на свободѣ. Войска раса были окончательно истощены голодовкой и болѣзнями. Отъ множества труповъ въ Андрачи стоялъ нестерпимый смрадъ. Казалось, что расу, несмотря на его твердость духа, придется отложить задуманный планъ, но судьба рѣшила иначе. 14 августа 1897 года въ главномъ лагерѣ Вальде-Георгиса было получено донесеніе фитаурари Атырсье *), занимавшаго со своимъ полкомъ южныя заставы, что тато Тченито взятъ имъ въ плѣнъ.

Тченито, для котораго пребываніе среди абиссинскихъ заставъ становилось съ каждымъ днемъ все опаснѣе, задумалъ бѣжать въ южныя земли, принадлежащія неграмъ. Ночью, одѣтый простымъ каффцемъ, въ сопровожденіи только одного слуги, онъ рѣшилъ прорваться сквозь заставы. Его замѣтили и подняли тревогу. Тченито бѣжалъ въ ближайшій лѣсъ, который абиссинцы немедленно окружили. Утромъ они нѣсколько разъ прошли черезъ него цѣпью, но короля не нашли, и только вечеромъ одинъ солдатъ, отыскивая въ чащѣ пропавшаго мула, нечаянно наткнулся на Тченито. Король пустилъ въ солдата два копья, серебряное и мѣдное, но промахнулся, и, не надѣясь болѣе на спасеніе, сдался. Плѣннаго Тченито расъ приказалъ одѣть въ лучшія свои одежды и оказалъ ему королевскія почести. Замѣчательна была первая встрѣча побѣдителя съ побѣжденнымъ. Оба поклонились другъ другу до земли, а тато Тченито, снявъ съ руки три золотыхъ браслета, обратился къ расу съ просьбой принять этотъ даръ, сказавъ при этомъ слѣдующее: „Даю это тебѣ, мужу изъ мужей. Ни расу Гобанѣ, ни негусу Текле-Хайманоту, ни Тасамѣ, ни Демесье не удалось покорить меня, но ты это сдѣлалъ. Если ты откажешься носить эти браслеты, то я стану тебя презирать“.

О плѣненіи короля было возвѣщено разсѣянному народу, и война окончилась сама собой. Плѣнныхъ каффцевъ отпустили на свободу и черезъ нихъ объявили, чтобы всѣ, не опасаясь за жизнь, возвращались въ свои земли, и чтобы старики собрались въ гор. Андрачи. Начальники областей, въ большинствѣ случаевъ, остались прежніе, а на выдающіяся

*) Одинъ изъ командировъ полковъ раса.

должности были назначены лица, извѣстныя своими заслугами Абиссиніи. По возстановленіи мира, расъ съ плѣннымъ Тченито отправился въ Адисъ-Абабу, поручивъ своей женѣ съ небольшимъ отрядомъ охранять край. Остальныя войска получили отпускъ.

IV.

Андрачи (8-го—22 Января).

Андрачи расположенъ при сліяніи значительной рѣки Гуми съ р. Гичей, дѣлающей ниже города поворотъ на югъ и впадающей въ р. Омо.

Городъ находится на высотѣ около 1800 метровъ надъ уровнемъ моря; окруженный со всѣхъ сторонъ высокими горами, онъ живописно раскинулся на нѣсколькихъ холмахъ. Климатъ мѣстности, въ которой лежитъ Андрачи, очень влаженъ, вслѣдствіе частыхъ дождей, обильныхъ росъ и утреннихъ густыхъ тумановъ.

Андрачи, бывшій нѣкогда столицей каффскихъ королей, сдѣлался теперь резиденціей раса. Дворецъ каффскаго короля, воздвигнутый на вершинѣ одного изъ наиболѣе высокихъ холмовъ, былъ сожженъ по повелѣнію Вальде-Георгиса. На его мѣстѣ возвышается теперь новый, занимающій круглую, около 200 саж. въ діаметрѣ, площадь, обнесенную со всѣхъ сторонъ высокимъ заборомъ. Дворъ раздѣленъ болѣе низкими оградами на нѣсколько отдѣльныхъ участковъ, изъ которыхъ каждый съ находящимися на немъ постройками имѣетъ свое особое назначеніе: пріемныхъ комнатъ, или внутреннихъ покоевъ, или помѣщеній для хозяйственныхъ надобностей. Внутрь дворца ведутъ нѣсколько воротъ, изъ которыхъ одни считаются главными.

За главными воротами находится довольно большой дворъ, куда ежедневно съѣзжаются вожди раса и гдѣ они оставляютъ своихъ муловъ. Въ слѣдующіе дворы имѣютъ право входить только должностныя лица, офицеры или являющіеся къ расу по какому-либо дѣлу, или, наконецъ, подносящіе подарки. Во второмъ дворѣ находится только одно зданіе (рядомъ съ нимъ я разбилъ свою палатку. Раньше здѣсь находилась

пушка, убранная по моемъ пріѣздѣ). Третій дворъ, называющійся „адебабай", представляетъ изъ себя какъ бы тронный залъ. На противоположной отъ входа стѣнѣ устроена 2-хъ этажная вышка, на которой возсѣдаетъ расъ во время суда и торжественныхъ пріемовъ. Въ слѣдующемъ за тѣмъ меньшемъ дворѣ помѣщается „адерашъ"—большая столовая раса. Здѣсь, по воскресеньямъ, четвергамъ и праздничнымъ днямъ, расъ даетъ большіе обѣды „гыбыръ" и угощаетъ своихъ офицеровъ и солдатъ. Столовая, съ тремя дверьми, въ которой свободно можетъ помѣститься 1000 чел., нѣчто въ родѣ большого сарая безъ оконъ. Стѣны сдѣланы изъ связанныхъ кольевъ; внутри колоннада изъ толстыхъ столбовъ поддерживаетъ соломенную крышу. Около одной изъ стѣнъ, подъ балдахиномъ изъ бѣлой бумажной матеріи, стоитъ „альга"—тронъ, на которомъ возсѣдаетъ расъ во время торжественныхъ обѣдовъ. Невдалекѣ поставлены сначала большой (высотой въ 1½ арш.) диванъ, а къ нему другой, маленькій (высотой въ ¾ арш.), покрытые коврами; мѣсто, гдѣ они находятся, отдѣлено отъ остальнаго помѣщенія бѣлой занавѣской, которую опускаютъ, когда кушаетъ расъ, и поднимаютъ, когда входятъ приглашенные. Въ слѣдующемъ за „адерашемъ" дворѣ находятся внутренніе покои раса и его жены, а рядомъ—маленькіе домики двухъ дочерей его жены. Дворики, расположенные по обѣимъ сторонамъ отъ главныхъ дворовъ, съ помѣщающимися въ нихъ постройками имѣютъ хозяйственное назначеніе, какъ, напримѣръ, „гымжа-бьетъ", т. е. кладохранилище, гдѣ сберегаются деньги и имущество раса, „уоть-бьетъ"—кухни, „энджера-бьетъ" — хлѣбопекарни, „тэджъ-бьетъ" — медоварни, „сега-бьетъ"—скотобойни и т. д.

У всѣхъ воротъ дворца стоятъ привратники, вооруженные длинными палками. Ночью вокругъ „эльфиня" (спальни) выставляется караулъ.

Отъ стараго дворца уцѣлѣла только молельня каффскаго короля, пріютившаяся рядомъ съ дворцомъ раса въ рощѣ громадныхъ сикоморъ. Теперь она обращена въ церковь.

Скаты холма, на которомъ построенъ дворецъ, застроены хижинами солдатъ раса. На сосѣднихъ холмахъ возвышаются большіе дома его вождей, окруженные также низенькими хижинами ихъ солдатъ.

На большой площади передъ дворцомъ собирается два раза въ недѣлю базаръ, на который стекаются окрестные туземцы. Они обмѣниваютъ кофе, составляющій въ настоящее время единственное богатство края, на хлѣбъ изъ Джиммы.

Опредѣлить число жителей города очень трудно, такъ какъ Андрачи — ничто иное, какъ постоянный лагерь абиссинцевъ, не имѣющихъ въ немъ осѣдлости. Мѣстное постоянное населеніе совершенно отсутствуетъ.

Въ Андрачи я пробылъ 12 дней, съ 8-го по 22-е Января 1898 года, въ ожиданіи сбора дѣйствующаго отряда.

Первые три дня мы отдыхали и отлеживались послѣ путешествія. Люди спали почти цѣлый день и только вечеромъ, поужинавъ, оживлялись: усаживались вокругъ костра и распѣвали пѣсни. Раса я эти дни не видѣлъ. По абиссинскимъ обычаямъ считается особой вѣжливостью не безпокоить тотчасъ же прибывшаго съ пути приглашеніями. Каждый день утромъ и вечеромъ расъ присылалъ узнавать о моемъ здоровьѣ, въ свою очередь и я посылалъ своего ашкера передать расу мою благодарность за вниманіе и спросить о здоровьѣ его и его супруги. Къ обѣду и ужину эльфинь-ашкеръ (пажъ) раса Гомтеса приносилъ нѣсколько приготовленныхъ для меня по приказанію раса блюдъ и чуднаго тэджа (меда) въ небольшихъ графинчикахъ, окутанныхъ шелковымъ платочкомъ. Вечеромъ мнѣ доставляли „дурго". Длинная вереница женщинъ, съ корзинами, наполненными хлѣбомъ, кувшинами съ медомъ, горшками съ соусомъ и т. п., подходила къ моей палаткѣ. Одинъ изъ кухонныхъ „шумовъ"—начальниковъ, низко кланяясь, входилъ въ палатку и, указывая на принесенные дары, заставлялъ дефилировать передо мною носильщицъ. Мои ашкеры принимали „дурго", — причемъ хлѣбъ, согласно обычаю, обязательно пересчитывался. Одна изъ корзинъ, покрытая краснымъ кумачевымъ покрываломъ и выдѣлявшаяся своими размѣрами, обыкновенно была набита самыми тонкими энджера (хлѣбныя лепешки), предназначавшимися спеціально для меня.

Я занимался эти дни нанесеніемъ на карту моего маршрута до Каффы и производилъ солнечныя наблюденія *).

*) Работа эта была связана съ большими затрудненіями. Всякій разъ, какъ только я собирался производить наблюденія, меня окру-

Приходили ко мнѣ знакомиться нѣкоторые изъ приближенныхъ раса. Намѣстникъ Конта Белэта-Мэнота явился даже съ подарками—двумя курами и нѣсколькими талерами (серебряные рубли), отъ которыхъ я, къ его глубокому огорченію, отказался. Впрочемъ, онъ принесъ подарки не совсѣмъ безкорыстно, разсчитывая на богатые дары и съ моей стороны, и съ первыхъ же словъ сталъ просить подарить ему шляпу, шелковый бурнусъ, ружье, саблю и т. п. Ничуть не смущаясь моими отказами, онъ увѣренно говорилъ: „ну, если теперь нѣтъ, привези мнѣ въ слѣдующій разъ".

Кстати, о Белэта-Менота. Онъ — родомъ изъ Конты и исполняетъ тамъ обязанности регента до совершеннолѣтія короля. Ни одеждой, ни внѣшностью Менота не выдѣлялся изъ среды абиссинцевъ, только дикіе, вѣчно бѣгающіе любопытные и болѣе узкіе, чѣмъ у абиссинцевъ, глаза его обращали на себя вниманіе. Онъ старался держать себя съ достоинствомъ и вообще замѣтно подражалъ абиссинцамъ, но наивное любопытство и жадное попрошайничество всетаки выдавало въ немъ дикаря.

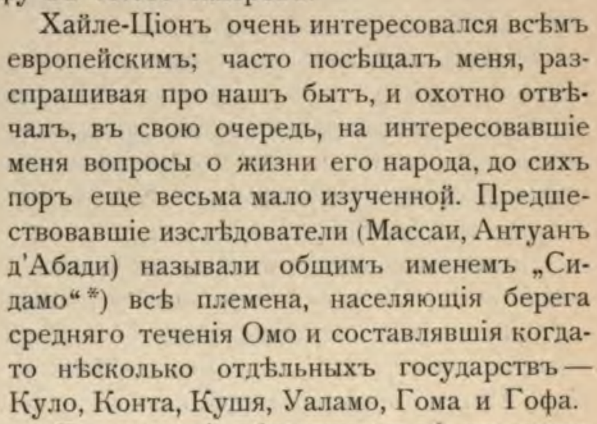
Белэта пріѣзжалъ къ расу съ данью и черезъ 2 дня уѣхалъ обратно въ свою землю. Передъ отбытіемъ онъ приходилъ прощаться со мной, приглашая меня къ себѣ въ гости. „Пріѣзжай ко мнѣ" — говорилъ онъ — „я дамъ тебѣ красивую жену, зарѣжу для тебя моихъ самыхъ тучныхъ быковъ и барановъ"...

Познакомился я также съ королемъ Куло, Хайле-Ціономъ. Это—еще совсѣмъ молодой человѣкъ, большого роста, съ правильными чертами лица. У него такіе же дикіе, бѣгающіе глаза, какъ и у Белэта-Менота, и такъ же, какъ онъ, Ціонъ мало отличается по внѣшнему виду отъ абиссинцевъ. По смерти отца, убитаго во время завоеванія Куло расомъ Вальде-Георгисомъ въ 1892 г., Хайле-Ціонъ бѣжалъ съ матерью въ сосѣднюю землю родственнаго племени Уаламо. Скоро, однако, онъ добровольно вернулся оттуда и изъявилъ покорность расу, который утвердилъ его на его

жала толпа любопытныхъ, которыхъ съ трудомъ удавалось разогнать моимъ ашкерамъ. Кромѣ того, и погода не совсѣмъ благопріятствовала занятіямъ. Не знаю, случайность ли это, или обыкновенное въ это время года явленіе,—но ежедневно небо, чистое послѣ разсѣявшагося утренняго тумана, къ полдню покрывалось облаками.

законномъ престолѣ съ тѣмъ, чтобы онъ признавалъ власть раса и платилъ ему дань.

Когда-Вальде Георгисъ устроилъ свою резиденцію въ Куло, Хайле-Ціонъ находился все время при немъ. Расъ окрестилъ его и самъ былъ его воспріемникомъ. Живя при дворѣ Вальде-Георгиса, король перенялъ абиссинскіе обычаи и манеры, изучилъ Св. Писаніе и черезъ нѣсколько лѣтъ, благодаря своимъ способностямъ, сталъ совершенно воспитаннымъ абиссинскимъ аристократомъ. Во время Итальянской войны, когда расъ ушелъ въ отдѣльную экспедицію противъ Аусскаго султана, Хайле-Ціонъ остался управлять страной. Народъ, думая воспользоваться отсутствіемъ абиссинцевъ, возмутился и принудилъ своего молодого короля принять участіе въ возстаніи. По возвращеніи раса, возстаніе улеглось само собою, и народъ вновь изъявилъ покорность. Король же, не сумѣвшій удержать страну отъ возстанія, былъ закованъ въ цѣпи и приговоренъ къ штрафу въ 10.000 талеровъ.

Подарокъ короля Куло.

Хайле-Ціонъ очень интересовался всѣмъ европейскимъ; часто посѣщалъ меня, разспрашивая про нашъ бытъ, и охотно отвѣчалъ, въ свою очередь, на интересовавшіе меня вопросы о жизни его народа, до сихъ поръ еще весьма мало изученной. Предшествовавшіе изслѣдователи (Массаи, Антуанъ д'Абади) называли общимъ именемъ „Сидамо“ *) всѣ племена, населяющія берега средняго теченія Омо и составлявшія когда-то нѣсколько отдѣльныхъ государствъ — Куло, Конта, Кушя, Уаламо, Гома и Гофа.

До покоренія абиссинцами, тѣ изъ этихъ государствъ, которыя населяли правый берегъ рѣки Омо, были, какъ я уже выше говорилъ, данниками Каффы.

11 *Января. Воскресенье.* На зарѣ я отправился въ церковь къ обѣднѣ. Въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ дворца,

*) Не знаю, насколько правильно дано названіе „Сидамо“ такъ какъ самому народу оно совершенно неизвѣстно. По типу „Сидамо“, походятъ на каффцевъ и абиссинцевъ, но въ нихъ незамѣтно присутствія семитической крови, какъ въ каффцахъ. Поразительно, между прочимъ,

на холмѣ, среди рощи громадныхъ сикоморъ, пріютилась церковь — большое круглое зданіе, крытое соломой. Расъ былъ уже въ наполненномъ народомъ храмѣ, когда я вошелъ туда. Внутри было темно. Только спустя нѣкоторое время, глазъ сталъ различать окружающіе предметы. Высокія толстыя деревянныя колонны поддерживаютъ зданіе. Съ восточной стороны помѣщается алтарь, отдѣленный отъ остальнаго помѣщенія бамбуковой перегородкой, завѣшанной бѣлой занавѣской. Въ алтарѣ трое вратъ, изъ кото-

---

различіе въ формѣ глазъ и ихъ выраженіи у „Сидамо" и абиссинцевъ. Какъ Куло, такъ и Конта считаютъ себя выходцами изъ области Дембеа въ Годжамѣ, населенной племенемъ Агауцевъ, также отличающимся отъ остальныхъ абиссинскихъ племенъ и тоже, повидимому, чуждыхъ семитической крови. „Сидамо" — очень умный, способный и трудолюбивый народъ, обожающій войну. Они очень храбры, но жестоки и кровожадны. Убійство на войнѣ у нихъ возведено въ культъ, и вернувшійся съ набѣга безъ вещественнаго доказательства своей побѣды подвергается всеобщему презрѣнію, какъ трусъ. Женщины тоже очень воинственны; онѣ сопровождаютъ своихъ мужей на войну и во время битвы ободряютъ сражающихся, разнося между ними кувшины съ опьяняющимъ пивомъ.

Культура „Сидамо" стоитъ на сравнительно высокой степени развитія. Здѣсь процвѣтаютъ хлѣбопашество, скотоводство и пчеловодство, добывается желѣзо, изъ котораго выдѣлываются стальныя и желѣзныя копья, кинжалы, сохи и т. п. Добывается также много хлопка, изъ котораго выдѣлываются извѣстныя въ Эфіопіи своей прочностью и доброкачественностію ткани. Одежда „Сидамо" не отличается отъ одежды прочихъ неабиссинскихъ племенъ. Оружіе состоитъ изъ метательныхъ копій самыхъ разнообразныхъ формъ, кинжала за поясомъ и круглаго большого щита.

Вѣруютъ они въ Бога, пребывающаго на небѣ, и называютъ Его „Тоса" (слово того же корня, что Деонтосъ — по каффски), поклоняются множеству другихъ таинственныхъ духовъ, отъ которыхъ зависитъ ихъ благополучіе. Имъ извѣстно имя Христа — „Кыйстосъ", Маріи — „Майрамъ", Георгія Побѣдоносца — „Георгисъ", а наряду съ этимъ діавола — сайтана и т. д. Они не размышляютъ о божествѣ, не стараются выяснить себѣ отношеніе Его къ тѣмъ существамъ, въ которыя они попутно вѣрятъ: излишнія, съ ихъ точки зрѣнія, подробности, знаніе которыхъ необходимо лишь волхвамъ, пользующимся выдающимся значеніемъ. Жрецъ-волхвъ знаетъ и лекарства отъ болѣзней, и виновника бѣдствій, и средства для его умилостивленія; вѣдомо ему и то, какъ устроить, чтобы несчастіе миновало. Надо только принести жрецу достаточные дары и жертвенное животное, которое онъ закалываетъ въ священной рощѣ, поваливъ его на правый бокъ.... Кровь жертвеннаго животнаго собираютъ въ чашку и выпиваютъ, предварительно

рыхъ однѣ—Царскія. Образовъ совсѣмъ не имѣется. Богослуженіе совершали два священника и три діакона. Одинъ изъ священниковъ, высокій старикъ со строгимъ, красивымъ лицомъ, обросшимъ длинной бѣлой бородой, другой — еще молодой человѣкъ, небольшого роста, худощавый. Облаченіе на нихъ было ветхое—убогія шелковыя ризы, вылинявшія отъ времени. Ризы надѣты поверхъ такихъ же шелковыхъ рубашекъ. Ноги босы, головы покрыты большими бѣлыми кисейными покрывалами, свѣшивавшимися на плеча и спину.

Діаконы, десяти-двѣнадцати лѣтніе мальчики, были одѣты совершенно такъ же, какъ и священники, только на голо-

---

смѣшавъ ее съ золою; по внутренностямъ же жрецъ гадаетъ, или давая совѣтъ, или требуя еще жертвы, такъ какъ первая оказалась недостаточной для божества.

Понятія о загробной жизни у „Сидамо" самыя туманныя. Они говорятъ, что человѣку, обладавшему хорошими качествами при жизни, будетъ хорошо и послѣ смерти, дурному же—плохо.

По умершемъ принято справлять поминки, причемъ родственники, въ знакъ траура, вымазываютъ себѣ голову грязью, одѣваются въ самыя старыя одежды, вырываютъ себѣ волосы и расцарапываютъ лицо до крови ногтями. Покойниковъ, обернутыхъ въ ткани и пальмовыя вѣтви, хоронятъ въ глубокихъ могилахъ, на днѣ которыхъ подъ одной изъ сторонъ выкапываются пещеры, куда кладутъ слоновую кость и различныя украшенія, принадлежавшія умершему. Смерть выдающагося лица сопровождается обыкновенно кровопролитіями. Часто любимая жена покойнаго кончаетъ жизнь самоубійствомъ; родственники же, полагая, что виновникомъ смерти былъ „дурной глазъ" когонибудь изъ недоброжелателей, отправляются на поиски врага, котораго иногда указываетъ жрецъ, или, если онъ ему не извѣстенъ, опредѣляютъ слѣдующимъ, довольно оригинальнымъ образомъ. На большой дорогѣ устраивается засада, первый попадающійся въ нее мужчина оказывается искомымъ недоброжелателемъ покойника и убивается. Родственники убитаго мстятъ, въ свою очередь, и возникаетъ кровавая родовая распря.

Семейный бытъ „Сидамо" очень похожъ на бытъ галласовъ и каффцевъ: также существуетъ многоженство, жены покупаются и становятся рабынями своихъ мужей. Мальчики обрѣзываются.

Образъ правленія—монархическій; престолъ переходитъ къ старшему сыну. Имѣется совѣтъ старѣйшинъ, представителей родовъ, населяющихъ государство; совѣтъ этотъ помогаетъ королю въ дѣлахъ управленія и отправленія правосудія. Король пользуется особымъ почетомъ. При встрѣчѣ съ нимъ подданные бросаются на землю со словами „мокуа ганда", что значитъ — „для тебя заживо похоронюсь", на что тотъ отвѣчаетъ: „мокуа пята"—„не хоронись".

вахъ не было покрывала. Всѣ они вмѣстѣ быстро читали (въ богослуженіи употребляется гезскій языкъ) и пѣли положенные по уставу возгласы и пѣснопѣнія (всѣхъ литургій—14). Мотивы очень трудно уловимы, вслѣдствіе постоянныхъ переходовъ изъ тона въ тонъ. Священнослужители по нѣскольку разъ становились передъ алтаремъ читать Евангеліе или кадить, причемъ большія обвѣшанныя бубенчиками кадильницы пріятно звучали. Когда настало время освященія Св. Даровъ, одинъ изъ діаконовъ вышелъ передъ Царскія Врата и, прислонясь въ характерной позѣ къ алтарю и низко опустивъ голову, сталъ продолжительно звонить въ небольшой мѣдный колокольчикъ. Затѣмъ началось оплакиваніе страданій и смерти Христа. Удивительно грустная и задушевная мелодія этихъ оплакиваній!.. Я замѣтилъ, что у священниковъ дѣйствительно лились слезы. Послѣ причащенія священнослужителей, Св. Дары вынесли для причастія молившихся. Св. Тѣло несъ одинъ изъ священниковъ на большомъ деревянномъ Дискосѣ, который поддерживали по сторонамъ два діакона, а другой—Св. Кровь въ стеклянной чашѣ *), надъ которой третій діаконъ держалъ распущенный зонтикъ. Сначала причастились мужчины; затѣмъ священники прошли въ южную часть храма, отдѣленную занавѣской, за которой стояли женщины, и, причастивъ ихъ, вернулись въ алтарь. Причащали сначала Св. Тѣломъ, которое свящнникъ отламывалъ отъ Агнца пальцами и клалъ въ ротъ причащавшемуся, а потомъ изъ лжицы Св. Кровью. По окончаніи обѣдни, начался молебенъ, во время котораго священники и діаконы вышли съ крестами и кадилами на амвонъ, а хоръ дабтаровъ *) запѣлъ хвалебныя молитвы.

Одинъ изъ „дабтаровъ", обладавшій высокимъ голосомъ запѣвалъ, очевидно, импровизируя, а хоръ продолжалъ при-

---

*) Для причащенія употребляется не вино, а сушеный тертый виноградъ, смѣшанный съ водой. Его привозятъ изъ Годжама или изъ Харрара. Нѣкоторыя изъ церквей сами разводятъ, впрочемъ, виноградники.

**) При каждой церкви живетъ многочисленное духовенство: нѣсколько священниковъ, діаконовъ и монаховъ, и, наконецъ, „дабтары", т. е. ученые, книжники. Это—лица, которыя приготовляли себя къ духовному званію, но по разнымъ причинамъ не были посвящены въ

пѣвъ, ударяя въ тактъ въ мѣдныя побрякушки *), а другой, сидя на полу, акомпанировалъ, ударяя ладонями въ длинный барабанъ. Мало по малу медленный темпъ пѣнія началъ ускоряться, пѣвцы все больше и больше воодушевлялись, удары въ барабанъ участились и усилились, побрякушки замолкли, и раздалось хлопанье въ тактъ въ ладоши. Неподвижная вначалѣ группа пѣвцовъ заколыхалась. Воодушевленіе перешло въ экстазъ. Пѣвцы присѣдали въ тактъ пѣсни, нѣкоторые вышли на середину церкви со своими, въ человѣческій ростъ длинными посохами, на которые они упирались во время богослуженія, и начался священный танецъ. Плясавшіе поднимались на носки, опускались въ тактъ пѣсни, опять поднимались и, вытянувъ руки, плавно двигались. Глаза ихъ, обращенные къ небу, горѣли... Воодушевленіе достигло крайняго предѣла и передавалось толпѣ; даже спокойное, строгое лицо старика-священника оживилось, и самъ онъ сталъ присѣдать въ тактъ поющимъ... Наконецъ, хоръ кончилъ. Священникъ прочиталъ молитву. Одинъ изъ „дабтаровъ" сталъ быстро обходить молящихся и назначать имъ по группамъ святаго, которому бы они молились. Онъ обошелъ, такимъ образомъ, нѣсколько разъ молящихся, пока не были перечислены всѣ святые. Потомъ, по прочтеніи отпустительнаго „Отче нашъ", всѣ приложились ко кресту и вышли изъ церкви.

Богослуженіе произвело на меня неизгладимое впечатлѣніе. Темная, похожая на сарай церковь, убогая, нищенская обстановка, но какой экстазъ, какая сила вѣры у этихъ черныхъ христіанъ. Какая проникновенная молитва, какое

духовный санъ. „Дабтары" ведутъ свѣтскую жизнь, но причислены къ причту, обучаютъ дѣтей въ церковныхъ школахъ, занимаются перепиской книгъ и поютъ во время богослуженія. Среди нихъ попадаются люди, въ высшей степени начитанные и, съ абиссинской точки зрѣнія, образованные. Одинъ изъ „дабтаровъ", пользующійся наибольшимъ уваженіемъ среди своихъ товарищей и прихожанъ, назначается расомъ завѣдывать церковью, живущими при ней и церковнымъ имуществомъ.

*) Побрякушки эти состоятъ изъ ручки, къ которой прикрѣплены двѣ параллельныя мѣдныя пластинки, соединенныя на верху стержнемъ. На стержень надѣты мѣдныя кольца, которыя, ударяясь о пластинки инструмента, при его раскачиваніи, издаютъ очень пріятный звукъ.

глубокое, трогательное чувство сіяетъ на лицахъ этихъ беззавѣтно преданныхъ своей религіи людей!... Воображеніе невольно переносило меня въ первые вѣка христіанства...

Я сѣлъ на мула и, окруженный толпой моихъ слугъ, медленно поѣхалъ домой. Было чудное, тихое утро, ярко сіяло солнце. Деревья цвѣли и наполняли чистый, рѣдкій, горный воздухъ ароматами. Какъ красивы окружающія насъ громады горъ, теряющіяся въ ярко, ярко синемъ небѣ!..

Не успѣлъ я вернуться домой, какъ пришелъ Гомтеса и просилъ меня отъ имени раса пожаловать на большой обѣдъ и одолжить ему мой складной столъ, стулъ и столовый приборъ. Я отвѣтилъ, что съ удовольствіемъ принимаю приглашеніе, но прошу не заботиться о доставленіи мнѣ европейскихъ удобствъ, такъ какъ я знаю обычаи страны и привыкъ къ нимъ. Въ девять часовъ пришелъ за мной агафари (камергеръ), и я торжественно отправился въ адерашъ (столовую), конвоируемый всѣми моими ашкерами съ ружьями на плечо̀. Когда я вошелъ въ столовую, занавѣска была уже опущена, и расъ сидѣлъ на своемъ диванѣ и мылъ руки. Рядомъ съ нимъ на коврѣ съ одной стороны сидѣлъ дадіазмачъ Балай, а съ другой—былъ приготовленъ стулъ для меня. Раса окружали наиболѣе приближенные слуги. За диваномъ стоялъ главный оруженосецъ раса—Ильма, громаднаго роста, съ густой черной бородой, красавецъ-галласъ. Напротивъ, живописно прислонясь къ колоннамъ, поддерживающимъ крышу, расположились гофмаршалъ раса, азаджъ Габре и нѣсколько агафари (начальниковъ охраны), художественно задрапировавшись въ свои бѣлыя шаммы. Они держали въ рукахъ хлыстики—эмблему ихъ власти во время пріемовъ. Передъ расомъ и передо мной поставили двѣ большія корзины, покрытыя красными кумачевыми покрывалами. Вереница кухарокъ, одѣтыхъ въ перехваченныя на таліи рубашки, принесла множество разной величины горшечковъ съ кушаньями, а главная кухарка, довольно красивая женщина, одѣтая чище другихъ, съ серебряными серьгами и такимъ же ожерельемъ на шеѣ, сняла покрывала съ нашихъ корзинъ. Асалафи раса (особая должность, въ переводѣ—подающій ѣсть) опустился передъ корзиной на колѣни и, давъ попробовать каждаго кушанья принесшей его кухаркѣ, сталъ вынимать ихъ на ломтикахъ энджеры и раскладывать предъ

расомъ. Асалафи, удивительно красивый юноша чистаго семетическаго типа, происходитъ изъ одной выдающейся тигрэйской фамиліи: онъ воспитывался при дворѣ раса и, вѣроятно, получитъ вскорѣ какое-нибудь болѣе высокое назначеніе, т. е. сотню или полкъ.

Для меня расъ приготовилъ особый обѣдъ, который, по его мнѣнію, долженъ былъ удовлетворить вкусу европейца. Вотъ меню: 1) жареная курица, 2) поджаренные на сковородѣ тоненькіе ломтики мяса, 3) поджаренные на угляхъ бычачьи ребра, 4) афиле *)—абиссинское національное блюдо, 5) скобленое, свареное въ маслѣ мясо и, наконецъ, 6) яйца въ смятку.

Очень важно приносилъ Гомтеса—пажъ раса—эти кушанья въ маленькихъ эмалированныхъ чашечкахъ, пряча ихъ подъ своей полой, чтобы не испортилъ чей-нибудь дурной глазъ, и ставилъ передо мной на корзину. Я былъ голоденъ и, къ большому удовольствію раса, ѣлъ все съ большимъ аппетитомъ: и вареное, и жареное мясо, и яйца въ смятку и пр.

Когда мы съѣли на половину нашъ обѣдъ, за занавѣску стали допускаться и другіе почетные приглашенные—командиры полковъ и старшіе офицеры. Наконецъ, намъ подали кофе въ миніатюрныхъ фарфоровыхъ чашечкахъ безъ ручекъ и затѣмъ открыли двери, чрезъ которыя стали входить непрерывной вереницей остальные гости. Чинно, не торопясь, обернувъ свои одежды вокругъ пояса и ногъ и держа свободный конецъ на лѣвой рукѣ, появлялись они и граціозно опускались на полъ, располагаясь тѣсными кружками вокругъ корзинъ, на которыхъ лежало по стойкѣ хлѣбныхъ лепешекъ „энджеры“ (нѣсколько ломтиковъ ея было обмокнуто въ перцовый соусъ). Скоро обѣденный залъ наполнился пестрой толпой пирующихъ. Надъ каждымъ кружкомъ обѣдавшихъ одинъ изъ слугъ, перегибаясь отъ тяжести, держалъ по большому куску бычачьяго мяса. Всѣмъ роздали по длинному

---

*) Афиле приготовляется слѣдующимъ образомъ. Задняя нога барана освобождается отъ берцовой и голенной костей, мясо разрѣзается на длинныя, тонкія полосы, которыя, вися на крайней кости, образуютъ родъ метелочки. Мясо опускается затѣмъ на нѣсколько минутъ въ кипящій соусъ, приготовленный изъ масла, гороховой муки, краснаго перца и другихъ пряностей, и—блюдо готово.

Азаджъ-Габро́ и Баша́ Вальде-Марсамъ.

тонкому, оправленному въ слоновую кость, ножу. Облюбовавъ кусокъ мяса, каждый по очереди вырѣзалъ его и ѣлъ, весьма ловко отрѣзая кусочки у самыхъ зубовъ движеніемъ ножа снизу вверхъ такъ быстро, что я положительно не понималъ, какъ у нихъ оставались цѣлы носы и губы.

Цѣпь виночерпіевъ черезъ весь залъ ловко передавала пирующимъ громадные роговые кубки меда. Появился странствующій пѣвецъ и, ставъ по серединѣ комнаты, запѣлъ подъ акомпаниментъ инструмента, похожаго на скрипку, героическія пѣсни и импровизаціи въ честь раса *).

Зелепукинъ былъ въ числѣ приглашенныхъ. Его посадили около дивана раса; передъ нимъ стояла корзина, изъ которой я передъ тѣмъ ѣлъ. Но, относясь скептически къ чернымъ иноземцамъ, онъ только недовѣрчиво поглядывалъ на предлагаемыя ему блюда, совершенно не дотрогиваясь до нихъ. Своимъ коренастымъ сложеніемъ и мускулистостью, Зелепукинъ производилъ сильное впечатлѣніе на абиссинцевъ. Въ особенности онъ нравился расу, не называвшему его иначе, какъ „Зохонъ"—слонъ. Поглядывая съ нескрываемымъ удовольствіемъ на Зелепукина, расъ спросилъ меня, всѣ ли солдаты у насъ, въ Россіи, такіе молодцы? Нужно замѣтить, что у абиссинцевъ сложилось, по ихъ знакомству съ итальянцами, довольно нелестное мнѣніе объ европейскихъ солдатахъ, именно, что они всѣ тщедушны и малосильны.

Первая очередь обѣдающихъ, какъ только насытилась, встала по знаку агафари и вышла; на ея мѣсто тотчасъ же явилась вторая, за ней третья и, наконецъ, четвертая. Расъ же и его почетные гости все время продолжали сидѣть на

---

*) Инструментъ этотъ называется „масанко". Сдѣланный въ формѣ ромба, онъ обшитъ кожей и у одного изъ угловъ снабженъ тонкимъ длиннымъ концомъ. На масанко всего одна струна, на которой играютъ смычкомъ. Пѣвцы, насколько я убѣдился, владѣютъ этимъ инструментомъ въ совершенствѣ. Музыкальный вкусъ абиссинцевъ, повидимому, совершенно отличенъ отъ нашего. Европейская музыка не производитъ на нихъ никакого впечатлѣнія и не нравится имъ. Они предпочитаютъ свои пѣсни, съ неуловимымъ, большею частью, для нашего уха мотивомъ, съ безконечными трелями, переходами изъ тона въ тонъ. Отъ пѣвца для бóльшаго выраженія чувства требуется неестественное пѣніе въ носъ, къ которому примѣшиваются хриплые горловые звуки.

своихъ мѣстахъ, ведя между собою пріятную бесѣду и осушая одинъ за другимъ маленькіе графинчики тэджа (меда). Подавали также и красное вино—„бурдо"—какъ его называлъ расъ—и мѣстную, выкуренную изъ меда, водку.

Разговоры касались больше военнаго дѣла и охоты. Расъ и его боевые товарищи вспоминали „минувшіе дни и битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они". Съ захватывающимъ интересомъ слушалъ я про сраженіе при Эмбабо въ 1886 г., во время войны съ негусомъ Годжамскимъ. Не выдержавъ перваго натиска Годжамцевъ, все войско Менелика бѣжало, и только самъ Императоръ, тогда еще король, оставался спокойно на своей позиціи, на возвышенномъ холмѣ. Вдругъ онъ открылъ по Годжамцамъ изъ своихъ, единственныхъ въ то время, 2000 ружей такой убійственный огонь, что тѣ дрогнули. Въ этотъ моментъ подоспѣвшій расъ Гобана атаковалъ Годжамцевъ сзади, и врагъ обратился въ бѣгство. Расъ взялъ тогда лично въ плѣнъ 40 человѣкъ. Слушалъ я и про Аусскій походъ 1895 г. и про атаку Данакилей въ бою у рѣки Хауаша. Въ этотъ день погибло такъ много Данакилей, что абиссинцы, ставъ на ночь лагеремъ на самомъ полѣ битвы, привязывали палаточныя веревки къ трупамъ. Разсказывали и про то, какъ ужасно было возвращеніе отряда раса изъ этого похода, походившее на бѣгство, но не отъ враговъ, а отъ страшныхъ Хаушскихъ лихорадокъ, уносившихъ ежедневно массы жертвъ.

Разспрашивалъ расъ и меня про наши войска, и про способъ веденія войны. Объ европейскихъ войскахъ, какъ я уже, между прочимъ, указывалъ, абиссинцы составили довольно нелестное мнѣніе. Въ ихъ глазахъ они представляются хотя и дисциплинированной, но въ высшей степени неподвижной массой, все дѣйствіе которой въ бою сводится исключительно къ стрѣльбѣ. Я счелъ нужнымъ опровергнуть такой взглядъ относительно русскихъ. Его это очень удивило.

— Мы атакуемъ въ штыки, „на ура", кавалерія же—„въ шашки",—сказалъ я расу.

— Я думалъ—замѣтилъ онъ въ отвѣтъ,—что „фрэнджи" только стрѣляютъ, а если вы атакуете съ холоднымъ оружіемъ въ рукахъ, значитъ, вы, дѣйствительно, — хорошіе солдаты.

Спросилъ онъ меня, между прочимъ, и о томъ, пьютъ ли у насъ тэджъ и устраиваютъ ли такіе, какъ у нихъ, пиры.

Я ему разсказалъ, что въ далекое старое время у насъ почти все было довольно похожимъ на ихъ бытъ, разсказалъ ему про Св. Владиміра, про его пиры, крещенье, про его отвѣтъ магометанскимъ посламъ:—„Руси веселіе есть пити". Мой разсказъ такъ понравился расу, что онъ немедленно пересказалъ его своимъ приближеннымъ, которые единогласно рѣшили, что русскіе, навѣрное, должны быть истинными христіанами.

Только въ два часа дня разошлись мы съ обѣда, за который сѣли въ 9 час. утра.

12 Декабря. Въ Андрачи вступилъ полкъ (2000 чел.) фитаурари Имама, раньше расположенный въ дальнихъ областяхъ Диме и Мело, на лѣвомъ берегу р. Омо. Расъ пригласилъ меня смотрѣть на прибытіе полка. Мы расположились съ нимъ на вышкѣ, въ адебабаѣ (судилищѣ), высматривая появленіе на дорогѣ войска. Наконецъ, на вершинѣ противоположной горы показался отрядъ, вытянувшійся четырьмя колоннами по узкой, окаймленной по бокамъ густымъ кустарникомъ, дорожкѣ. Онъ медленно приближался, пестрѣя множествомъ флаговъ, бѣлоснѣжными шаммами солдатъ и блестя на солнцѣ оружіемъ и доспѣхами.

Вальде-Георгисъ узнавалъ въ подзорную трубу большинство офицеровъ и многихъ солдатъ, и отъ его зоркаго глаза—военачальника—не ускользали даже мелкія подробности ихъ одежды и вооруженія; даже мулы и лошади, зачастую, оказывались ему извѣстными. Расъ въ характерныхъ восклицаніяхъ выражалъ свои впечатлѣнія. „Вонъ такой-то",—быстро говорилъ онъ,—„смотри, сѣрый-то мулъ, котораго я далъ ему въ прошломъ году, кажется, приморился."—„Вонъ у такого-то ленты на головѣ; вѣрно, слона убилъ" и т. п.

Спустившись съ горы и перейдя ручей, протекающій у подножья холма, на которомъ расположенъ дворъ раса, отрядъ вышелъ на площадку передъ дворцомъ, построивши фронтъ въ двѣ линіи. Въ первой—за начальникомъ, стали въ нѣсколько шеренгъ (2—4) всѣ конные, за ними, шагахъ въ 25,—всѣ пѣшіе. Полкъ остановился передъ воротами, конные спѣшились; муловъ и лошадей взяли слуги или болѣе молодые солдаты; всѣ же остальные быстро и шумно вбѣжали въ адебабай и выстроились фронтомъ глубиною въ 4—5 шеренгъ, покоемъ передъ вышкой раса, причемъ всѣ офи-

церы, а также отличенные нижніе чины составили первую шеренгу.

Замѣчательно красивое зрѣлище представляло это войско! Въ каждомъ изъ солдатъ видно было сознаніе собственнаго достоинства, гордости... Какъ мужественны были выраженія лицъ этихъ закаленныхъ въ бояхъ воиновъ, какъ непринужденна и величественна была ихъ осанка!...

На босыхъ, одѣтыхъ въ бѣлые полотняные штаны, людяхъ были богатыя шелковыя рубашки и расшитыя золотомъ, разноцвѣтныя бархатныя лэмды (накидки), или лэмды изъ шкуры льва, леопарда, барса, или, наконецъ, длинно-

Боевая накидка изъ львиной шкуры.

шерстнаго барана. Щиты у многихъ были украшены серебромъ. На головахъ убившихъ слона красовались ленты зеленыя, желтыя и красныя, а у другихъ, убившихъ въ Аусскомъ походѣ Данакиля,—

маленькія серебряныя коронки—калеча—боевыя отличія, или

Боевая накидка.

Щитъ съ серебр. украшеніями. Боевое отличіе.

Головная повязка изъ львиной шкуры. Боевое отличіе.

серебряные шлемы, съ висящими на лицо серебряными же цѣпочками. У нѣкоторыхъ офицеровъ голова была повязана лентой, вырѣзанной изъ львиной гривы—это амфара*), соотвѣтствующій нашему Георгію. У многихъ, за подобраніе раненыхъ въ бою, сабли съ серебряными наконечниками, а у убившихъ врага одной саблей—съ серебряными кольцами.

Когда полкъ построился, спокойно и съ глубокимъ сознаніемъ собственнаго достоинства выступилъ впередъ командиръ полка—фитаурари Имамъ со своими

*) Лемдъ, амфара, сабля съ серебрянымъ украшеніемъ, серебряный щитъ, калеча—то же, что наши ордена съ мечами. Украшенная же золотомъ сабля, довольно рѣдкое отличіе, дается только старшимъ офицерамъ и генераламъ и соотвѣтствуетъ нашему золотому оружію.

старшими офицерами. Съ вышки раздалось привѣтствіе раса: „эндьетъ сонобататчухъ!“ Фитаурари и весь полкъ въ отвѣтъ низко поклонились: какъ одинъ человѣкъ, положили они ружья передъ собою и, припавъ на одно колѣно, склонили головы до самой земли и легко, быстро вновь поднялись. Не приниженность предъ неограниченнымъ владыкой чувствовалась въ этомъ поклонѣ, а преданность любимому вождю. Послѣ перваго поклона командиръ полка сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и на второе привѣтствіе раса отвѣтилъ такимъ же поклономъ. Наконецъ, когда онъ приблизился къ самой вышкѣ, послѣдовало еще одно привѣтствіе— третій поклонъ, и оффиціальная часть встрѣчи закончилась.

Войска смѣшались со встрѣчавшими. Старые друзья и знакомые отыскивали другъ друга и троекратно цѣловались. Получалось такое впечатлѣніе, какъ будто цѣловалась вся сплошная толпа. Расъ перешелъ въ адерашъ (столовую), гдѣ пришедшимъ войскамъ былъ устроенъ пиръ, совершенно такой же, какъ описанный мною выше.

Характерный типъ абиссинскаго вождя представляетъ изъ себя фитаурари Имамъ, еще молодой, замѣчательно красивый, энергичный, извѣстный беззавѣтной храбростью и обожаемый своими людьми. 14-ти-лѣтнимъ мальчикомъ попалъ онъ ко двору раса и, сдѣлавшись его эльфинь-ашкеромъ (пажомъ), сопровождалъ его во всѣхъ походахъ. Сначала онъ только слѣдовалъ за муломъ раса, неся псалтирь, или саблю, или кубокъ для воды, но, сдѣлавшись старше, раздобылъ себѣ копье и самъ сталъ принимать участіе въ бояхъ. Наконецъ, ему дали ружье, десятокъ патроновъ, и съ этого времени началась его боевая карьера. Вскорѣ расъ сдѣлалъ Имама своимъ агафари (камергеромъ) и начальникомъ своей личной охраны, а нѣсколько лѣтъ тому назадъ произвелъ его въ чинъ фитаурари. Имамъ получилъ въ свое командованіе около 300 солдатъ, нѣсколько сотъ ружей и нѣсколько тысячъ патроновъ, а на кормленіе отряда—одну изъ окраинныхъ областей. Съ этого момента ему было предоставлено набирать себѣ такую дружину, какую онъ окажется въ состояніи содержать. Изъ 300 человѣкъ своей команды Имамъ выбралъ наиболѣе способныхъ и выдающихся людей и назначилъ ихъ тысяченачальниками, сотниками и пятидесятниками, раздѣливъ между ними остальныхъ

солдатъ, и предоставилъ имъ пополнять свои части, какъ хотятъ. Въ настоящее время его полкъ съ 300 человѣкъ возросъ до 2000.

Описанное мною образованіе отряда Имама представляетъ собой прототипъ возникновенія всѣхъ абиссинскихъ частей.

13 Января. Утро я провелъ съ расомъ, разсматривая карту театра будущихъ военныхъ дѣйствій. Расъ принялъ меня во дворѣ своего эльфиня (внутренніе покои), подъ невысокимъ, прислоненнымъ къ забору, крытымъ соломой навѣсомъ. Мѣсто это было любимымъ рабочимъ кабинетомъ раса. Отсюда открывался чудный видъ на окружающія Андрачи горы. Когда я вошелъ, расъ занимался со своимъ секретаремъ—Алока-Мелке текущими дѣлами и, сидя на диванѣ, диктовалъ ему какую-то бумагу. Алока-Мелке—красивый юноша, нѣсколько лѣтъ тому назадъ бывшій діакономъ, расположившись на полу, быстро писалъ на положенной на колѣно бумагѣ. Почти безпрерывно раздавался скрипъ его тростниковаго пера, которое онъ, то и дѣло, обмакивалъ въ чернильницу, сдѣланную изъ гильзы патрона и помѣщавшуюся между пальцами его правой ноги. Когда бумага была дописана, секретарь удалился, и мы остались съ расомъ вдвоемъ. Я разложилъ на полу составленную мною и надписанную по абиссински карту, и мы стали ее разсматривать. Узнавъ, гдѣ находятся Андрачи и Адисъ-Абаса, расъ самъ оріентировалъ карту и постарался выяснить себѣ относительныя разстоянія между интересующими его пунктами и постигнуть совершенно невѣдомое ему понятіе о градусѣ,—„мээрыгъ", какъ называлъ его императоръ Менеликъ. Расъ закидалъ меня вопросами. Какъ далеко до озера Рудольфа? Сколько градусовъ? Какъ велико разстояніе до операціонной линіи дадіазмача Тасамы? Гдѣ находится второй градусъ? Почему такіе большіе вышли два градуса? Откуда ихъ считаютъ? Пришлось прочесть лекцію о шаровидности земли, дать понятіе объ экваторѣ, широтѣ мѣста, гдѣ мы находимся, и т. п.

— Почему тамъ, куда мы поѣдемъ, нѣтъ ни надписей, ни рѣкъ?—спросилъ меня расъ.

Я отвѣчалъ, что мѣстность эта до сихъ поръ еще не изслѣдована. Расъ покачалъ головой и задумался. Дѣйствительно, предстояла не легкая задача: было приказано покорить и присоединить къ Абиссиніи громадную территорію,

расположенную между Каффой, оз. Альберта и оз. Рудольфа до 2° с. ш., противодѣйствуя при этомъ всякой другой державѣ, которая возымѣла бы подобное же намѣреніе. Край, который расъ долженъ былъ завоевать, былъ совершенно неизвѣстенъ абиссинцамъ. Всѣ имѣвшіяся свѣдѣнія относились только къ самому ближайшему отъ Каффы району и къ живущему тамъ племени Шуро. Оставалось совершенной загадкой, какое пространство занимаетъ Шуро, кто его сосѣди, есть ли, вообще, таковые, наконецъ, что представляетъ изъ себя мѣстность, находящаяся за границами этого племени, и богата ли она хлѣбомъ.

Продовольствовать войска можно было только путемъ реквизиціи, т. е. сомнительными средствами *совершенно неизвѣстнаго края*; другой способъ, въ виду большой численности отправлявшагося въ походъ корпуса и недостаточности подъемныхъ силъ раса, оказывался немыслимымъ тѣмъ болѣе, что на подготовку похода и на развѣдку театра дѣйствій не было достаточно времени. Императоръ Менеликъ, вслѣдствіе политическихъ соображеній, требовалъ отъ раса выполненія возложенной на него задачи въ этомъ же году, а до періода дождей оставалось всего пять мѣсяцевъ.

Въ экспедиціонный корпусъ должны были войти 16,000 человѣкъ, изъ нихъ 10,500 солдатъ регулярныхъ войскъ имѣли ружья, остальные же—добровольцы галласкаго и другихъ племенъ—одни копья *).

---

*) Регулярныя части, принявшія участіе въ экспедиціи (въ дальнѣйшемъ моемъ изложеніи я буду называть ихъ полками), и мѣста ихъ расположенія до похода были слѣдующія:

1)	полкъ	Атырсье	1000	чел. земля	Кучя.
2)	„	Фарисъ	800	„ „	Кошя.
3)	„	Габро-Маріамъ	800	„ „	Конта.
4)	„	Чабуде	800	„ „	„
5)	„	Убье	600	„ „	Гофа.
6)	„	Имамъ	2000	„ „	Мэло и Димэ.
7)	„	Дамти	1000	„ „	Бако, Шангама, Ара.
8)	„	Дубье	500	„ „	Куло.
9)	„	Алемнеха	500	„ „	„
10)	„	Андарге	300	„ „	„
11)	„	Замадьянеха	600	„ „	„
12)	„	Вальде-Тенсае	600	„ „	Лиму.

13) Заваньогъ (личная охрана раса)—Менширъ 500 чел. Численность полковъ округлена, на самомъ же дѣлѣ число ружей было 10.449.

Одна часть этихъ войскъ была расположена въ центрѣ владѣній раса, другая—по ихъ окраинамъ. Всѣ солдаты получали продовольствіе изъ той мѣстности, въ которой были расположены, и командиры частей были въ то же время и администраторами, и главными судьями въ своихъ областяхъ. Во внутреннихъ, совершенно умиротворенныхъ, провинціяхъ солдаты надѣлялись участками земли и нѣсколькими закрѣпощенными туземцами. Въ мирное время они жили на своихъ надѣлахъ и кормились съ нихъ. Въ окраинныхъ областяхъ, не вполнѣ еще успокоившихся, система военныхъ поселеній была непримѣнима, тѣмъ болѣе, что почти всегда войска были подъ ружьемъ, въ набѣгахъ на сосѣднія земли. Они жили въ укрѣпленныхъ лагеряхъ; нужное количество продовольствія доставляли имъ туземные начальники, собирая его со своихъ соплеменниковъ, подъ угрозой реквизиціи въ случаѣ недоставки продовольствія въ достаточномъ размѣрѣ.

Въ денежномъ и вещевомъ довольствіи окраинныя части были совершенно приравнены къ внутреннимъ. Каждый солдатъ получалъ ежегодно изъ казны раса отъ пяти до пятнадцати талеровъ на покупку осла, лошади или мула,—что зависѣло отъ заслуженности воина, одну верхнюю одежду-шамму и холстъ на двѣ пары штановъ.

Пять полковъ назывались „уаруари“ и считались войсками императора, остальные же были собственными войсками раса. Въ каждомъ изъ этихъ полковъ часть солдатъ была конной и часть пѣшей. Болѣе состоятельные и послужившіе уже нѣкоторое время солдаты заводили себѣ лошадь или мула, молодежь же и бѣдные ихъ не имѣли. На роды оружія войска не подраздѣлялись.

Интересно происхожденіе „уаруари“. По воцареніи Менелика въ Шоа, 11-ти лѣтній Вальде-Георгисъ поступилъ на службу къ негусу въ качествѣ его эльфинь-ашкера (пажа). Онъ сопровождалъ Менелика во всѣхъ походахъ и сдѣлался скоро однимъ изъ его любимцевъ. Такую же должность занималъ и расъ Маконенъ, двоюродный братъ и большой другъ Вальде-Георгиса. Они вмѣстѣ переносили всѣ тягости своего положенія: мерзли по ночамъ въ походахъ подъ однимъ покрываломъ у входа въ палатку Менелика, бывали счастливы, когда кто-нибудь изъ старшихъ позволялъ имъ допить недопитый графинчикъ тэджа или доѣсть остатки мяса.

Однажды, въ 1870 году, императору доложили, что пришли три молодыхъ солдата, служившихъ раньше у царя Өеодора и желающихъ поступить въ его войско. Менеликъ приказалъ ихъ позвать. Раздумывая, къ кому бы ихъ опредѣлить, онъ спросилъ Вальде-Георгиса, раздувавшаго въ это время передъ нимъ костеръ.

— Ну, Вальде-Георгисъ, посовѣтуй, кому мнѣ отдать ихъ.

— Дайте мнѣ, отвѣчалъ тотъ.

Эти три солдата были ядромъ того 15.000 корпуса, которымъ расъ теперь командуетъ.

Вальде-Георгисъ немедленно произвелъ своихъ первыхъ солдатъ въ пятидесятники, добылъ каждому изъ нихъ по леопардовой шкурѣ для боевой одежды, выпросивъ ихъ у своихъ старшихъ родственниковъ, и предоставилъ своимъ новымъ подчиненнымъ вербовать себѣ полусотни. Скоро было собрано около двадцати человѣкъ; на добытыя въ набѣгахъ деньги былъ пріобрѣтенъ вьючный мулъ, возившій въ походѣ продовольствіе всего отряда и палатку начальника. Вновь образованная часть стала занимать отдѣльный бивакъ, обозначаемый этой палаткой.

Мало-по-малу, число солдатъ Вальде-Георгиса увеличивалось, и росли его имущество и слава. Отличаясь выдающеюся храбростью и предпріимчивостью, онъ сумѣлъ вселить эти качества и въ своихъ людей. Благодаря рѣдкимъ талантамъ полководца, Вальде-Георгисъ создалъ изъ своихъ солдатъ, еще почти дѣтей, такихъ молодцовъ, что во время войны съ Уоло о нихъ заговорили во всемъ отрядѣ негуса. Не проходило дня, чтобы они не участвовали въ набѣгѣ, и кто-либо изъ нихъ не возвращался въ лагерь съ отбитыми у непріятеля трофеями. Менеликъ замѣтилъ подвиги этихъ удальцовъ. Разъ какъ-то, говоря о все болѣе и болѣе входившихъ въ славу солдатахъ Вальде-Георгиса, императоръ сказалъ: „это не „муча“ (молокососы), а „уаруари“ (метатели копій)“ и навсегда утвердилъ за ними это названіе. Вальде-Георгисъ же, въ награду за подвиги, получилъ маленькую землю, благодаря чему могъ увеличить свой небольшой отрядъ.

Въ 1883 году Менеликъ назначилъ Вальде-Георгиса главнымъ агафари и эльфинь-аскалакайе-ишака, начальникомъ эльфинь-ашкеровъ (пажей) и личной охраны негуса, а затѣмъ сдѣлалъ его геразмачемъ (подполковникомъ).

Въ 1887 году Вальде-Георгисъ былъ произведенъ въ дадiазмачи (полный генералъ) и получилъ въ самостоятельное управленiе область Лиму. Въ то время у него было уже пять полковъ, численностью около 3000 человѣкъ, которые считались солдатами негуса и назывались попрежнему „уаруари". Вновь же сформированныя, послѣ назначенiя Вальде-Георгиса генералъ-губернаторомъ Лиму, части составили войско самого раса и стали называться „бьетъ лыджогъ"—дѣти дома.

Во время объявленiя мобилизацiи, войска находились въ мѣстахъ своего расположенiя, причемъ нѣкоторыя части стояли въ разстоянiи 400—500 верстъ отъ гор. Андрачи, назначеннаго сборнымъ пунктомъ всего отряда. Приказъ о мобилизацiи былъ посланъ изъ Адисъ-Абабы въ концѣ Ноября и могъ быть полученъ дальними частями не ранѣе, какъ черезъ 16—20 дней, т. е. въ половинѣ Декабря. Войска должны были собраться въ Андрачи къ серединѣ Января, слѣдовательно, въ ихъ распоряженiи оставался только одинъ мѣсяцъ на сборы и сосредоточенiе, а крайнiя части изъ этого небольшого промежутка времени должны были удѣлить не менѣе пятнадцати дней на одинъ только переходъ. Несмотря, однако, на массу затрудненiй, весь 10-ти тысячный отрядъ къ 15 Января былъ уже въ сборѣ, и на 24 Января было назначено выступленiе. Девять дней (съ 15 по 24 Января) было рѣшено употребить на отдыхъ животныхъ, издалека пришедшихъ частей и устроить въ это время обычныя передъ походомъ пиршества.

Интересенъ приказъ раса, которымъ объявлялась мобилизацiя. Привожу его въ переводѣ. Онъ начинается обычнымъ вступленiемъ ко всѣмъ, объявляемымъ всенародно, приказамъ: „Слушай! Слушай! Слушай! Кто не слушаетъ, тотъ врагъ Господа и Богородицы! Слушай! Кто не слушаетъ, тотъ врагъ Господа и церкви! Слушай! Кто не слушаетъ, тотъ врагъ Менелика! Воины! Я выступаю въ походъ противъ шанкала (негровъ). Собирайтесь всѣ до единаго къ празднику Крещенiя въ Андрачи. Кто опоздаетъ, тотъ не пойдетъ въ походъ и упуститъ этимъ единственный случай стяжать себѣ славу и добыть скотъ и плѣнныхъ".

По объявленiи этого приказа глашатаями на всѣхъ базарахъ и во всѣхъ мѣстахъ расположенiя войскъ, немедленно начали стягиваться къ сборному пункту сперва отдѣльные

солдаты внутреннихъ областей, проживавшіе на надѣльныхъ земельныъ участкахъ, а затѣмъ стали подходить и дальнія части. Туземцы тоже откликнулись на зовъ и собрались, какъ сказано было выше, въ числѣ около 5000 охотниковъ.

Къ назначенному сроку мобилизація и сосредоточеніе отряда были завершены. Теперь расу оставалось только двинуть подвластную ему шестнадцати-тысячную силу для выполненія возложенной на него задачи, страшной, благодаря абсолютно невѣдомымъ условіямъ, съ которыми предстояло считаться, и той отвѣтственности, какую расъ бралъ на себя передъ своимъ государемъ и передъ слѣдовавшими за нимъ людьми.

Вальде-Георгисъ сознавалъ все это, но не проявлялъ ни малѣйшаго колебанія, или нерѣшительности. По окончаніи нашей бесѣды, онъ, прощаясь, сказалъ мнѣ:

— Трудное дѣло предстоитъ намъ, но я уповаю на Бога Менелика, который мнѣ поможетъ. Для утвержденія же престола Менелика (на Меникъ алга) я положу всѣ свои силы и съ радостью пожертвую своей жизнью.

Слова эти ясно выражаютъ, какова была рѣшимость главы отряда, и какъ онъ смотрѣлъ на экспедицію. Далеко не такъ относились къ походу подчиненные раса.

Питая врожденную любовь къ войнѣ и полное довѣріе къ своему начальнику, они послушно собрались подъ его знамена и были готовы тронуться въ походъ, но замѣтно было, что солдаты встревожены неизвѣстностью обстановки, въ которой имъ придется дѣйствовать. Войска чувствовали, что предстоитъ нѣчто болѣе трудное, чѣмъ обыкновенные набѣги.

— Куда мы идемъ?

На этотъ, занимавшій всѣхъ, вопросъ прямаго отвѣта не было, и молва всячески изощрялась, чтобы его найти. Солдатъ поражалъ большой патронный обозъ (по 10—16 навьюченныхъ муловъ на полкъ); смущало ихъ не менѣе и мое присутствіе въ отрядѣ, возбуждавшее немало толковъ.

— Не къ добру идетъ съ нами фрэнджъ (иностранецъ),— говорили одни.

— На югѣ, говорятъ, есть европейцы, и насъ поведутъ съ ними биться,—замѣчали другіе.

— У фрэнджа англичане землю отняли и забрали его

жену и дѣтей. Онъ пожаловался Менелику, и тотъ приказалъ расу идти наказать англичанъ и вернуть фрэнджу отнятое у него. Только говорятъ, что это очень далеко. Тамъ есть люди, похожіе на собакъ. Скверно будетъ намъ такъ далеко идти,—добавляли третьи.

Солдаты раса осаждали разспросами моихъ людей, которымъ, по ихъ мнѣнію, должно было быть доподлинно извѣстно, и куда мы идемъ, и надолго-ли и т. п. На отвѣты моихъ ашкеровъ, что они и сами ничего не знаютъ, замѣчали:

— Ну, вамъ то хорошо! Пойдете прямо къ себѣ домой, а намъ то каково...

Подобные слухи очень упорно держались среди солдатъ.

Что касается офицеровъ, то они, хотя и не вѣрили всѣмъ этимъ толкамъ, но, предвидя долгій походъ и предстоящія трудности, относились къ экспедиціи довольно недоброжелательно. Цѣль похода идти въ какую-то далекую, никому неизвѣстную область, казалась имъ совершенно неосновательной, тѣмъ болѣе, что по сосѣдству было еще немало обильныхъ кормомъ и богатыхъ продовольствіемъ земель.

Расъ зналъ какъ о ходившихъ среди его солдатъ слухахъ, такъ и о настроеніи офицеровъ. Къ толкамъ онъ чутко прислушивался и противодѣйствовалъ имъ тѣмъ, что пускалъ новые, благопріятные слухи, напримѣръ, что въ одной изъ земель, куда они пойдутъ, есть лошади и скотъ; на офицеровъ же онъ старался вліять черезъ своихъ ближайшихъ помощниковъ, которыхъ собиралъ на военные совѣты, гдѣ и внушалъ имъ свой образъ мыслей.

14 Января. Утромъ расъ долженъ былъ производить въ адебабаѣ судъ, на присутствованіе при которомъ и я получилъ приглашеніе. Расъ сидѣлъ на вышкѣ, для меня же было приготовлено мѣсто рядомъ съ нимъ на коврѣ. Внизу, на площадкѣ сидѣли двое судей,—„*правый и лѣвый судья*", группа начальниковъ, нѣсколько священниковъ и ученыхъ — „дабтара", а впереди, лицомъ къ расу, стояла толпа народа. Тутъ были и тяжущіеся, и свидѣтели, и просто зрители.

Первымъ слушалось дѣло, по существу чисто административнаго характера: спорили мѣстный судья и поселенный въ его участкѣ начальникъ небольшого отряда о компетенціи и правѣ суда надъ мѣстными жителями въ дѣлахъ, касающихся административныхъ правонарушеній. Тяжущіеся очень

горячились и спорили безъ конца, ссылаясь на разновременно изданные указы раса. Судьи принимали въ преніяхъ самое живое участіе: повидимому, рѣшеніе разбиравшагося вопроса затрогивало и ихъ интересы. Расъ молча и терпѣливо слушалъ. Онъ уже давно зналъ суть дѣла и всѣ приводимыя сторонами доказательства, но не мѣшалъ дебатамъ, разсматривая въ это время въ подзорную трубу окрестныя горы. Наконецъ, споры стали утихать; доказательства одной и другой сторонъ изсякли. Никто никого не убѣдилъ, и всѣ ждали рѣшенія раса, которое онъ въ ясной и краткой формулировкѣ хладнокровно и постановилъ. Тяжущіеся поклонились расу до земли. Ихъ мѣсто занялъ подсудимый, обвинявшійся въ томъ, что, подъ видомъ подарка, продалъ своего военноплѣннаго. Преступленіе было явно доказаннымъ. Виновный подлежалъ смертной казни, но расъ не имѣлъ права собственной властью постановить такой приговоръ, такъ какъ преступникъ былъ абиссинецъ, и приказалъ заковать его и отправить къ Менелику.

— Оселъ!—заключилъ онъ свою резолюцію.—Ему нужно было только три талера за раба, а вѣдь онъ не понимаетъ, что за Эфіопіею слѣдитъ теперь вся Европа (Етіо піяунъ Юроба іаялъ).

Въ третьемъ дѣлѣ предъ расомъ предсталъ каффецъ, обвинявшійся въ убійствѣ въ лѣсу абиссинца. Преступника допрашивали черезъ переводчика, и въ разбирательствѣ дѣла приняли участіе каффскія должностныя лица. Убійство совершено было двумя каффцами, напавшими врасплохъ на невооруженнаго абиссинца, но одинъ изъ злоумышленниковъ бѣжалъ изъ мѣста заключенія, а оставшійся утверждалъ, что убилъ абиссинца не онъ, а именно убѣжавшій, которому передъ этимъ удалось подкупить главнаго судью. Судья, на котораго преступникъ возвелъ обвиненіе въ подкупѣ, былъ на-лицо. Онъ сталъ рядомъ съ каффцемъ и энергично запротестовалъ.

— „Онъ лжетъ“,—сказалъ онъ.—Я этого не сдѣлалъ!

— Сдѣлалъ! Чѣмъ ты ручаешься, что нѣтъ?

— Своей головой!—отвѣтилъ судья.

Такимъ образомъ, дѣло приняло совершенно новый оборотъ. Оказывалось необходимымъ произвести новое слѣдствіе, которое и было поручено одному изъ абиссинскихъ

судей, совмѣстно съ каффскимъ катамарашей. Послѣ слѣдствія одинъ изъ обвиняемыхъ будетъ подвергнутъ смертной казни *).

Затѣмъ разбиралось еще нѣсколько, менѣе интересныхъ дѣлъ. Послѣднимъ предъ судомъ предсталъ одинъ изъ священниковъ г. Андрачи, обвинявшійся въ богохульствѣ. Онъ утверждалъ, что св. Троица состоитъ изъ девяти лицъ, и не поддавался никакимъ доводамъ пастырей, которые, наконецъ, обвинили его передъ расомъ въ ереси. Судъ приговорилъ его къ пятидесяти ударамъ жирафомъ (кнутомъ). Священника увели на базарное мѣсто и, послѣ сорока ударовъ въ литавры, подвергли наказанію. Я въ это время уже простился съ расомъ и находился у себя во дворѣ. Мои ашкеры живо интересовались исходомъ наказанія, часто смертельнымъ, и даже держали между собой пари: вынесетъ ли осужденный экзекуцію или нѣтъ? Съ осужденнаго сняли верхнюю одежду и рубашку, положили животомъ на землю и началось приведеніе въ дѣйствіе приговора. Кисти рукъ и ноги священника были связаны веревками, за которыя тянули палачи. Обязанность палачей исполняли литаврщики. Удары наносились длиннымъ, толстымъ ременнымъ кнутомъ съ короткимъ кнутовищемъ. Били съ широкими размахами, вдоль всего тѣла, рѣдкими ударами, которые считалъ назначенный для этого офицеръ. При каждомъ ударѣ кнута раздавался звукъ, подобный пистолетному выстрѣлу. Осужденный перенесъ наказаніе очень терпѣливо,—и державшіе пари за его смерть проиграли. Послѣ экзекуціи, священника подняли, одѣли и подъ руки увели домой. Спина его была вся окровавлена.

15 Января. Прибыли послѣднія, ожидаемыя расомъ войска,—полкъ фитаурари Дамти, всего дальше расположенный, именно, въ

*) Интересно веденіе тяжбъ. Тяжущіеся ручаются за правоту своего дѣла имуществомъ, а въ болѣе важныхъ дѣлахъ даже жизнью. Формула такого ручательства слѣдующая: „Я обвиняю того-то въ томъ-то! Ну, говори, чѣмъ ты ручаешься, что это не такъ? Даю одинъ медъ!“ (или два меда или три меда и т. д.). Стоимость одного меда равняется приблизительно талеру. Цѣнность ручательства зависитъ отъ важности дѣла; если судья находитъ, что оно слишкомъ мало, то онъ указываетъ самъ должный размѣръ. Затѣмъ уже начинается собственно тяжба: приводятся доказательства, вызываются свидѣтели и т. д. Проигравшая сторона, кромѣ штрафа въ пользу выигравшаго тяжбу, еще до суда вноситъ денежное ручательство, которое идетъ въ пользу судьи.

земляхъ Аро, Бако, Шангама, на скатахъ, обращенныхъ къ озеру Стефаніи. Встрѣча войска была точно такая же, какую я описалъ выше, затѣмъ послѣдовалъ обѣдъ, на которомъ я присутствовалъ.

Фитаурари Дамти — еще очень молодой человѣкъ. Онъ началъ свою службу, какъ и фитаурари Имамъ, эльфиньашкеромъ (пажомъ) раса; въ настоящее время онъ уже въ чинѣ фитаурари и командуетъ полкомъ, который произвелъ на меня отличное впечатлѣніе. Большая часть солдатъ украшена полученными за отличіе боевыми доспѣхами. Среди офицеровъ—типичные ветераны. Про одного изъ нихъ, Аба-Ильму, ходятъ совершенно невѣроятные разсказы, въ истинность которыхъ я съ трудомъ бы повѣрилъ, если бы не слышалъ ихъ какъ отъ самого Аба-Ильмы (съ нимъ я впослѣдствіи очень близко сошелся и узналъ его безусловно правдивый характеръ), такъ и отъ другихъ, заслуживающихъ довѣрія лицъ, напримѣръ, отъ самого главнокомандующаго.

Аба-Ильма — представитель интереснаго, отживающаго типа абиссинскаго воина временъ императора Ѳеодора. Сѣдой, сухой, мускулистый старикъ, замѣчательно живого темперамента, не знающій усталости, вѣчно веселый, ободряющій своихъ товарищей. Всю свою жизнь провелъ онъ на войнѣ и, если бы собрать всю пролитую имъ кровь, онъ могъ бы,—я думаю,—въ ней плавать. Но въ немъ нѣтъ и слѣда жестокости. Аба-Иильма—чистъ сердцемъ, простъ и наивенъ, какъ ребенокъ.

Аба-Ильма родомъ агауецъ. Отецъ его владѣлъ незначительнымъ княжествомъ, находившимся по сосѣдству съ Тигрэ, и былъ при воцареніи императора Іоанна однимъ изъ возмутившихся феодаловъ, принявшихъ сторону Іоанна. Въ одномъ изъ сраженій Аба-Ильма—тогда еще молодой человѣкъ—былъ раненъ копьемъ, послѣ того какъ, налетѣвъ на противника, самъ бросилъ въ него дротикомъ, но промахнулся и повернулъ коня назадъ, чтобы ускакать. Копье попало ему въ шею, немного лѣвѣе позвоночнаго столба, прошло въ ротъ, порѣзало языкъ и вышибло три верхнихъ переднихъ зуба... Аба-Ильма упалъ съ лошади, но не потерялся: быстрымъ движеніемъ онъ вытащилъ изъ раны копье и, въ тотъ моментъ, когда его противникъ, спѣшившись, собирался уже его прикончить, Аба-Ильма выстрѣломъ изъ пи-

столета положилъ его на мѣстѣ. Товарищъ убитаго верхомъ спѣшилъ на выручку. Ильма притаился и, какъ только врагъ приблизился, нанесъ ему ударомъ сабли тяжелую рану въ ногу. Наконецъ, онъ упалъ безъ чувствъ; солдаты, узнавъ въ немъ сына князька, взяли Ильму въ плѣнъ и надѣли ему, не взирая на тяжелую рану, ручные кандалы. По выздоровленіи, Ильма перешелъ на службу къ Менелику, принималъ участіе во всѣхъ его войнахъ и былъ еще не разъ раненъ, причемъ однажды пуля пробила ему грудь навылетъ.

Аба-Ильма – страстный охотникъ и убилъ не мало слоновъ. На охотѣ съ нимъ происходили совсѣмъ невѣроятныя приключенія. Такъ, напримѣръ, одному раненому и преслѣдовавшему его слону онъ отрубилъ саблей кусокъ хобота, когда же слонъ повернулъ назадъ, онъ вторымъ ударомъ отрубилъ ему кусокъ хвоста.

Аба-Ильма награжденъ всѣми доступными по его чину отличіями. У него есть и лемдъ (накидка на плечи изъ львиной гривы), и серебряный щитъ, и серебряные позолоченные наручники, надѣваемые на руки отъ кисти до локтя, и золотыя серьги въ обоихъ ушахъ, и шелковыя ленты для украшенія головы, и серебряный головной уборъ „калеча", филигранной работы, похожій на вѣнецъ.

Послѣ обѣда я принималъ абиссинскихъ офицеровъ и туземцевъ, приходившихъ знакомиться со мной. Въ числѣ ихъ былъ первый сановникъ Каффскаго короля – отставной катамараша. Онъ хромалъ отъ недавней раны и, далеко еще не доходя до моей палатки, снявъ въ себя рубище, прикрывавшее его изможденное тѣло, низко кланялся.

Я позвалъ его въ палатку и черезъ переводчика разспрашивалъ его о бытѣ Каффы до ея покоренія. Но мнѣ мало удалось узнать. Разставаясь, я подарилъ ему нѣсколько талеровъ. Это такъ тронуло старика, что онъ упалъ на землю и (должно быть, въ знакъ благодарности) долго билъ себя въ грудь...

16 Января. Сегодня былъ снова большой обѣдъ, одинъ изъ тѣхъ, которыми абиссинскіе военачальники угощаютъ, передъ выступленіемъ въ походъ, свои войска. Эти обѣды носятъ совсѣмъ особый боевой отпечатокъ и бываютъ очень оживлены. Ветераны съ увлеченьемъ вспоминаютъ о былыхъ

бояхъ, разсказываютъ про выдающіеся подвиги и т. д. Тэджъ (медъ) льется рѣкой. Къ концу обѣда подъемъ духа достигаетъ высокой степени. Одинъ за другимъ вскакиваютъ

Катамараша Каффы.

пирующіе и, хрипло крича, перечисляютъ совершенные ими подвиги и клянутся въ вѣрности своему вождю*). „Я—убійца,—

*) Это называется по абиссински „фокыръ"; почти въ тѣхъ же выраженіяхъ кричатъ побѣдители въ бою, когда отъ ихъ руки падаетъ врагъ, и такъ же потомъ оповѣщаютъ они о побѣдѣ своихъ вождей.

кричитъ съ пѣной у рта какой-нибудь солдатикъ. Онъ схватился за эфесъ сабли, глаза его дико блуждаютъ, весь онъ нервно трясется и положительно кажется сумасшедшимъ.— „Я отбилъ въ бою копье! Отбилъ въ бою 2 копья! Отбилъ въ бою 3 копья! Я убилъ и въ Аусскомъ походѣ, и въ Тигрэ, и у негровъ! Я убивалъ вездѣ, гдѣ воевалъ! Я—твой слуга, твоя собака! Съ тобой побѣжду! Съ тобой умру! Я Кайтимиръ!—(собственное имя). И въ заключенье поклонъ расу до земли.

Говоръ стихаетъ. Всѣ напряженно слушаютъ; за однимъ „фокырующимъ" слѣдуетъ другой. Одинъ только главнокомандующій сохраняетъ хладнокровіе и каждый разъ спокойно произноситъ: „назови поручителя". Клявшійся находитъ себѣ поручителя среди товарищей и, получивъ большой кубокъ меду, садится на мѣсто...

Изъ пограничнаго съ Каффой племени Гимиро прибыла въ Андрачи депутація, состоявшая изъ князька этого племени, главнаго жреца и трехъ стариковъ.—Они принесли въ даръ расу слоновую кость и просили его принять ихъ подъ свое покровительство. Расъ обласкалъ ихъ, одарилъ и отпустилъ домой.

Передъ отъѣздомъ они пришли ко мнѣ поглядѣть на бѣлыхъ людей. Войдя въ палатку, они съ дѣтскимъ удовольствіемъ и любопытствомъ смотрѣли и на меня, и на мои вещи Очень оригинальны были эти дикари въ жалованныхъ имъ ярко красныхъ накидкахъ, надѣтыхъ на голое тѣло, и красныхъ повязкахъ на головѣ.

Я спросилъ ихъ, видѣли ли они когда-нибудь бѣлыхъ людей?.... Они отвѣчали отрицательно и прибавили, что слыхали, какъ въ прошломъ году пришли въ сосѣднюю землю неизвѣстно откуда бѣлые люди, разбили сверкающую серебряную палатку, а на слѣдующій день пропали безъ вѣсти *).

Съ географіей и гидрографіей сосѣдней съ ними мѣстности Гимиро очень мало были знакомы и не слыхали о существованіи большой рѣки (Омо), про которую мы тогда предполагали, что она течетъ на западъ въ Собатъ, минуя оз.

---

*) Эти бѣлые не могли быть никѣмъ инымъ, какъ Ботего и его товарищами, и изъ того, что Гимиро знали такъ мало про нихъ—только одинъ ихъ путь, я могъ заключить, что Гимиро населяютъ небольшую площадь гдѣ-нибудь въ сторонѣ отъ слѣдованія итальянской экспеди-

Рудольфа. Не знали они также ничего и объ этомъ большомъ озерѣ, но говорили про другое какое-то озеро—Бошо, въ которое впадаютъ рѣчки ихъ страны.

Я разспрашивалъ также про ихъ бытъ и однимъ вопросомъ привелъ ихъ въ большое смущеніе. Желая узнать, существуетъ ли у нихъ многоженство, я спросилъ жреца, сколько у него женъ. Жрецъ подозрительно посмотрѣлъ на меня, очевидно, недоумѣвая, для чего бы мнѣ это надо знать, и, можетъ быть, заподозривъ меня въ желаніи потребовать ихъ себѣ въ подарокъ,—медленно отвѣтилъ: „сколько Богъ пошлетъ".

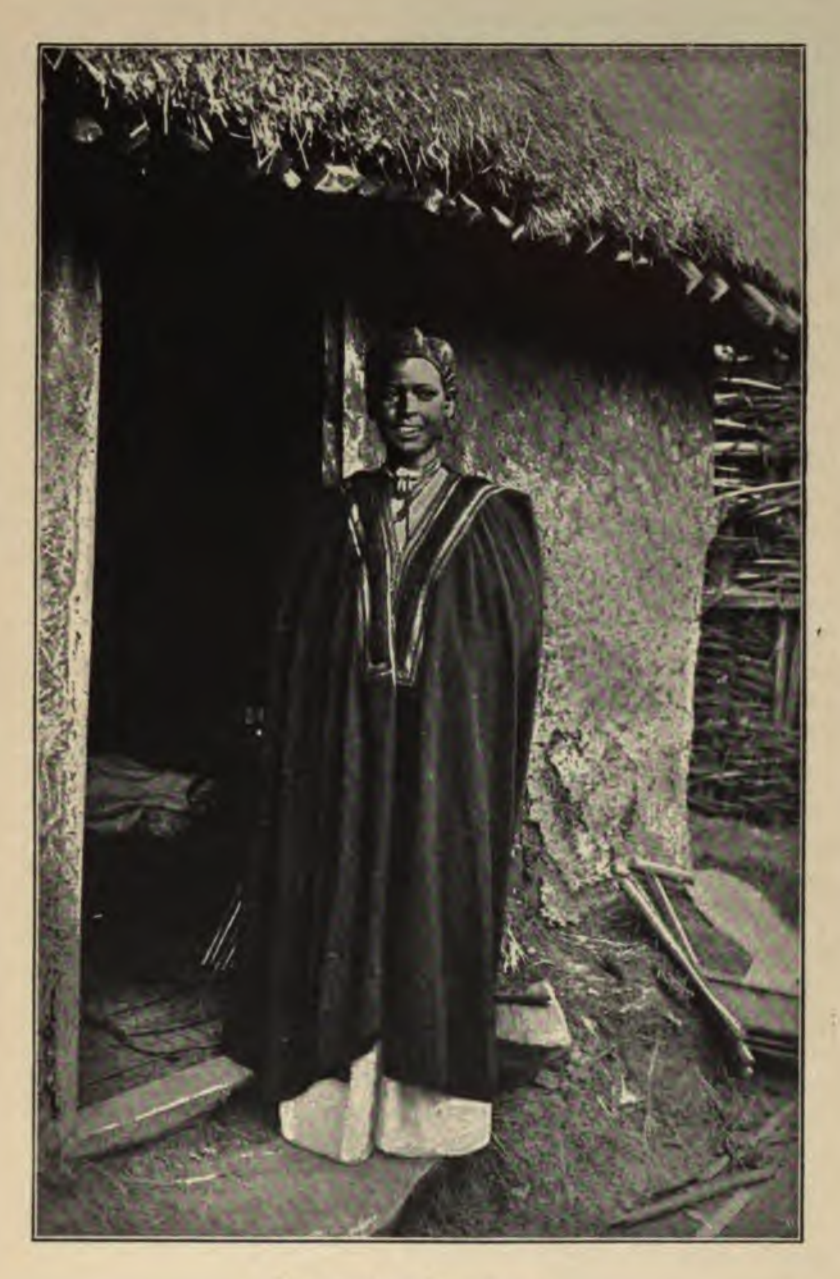
На прощаньи я далъ имъ нѣсколько талеровъ. Въ благодарность они поцѣловали землю и били себя ладонями въ грудь. Выходя, они столпились у входа въ палатку, какъ бы ожидая отъ меня еще чего то. Оказалось, что они хотѣли видѣть, какъ руками добываютъ огонь (спички),—чудо, про которое они вѣрно слыхали отъ каффцевъ. Къ ихъ очарованію, смѣшанному съ ужасомъ, я показалъ имъ этотъ фокусъ, и они ушли совершено удовлетворенные.

17 Января. Былъ въ гостяхъ у нагади-раса Вандымъ-Аганьохъ *), онъ живетъ верстахъ въ 10-ти отъ гор. Андрачи, въ Бонгѣ, бывшей второй столицѣ каффскихъ королей.

Нагади-расъ—молодой, очень дѣятельный и живой человѣкъ и принадлежитъ къ нарождающемуся въ Абиссиніи классу дѣльцевъ, представляющему совершенный контрастъ съ господствущимъ до сихъ поръ типомъ абиссинскихъ начальствующихъ лицъ. Эти „новые люди", познакомившись съ европейцами, переняли у нихъ много хорошаго, усвоили ихъ энергію, открытость и доступность въ обращеніи, не

ціи: иначе у нихъ имѣлись бы о ней болѣе точныя свѣдѣнія. Съ другой стороны я сдѣлалъ выводъ, что по сосѣдству съ Гимиро должно находиться или чуждое имъ совершенно,—и по нравамъ и по языку,—племя, или широкая необитаемая полоса. Предположеніе это впослѣдствіи подтвердилось; къ юго-западу отъ Гимиро находится необитаемая низменная долина р. Джубы, а къ юго-востоку живутъ негрскія племена Шуро и др.

*) Нагади-расъ—начальникъ купцовъ. Въ Абиссиніи всѣ купцы подчинены нѣсколькимъ нагади-расамъ, и Вандымъ-Аганьохъ—одинъ изъ нихъ. Подъ его началомъ находятся всѣ купцы, живущіе на земляхъ раса Вальде-Георгиса.

Богатая абиссинка.

считая нужнымъ, какъ люди стараго закала, ради поддержанія своего авторитета, принимать важный видъ, сокращать свою рѣчь до минимума и т. п. Такихъ людей я встрѣчалъ преимущественно среди торговаго класса, но замѣтилъ то же движеніе и въ другихъ слояхъ населенія. Самъ императоръ Менеликъ и его передовые сподвижники принадлежатъ къ этому новому типу.

Моихъ пѣшихъ слугъ я отправилъ впередъ, самъ же поѣхалъ верхомъ въ сопровожденіи 2-хъ конныхъ ашкеровъ. Я первый разъ сидѣлъ на лошади послѣ перенесеннаго мною ревматизма. Отдохнувшій за эти дни Дефаръ (моя лошадь) оставилъ далеко за собой моихъ спутниковъ. Карьеромъ соскакивали мы съ нимъ съ крутыхъ спусковъ и вновь карабкались на подъемы, и широкимъ галопомъ проскакивали равнинки... По обѣимъ сторонамъ дороги росли густые кусты, сплошь покрытые цвѣтами; на всѣхъ полянкахъ пестрѣли палатки собравшихся войскъ...

Мои ашкеры и всѣ солдаты нагади-раса были выстроены для встрѣчи около дома, и самъ онъ вышелъ за ворота привѣтствовать меня, надѣвъ въ знакъ особаго уваженія къ гостю свою парадную одежду. Домъ его находится на мѣстѣ сожженнаго дворца каффскаго короля. Отъ прежней постройки уцѣлѣлъ только частоколъ, изъ огромныхъ стволовъ пальмовыхъ деревьевъ, да нѣсколько торчащихъ изъ высокой травы обгорѣлыхъ концовъ столбовъ, поддерживавшихъ крышу дворца. Жилище нагади-раса построено на абиссинскій ладъ: внутри двора, обнесеннаго высокимъ частоколомъ, возвышается большой домъ „адерашъ“, предназначенный для пріемовъ, и затѣмъ нѣсколько другихъ зданій, какъ-то: спальня хозяина, кухни и проч. За частоколомъ, кругомъ его, пріютилось нѣсколько группъ низенькихъ хижинъ, въ которыхъ живутъ солдаты нагади-раса. Дворъ былъ наполненъ купцами, пришедшими по дѣламъ къ своему начальнику. Тутъ были и каффцы, и галласы, и абиссинцы. Первыя 2 группы рѣзко выдѣлялись своей внѣшностью отъ абиссинцевъ. Какъ магометане, они на головахъ носили большіе тюрбаны, а на шеѣ длинныя четки. Вандымъ-Аганьохъ ввелъ меня въ „адерашъ“, который былъ на этотъ разъ устланъ коврами и накуренъ ладаномъ. Тамъ сидѣли за камышевой перегородкой его старушка мать, ставшая недавно

монахиней, и 18-ти лѣтняя жена. Она очень конфузилась и низко опускала голову и только къ концу обѣда рѣшилась изрѣдка съ любопытствомъ взглядывать на меня.

Намъ подали отличный обѣдъ и гостепріимный цивилизованный хозяинъ угощалъ меня не только мѣстнымъ медомъ, но и виномъ, и абсентомъ („абусентъ“, какъ онъ его называлъ) и даже ликеромъ. Всѣхъ моихъ акшеровъ онъ напоилъ до-пьяна, и, когда я возвращался, они бѣжали впереди моей лошади, не давая мнѣ обогнать ихъ, выкрикивали героическіе речитативы, стрѣляли и т. д. Двое изъ нихъ — Амбырбыръ и Аулалэ — даже подрались, споря, кто изъ нихъ храбрѣе.

18 Января. Я принималъ у себя раса и показывалъ ему, какъ проявляютъ фотографическіе снимки. Его въ особенности заинтересовалъ тотъ моментъ, когда на бѣлой пластинкѣ начинаютъ обозначаться и принимать ясный обликъ фигуры знакомыхъ ему снятыхъ людей.

19 Января. Расъ Вальде-Георгисъ представилъ меня своей женѣ, визиро-Эшимабьетъ. По нездоровью она не могла принять меня раньше. Пріемъ состоялся въ эльфинѣ-спальнѣ раса и былъ очень торжественный. Эльфинъ—большое, круглое зданіе, имѣющее аршинъ 15 въ діаметрѣ и арш. 8 въ высоту. Стѣны обмазаны глиной и выбѣлены, полъ устланъ ковромъ и посыпанъ свѣже сорванной пахучей травой. Внутри, рядъ высокихъ, толстыхъ тесанныхъ столбовъ, поддерживаетъ крышу. Стропила и бамбуковые концентрическіе обручи съ прикрѣпленными къ нимъ бамбуковыми же основами крыши обмотаны разноцвѣтными кумачами. Въ домѣ двѣ двери, діаметрально другъ противъ друга расположенныя, и ни одного окна. У средины одной стѣны стоитъ высокая кровать, подъ бѣлымъ пологомъ, къ которой приставленъ низенькій диванчикъ, а рядомъ былъ поставленъ стулъ для меня. У противоположной стѣны—другой маленькій диванчикъ, вотъ вся меблировка. Рядомъ съ кроватью возвышается бамбуковая перегородка. На стѣнахъ развѣшаны ружья и сабли раса, нѣсколько щитовъ и его библіотека, состоящая изъ книгъ духовнаго содержанія, причемъ каждая изъ нихъ, въ большомъ кожаномъ футлярѣ, повѣшена на ремнѣ на отдѣльный гвоздь.

Расъ и его жена сидѣли рядомъ на низенькомъ диван

Супруга раса Вальде-Георгиса.

Визирò-Эшимабьѐтъ.

чикѣ около кровати. Визиро-Эшимабьетъ — уже пожилая, хотя еще довольно красивая женщина. Цвѣтъ кожи ея поразительно свѣтелъ для абиссинки. Она очень богато одѣта и вся она положительно сверкаетъ блескомъ массы золота и серебра. Ея черный шелковый бурнусъ, накинутый поверхъ пестрой шелковой рубашки, богато расшитъ золотомъ, на головѣ серебряная діадема, обвѣшанная вокругъ серебряными цѣпочками и блестками, въ ушахъ большія золотыя серьги, на шеѣ филигранныя золотыя ожерелья и большіе браслеты и кольца на рукахъ *).

За ней, обнявшись, стояло нѣсколько фрейлинъ—хорошенькихъ галласкихъ и абиссинскихъ дѣвушекъ, одѣтыхъ въ бѣлыя до пятъ рубашки, перехваченныя въ таліи кушаками. Тутъ же было нѣсколько маленькихъ пажей, а около двери, отвернувшись отъ своей властительницы, не дерзая смотрѣть на нее, стоялъ агафари, который ввелъ меня сюда. За перегородкой находился остальной женскій персоналъ эльфиня, и сквозь щелки блестѣло нѣсколько любопытныхъ глазъ. Тамъ были 2 дочери раса отъ первой жены, 2 дочери Эшимабьетъ отъ перваго мужа **), а также двѣ дѣвочки—дочери раса и Эшимабьетъ.

Поздоровавшись по европейски за руку съ хозяйкой, я сѣлъ на стулъ противъ нея, и начался церемонный, прерываемый длинными паузами, разговоръ: „Какъ ваше здоровье? Какъ вамъ понравилась наша страна?“ и т. п.

Расу очень хотѣлось имѣть портретъ своей жены, и я послалъ за фотографіей. Но визиро наотрѣзъ отказалась выйти во дворъ, говоря, что боится солнца, и я былъ вынужденъ снимать ее въ комнатѣ, открывъ настежъ обѣ двери.

Появленіе аппарата положило конецъ торжественной церемоніальности пріема. Расъ соскочилъ со своего мѣста, вытащилъ изъ-за перегородки скрывавшихся тамъ четырехъ моло-

---

*) Визиро-Эшимабьетъ приходится родной сестрой Императрицѣ Таиту. Вальде-Георгисъ—ея третій мужъ, и съ нимъ она нѣсколько лѣтъ тому назадъ сочеталась церковнымъ бракомъ. Она очень умная и по абиссински образованная женщина. Расъ обожаетъ ее. Какъ всѣ знатныя абиссинки, она очень изнѣжена.

**) 1 старшая дочь раса и 2 дочери его жены развелись со своими мужьями. Вторая дочь раса овдовѣла. Ея мужъ—дадіазмачъ Андарге—былъ убитъ въ Аусскомъ походѣ въ 1896 г.

дыхъ женщинъ и усадилъ ихъ рядомъ со своей женой. Какимъ симпатичнымъ хлопотуномъ былъ онъ въ эту минуту! Какъ ему, видно, хотѣлось, чтобы портретъ любимой имъ жены вышелъ какъ можно удачнѣе! Онъ бѣгалъ отъ нея къ аппарату, потомъ опять къ ней, то поправляя украшенія на головѣ, то расправляя складки ея платья... Наконецъ, процедура сниманія окончилась. Прежняя скучная натянутость и холодность больше уже не возвращались; молодыя дамы не ушли обратно за перегородку, и мы, сидя за графинчиками бѣлаго тэджа (меда), весело разговаривали до вечера.

Какъ только я вернулся домой, отъ имени визиро Эшимабьетъ и остальныхъ дамъ пришли ашкеры и принесли мнѣ нѣсколько корзинокъ съ тончайшей энджерой и нѣсколько большихъ кувшиновъ стараго меда. Въ отвѣтъ на это я послалъ свою послѣднюю бутылку шампанскаго.

Вечеромъ я, по обыкновенію, проявлялъ снятыя за день фотографіи, записывалъ въ дневникъ и болталъ съ Зелепукинымъ. Мы лежали: я на кровати, онъ—на брезентѣ на полу, и, прислушиваясь къ необычайному оживленію, которое господствовало въ станѣ раса, вспоминали далекую родину...

Высоко приподнявъ полы нашей палатки, мы любовались чудной картиной окрестностей Андрачи. Въ эти ночи, какъ только темнѣло, и на безоблачномъ небѣ появлялись миріады звѣздъ, на черномъ фонѣ горъ, окружающихъ городъ, загорались тѣ же безчисленныя звѣздочки, блестѣвшія гораздо ярче. Это на бивакахъ горѣли солдатскіе костры... Со всѣхъ сторонъ раздавались пѣсни, сопровождаемыя рѣдкой, но безпрерывной пальбой, которой пирующіе выражали свое воинственное настроеніе. Залетныя пули жужжали иногда надъ самой нашей палаткой.

Не отставали отъ солдатъ раса и мои ашкеры. Поужинавъ и выпивъ свою порцію меда, они усаживались вокругъ костра и затягивали пѣсни. Большей частью это были воинственныя импровизаціи, и содержанье ихъ сводилось къ восхваленію самихъ себя и своего хозяина. Запѣвалъ Либанъ своимъ звонкимъ, красивымъ голосомъ, а хоръ подхватывалъ однообразный припѣвъ: „гедау! гедау! бэрэханьяу!“ (убійца, убійца, бродяга пустыни!), причемъ одинъ изъ ашкеровъ, въ видѣ акомпанимента, ударялъ въ тактъ ладонями въ пустую жестянку для воды. Въ хорѣ появлялись и женскіе голоса.

Супруга раса Вальде-Георгиса съ дочерьми.

Чѣмъ дальше, тѣмъ все оживленнѣе шло веселье. Наконецъ, кто-нибудь вскакивалъ съ заряженнымъ ружьемъ въ рукахъ и выкрикивалъ полный самовосхваленія ретитативъ „фокыръ", въ заключеніе котораго стрѣлялъ на воздухъ. Товарищи успокаивали расходившагося вояку, говоря ему: „не горюй (айзохъ), не горюй! все правда, что ты говоришь!" и прерванное, было, пѣніе продолжалось. Воинственныя пѣсни смѣнялись сатиритическими, подчасъ очень остроумными, потомъ затягивались веселыя, плясовыя. Мужчины и женщины подъ веселый припѣвъ „чи-чи-ко! чи-чи-ко!" изображали довольно недвумысленныя пантомимы, и черный „флертъ" вызывалъ взрывы хохота...

Возбужденіе, охватившее Андрачи, было вызвано предстоящей войной. Какъ къ самому радостному празднику, приготовлялись къ ней абиссинцы. Видно было, что жажда военнаго подвига вошла въ плоть и кровь этого народа, и что, несмотря на всякія бѣды и лишенія, испытанныя въ прежнихъ войнахъ, абиссинцы, хотя и предвидѣли большія тягости, но обожали войну. Съ представленіемъ о войнѣ у абиссинца связана слава и добыча. Его мечты сводятся къ тому, чтобы, убивъ нѣсколькихъ враговъ, вернуться домой, гордясь своимъ успѣхомъ; жена помажетъ герою голову масломъ, а друзья и родственники устроятъ ему пиръ. Онъ отпуститъ себѣ длинные волосы и заплететъ ихъ въ косы—неопровержимое доказательство своей доблести. А какое будетъ счастье для всего его семейства, если, сверхъ того, онъ пригонитъ домой тучную корову, или приведетъ плѣнницу, которая станетъ носить воду и ходить въ лѣсъ за дровами, или плѣннаго мальчишку, который до тѣхъ поръ, пока не выростетъ и самъ не станетъ солдатомъ, будетъ носить за нимъ его ружье или щитъ, и пасти его мула...

20 Января. Утромъ я снялъ опять всю семью раса и на этотъ разъ болѣе удачно. Въ этотъ же день прибыла изъ Джиммы давно ожидаемая мною партія муки. Она должна была составить основанье моего продовольственнаго запаса, который я надѣялся пополнять въ походѣ. Всего муки было около 50—60 пудовъ, и ея могло хватить всему отряду на 30 дней, считая по 2 ф. муки въ день на человѣка.

Аба Джефаръ, кромѣ муки, прислалъ мнѣ въ даръ еще корову. Оказывается, что на первомъ моемъ бивакѣ отъ

Джиммы, во время слѣдованія въ Каффу, мѣстному начальнику было приказано предоставить мнѣ дурго, а такъ какъ онъ этого почему то не исполнилъ, то былъ оштрафованъ на одну корову, которая мнѣ теперь и присылалась въ возмѣщеніе якобы понесенныхъ мною убытковъ!...

Выступленіе отряда было назначено на 24 января, я же рѣшилъ выѣхать немного ранѣе, именно 21-го, чтобы на свободѣ произвести возможно точную съемку Каффы. Меня назначенъ былъ сопровождать переводчикъ Габру и каффецъ Ката-Магуда, помощникъ катамараши.

Вечеръ прошелъ въ сборахъ, и на слѣдующее утро мой обозъ выступилъ. Я пробылъ въ Андрачи до полдня, печатая въ эльфинѣ снятыя наканунѣ фотографіи. Вся семья раса принимала въ этомъ дѣятельное участіе. Визиро-Эшимабьетъ фиксировала отпечатки, падчерица ея клала ихъ затѣмъ въ ванну. Даже постоянные члены эльфиня—суровый монахъ (бывшій полковникъ, по смерти жены принявшій схиму) и другой молодой монахъ (изъ секты дѣвственниковъ)—оживились и съ любопытствомъ толпились около ваннъ. Къ 11-ти часамъ печатаніе было окончено. Визиро-Эшимабьетъ угостила меня завтракомъ, и, послѣ долгихъ прощаній, я, наконецъ, отправился въ путь. Ночевалъ я въ Бонгѣ, въ домѣ нагади-раса.

V.

Черезъ Каффу и Гимидо до границъ Абиссиніи.

22 Января. Весь день я пробылъ въ Бонгѣ въ гостяхъ у нагади-раса Вандымъ-Аганьохъ. Тутъ я окончательно сформировалъ караванъ для дальнѣйшаго движенія *).

*) 30 ашкеровъ были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: старшій—Вальде-Тадикъ, помощникъ его и начальникъ обоза—Абое, два мои

2 жены и сестра Кафскаго царя.

„1я Художеств. Печати" Английск., 28.

Порядокъ движенія былъ слѣдующій. Выступали около семи часовъ утра, когда спадала роса и становилось теплѣе. Пока снималась палатка и вьючились мулы, мы съ Зелепукинымъ съѣдали нашъ ранній завтракъ. Затѣмъ выступалъ обозъ. Впереди шли два пастуха съ „тарадами“ (столбы отъ палатокъ), соразмѣряя свой шагъ съ полнымъ шагомъ муловъ; за ними ѣхали одинъ или два конныхъ ашкера, а за лошадьми послушно шли стадомъ груженые мулы, за которыми слѣдовали ашкеры. Каждымъ двумъ изъ нихъ былъ порученъ надзоръ и вьючка двухъ муловъ. Въ хвостѣ ѣхалъ старшій надъ обозомъ Абое, а позади всѣхъ Зелепукинъ, своей широкоплечей грузной фигурой и малиновымъ цвѣтомъ загорѣлаго лица составлявшій полнѣйшій контрастъ съ легкими, стройными, чернокожими абиссинцами.

Спустя нѣкоторое время по выступленіи обоза, я садился на своего очереднаго мула и выступалъ, сопровождаемый оруженосцами, которые несли мои ружья *), ранецъ съ письменными принадлежностями, универсальный инструментъ и фотографическій аппаратъ. Со мною шли тоже переводчикъ каффскаго языка—Габру и состоящій при мнѣ проводникъ—Катама-Гуда. Двигались мы обыкновенно очень быстро, но въ дорогѣ я часто останавливался, наблюдая азимуты и нанося на планшетъ мѣстность. Въ полдень, если позволяла

элфинь-ашкера (слуги дома)—Текле-Георгисъ и Амбырбыръ, два повара—Адера и Инасу, главный конюхъ—Ордофа и его помощникъ Абаба, четырнадцать ашкеровъ-вьючильщиковъ, два пастуха, которые несли во время похода палки отъ палатокъ—тарады,—и шесть оруженосцевъ—Фаиса, Аулале, Хайле, Амбырбыръ, Абто-Селасье и Вальде-Маріамъ. Лошадей было четыре, муловъ—девятнадцать. Мою собственную лошадь велъ всегда одинъ изъ конюховъ передо мной, и, въ случаѣ надобности, я садился на нее, а на остальныхъ трехъ—ѣхали старѣйшіе слуги Вальде-Тадикъ, Абое и Абто-Маріамъ. Три мула были моими подсѣдельными, на нихъ я ѣздилъ по очереди, одинъ мулъ—Зелепукина, а на остальныхъ пятнадцати помѣщался нашъ вьючный обозъ, вѣсомъ въ общей сложности—къ началу похода—около 70—80 пудовъ. Состоялъ онъ изъ 50 пудовъ муки, патроновъ, 1 большой и 3 маленькихъ палатокъ, аптеки, запасовъ одежды, бѣлья, кухонныхъ и столовыхъ принадлежностей, соли, воска для свѣчей, нѣсколькихъ бутылокъ ликера, нѣсколькихъ коробочекъ сухого бульона (magi) и мѣха съ масломъ.

*) Экспрессъ, кал. 500 мм., двѣ трехлинейки, винчестеръ и дробовое ружье.

погода, я производилъ солнечное наблюденіе. Мы дѣлали въ сутки переходы въ 20—30 верстъ и въ 2—3 часа дня становились на ночлегъ. По приходѣ на бивакъ, мулы пускались на пастбище, а вечеромъ ихъ брали на коновязь. Немедленно разбивались палатки, часть ашкеровъ отправлялась за водой, дровами и травой; остальные приготовляли вмѣстѣ съ моими двумя поварами пищу. Въ этотъ періодъ нашего похода мы ѣли великолѣпно. Люди получали въ день по большому стакану муки на человѣка, изъ которой они пекли себѣ очень вкусныя лепешки—„кита", и ѣли ихъ, обмакивая въ толченый красный перецъ или въ перцовый соусъ. Каждый день они получали медъ, который пили съ водой, и каждые 2 дня—мясо. Мы съ Зелепукинымъ, имѣя въ изобиліи и мясо, и муку, и масло, чуть ли не пировали.

23 Января. Утромъ мы выступили изъ Бонги. Отправивъ обозъ впередъ, я сдѣлалъ восхожденіе на гору „Бонгу-Шамбата", что въ переводѣ значитъ „субботняя или праздничная Бонга". Это названіе дано ей потому, что на вершинѣ ея когда-то находился храмъ богу Денто или Деонтосу, гдѣ приносились нѣсколько разъ въ годъ массовыя жертвоприношенія. Вершина горы, поросшая высокой травой, а по бокамъ густѣйшимъ лѣсомъ, достигаетъ 2075 метровъ надъ уровнемъ моря. Съ нея я сдѣлалъ азимутныя наблюденія. Отсюда мы спустились къ рѣкѣ Гича, перешли ее по сдѣланному изъ стволовъ финиковыхъ пальмъ мосту и поднялись на тянущійся на западъ отъ насъ хребетъ. Здѣсь мѣстность очень живописна. Казалось, будто ѣдешь по чудному парку. По обѣимъ сторонамъ дороги встрѣчались красивыя рощи финиковыхъ пальмъ, кофейныхъ и громадныхъ лиственныхъ деревьевъ разныхъ породъ, смѣнявшіяся иногда поросшими высокой травой полянами. Въ былое время всѣ эти полянки были заселены, о чемъ свидѣтельствовали уцѣлѣвшія плантаціи банановыхъ деревьевъ.

Роговая чашечка для кофе.

Мы стали бивакомъ у подножья горы „Бонга-Беке" (въ переводѣ — „видать Бонгу"), на берегу быстраго тѣнистаго ручья.

24 Января. Отправивъ обозъ прямой дорогой на юго-западъ, я поднялся на гору Бонга-Беке. Этими мѣстами меня сопро-

вождалъ начальникъ области Даке-Декараша*), молодой красивый каффецъ. Легко, изящно сидѣлъ онъ на отличной рыжей лошади и смѣло, ловко управлялъ ею. Его бѣлый плащъ спадалъ внизъ художественными складками, короткіе широкіе штаны обнажили отъ колѣнъ мускулистыя сухія ноги. Семитическими чертами своего лица и всей своей первобытной фигурой онъ походилъ на древняго библейскаго воина. За нимъ бѣжало нѣсколько слугъ, изъ которыхъ одинъ — типичный каффецъ громаднаго роста — все время трубилъ въ рогъ, изъ маленькаго слоноваго клыка, извѣщая населеніе о проѣздѣ его вождя **).

Дорога шла полого, поднимаясь среди густого лѣса, поросшаго въ промежуткахъ между громадными деревьями густыми зарослями бамбука и папортника. Послѣдній на видъ походилъ на маленькія пальмы и достигалъ высоты нѣсколькихъ аршинъ. Вершина горы была густо населена. Маленькія, наскоро построенныя послѣ войны, хижины скрывались въ рощахъ банановыхъ плантацій и были окружены затѣйливо сплетенными изъ расщепленныхъ стволовъ бамбука заборами.

Въ одной изъ такихъ усадебъ проживали подъ строгимъ надзоромъ жены плѣннаго каффскаго короля тато Тченито. Я желалъ познакомиться и послалъ предупредить ихъ о моемъ посѣщеніи. Черезъ узенькія, охраняемыя сторожами, ворота мы вошли въ небольшой чистенькій дворъ. На разостланной воловьей шкурѣ въ тѣни банановыхъ деревьевъ сидѣла молодая, довольно красивая женщина, а за ней стоялъ главный стражъ плѣннаго гарема—большой безусый евнухъ.

Поздоровавшись, я сталъ разговаривать съ нею черезъ переводчика. Она отвѣчала на всѣ мои вопросы совершенно непринужденно, держала себя сдержанно и съ удивительнымъ достоинствомъ.

Дочь короля Кушо, одного изъ бывшихъ данниковъ Каффы, она вышла замужъ 12 лѣтъ; теперь ей 25 лѣтъ, и 13 лѣтъ замужества были для нея, по ея словамъ, сплош-

*) Дакераша въ переводѣ значитъ начальникъ области Даке. Онъ происходитъ изъ рода Ука и до покоренія Каффы былъ членомъ „совѣта семи".

**) Право такого торжественнаго проѣзда принадлежитъ только рашамъ въ предѣлахъ ихъ областей.

нымъ счастьемъ. Король любилъ ее больше всѣхъ и украшалъ и одѣвалъ богаче другихъ своихъ женъ и чаще всѣхъ призывалъ ее къ себѣ*). Она тоже любила своего короля, тосковала безъ него и спрашивала меня: не видалъ ли я его, здоровъ ли онъ, не умеръ ли уже въ заточеніи...

Удивительно просто разсказывала она, съ сожалѣніемъ вспоминая прежнюю жизнь. На лицѣ ея все время лежалъ отпечатокъ глубокой грусти. Съ нею вмѣстѣ находились еще двѣ жены, четыре наложницы короля и бойкая, красивая 12-ти лѣтняя его сестра. Я просилъ, чтобы онѣ тоже вышли, и снялъ съ нихъ фотографію. Среди наложницъ была одна „восходящая звѣзда", удивительно хорошенькая галласка, замѣчательно веселая. Ей нигдѣ, кажется, не было скучно, даже въ плѣну и въ то время, какъ всѣ были печальны, она улыбалась и даже кокетничала.....

Простившись, я отправился на вершину горы, чтобы произвести оттуда наблюденія. Но солнечное полуденное наблюденіе не удалось, такъ какъ тучи заволокли небо. Я взялъ только азимуты на окружающія горы и послѣ долгихъ допросовъ окончательно установилъ ихъ названія. Съ г. Бонга-Беке видна вся Каффа, раздѣленная естественными границами на 12 областей. На сѣверо-западѣ возвышаются горы Бача-аки-Кела и Гауа-Гунда въ пограничной съ Герой каффской области Гауата. Немного южнѣе, по отрогамъ горнаго хребта, расположилась область Гимби съ находящимися въ ней вершинами Гида, Шонга, Голи, а къ западу отъ нея, на гребнѣ хребта, область Геше. Къ югу-западу отъ Гимби по теченіямъ рѣчекъ, стекающихъ въ Гуми, виднѣлись лѣсистыя области Бута и Опа, а еще южнѣе по самому гребню главнаго горнаго хребта, направлявшагося на юго-востокъ,—область Чана. На сѣверо-востокъ по долинамъ стекающихъ въ р. Годжебъ рѣчекъ были области Шаша и Шара. Южнѣе отъ нихъ — Каффа,

*) Обитательницы гарема вели жизнь совершенно замкнутую, никого никогда не видя, кромѣ сторожей-евнуховъ. Король въ ихъ помѣщеніе никогда не заходилъ, ихъ же приводили по его требованію во дворецъ. Тато Тченито былъ щедръ: онъ окружалъ своихъ женъ роскошью, дарилъ имъ золотыя и серебряныя украшенія и одѣвалъ ихъ въ длинныя шелковыя, обшитыя золотыми цѣпочками, рубашки.

Любимая жена царя Каффы.

съ гор. Андрачи, къ востоку отъ Каффы — область Бута, а на гребнѣ, служащемъ водораздѣломъ рѣкъ Годжебъ и Гуми, — область Адія. На юго-западѣ вырисовывалась гористая область Гоба. Сама гора Бонга-Беке находилась въ области Даче. Отсюда явственно обозначалась система р. Гуми. Среди горныхъ ущелій текла она съ сѣверо-востока изъ горъ Буты и у подножія горы у гор. Андрачи соединялась съ р. Гича. Послѣдняя стекала съ горы Бонга-Беке и огибала гору съ запада. Миновавъ Бонга-Беке, Гуми выходила въ широкую низменную равнину. Здѣсь кончались владѣнія собственно Каффы и начинались негрскія поселенія Шуро. На сѣверо-западѣ виднѣлась долина р. Годжеба. Съ горы Бача-аки-Кела стекаетъ въ Годжебъ, по словамъ туземцевъ, р. Тира. На сѣверо-востокѣ съ горъ Адіи течетъ въ р. Годжебъ р. Адія. Воды юго-западныхъ склоновъ Гауаты къ западу отъ Опы образуютъ р. Мену, впадающую въ Джубу и Собатъ. Отсюда видно было, какъ главный хребетъ отъ Геры протягивался на юго-востокъ. Высота г. Бонга-Беке — 2615 м. надъ уровнемъ моря, а вершины Бача-аки-Кела, Гауа-Гундо, Гида и Шонга, превышаютъ 3000 метровъ. На востокѣ, на водораздѣльномъ между р. Омо и Гуми гребнѣ, выдѣлялся остроконечный пикъ г. Уадибнало, также, вѣроятно, превышавшій 3000 метровъ надъ уровнемъ моря. Хребетъ постепенно и значительно понижается къ югу.

Только въ пять часовъ пополудни пришли мы на нашъ бивакъ, расположившійся на берегу рѣки Уоши въ области Даче. Меня ожидала толпа каффцевъ съ начальникомъ области во главѣ. По приказу раса, они принесли продовольствіе для моего отряда (дурго). Я принялъ барана отъ раша и далъ ему пять ефимковъ, отъ остального же я отказался и возвратилъ дурго принесшимъ его полуголоднымъ каффцамъ, прибавивъ имъ еще нѣсколько ефимковъ на покупку зерна. Каффцы были этимъ очень тронуты—били себя въ знакъ благодарности въ грудь и цѣловали землю.

25 Января. Мы выступили послѣ полдня. По нашему биваку бродили совершенно голыя голодныя каффскія дѣти, подбирая всякіе отбросы. Жалко было смотрѣть на нихъ. Они совсѣмъ потеряли человѣческій обликъ и были страшно худы, точно обтянутые кожей скелеты. На тоненькихъ, почти ли-

шенныхъ мяса ногахъ рѣзко выдѣлялись суставы колѣнъ; щеки и глаза—впали, а животы—раздулись.

Голодные каффцы.

Утро было свѣжее (10°Р.), трава покрыта обильной росой, и несчастныя дѣти, дрожа отъ холода, искали въ травѣ кости, дрались между собой изъ-за внутренности барана и, если находили его ноги, то обгладывали на нихъ кожу и мякоть.

У меня произошло столкновенiе съ однимъ изъ моихъ элфинь-ашкеровъ-Амбырбыромъ, молодымъ горячимъ Тигрейцемъ. Онъ поссорился съ Хайле и, несмотря на то, что тотъ заклиналъ его Богомъ Булатовича—„Ба Булата Амлакъ"—не трогать его, вступилъ съ Хайле въ драку. Все это происходило на моихъ глазахъ и было, слѣдовательно, посягательствомъ на авторитетъ моего имени. Въ виду этого, мнѣ пришлось вступиться лично въ это дѣло. Несмотря на мое приказанiе, Амбырбыръ не остановился. Тогда я его ударилъ, но онъ обозлился отъ этого еще больше и готовъ былъ броситься на меня. Пришлось дѣйствовать рѣшительнѣе. Я толкнулъ его въ грудь, и онъ упалъ безъ чувствъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ пришелъ въ себя. Этимъ инцидентъ окончился. Въ наказанье за буйство я Амбырбыра отчислилъ отъ элфинь-ашкеровъ и замѣнилъ его Арегауемъ.

Мы сдѣлали небольшой переходъ и остановились въ землѣ Бута. По дорогѣ мнѣ показывали усыпальницу каффскихъ королей. Могилы были совершенно сравнены съ землей и ничѣмъ не отмѣчены.

26 Января. Мы вступили въ область Чана. Пройдя дорогу, веду-

Губернаторъ Чана и каффскій жрецъ.

щую мимо поселеній каффцевъ по гребню хребта, и миновавъ заставу, мы пошли вдоль границы Шуро. Они отдѣлены отъ Каффы широкой необитаемой полосой, которая прилегала на западѣ къ заповѣднымъ слоновымъ охотамъ каффскихъ королей. По дорогѣ намъ, то и дѣло, попадались слѣды слоновъ. Шуро, зная, что въ ихъ сторону предпринимается походъ, усиленно оберегали свои границы и слѣдили за этой дорогой. И въ густой травѣ, и на опушкахъ лѣса то тутъ, то тамъ показывались мелькомъ ихъ черныя фигуры.

Прослѣдовавъ чрезъ эту мѣстность, мы миновали заставу и вновь вступили въ довольно населенную область Чана. Бивакъ мы разбили рядомъ съ отрядомъ вновь назначеннаго начальника пограничныхъ каффскихъ областей Ато-Кассема. Онъ вскорѣ пришелъ меня привѣтствовать и принесъ въ

даръ нѣсколько кувшиновъ меду. Ато-Кассемъ—60-лѣтній старикъ, тщедушный, льстивый, былъ раньше судьей въ Куло. Эти области подъ свое начальство онъ получилъ въ видѣ пенсіи за долгую службу.

Недалеко отъ нашего бивака находился домъ извѣстнаго жреца (бале)—Чаны, за которымъ я приказалъ послать. Бале скоро пришелъ и сѣлъ у входа въ палатку, не рѣшаясь войти въ нее, чтобы не оскверниться пребываніемъ въ жилищѣ, употребляющаго въ пищу мясо нечистыхъ животныхъ, человѣка, за какового онъ почиталъ европейца. Бале—молодой, очень красивый каффецъ, по внѣшности ничѣмъ не отличается отъ остальныхъ своихъ соплеменниковъ. Происходитъ онъ изъ рода Госса, и всѣ его предки,—насколько онъ помнитъ,—были тоже жрецами. Я его о многомъ разспрашивалъ, но мало чего добился.

27 Января. Мы спустились съ хребта къ рѣкѣ Ука (съ высоты 2.400 метровъ на 1.700 метровъ надъ уровнемъ моря) по искусно проложенной по гребню отрога дорогѣ. Она шла среди густого лѣса, въ которомъ деревья достигали невиданныхъ мною размѣровъ. Даже кактусы, кулкуала, спорили своей высотой съ самыми колоссальными деревьями. Въ лѣсу мы встрѣтили много обезьянъ, но птицъ намъ не попадалось почти ни одной. Рѣку Ука мы перешли по отлично устроенному мосту. Ука составляетъ южную границу собственно Каффы, и за ней начинаются земли подвластныхъ Каффѣ племенъ. Область эта называется Уота. Начальникъ ея, Уотараша, встрѣтилъ насъ на границѣ своихъ владѣній.

Мы остановились бивакомъ около рѣки, а на слѣдующій день поднялись вновь на хребетъ. Я взошелъ на вершину находившейся вблизи горы Бока или Боканъ, откуда съ высоты 2.714 метровъ открывался далекій кругозоръ на югъ и юго-востокъ. Отсюда отчетливо видно, какъ гребень главнаго хребта тянется на востокъ и поворачиваетъ затѣмъ на югъ. Далеко въ дымкѣ виднѣются его южныя вершины, съ которыми я потомъ ближе ознакомился и узналъ ихъ имена—Каститъ, Сай, Уйта, Шаши и др. Еще дальше на востокѣ возвышается остроконечная пирамидальная вершина горы Диме, которую Дональдсонъ Смитъ назвалъ своимъ именемъ M. I. Smith. На сѣверъ отъ нея вырисовывалась другая еще бóльшая гора, имѣющая форму наискось усѣченной сахар-

ной головы. Эту гору мы назвали Я-Менеликъ-Саганейтъ *). Эти двѣ горы находились по той сторонѣ рѣки Омо. Видимое направленіе гребня главнаго хребта породило во мнѣ первое сомнѣніе въ возможности того, чтобы рѣка могла обогнуть его съ юга и повернуть на западъ. (Дальнѣйшее путешествіе окончательно удостовѣрило, что вновь открытый хребетъ отклоняетъ Омо на югъ, заставляя ее впадать въ оз. Рудольфа, и составляетъ водораздѣлъ р. Нила и Омо). Гребень хребта покрытъ въ нѣкоторыхъ частяхъ лѣсомъ, а пологіе западные скаты его и долины многочисленныхъ, направляющихся на западъ, притоковъ рѣки Мену **) были густо населены. Тутъ обитали племена Гимиро, подраздѣлявшіяся на маленькія, зависимыя отъ Каффы, княжества: Каба, Шево, Ишено, Яйно, Дука, Бенешо, Шяро и Шяко.

Народъ этотъ по типу разнится отъ каффцевъ. Цвѣтъ кожи у Гимиро темнѣе, и черты лица грубѣе. Языкъ совершенно отличенъ отъ каффскаго и очень труденъ въ смыслѣ произношенія. Онъ изобилуетъ свистящими и зубными согласными; нѣкоторые слоги какъ бы глотаются. Отличается онъ также и отъ языка племенъ Сидамо: Кула, Конты и др., но говоръ этихъ языковъ схожъ, и въ нихъ попадаются общіе корни. Вѣруютъ Гимиро въ Бога, называя Его принятымъ отъ каффцевъ именемъ Іеръ или Іерочи. Существуетъ, впрочемъ, и другое божество—Кій, которому приносятся жертвы. Гимиро не признаютъ обряда обрѣзанія. Культура этого народа одинакова съ культурой каффцевъ такъ же, какъ оружіе и одежда. По характеру они скорѣе мирный и трудолюбивый, чѣмъ воинственный, народъ. Дома ихъ построены очень искусно и прочно. Среди домашней утвари попадаются впервые встрѣченныя мною въ Абиссиніи корыта, сдѣланныя изъ ствола кулкуала. Гимиро глубоко вскапываютъ кирками свои поля и засѣваютъ ихъ хлѣбами всѣхъ родовъ, въ зависимости отъ высоты мѣстности. Скотоводство процвѣтаетъ. Ко-

---

*) Астрономическое положеніе обѣихъ этихъ горъ было мною впослѣдствіи точно вычислено. Гора Диме опредѣлилась на нѣсколько минутъ южнѣе, чѣмъ опредѣлилъ ее Дональдсонъ, не говоря про разницу въ долготѣ, составляющую около 6 минутъ какъ для этой горы, такъ и для устья р. Омо (см. карту).

**) Рѣка Мена впадаетъ въ Собатъ.

лись въ метанiи дротика въ цѣль, и попавшiй наибольшее число разъ, въ знакъ своей побѣды, шелъ къ цѣли по спинамъ лежавшихъ ницъ товарищей-игроковъ. Вечеромъ затѣвались пѣсни и пляски, во время которыхъ каффцы показывали намъ свой боевой танецъ, очень красивый и напоминающiй лезгинку. Танцуютъ двое, вооружившись копьями и щитами. Одинъ изъ пляшущихъ, дико вскрикивая въ тактъ пѣсни, нападаетъ и, направивъ копье свое въ грудь противника, заставляя копье все время дрожать, наступаетъ на него, а тотъ отступаетъ, парируетъ щитомъ удары и затѣмъ наступаетъ въ свою очередь. Движенiя танцующихъ были очень плавны и изящны; они описывали круги, какъ въ лезгинкѣ, а въ разгарѣ пляски продѣлывали удивительныя па, высоко подпрыгивая, бросаясь другъ на друга, иногда присѣдая, какъ у насъ въ присядкѣ.

30 Января. Произошелъ эпизодъ, показавшiй, насколько развитъ былъ среди моихъ ашкеровъ духъ товарищества. Одинъ изъ нихъ, Данье, страдалъ сифилисомъ, и ноги его были покрыты язвами. Онъ скрывалъ отъ меня свою болѣзнь изъ боязни, чтобы я не отставилъ его отъ похода, и молча терпѣлъ, дѣлая одинаково съ прочими 11-ти часовые переходы пѣшкомъ и не отставая ни въ чемъ отъ товарищей. Здѣсь представился случай купить лошадь у одного изъ солдатъ Ато-Кассема, и, такъ какъ у Данье не было на это денегъ, то товарищи, устроивъ складчину, собрали нужныя на это 30 ефимокъ.

31 Января. Мы вступили въ землю Ишено, которая граничитъ на востокѣ и югѣ съ владѣнiями непризнавшихъ еще власти Абиссинiи негровъ Шуро. Западная граница отсюда всего верстахъ въ десяти, а восточная — въ двадцати. Мѣстность такъ же богата растительностью и обильна водой, какъ и только что пройденная нами. Дорога тянется вдоль западныхъ склоновъ хребта, пересѣкая многочисленныя рѣчки съ устроенными черезъ нихъ отличными мостами.

Мы разбили нашъ бивакъ рядомъ съ выстроеннымъ для раса домомъ, и, вскорѣ по нашемъ прибытiи, явился князь Ишено, громаднаго роста типичный гимиро, и принесъ мнѣ въ даръ муку, медъ и барана.

1 Февраля. На слѣдующiй день мой отрядъ дневалъ, а я поднялся на хребетъ, составляющiй на западѣ границу Ишено.

Меня сопровождалъ цѣлый отрядъ гимиро, человѣкъ въ сто, подъ предводительствомъ князька. Изъ моихъ слугъ я взялъ

Гимиро.

только оруженосцевъ, къ большому огорченію другихъ ашкеровъ, предполагавшихъ, вѣроятно, что мы предпринимаемъ набѣгъ на сосѣдей.

Съ высоты гребня виднѣлась низменная долина текущей на востокъ р. Ука, соединявшаяся вдали съ другой (по словамъ туземцевъ, долиною р. Гуми).

По склонамъ гребня разбросаны многочисленныя поселенія Шуро. До нихъ, казалось, рукой подать, и моими спутниками овладѣло страстное желаніе спуститься туда, во вражью землю, и дать, наконецъ, волю своимъ боевымъ стремленіямъ. Мнѣ съ трудомъ удалось удержать ихъ. Осмотрѣвъ мѣстность, я повернулъ назадъ.

На обратномъ пути мы проѣзжали мимо базара, на которомъ толпилась масса народа — мужчинъ и женщинъ, — бросившаяся бѣжать при нашемъ появленіи. Князю Ишено съ трудомъ удалось остановить и успокоить своихъ подданныхъ, и они продолжали прерванную торговлю. Продавались тутъ хлѣбъ, пиво, куры, бараны и разныя ткани. Торговцами и покупателями являются, главнымъ образомъ, женщины, для мужчинъ же базаръ служитъ клубомъ. Они толпились тутъ съ длинными трубками въ зубахъ, бол-

тая и обмѣниваясь новостями. Я купилъ у одного каффскаго дворянина большую деревянную трубу и приказалъ ему прійти за деньгами на бивакъ. Въ назначенное время онъ явился. Я пригласилъ его въ палатку, угостилъ медомъ и разговорился съ нимъ. Мой собесѣдникъ оказался язычникомъ, раньше онъ былъ очень богатъ, имѣлъ много скота. У него были двѣ жены, семь рабынь и трое дѣтей, но всѣ они погибли во время войны. Онъ разсказывалъ объ этомъ съ неподдѣльной грустью: „я просилъ у Бога смерти—говорилъ онъ—но онъ не далъ ея".

— Кто же Богъ?—спросилъ я его.

— Іеро!—отвѣтилъ онъ мнѣ. (О другомъ каффскомъ божествѣ „Деонтосъ" онъ, хотя и зналъ, но не могъ мнѣ объяснить, какая между ними разница. Зналъ онъ также и про діавола—шайтана).

Гимиро.

Я спросилъ его, слыхалъ ли онъ про Христа? Послѣдовалъ отрицательный отвѣтъ.

— А про Богородицу?

— Про Маріамъ слышалъ!

— Что-же,—ты думаешь,—будетъ съ тобой послѣ твоей смерти?

Этотъ вопросъ, видно, затронулъ одно изъ самыхъ чувствительныхъ и живыхъ мѣстъ его души, и онъ рѣшился подѣлиться со мной тѣмъ, что давно тяготило его.

Это—истина,—началъ онъ воодушевленно,—то, что я говорю, есть истина! Слыхали мы, что хорошіе люди будутъ послѣ смерти блаженствовать, а дурные—мучиться. Слыхали мы, что для перваго постятся: мясо-вкусно, масло-вкусно, а ихъ не ѣдятъ. Красивыхъ женщинъ много, къ нимъ влечетъ,—а воздерживаются. Слышалъ я все это, какъ слухъ, и давно у меня отъ этого душа болитъ (дословно, животъ болитъ). Но что это все значитъ, и какъ это произойдетъ—не знаю.

Я изложилъ ему вкратцѣ основы христіанскаго ученія. Онъ слушалъ съ большимъ вниманіемъ, ударяя себя по временамъ кулакомъ въ грудь, и въ заключеніе спросилъ:

— Что же надо сдѣлать?

— Креститься!

— А кто же меня научитъ постамъ и обрядамъ? И можно ли мнѣ креститься, разъ мои предки не были крещены? Хорошо ли я сдѣлаю?

Я ему еще разъ посовѣтовалъ креститься, послѣ чего онъ поблагодарилъ меня и, видимо, душевно взволнованный разговоромъ, ушелъ...

Вечеромъ прискакалъ гонецъ съ письмомъ отъ раса. Онъ извѣщалъ меня о томъ, что прибудетъ въ Шево на слѣдующій день, спрашивалъ о моемъ здоровьѣ и объ успѣшности моихъ работъ. „Много ли видалъ земли?“—говорилось въ письмѣ. Я отвѣтилъ ему, что, слава Богу, здоровъ, земли видѣлъ много, и что на слѣдующій день пріѣду его навѣстить въ Шево.

2 Февраля. Утромъ я сдѣлалъ небольшую прогулку въ землю Яйно, къ южнымъ границамъ Гимиро, а послѣ обѣда отправился верхомъ, въ сопровожденіи двухъ ашкеровъ тоже верхами, къ расу. Широко раскинулся его лагерь. Дорога на нѣсколько верстъ отъ ставки раса была усѣяна по бокамъ палатками. Солдаты, солдатки, дѣти, мулы—все было перемѣшано тутъ въ безпорядкѣ. Гдѣ только мѣстность позво-

ляла, я ѣхалъ широкимъ галопомъ. При видѣ меня нѣкоторые изъ встрѣчавшихся абиссинцевъ почтительно давали дорогу, другіе же презрительно оглядывали, крича „Али“. Такъ прозвали абиссинцы итальянцевъ, а вмѣстѣ съ ними и всѣхъ бѣлыхъ. Названье это въ высшей степени оскорбительно, и Менеликъ, подъ угрозою наказанія жирафомъ, запретилъ звать такъ европейцевъ. Но, на этотъ разъ, я не обращалъ вниманія на обидные крики, не желая съ репрессаліи начинать знакомство съ моими будущими товарищами по походу. Впрочемъ, слышались и одобрительные возгласы, относившіеся къ моей лошади и ѣздѣ, какъ, напр.: „Ай фарасъ! ай фарасъ! Фрэнджъ фарасенья!“ (Вотъ лошадь! вотъ лошадь! иностранецъ—кавалеристъ!).

Я засталъ раса на дворикѣ его ставки окруженнымъ офицерами. Онъ сидѣлъ, поджавъ подъ себя ноги, на коврѣ подъ тѣнью развѣсистаго дерева и беззаботно чистилъ себѣ палочкой зубы *). Старый закаленный въ бояхъ воинъ чувствовалъ себя, повидимому, счастливымъ, находясь вновь во главѣ своего войска, въ походѣ, подъ открытымъ небомъ, на границѣ непріятельской земли, наканунѣ перехода въ нее. Къ этому чувству удовольствія должна была примѣшиваться нѣкоторая нервная невольная тревога, какую испытываетъ скакунъ весною на стартѣ, послѣ мирно проведенной зимы, передъ новой борьбой.

Мы сердечно встрѣтились съ расомъ, и я пробылъ съ нимъ до захода солнца. Вечеромъ я вернулся на свой бивакъ.

3 Февраля. Съ 8-ми часовъ утра стали прибывать непрерывной вереницей солдаты раса. Около 10 часовъ послышались вдали чистые звуки флейты, извѣщавшіе о его приближеніи. Впереди ѣхали литаврщики въ красныхъ фескахъ, сидя на крестцѣ муловъ, на которыхъ спереди были навьючены литавры, и, высоко размахивая палками, били въ нихъ красивый веселый бой. За литаврами везли на двухъ мулахъ громадную палатку раса, а носильщики несли длинные бамбуковые столбы отъ

---

*) Для этого употребляется сырая вѣточка особаго, очень гибкаго дерева. Передъ употребленіемъ конецъ палочки, не имѣющей внутри сердцевины, слегка разжевываютъ, и когда онъ, благодаря этому, расщепится, то чистятъ имъ зубы, какъ щеткой. Сокъ этого дерева вызываетъ много слюны.

нея. Затѣмъ вели его лошадей, въ богатыхъ серебряныхъ уборахъ, и заводныхъ его муловъ. Конюхъ любимаго боевого коня раса несъ два его собственныхъ копья—серебряное и мѣдное. Далѣе слѣдовала длинная вереница пажей и носильщиковъ съ вещами раса: складнымъ деревяннымъ кресломъ въ красномъ кумачевомъ чахлѣ, ковромъ, аптечкой, двумя небольшими мѣхами для воды, библіотекой, подзорной трубой и т. п. Вещи эти расъ беретъ съ собой во время своихъ путешествій и походовъ. За носильщиками шествовали флейтисты, и, наконецъ, окруженный всѣми офицерами и солдатами своей охраны, ѣхалъ главнокомандующій; непосредственно за нимъ слѣдовали оруженосцы, неся десятокъ ружей раса въ красныхъ шерстяныхъ чахлахъ и столько же поясныхъ патронташей, наброшенныхъ оруженосцамъ на шею. Мулъ раса, въ тяжеломъ серебряномъ ошейникѣ, былъ осѣдланъ абиссинскимъ сѣдломъ, покрытымъ бархатнымъ, расшитымъ шелками, вальтрапомъ.

Расъ былъ въ бѣлой тонкой рубашкѣ и такихъ же штанахъ. Черный шелковый бурнусъ былъ надѣтъ поверхъ тончайшей шаммы, накинутой на плечо; свободнымъ концомъ ея онъ закрывалъ себѣ лицо до глазъ. Ноги раса были босы, а голова покрыта широкой фетровой шляпой. Маленькій револьверъ и оправленная въ золото сабля (боевое отличіе, полученное отъ императора Менелика), составляли вооруженіе раса.

Расъ расположился, въ ожиданіи обѣда, въ одномъ изъ домовъ, гдѣ поставлена была его походная постель и разостланы ковры. Здѣсь онъ принималъ депутаціи приходившихъ къ нему съ поклономъ туземцевъ. Депутаты привѣтствовали раса земными поклонами и, въ знакъ радости лицезрѣнія своего властелина, цѣловали землю и ударяли себя ладонями въ грудь. Князь Ишено привелъ въ подарокъ нѣсколько чудныхъ быковъ, одного изъ которыхъ расъ подарилъ мнѣ.

Князь Ишено и его подданные, какъ пограничные жители, были приглашены принять участіе въ походѣ, и они съ радостію приняли это предложеніе. Изъ нихъ былъ образованъ особый отрядъ подъ командою состоявшаго до сихъ поръ при мнѣ переводчикомъ Габру.

На слѣдующій день рѣшено было перейти границу Шуро. Ихъ земли были отдѣлены отъ Гимиро густымъ порубеж-

нымъ лѣсомъ, черезъ который вели только трудно проходимыя пѣшеходныя тропинки, и расъ приказалъ немедленно

3 князька племени Гимирò.

отправить впередъ рабочихъ, для расчистки дороги, и для охраны назначилъ сборный отрядъ изъ ста солдатъ.

Я пожелалъ отправиться съ передовымъ отрядомъ и, послѣ большого обѣда у раса, на который были приглашены всѣ офицеры, старѣйшiе изъ солдатъ и вся охрана его, выступилъ на границу.

Часовъ въ 5 вечера мы достигли опушки пограничнаго лѣса и стали бивакомъ на маленькой полянкѣ. Я поѣхалъ впередъ, чтобы ознакомиться съ мѣстностью. Пройдя нѣсколько верстъ по едва замѣтной тропинкѣ среди густѣйшаго лѣса, мы наткнулись на дозорныхъ Шуро, скрывшихся при нашемъ приближенiи, и, наконецъ, на гребень горнаго отрога, обрывомъ спускающагося къ неизвѣстной рѣкѣ. Долина ея и холмы, насколько только охватывалъ глазъ, были густо заселены. Изъ домовъ поднимался дымокъ. Очевидно,

тамъ приготовлялась пища. Съ пастбища возвращался скотъ. и видъ чудныхъ, бѣлыхъ коровъ раздражалъ аппетитъ моихъ спутниковъ, восклицавшихъ все время: „смотри, сколько коровъ! Какія бѣлыя! Эхъ, и коровы!.. Вотъ такъ коровы!“.. Поля кругомъ были воздѣланы. Во всемъ была замѣтна тихая трудолюбивая жизнь мирнаго народа, и грустно было подумать, что завтра все это будетъ разрушено... Картина измѣнится: жители побѣгутъ, угоняя свой скотъ и унося скарбъ и дѣтей. Будутъ, навѣрное, убитые, раненые и плѣнные, запылаютъ дома, и отъ нихъ останутся только пепелища. Развѣ Шуро не предвидятъ этого? Расъ Вальде-Георгисъ не разъ передавалъ имъ черезъ ихъ сосѣдей Гимиро совѣтъ добровольно покориться. Они знаютъ, что абиссинцы близко; дозорные стерегутъ всѣ пути, ведущіе въ ихъ страну. Гроза надвигается, горе, очевидно, близко, неминуемо, и, несмотря на это, наканунѣ его, они беззаботно готовятъ пищу.

Уже смеркалось, когда я вернулся на свой бивакъ; по дорогѣ попадались мои ашкеры, отправившіеся за водой. По собственной инціативѣ они приняли при этомъ всѣ военныя предосторожности, и двоихъ несшихъ воду конвоировали двое другихъ съ заряженными винтовками *).

Вечеромъ зарѣзали подареннаго расомъ быка, и я угостилъ сборный отрядъ ужиномъ. 14 офицеровъ я пригласилъ въ палатку, и мы ѣли сырое мясо, обмакивая его въ красный перецъ. Мои гости явились съ собственными ножами, или кинжалами (у нѣкоторыхъ въ ножны шашки были вставлены маленькіе ножички).

Во время обѣда мы установили порядокъ ночного охраненія, въ виду представлявшагося вѣроятнымъ нападенія Шуро. На четырехъ углахъ бивака разложили костры, а впереди ихъ залегли караулы, по восьми человѣкъ каждый. Имъ было строго наказано стрѣлять только въ крайности и отнюдь

*) Вообще я замѣтилъ, насколько всѣ обычаи войны и выработавшійся долгимъ опытомъ порядокъ охраненія развѣдокъ и внутренняго быта въ походѣ вошли въ плоть и кровь каждаго абиссинца. Еще за нѣсколько переходовъ до этого, влизи восточной границы Гимиро, они установили сами между собой порядокъ ночного охраненія,—причемъ часовые становились по краямъ коновязи, и сами опредѣляли наказаніе за недостаточную бдительность, заключавшееся въ томъ, что у виновнаго отнималось ружье и передавалось другому, не имѣвшему его.

не внутрь бивака; собираться, въ случаѣ тревоги, было приказано къ моей большой палаткѣ. Наши ожиданія, однако, не оправдались, и ночь прошла спокойно...

VI.

Отъ границъ Абиссиніи до озера Рудольфа.

4 Февраля. Утромъ моросилъ мелкій дождь. Гимиро топорами расчищали тропинку, вырубая стоящія по бокамъ деревья, а абиссинцы, расположившись впереди рабочихъ, саблями рубили густо переплетенныя ліаны. Работа подвигалась настолько медленно, что я рѣшилъ пройти съ нѣсколькими своими оруженосцами впередъ и, выбравшись на чистое мѣсто, произвести нѣкоторыя наблюденія.

Съ трудомъ подвигались мы по узкой тропинкѣ густого лѣса, то и дѣло перебирались черезъ нарочно поваленныя неграми громадныя деревья. Около получаса мы шли спокойно, никѣмъ не тревожимые, какъ вдругъ при переходѣ черезъ одну изъ засѣкъ, совсѣмъ рядомъ съ нами, раздались громкіе тревожные звуки рога, заставившіе насъ остановиться и схватиться за оружіе. Щелкнули наши затворы. Притаивъ дыханье, мы ждали нападенія. Напрягая зрѣніе, мы вглядывались въ пространство, чтобы разсмотрѣть въ чащѣ лѣса противника. Въ отвѣтъ на первый рогъ, раздались вдали другіе. Наконецъ, все смолкло, и только слышно было, какъ почти рядомъ съ нами пробирались въ кустахъ какіе-то люди... Мы осторожно двинулись дальше и часа черезъ полтора вышли на опушку, все время сопровождаемые слѣдившими за нами, но не рѣшавшимися напасть на насъ неграми. Передъ нами разстилалась теперь видѣнная мною вчера долина рѣки Ойми. Населеніе ея находилось въ эту минуту въ полномъ бѣгствѣ. Изъ домовъ выходили нагруженныя всякимъ скарбомъ и продовольствіемъ женщины и поспѣшно удалялись, угоняя съ собою скотъ. Мужчины частью слѣдовали за своими женами, частью же, расположившись по

гребнямъ горныхъ отроговъ, наблюдали за ними. Очевидно было, что увѣщанья раса—покориться добровольно—не имѣли пока никакого успѣха.

Часамъ къ 11-ти окончена была, наконецъ, расчистка дороги, и войска хлынули въ долину, гдѣ и разсыпались въ разныя стороны, спѣша пополнить свой запасъ продовольствія. Всякіе запреты были бы немыслимы и безплодны, такъ какъ на такихъ реквизиціяхъ зиждилась вся продовольственная система похода. Мѣстность покрылась скачущими во всѣхъ направленіяхъ абиссинцами, и въ усадьбахъ закипѣла дѣятельная работа: изъ маленькихъ, приподнятыхъ на сваяхъ надъ землей, клунь солдаты скидывали снопики шэфа и машеллы и тутъ же на дворѣ обмолачивали ихъ палками на разостланныхъ шаммахъ. Нѣкоторые счастливцы находили въ домахъ муку и, радуясь этой находкѣ, торжественно несли ее на бивакъ. Скоро всѣ ведущія къ нашей стоянкѣ тропинки покрылись тяжело нагруженными солдатами: кто несъ зерно, кто связку соломы для муловъ, кто куръ, кто гналъ барана. Солдаты были довольны и перекидывались шутками.

Бивакъ раса расположился по гребню отрога, возвышавшагося надъ рѣкой Ойми. Мѣсто моей палатки было впереди ставки раса. По возвращеніи, я зашелъ навѣстить его и поздравить съ переходомъ границы. Онъ былъ окруженъ старшими офицерами и составлялъ приказъ по войскамъ—„ауаджъ".

Приказъ начинался обычной формулой и гласилъ слѣдующее: „не отлучайся отъ своей части безъ разрѣшенія начальника. Не заходи далеко для реквизицій. Не убивай, если на тебя не нападаютъ. Старайся брать въ плѣнъ, чтобы добыть проводниковъ. Если встрѣтишь въ походѣ затерявшагося мула, не разсѣдлывай его, но представь со всѣмъ находящимся на немъ имуществомъ мнѣ. Виновному въ ограбленіи потерявшихся груженыхъ муловъ отрѣжу руку. Плѣнныхъ и скотъ немедленно приводи ко мнѣ."

Сорока ударами въ нагаритъ (литавры) отрядъ былъ оповѣщенъ о предстоящемъ объявленіи „ауаджа", послѣ чего приказъ былъ прочитанъ передъ собравшимися офицерами и старѣйшими солдатами. Захваченныхъ въ этотъ день плѣнныхъ и скотъ собрали и представили расу.

Всѣхъ плѣнныхъ было трое: одна старуха и двѣ молодыя женщины, изъ нихъ одна—беременная. Всѣ въ высшей сте-

пени уродливыя. Черты лица—типичныя негритянскія. Въ проколы, сдѣланные въ толстыхъ губахъ, вставлены маленькія деревянныя палочки, зубы торчатъ впередъ, а нижніе рѣзцы выбиты. Разрѣзъ глазъ узкій, бѣлки—красноватые; волосы, коротко остриженные вокругъ макушки, отпущены на верху и свиты въ висящія пряди, обильно вымазанныя смѣсью глины и масла. На рукахъ и на ногахъ красуются желѣзные браслеты, въ ушахъ—маленькія деревянныя серьги. Одѣты онѣ въ двѣ большія воловьи выдѣланныя кожи, изъ которыхъ одна обернута вокругъ поясницы, а другая прикрѣплена нижнимъ концомъ къ первой и верхними концами перевязана черезъ плечо. На спинѣ, въ образуемый верхней кожей мѣшокъ, онѣ кладутъ грудныхъ дѣтей, передняя же пазуха на груди служитъ имъ складомъ всякаго добра. Чего только не нашли мы тутъ у взятыхъ въ плѣнъ женщинъ: и продовольствіе, и разную хозяйственную утварь, и желѣзные ручные и ножные браслеты, и витыя, въ видѣ спиралей, желѣзныя украшенія, которыя онѣ носятъ на веревочкѣ, повязанной вокругъ бедеръ. Это поясное украшеніе служитъ имъ, вѣроятно, въ нѣкоторомъ родѣ „décolleté manches courtes" и надѣвается во время плясокъ и пировъ.

Женщинъ въ присутствіи раса допросили, но узнать удалось очень немногое. Тупо и несвязно отвѣчали онѣ, растягивая слова и отвратительно гнусавя. Расъ велѣлъ накормить плѣнницъ. Одну изъ нихъ онъ оставилъ проводницей, а остальныхъ отпустилъ, приказавъ передать своимъ соплеменникамъ, чтобы тѣ шли изъявлять ему покорность, обѣщая въ этомъ случаѣ полную неприкосновенность имущества и свободу. Плѣнницы благодарили раса, цѣлуя землю и ударяя себя въ грудь руками, и ушли, клянясь исполнить его волю. Ихъ вывели вмѣстѣ съ захваченнымъ въ этотъ день скотомъ за предѣлы лагеря и отпустили на всѣ четыре стороны.

По уходѣ плѣнныхъ, мы остались съ расомъ наединѣ. Сознавая тяжесть своего положенія, расъ не счелъ нужнымъ скрывать его отъ меня. Теперь онъ перешелъ границу, и подъ его начальствомъ находилась 30,000-я армія, оторванная совершенно отъ базы. Притомъ армія его обладала лишь самыми скудными подъемными средствами и должна была разсчитывать исключительно на продовольственныя средства

неизвѣстнаго края. Мы рѣшительно не могли предугадать, что̀ ожидало насъ впереди: будущее наше было такъ же невѣдомо, какъ мало извѣстна намъ была цѣль нашихъ операцій—оз. Рудольфа, котораго мы желали достигнуть.

— Я отъ заботы не сплю, не ѣмъ, не пью. Единственнымъ утѣшеніемъ для меня служитъ чтеніе псалтиря,—сказалъ мнѣ расъ. Но какъ бы это ни было трудно, я выполню свой долгъ или погибну! — энергично заявилъ онъ вдругъ, послѣ небольшой паузы, и попросилъ меня помочь ему въ выборѣ пути для отряда.

Я съ удовольствіемъ согласился и на слѣдующій же день долженъ былъ отправиться съ полкомъ фитаурари Атырсье и съ Ато-Баю въ первую развѣдку. Атырсье командуетъ полкомъ уаруари и состоитъ главнымъ фитаурари раса. Мѣсто его какъ въ походѣ, такъ и на бивакѣ, всегда впереди всего отряда. Происходитъ Атырсье изъ простыхъ крестьянъ и выдвинулся, благодаря личнымъ боевымъ заслугамъ. Онъ участвовалъ почти во всѣхъ войнахъ и бывалъ нѣсколько разъ раненъ. Я какъ сейчасъ вижу его верхомъ на маленькомъ бѣломъ мулѣ, съ длиннымъ дротикомъ въ рукахъ и съ засаленной фетровой шляпой на головѣ, всегда веселаго, отпускающаго шуточки и оглашающаго звонкимъ смѣхомъ всю нашу колонну, причемъ его толстенькая фигура плавно раскачивается.

Совершенная противоположность ему — Ато-Баю, типичный современный абиссинскій царедворецъ, молодой, красивый, сдержанный, тонкій въ разговорѣ и изящный въ обращеніи. Онъ служилъ въ дѣтствѣ элфинь-ашкеромъ (пажомъ) у раса Дарги, и при дворѣ его научился отъ европейцевъ разнымъ мастерствамъ. Однажды онъ собственноручно сдѣлалъ ружье и поднесъ Менелику. Пораженный талантливостью мальчика, императоръ взялъ его къ себѣ, и съ тѣхъ поръ Ато-Баю сталъ любимцемъ Менелика, сопровождалъ его во всѣхъ походахъ, блестяще выполнялъ возложенныя на него тайныя порученія и, наконецъ, получилъ въ управленіе золотоносную Уалагу, находящуюся на западныхъ границахъ абиссинскихъ владѣній и граничащую съ Бени-Шонгуломъ — эмира Абдурахмана. Завязавъ сношенія съ послѣднимъ, онъ убѣдилъ его послать къ Менелику посольство съ дарами въ знакъ признанія надъ собой его сюзеренитета.

Но время для посольства было выбрано неудачно, такъ какъ Менеликъ приготовлялся тогда къ войнѣ съ Италіей, и вопросъ о Бени-Шонгулѣ былъ отложенъ*). Назначеніе Баю въ богатую золотомъ и слоновою костью страну возбудило къ нему зависть: многіе стали говорить, что Баю зазнается, что онъ дружитъ съ европейцами, обогащается насчетъ императора и т. п. Навѣты произвели свое дѣйствіе, и императоръ лишилъ Баю области подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ пріютилъ у себя бѣжавшаго изъ заточенія родственника. Черезчуръ увѣренный въ своемъ вліяніи на Менелика, Баю былъ очень дерзокъ и несдержанъ, когда негусъ объявилъ ему свою волю и подвергся за это окончательной опалѣ. Онъ пробылъ годъ въ кандалахъ, заточенный въ Анкоберѣ, но затѣмъ былъ освобожденъ и отправленъ въ ссылку къ расу Вальде-Георгису. Теперь уже четыре года, какъ онъ находится у раса, съ которымъ за это время успѣлъ близко сойтись и сдѣлаться его ближайшимъ совѣтникомъ во всѣхъ дѣлахъ.

Февраля. Я еще лежалъ въ постели, когда въ палатку вошелъ Ато-Баю и сказалъ, что намъ пора выступать Я быстро одѣлся и, кликнувъ своихъ оруженосцевъ, поспѣшилъ на сборное мѣсто. Только что начинало свѣтать. Свѣжо и сыро (+6° Р). Отрядъ еще спалъ, и солдаты, закутавшись съ головой въ шаммы, лежали, какъ муміи, на покрытой росой травѣ. Кой-кто, озябнувъ, возился у потухшаго за ночь костра, стараясь развести огонь. Среди общаго безмолвія раздавалось далекое заунывное пѣніе разгонявшаго свой сонъ часового, да громкій отвратительный ревъ осла. Мы миновали ставку раса, окруженную кольцемъ палатокъ его охраны, затѣмъ биваки передовыхъ полковъ и вышли, наконецъ, за предѣлы лагеря. Полкъ фитаурари Атырсье былъ уже въ сборѣ. Солдаты столпились на маленькой полянкѣ, нетерпѣливо ожидая выступленія. Въ неподвижной повелительной позѣ, опершись на длинную трость, стоялъ фитаурари впереди своихъ солдатъ и, обратившись къ нимъ лицомъ, удерживалъ на мѣстѣ свое стремившееся впередъ войско.

Не успѣли мы тронуться, какъ каждаго охватило жела-

---

*) Теперь Бени-Шонгулъ завоеванъ абиссинцами.

Ато-Баю.

ніе быть впереди другихъ въ первомъ дѣлѣ своей части, и всѣ неудержимо ринулись впередъ. Это было какое-то стихійное, массовое движеніе, и приказанія остановиться въ данномъ случаѣ были бы безполезны. Фитаурари и офицеры поскакали къ узкому проходу среди густого лѣса и, ставъ здѣсь поперекъ прохода, остановили часть. Шумъ и гамъ въ эту минуту стоялъ невообразимый. Фитаурари и офицеры, удерживали своихъ солдатъ, и по щитамъ передовыхъ, градомъ сыпались удары офицерскихъ палокъ. Старые солдаты помогали въ этомъ дѣлѣ офицерамъ и удерживали прикла-

Переводчикъ и плѣнница.

дами рвущихся впередъ товарищей. Когда порядокъ былъ возстановленъ, мы двинулись дальше. Впереди было 10 человѣкъ, составлявшихъ нашъ головной отрядъ, за ними подъ охраной нѣсколькихъ солдатъ, покорно шла вчерашняя плѣн-

ная проводница. За нею слѣдовали: я, фитаурари и Ато-Баю и, наконецъ, полкъ. Проводницѣ надѣли на шею веревку, которую держалъ переводчикъ Габро-Маріамъ, громадный, типичный негръ. 11-ти лѣтнимъ мальчикомъ попалъ онъ въ плѣнъ къ абиссинцамъ, вырощенъ и воспитанъ ими, совершенно освоился съ абиссинскими обычаями и теперь относится съ глубокимъ презрѣніемъ къ своимъ прежнимъ соотечественникамъ, считая ихъ звѣрьми и дикарями. Очень часто потомъ, когда я хотѣлъ спросить плѣнныхъ про ихъ бытъ, Габро-Маріамъ изображалъ на своемъ лицѣ самую презрительную гримасу и говорилъ мнѣ:

— Гета! (господинъ). Зачѣмъ вы ихъ объ этомъ спрашиваете? Развѣ они люди, они звѣри!..

Габро-Маріамъ былъ въ отрядѣ единственнымъ переводчикомъ языка Шуро и поэтому долженъ былъ впослѣдствіи сопровождать меня во всѣхъ моихъ развѣдкахъ, что ему очень не нравилось; онъ горько плакалъ, прикидывался хромымъ, не переставая выпрашивать себѣ мула...

Мы направились къ виднѣвшейся невдалекѣ горѣ Койфешь, чтобы съ высоты ея разсмотрѣть мѣстность и намѣтить путь нашей развѣдки, и въ семь часовъ утра достигли вершины горы. Открывшаяся передъ нами мѣстность представляла изъ себя систему полого-спускавшихся къ западу горныхъ отроговъ главнаго хребта. На юго-западѣ виднѣлась долина рѣки Себелиму, впадавшая, вѣроятно, въ р. Мену. Къ востоку же отъ высокаго хребта находилась, по словамъ туземцевъ, большая рѣка Шорма или Шорумъ (вѣроятно, рѣка Омо).

Гора и находящіеся къ сѣверу отъ насъ ближайшіе гребни были покрыты густѣйшимъ лѣсомъ, составлявшимъ границу Шуро и Гимиро. На крайнихъ же участкахъ порубежнаго лѣса деревья были повалены, кустарники выжжены *), вѣроятно, для посѣвовъ или для поселеній. Къ югу отъ г. Койфешь мѣстность густо населена. Я взялъ азимуты на виднѣвшіяся горы, записалъ названія ближайшихъ изъ нихъ, которыя мнѣ поименовала проводница, и намѣтилъ себѣ отсюда путь для развѣдки. Мы спустились съ вершины и,

---

*) Лѣсъ здѣсь корчуютъ слѣдующимъ образомъ: у корня разводятъ костеръ, и когда начинаетъ тлѣть, огонь раздуваютъ до тѣхъ поръ, пока стволъ у основанія достаточно перегоритъ. Тогда дерево валятъ.

Плѣнный негръ съ семьей.

„Т-во ХУДОЖЕСТВ. ПЕЧАТИ“ ангаідомія, 28.

двигаясь на юго-западъ, вступили въ очень густо населенную мѣстность. Вблизи отъ границы частыя усадьбы туземцевъ были окружены высокими плетнями для защиты отъ случайныхъ нападеній сосѣдей Гимиро, далѣе же къ югу заборовъ уже не было. Дома здѣсь низенькіе, крытые соломой и похожіе больше на временные шалаши, чѣмъ на постоянныя жилища. Рядомъ съ домомъ устроены навѣсы, въ которые загоняется на ночь скотъ, и небольшія клуни, приподнятыя надъ землей, для защиты отъ терминовъ; поля обработаны, но не такъ тщательно, какъ у Гимиро, и засѣяны машелой (дурра)—кукурузой, шэфомъ (поа)—дагассой (элевзина), попадались на возвышенныхъ мѣстахъ и кого, и ячмень. Около домовъ возвышались громадныя сикоморы, увѣшанныя ульями. Жители покинули свои жилища. Женщины и дѣти ушли на югъ, а воины, разсыпавшись по гребнямъ окружающихъ горъ, зорко слѣдили за нами, атакуя иногда отдѣлившихся отъ отряда абиссинцевъ и партіи солдатъ, возвращавшихся съ добычей. Шуро отступали передъ нами, и тревожные звуки ихъ роговъ извѣщали населенье о нашемъ приближеніи. Въ 9 часовъ утра они неожиданно атаковали насъ. Мы только что начали втягиваться въ густой лѣсъ на днѣ узкаго ущелья, какъ вдругъ раздались боевые клики туземцевъ, и затрещали отвѣтные выстрѣлы нашего головного отряда. Ближайшіе къ нему быстро побѣжали на помощь, и фитаурари Атырсье, собравъ нѣсколько десятковъ солдатъ, пустилъ ихъ цѣпью въ атаку на лѣсъ. Выбравъ затѣмъ полянку на холмѣ, съ которой, какъ на ладони, видно было мѣсто боя, онъ остановился тамъ, и къ нему сталъ собираться растянувшійся по узкой тропинкѣ полкъ. Для поддержки атакующихъ фитаурари посылалъ постепенно новыя части. Черезъ 10—15 минутъ послѣ первыхъ выстрѣловъ Шуро уже отступали, энергично преслѣдуемые абиссинцами.

Дорога передъ нами была теперь свободна, и никакой надобности въ дальнѣйшемъ кровопролитіи не было. Но остановить преслѣдованье было теперь не такъ легко. Фитаурари и мы всѣ кричали увлекшимся преслѣдователямъ, чтобы они не убивали туземцевъ, а старались взять ихъ въ плѣнъ и возвращались къ отряду. Но поймать живьемъ голаго Шуро, замѣчательно ловко проходящаго сквозь

чащу, было очень трудно. Велико было также чувство соревнованія, — убить или взять врага въ плѣнъ въ первомъ бою, — охватившее преслѣдователей, и, т. к. очень часто за однимъ Шуро гналось нѣсколько абиссинцевъ, то никому изъ нихъ не хотѣлось отдать „приза“ сопернику, и они спѣшили другъ передъ другомъ пристрѣлить бѣгущаго.

Чтобы укрыться отъ абиссинскихъ пуль, Шуро взлѣзали на высокія деревья, но пули находили ихъ и тамъ, и негры, какъ подстрѣленныя птицы, летѣли оттуда на землю, а побѣдители радостными, пронзительными криками возвѣщали товарищамъ о своей побѣдѣ. Одинъ старикъ Шуро тоже влѣзъ на дерево, но, увидавъ, что его замѣтили, быстро опустился на землю и пустился бѣжать. Нѣсколько абиссинцевъ бросилось за нимъ въ погоню, но старикъ замѣчательно ловко пробирался сквозь густые колючіе кустарники, перепрыгивая черезъ поваленные стволы деревьевъ... Мы кричали солдатамъ, чтобы они его не убивали, а взяли въ плѣнъ, но вопросъ, кто именно убьетъ или возьметъ въ плѣнъ старика, былъ такъ для абиссинцевъ важенъ, что они, не взирая на наши крики, посылали въ догонку бѣгущему выстрѣлы, къ счастію для него, невѣрные. Наконецъ, старикъ зацѣпился за ліану, упалъ и на него насѣлъ абиссинецъ... Преслѣдовать было больше некого, такъ какъ враги, какъ говорится обыкновенно въ абиссинскихъ реляціяхъ: „кто убитъ былъ — убитъ, а кто бѣжалъ — бѣжалъ“, и къ намъ стали возвращаться одинъ за другимъ побѣдители. Въ геройскомъ речитативѣ (фокыратѣ) приходили они повѣствовать своему начальнику о побѣдѣ и, выражая ему свою преданность, кланялись до земли, на что фитаурари равнодушно отвѣчалъ обычной поздравительной фразой: „экуанъ каныхъ“ — „наконецъ, тебѣ повезло“... Плѣнный старикъ дрожалъ отъ недавняго волненія и тупо смотрѣлъ на насъ своими узенькими красноватыми глазами, недоумѣвая, должно быть, отчего его до сихъ поръ не убиваютъ. Онъ былъ совершенно голый; тѣло его было сильно поцарапано колючками. Мы успокоили старика, обѣщали ему свободу, если онъ будетъ вѣрно служить намъ и говорить правду, стали его допрашивать. Старикъ зналъ только ближайшую мѣстность и показалъ, что на востокѣ есть большая дорога, ведущая на юго-западъ. Мы дали напиться

старику, привязали его руку къ рукѣ проводницы, похоронили убитаго солдата и, сдѣлавъ перевязки 2-мъ раненымъ, отправились искать дорогу. Въ этомъ дѣлѣ мы потеряли одного убитымъ и двухъ ранеными.

Старикъ принадлежалъ къ той народности, которую каффицы называютъ „Шуро", т. е. черные. Сами они такъ себя не называютъ, и вобще мнѣ не удалось найти общаго для всѣхъ этихъ племенъ имени.

По типу, языку, религiи и культурѣ Шуро отличаются отъ извѣстныхъ мнѣ до сихъ поръ племенъ. Черты лица, форма черепа, острый лицевой уголъ*), курчавые волосы, узкiе глаза съ тупымъ выраженiемъ и красноватыми бѣлками,— все это обличаетъ въ нихъ негритянское происхожденiе, но цвѣтъ кожи, хотя и болѣе темный, чѣмъ у каффицевъ и гимиро, имѣющiй каштановый оттѣнокъ, даетъ право считать ихъ за не вполнѣ чистыхъ представителей расы Банту, а смѣшавшихся, до нѣкоторой степени, съ другой, не негрской.

Языкъ Шуро совершенно отличается отъ языка Сидамо и Гимиро. Замѣчательно некрасиво выговариваютъ они, произнося слова какъ-то въ носъ. Вѣруютъ въ Бога Туму, но жертвъ ему не приносятъ. Обрѣзанiе имъ неизвѣстно. Покойниковъ хоронятъ въ сидячемъ положенiи, съ подогнутыми къ плечамъ колѣнями, въ неглубокихъ могилахъ. Женъ покупаютъ, платя ихъ родителямъ выкупъ. Богатство Шуро выражается въ количествѣ женъ. Культура этого народа, благодаря главному свойству его характера — лѣни, стоитъ на довольно низкой ступени развитiя. Выдѣлка тканей, напримѣръ, имъ совершенно неизвѣстна. Женщины одѣваются въ шкуры, а мужчины даже и ими не прикрываются, и

Шапка изъ шкуры обезьяны.

*) Зубы у нихъ торчатъ впередъ, а нижнiе рѣзцы обыкновенно выбиты.

только нѣкоторые изъ нихъ обвязываютъ себѣ вокругъ пояса маленькую шкурку козленка. Вооружены они метательными копьями, небольшими круглыми кожаными щи-

Щитъ Шуро. Щитъ Шуро.

тами (нѣкоторые имѣютъ только 5—6 вершковъ въ діаметрѣ) и деревянными тяжелыми палицами.

Шуро раздѣляются на множество отдѣльныхъ племенъ, управляемыхъ самостоятельными князьками, но начала государственности находятся у нихъ еще въ зачаточномъ состояніи. Бытъ крайне простъ. Занимаются Шуро хлѣбопашествомъ, но держатъ также и скотъ. Питаются преимущественно растительной пищей, употребляя, впрочемъ, и мясо домашнихъ животныхъ и птицъ, но мясо слоновъ, гиппопотамовъ и другихъ дикихъ животныхъ не ѣдятъ и этимъ отличаются отъ другихъ, родственныхъ съ ними по типу и языку племенъ, которыя не брезгуютъ никакимъ мясомъ. Шуро называютъ ихъ поэтому презрительнымъ именемъ „иденичъ“ — „сыны не людей“.

Вскорѣ мы вышли на дорогу, которую отыскивали. Это была довольно узкая тропинка, очень удачно проложенная по гористой мѣстности и утоптанная бѣжавшими жителями и скотомъ. Въ $11^1/_2$ ч. мы спустились въ глубокое каменистое ущелье и остановились на берегу рѣчки Килу.

Небо было безоблачно. Время приближалось къ полудню, я выслалъ въ сторону виднѣвшихся на хребтѣ и слѣдящихъ за нами туземцевъ цѣпь солдатъ, на случай ихъ нечаяннаго

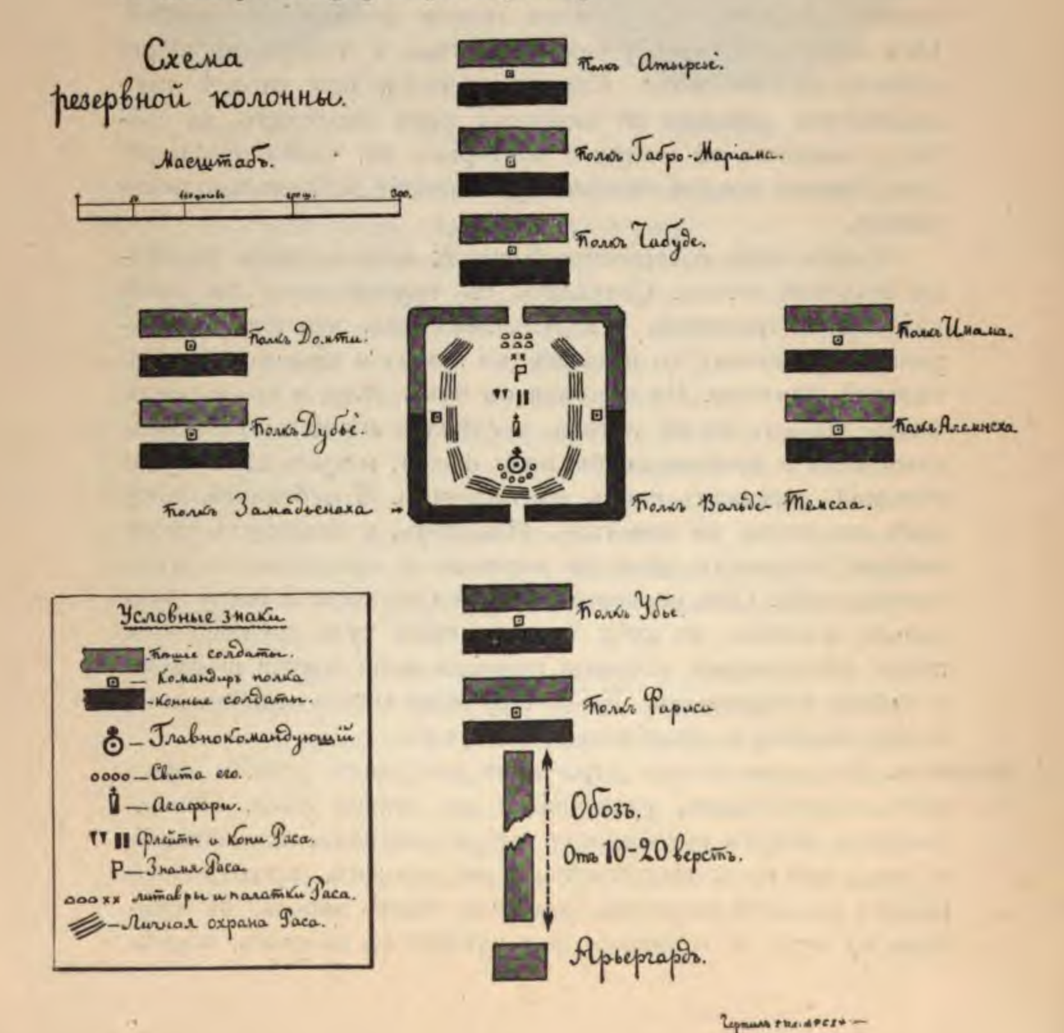
нападенія, и сталъ производить солнечное наблюденіе. Остальные абиссинцы обступили мой инструментъ, съ любопытствомъ глядя на непонятныя для нихъ дѣйствія; нѣкоторые же старики, видя въ этомъ колдовство фрэнджя, съ отвращеніемъ отворачивались и плевали. Когда я окончилъ наблюденія, мы двинулись обратно и въ четыре часа дня пришли на бивакъ. Расъ былъ очень доволенъ результатами этой первой развѣдки. Ему представили плѣннаго, котораго онъ приказалъ одѣть въ шамму, повязать ему голову красной повязкой и накормить. Старикъ былъ въ восторгѣ отъ своей судьбы, разглядывалъ свою одежду и все время повторялъ: „буши! буши!“ (хорошо, хорошо). Недавно пережитое волненіе выражалось въ немъ только неутолимой жаждой. Онъ пилъ въ дорогѣ у каждаго ручья и теперь не переставалъ просить воды. Старикъ остался при отрядѣ проводникомъ; плѣнную же женщину расъ отпустилъ на свободу, подаривъ ей шамму и повторивъ ей, чтобы она передала своимъ соплеменникамъ приглашеніе добровольно покориться.

Я легъ спать совершенно больной: меня во время развѣдки искусали пчелы. Спускаясь съ крутой горы по узкой каменистой тропинкѣ, я вдругъ замѣтилъ, что шедшіе впереди люди почему то падаютъ на землю и закрываются съ головой шаммами. Не понимая въ чемъ дѣло, я продолжалъ ѣхать дальше, но не успѣлъ я сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ меня и моего мула облѣпили пчелы, и мулъ, какъ сумасшедшій, поскакалъ внизъ по тропинкѣ. Я отбивался, какъ могъ, но ничто не помогало. Наконецъ, я надвинулъ каску на уши, положилъ руки въ карманы и предоставилъ мула самому себѣ. Онъ карьеромъ понесся съ горы и внизу буквально влетѣлъ въ кучу спустившихся туда до появленія пчелъ абиссинцевъ, которые покрыли меня и мула шаммами и отбили насѣкомыхъ. Къ вечеру меня сильно лихорадило, голова болѣла и лицо сильно распухло.

6 Февраля. Въ пять часовъ утра меня разбудилъ рѣзкій звукъ сигнальнаго рожка, раздавшійся со ставки раса. Черезъ двадцать минутъ послѣдовалъ второй сигналъ, извѣщавшій о томъ, что расъ выступаетъ, и по дорожкѣ, проходившей рядомъ съ моей палаткой, хлынула толпа народа. Я вскочилъ на мула и, оставивъ Зеленукина съ обозомъ, поспѣ-

шилъ, въ сопровожденіи своихъ оруженосцевъ, присоединиться къ расу. Поздоровавшись, я поѣхалъ съ нимъ рядомъ. Его чудный мулъ шелъ иноходью, и конные—рысью, а пѣшіе бѣгомъ, старались поспѣвать за нимъ.

Вдоль пути стояли выстроившіеся для встрѣчи командиры полковъ со всѣми своими офицерами и свободными отъ наряда людьми и въ отвѣтъ на привѣтствіе раса: „эндьетъ уалатчухъ" (какъ поживаете), произносимое его агафари, кланялись до земли, а затѣмъ быстро присоединялись къ двигающейся колоннѣ, образуя, гдѣ мѣстность допускала идти строемъ, резервную колонну, или вытягиваясь по тропинкамъ въ длинную непрерывную вереницу.

Въ авангардѣ шелъ полкъ фитаурари Атырсье, выславъ впередъ и въ стороны развѣдчиковъ—„салай“. За авангардомъ шли главныя силы, за ними слѣдовалъ обозъ подъ охраной ненаходящихся въ строю соллатъ, и, наконецъ, въ хвостѣ колонны двигался арріергардъ—„убо“ *).

Мы шли очень быстро по развѣданной наканунѣ дорогѣ и быстротой марша головной части достигали сокращенія времени, потребнаго на вытягиваніе всей колонны, затруднявшееся тѣмъ, что по издавна принятому въ Абиссиніи обычаю всѣ войска поднимаются съ бивака одновременно.

Пронзительными криками: „хидъ! хидъ!“—иди! иди!—подгоняли пѣшихъ ѣхавшіе сзади офицеры, и неутомимые, казалось, солдаты, легко, безъ устали бѣжали. Замѣчательно воинственны и красивы были ихъ сухія стройныя фигуры! Въ этомъ, на видъ несовсѣмъ дисциплинированномъ, войскѣ ощущался удивительный подъемъ духа и энергія!

Поровнявшись съ однимъ изъ холмовъ, возвышавшимся неподалеку отъ дороги, я отдѣлился отъ колонны и поднялся на него, чтобы разсмотрѣть мѣстность. Не долго пробылъ я на вершинѣ и не далеко ушла отъ меня голова колонны. Но когда я спустился съ горки, я очутился среди такой сплошной массы людей и животныхъ, что уже не могъ изъ нея выбраться, и только на бивакѣ вновь соединился съ расомъ. Словно безконечный червякъ, тихо извивался слѣдовавшій за отрядомъ обозъ. Надъ колонной высоко поднималась пыль; солдаты, женщины, дѣти, лошади, ослы и мулы—шли въ перемежку сплошной массой, и невообразимый стонъ, въ которомъ смѣшивались ревъ животныхъ, хохотъ, крики, ругань, стоялъ надъ этой толпой...

Стихійно неудержимымъ могучимъ потокомъ катилось это людское море впередъ, слѣдуя за своимъ вождемъ. Воображеніе невольно переносило меня въ далекія времена переселенія народовъ.

---

*) Въ арріергардъ назначался одинъ изъ полковъ по очереди и на обязанности его лежало: охраненіе отряда съ тылу, подбираніе раненыхъ, больныхъ и отсталыхъ, которыхъ сажали въ этихъ случаяхъ на муловъ кого-нибудь изъ солдатъ арріергарда; оказаніе помощи отставшимъ съ вьючными животными и непремѣнная доставка ихъ вьюка на бивакъ, даже въ случаѣ падежа животныхъ.

Какъ разнообразны лица и типы! Вотъ старый бывалый воинъ, обросшій густой, черной бородой, съ большимъ шрамомъ на лицѣ отъ полученнаго когда-то въ бою сабельнаго удара, гонитъ передъ собою маленькаго, тяжело нагруженнаго ослика. Чего только ни навьючили на него; тутъ и бурка—„бурнусъ“ солдата, и маленькая его палатка, и 2 мѣха, наполненныхъ зерномъ, и мѣхъ съ мукой, и всякій иной домашній скарбъ:—деревянная чашка, въ которой мѣсятъ хлѣбъ, желѣзная сковорода и т. п. Осликъ тихо плетется подъ своей тяжелой ношей, а хозяинъ подталкиваетъ сзади и, погоняя палкой, спокойно повторяетъ: „хидъ, вандымье, хидъ!“—„иди, братецъ, иди!“.

Но ослу надоѣло идти, жарко, душно, пыльно, вотъ онъ видитъ въ сторонѣ отъ дороги развѣсистое дерево и, круто повернувшись, бѣжитъ подъ тѣнь его и останавливается къ полному изводу его хозяина, награждающаго теперь своего недавняго „братца“ палочными ударами и перебирающаго при этомъ весь лексиконъ абиссинскихъ ругательныхъ словъ. За солдатомъ идетъ его жена, молодая красивая абиссинка, и несетъ на спинѣ тыкву, въ которой квасится тѣсто для хлѣба. Мальчишка, родственникъ или родной сынъ солдата, несетъ на плечахъ связку палокъ отъ палатки, ружье и щитъ.

Рядомъ съ этой группой идетъ громаднаго роста солдатъ-галласъ съ мужественнымъ, но дикимъ выраженіемъ лица. У него нѣтъ никакого обоза: все его имущество при немъ. Одежда не скрываетъ его великолѣпной мускулатуры. На немъ только штаны, шамму же онъ свернулъ въ комокъ и подложилъ подъ мѣхъ, наполненный зерномъ, который онъ несетъ на головѣ. Изъ поясного патронташа торчитъ одинъ или два десятка патроновъ, за поясомъ—небольшой кинжалъ, на плечахъ старый ремингтонъ, называемый абиссинцами „снайдеръ“.

Вотъ двигается „тэджъ-бьетъ“, т. е. медоварная раса. Цѣлая вереница женщинъ несетъ на спинахъ въ кувшинахъ, обвязанныхъ красными платками, бродящій тэджъ. Носильщицы весело кокетничаютъ съ солдатами, вступаютъ иногда другъ съ другомъ въ перебранку, острятъ надъ товарками и заливаются звонкимъ хохотомъ. Начальникъ медоварни ѣдетъ за ними, закрывши носъ шаммой, и имѣетъ такой важный видъ, какъ будто онъ самъ главнокомандующій.

Тутъ же „уотъ-бьетъ"—кухня раса. Нѣсколько муловъ везутъ кухонную палатку изъ черной шерстяной матеріи и различную утварь. Начальникъ кухни и главныя поварихи молча съ достоинствомъ ѣдутъ верхами на мулахъ. Кухарки считаются въ отрядѣ самыми большими франтихами. Онѣ разукрашены серебряными ожерельями, кольцами и браслетами. Рядомъ—вереница женщинъ „энджера-бьетъ", т. е. хлѣбопекарни; эти несутъ на спинахъ въ большихъ тыквахъ квасящееся тѣсто. У нихъ царитъ такое же веселіе, какъ и у ихъ товарокъ „тэджъ-бьета". Вотъ вьючный обозъ раса—цѣлое стадо нагруженныхъ всякимъ продовольствіемъ муловъ, окруженныхъ погонщиками, подъ надзоромъ начальника обоза—„Чинча-шума".... Достигнувъ края возвышенности, дорога съужается и спускается внизъ по крутѣйшему скалистому склону, извиваясь по узенькимъ карнизамъ, допускающимъ движеніе только по одному. Передъ спускомъ—цѣлое море людей и животныхъ, а сзади прибываютъ все новыя и новыя массы. Растущая толпа походитъ въ эту минуту на бурную полноводную, неожиданно запруженную рѣку. Казалось, что бѣды не миновать, т. к. стоитъ только заднимъ слегка надавить на переднихъ, ожидающихъ на краю обрыва очищенія мѣста, и они полетятъ въ пропасть. Но, къ моему глубокому удивленію, этого не случилось, и предоставленная самой себѣ толпа оказалась дисциплинированной. Всѣ шумѣли, но порядокъ оставался образцовымъ, и каждый старался поддерживать его. Чуть только кто-нибудь протискивался впередъ, на него тотчасъ-же сыпались со всѣхъ сторонъ крики и заклинанія: „Ба Вальде-Георгисъ Амлакъ! Ба гора! (Во имя Бога Вальде-Георгиса! Во имя тѣснины!)—и виновный останавливался, ибо иначе товарищи употребили бы противъ него силу. Трудный спускъ былъ пройденъ благополучно, безъ всякаго несчастія; я, напримѣръ, даже ни разу не былъ прижатъ. Впервые видѣлъ я такую сознательность и разумность толпы, что не могло не поразить меня и заставить глубже вглядываться въ кажущійся безпорядокъ абиссинскаго войска.

Мы перешли въ бродъ небольшую рѣчку Килу, и звукъ рожка извѣстилъ насъ о томъ, что голова колонны стала на бивакъ. На одной изъ полянокъ забѣлѣла палатка раса. Направленіе фронта указывалось стороной, куда былъ обра-

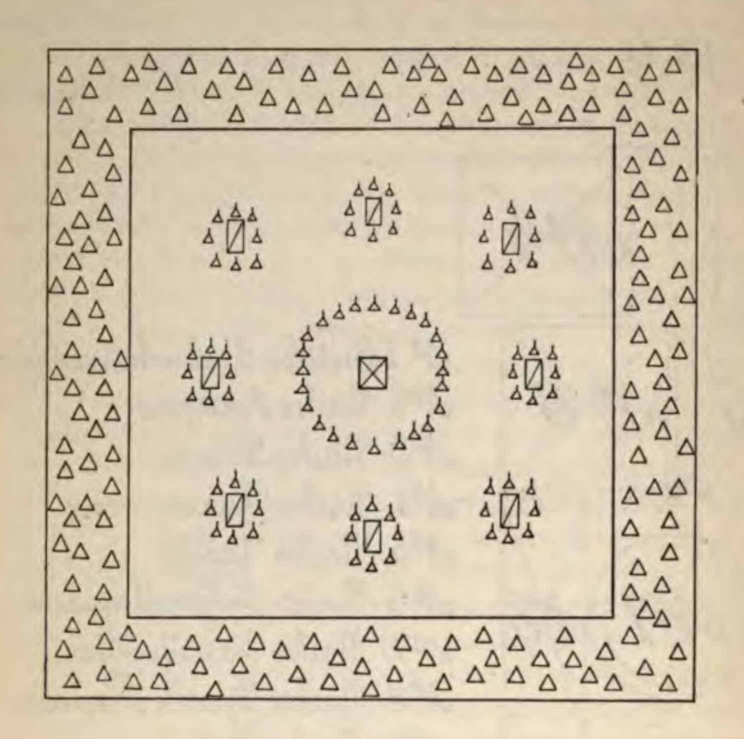
щенъ входъ въ нее, и, оріентируясь этимъ, командиры полковъ разбили свои ставки, а по нимъ расположились установленнымъ порядкомъ ихъ части. Впереди палатки раса была разбита моя. Налѣво отъ меня остановился дадіазмачъ Балай, направо — Гета-Уали, впереди, начальникъ охраны — агафари-Мэнтырь, а рядомъ съ нимъ — литаврщики, начинавшіе тотчасъ же по приходѣ на бивакъ соотвѣтствующій „бой". За первой большой палаткой раса, служившей ему столовой и пріемной, находилась вторая меньшая съ двойной крышей, въ которой помѣщалась спальня. За ними раскинулись разные отдѣлы походнаго хозяйства раса: тэджъ-бьетъ, энджера-бьетъ, уотъ-бьетъ, сега-бьетъ, гыжма-бьетъ (медоварня, хлѣбопекарня, кухня, мясная, кладовая), его мулы и лошади на коновязи и т. п. Тутъ расположился секретарь раса и Ато-Баю. Ставку главнокомандующаго окружали палатки его охраны. По приходѣ на бивакъ, часть солдатъ разсыпалась по окрестностямъ въ поискахъ за фуражемъ или продовольствіемъ, находя въ то же время удобныя мѣста для пастбища и водопоя. Мулы, какъ только разсѣдлывались, пускались пастись, и командиры назначали дежурныя части, располагавшіяся на нѣкоторомъ разстояніи вокругъ бивака. Когда я прибылъ на бивакъ, расъ въ своей палаткѣ читалъ положенные утромъ по случаю постнаго дня (среда) псалмы и молитвы. Около его ставки сидѣли офицеры, дожидаясь обѣденнаго времени: „когда тѣнь человѣка будетъ длиной въ 7 ступней", т. к. въ постъ разрѣшалось ѣсть только послѣ полдня. Главнокомандующій, черезъ своего агафари, просилъ меня отправиться немедленно на развѣдку дороги для завтрашняго дня, а передъ выступленіемъ приглашалъ прійти выпить рюмку водки. Я вошелъ въ палатку. Расъ, сидя поджавши ноги на кровати съ книгой на колѣняхъ, вполголоса быстро читалъ псалтырь. Не отрываясь отъ чтенія, онъ поклономъ отвѣтилъ на мое привѣтствіе. Геразмачъ-Земадьенахъ подалъ мнѣ рюмку водки („скипидарки", какъ мы ее называли съ Зелепукинымъ) и, когда я пилъ, закрылъ меня полой своей одежды. Мы простились затѣмъ съ расомъ такъ же молчаливо, какъ поздоровались, и я отправился на развѣдку.

Въ одиннадцать часовъ дня мы выступили и стали подниматься на гребень возвышенности. Въ то время, какъ я

Схема бивака корпуса.

Схема бивака полка.

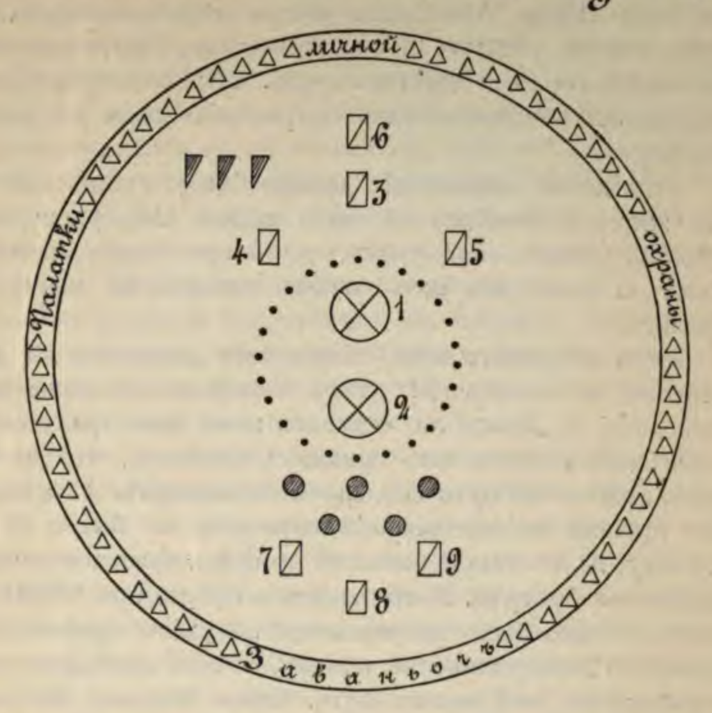
Условные знаки.

⊠ Палатка командира полка
▯ Палатка офицера
▵ Палатки личной охраны
△ Палатки

Масштабъ

100 80 60 40 20 0 шаг 100 200 300 шаг

Схема ставки главнокомандующаго.

Условные знаки.

№ 1–2. Палатки раса
— 3. Палатка Штабъ-Ротмистра Булатовича
— 4. Палатка Дадьязмачъ-Балай
— 5. Палатка Бьета-Уали
— 6. Палатка Агафари-Мхитыръ
— 7. Палатка Ато-Байо
— 8. Палатка секретаря
— 9. Палатка священника
● Палатки хозяйственныхъ припасовъ
▼ Литавры
⁙ Ночной караулъ

Масштабъ

100 80 60 40 20 0 шаг. 100 200

остановился здѣсь, чтобы произвести полуденное солнечное наблюденіе, рядомъ со мной завязался бой между отдѣлившимися въ сторону нашими солдатами и внезапно напавшими на нихъ Шуро. Абиссинцы скоро отбили нападенье, потерявъ одного убитымъ и 2-хъ ранеными. Убитому одно копье пронзило горло, а другое грудь. Мы оставили при немъ нѣсколькихъ человѣкъ для погребенія, сами же двинулись впередъ.

Мѣстность оказалась дальше еще гуще населенной, но жителей совсѣмъ не было видно. Они ушли въ глубь страны, угнавъ свой скотъ, и только воины издали слѣдили за нами. Въ пять часовъ вечера мы вернулись на бивакъ.

Расъ встрѣтилъ меня вопросами: „нашлась ли дорога?, винтилъ ли ты солнце?“ (такъ называлъ онъ солнечныя наблюденія) и „много ли осталось намъ идти градусовъ?“ На послѣдній вопросъ мнѣ пришлось отвѣтить, что впереди у насъ столько же пути, сколько было наканунѣ. Дѣйствительно, мы прошли за сегодняшній переходъ не болѣе 10 верстъ къ югу, да съ такой большой арміей и невозможно было подвигаться быстрѣе. 30-ти тысячное войско при 10.000 животныхъ должно было направляться по узкой тропинкѣ, допускающей идти только по одному, отчего приходилось растягиваться на 5—7 часовъ пути. Самое большее можно было дѣлать 20-ти верстные переходы, но, въ этомъ случаѣ, арьергардъ приходилъ бы только къ вечеру. Очевидно, при такихъ условіяхъ намъ не мало нужно было времени, чтобы достигнуть оз. Рудольфа.

Солнце заходило, и наступило время вечерней молитвы. Передъ входомъ въ палатку на разостланномъ коврикѣ сталъ главнокомандующій, обратившись лицомъ на востокъ, рядомъ съ нимъ отрядные священники, а за нимъ полукругомъ—его приближенные. Одинъ изъ мальчиковъ - пажей, ставъ передъ молящимися, вынулъ изъ кожанаго футляра образъ и бережно снялъ красный шелковый платокъ, которымъ онъ былъ обернутъ. То была икона Богоматери, московской работы; при видѣ ея, всѣ поклонились до земли. Началось молебствіе, называемое „Удасье Маріамъ“, т. е. славословіе Богородицы; священники про себя читали установленныя молитвы; большая часть присутствующихъ знала

ихъ наизусть и шепотомъ повторяла за священниками. Часъ молитвы былъ временемъ, когда у ставки раса вступалъ очередной ночной караулъ, прибывшій въ серединѣ молебствія въ полномъ составѣ и боевомъ вооруженіи. Поклонившись до земли расу, караулъ сталъ фронтомъ противъ его мѣста. Суровыя лица солдатъ, вдохновенный взоръ раса, тихій шелестъ вѣтерка въ густой листвѣ громадной сикоморы, смѣшивавшійся съ шепотомъ его молитвы... Въ концѣ молебствія одинъ изъ дабтаровъ обошелъ нѣсколько разъ молящихся, назначая каждой группѣ имя святого, которому она должна молиться, затѣмъ священникъ прочелъ отпустительное „Отче Нашъ", и молебствіе окончилось.

Чудное впечатлѣніе производила эта молитва. Словно на кораблѣ, затерявшемся въ безпредѣльномъ океанѣ, казалось, были мы съ отрядомъ среди этихъ невѣдомыхъ земель... Кто изъ насъ здѣсь останется, кто вернется?...

Расъ вошелъ въ палатку и черезъ нѣсколько минутъ прислалъ своего агафари просить меня. Абиссинскимъ этикетомъ требуется, чтобы хозяинъ входилъ въ домъ раньше гостя.

Взятыхъ въ этотъ день плѣнныхъ допросили и затѣмъ отпустили на свободу. Въ одномъ изъ плѣнныхъ нашъ проводникъ призналъ своего внука. Замѣчательно трогательна была ихъ встрѣча. Старикъ нѣжно обнималъ своего ребенка, плакалъ отъ радости и билъ себя въ грудь, когда расъ отдалъ ему мальчика. Ихъ обоихъ накормили и увели на бивакъ.

Одинъ за другимъ входили въ палатку вожди раса, чтобы откланяться и проститься съ главнокомандующимъ. Агафари передавалъ имъ касающіяся ихъ распоряженія и нарядъ на слѣдующій день. Наконецъ, палатка опустѣла и намъ подали ужинъ. Оффиціальный день раса окончился; вечеръ онъ посвящалъ бесѣдѣ со своими друзьями и отдыху. Къ ужину собрались дадіазмачъ Балай, Гета-Уали и отрядный іеромонахъ, духовникъ раса, Аба-Вальде-Мадхынъ, обычные гости раса. Намъ дали вымыть руки; кухарки принесли нѣсколько корзинъ съ энджерой и горшечковъ съ приготовленнымъ кушаньемъ. Аба-Вальде-Мадхынъ прочиталъ молитву, и мы начали нашу скромную трапезу.

Съ удовольствіемъ вспоминаю я эти минуты. Живо представляется мнѣ теперь палатка раса — широкая, круглая,

обтянутая внутри зеленой матеріей, поддерживаемая однимъ внутреннимъ столбомъ. На одной изъ сторонъ стоитъ походная кровать, а надъ ней маленькій балдахинъ изъ бѣлаго холста. Тутъ же воткнута въ землю сучковатая палка, служившая вѣшалкой для всѣхъ ружей и патронташей раса; на одномъ ея сучкѣ висятъ карманные часы. Хозяинъ сидитъ на кровати, поджавъ подъ себя ноги, мы расположились рядомъ съ нимъ на коврахъ; прислонясь къ столбу палатки, стоитъ одинъ изъ пажей раса и держитъ въ рукахъ длинную восковую свѣчку, бросающую свой тусклый свѣтъ на красивое лицо пажа, то и дѣло заботливо снимающаго нагаръ, на ближайшую группу стоящихъ вокругъ элфинь-ашкеровъ, агафари и другихъ приближенныхъ раса, а въ углы палатки свѣтъ не проникаетъ.

Оживленный разговоръ не умолкаетъ. Въ бесѣдѣ участвуютъ всѣ, даже самые младшіе, даже недавніе рабы, и большой семьей, сплоченной крѣпкими узами боевого товарищества, представляется мнѣ главнокомандующій и его сподвижники....

Вспоминаются мнѣ и окружающіе раса. Вотъ громаднаго роста черный оруженосецъ Ильма, котораго изводятъ его галласкимъ происхожденіемъ; элегантный секретарь Ато-Мелкъ, котораго заставляютъ разсказать про его любовныя похожденія. Преданный расу, какъ собака, маленькій тщедушный геразмачъ Земадьенахъ не спускаетъ глазъ съ своего хозяина. Никто не умѣетъ такъ услужить расу, какъ онъ, онъ и подушку знаетъ какъ подложить, и усталыя ноги умѣетъ размять.... Геразмачъ глухъ, надъ нимъ острятъ, смѣются, но онъ этого не слышитъ. Справочной книгой при всѣхъ историческихъ разсказахъ служитъ храбрый каніазмачъ Алэмнехъ. Онъ все помнитъ, и когда расъ начинаетъ что-либо разсказывать, онъ обращается постоянно къ Алэмнеху, чтобы тотъ сообщилъ подробности... Агафари Мэнтыръ—исправнѣйшій служака. Стоитъ онъ всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ, у входа въ палатку, и держитъ въ рукахъ длинную палку. Его не интересуетъ разговоръ: онъ занятъ исполненіемъ своихъ обязанностей и ждетъ, когда расъ кончитъ ѣсть и наступитъ время звать другихъ приглашенныхъ къ ужину. Два мальчика-пажа стоятъ, обнявшись: имъ, видно, хочется спать. Одинъ изъ нихъ, безъ со-

мнѣнія, будущій герой: я наблюдалъ сегодня, какъ онъ у костра доказывалъ сверстникамъ свое мужество, прижигая себѣ руку тлѣющей тряпкой. На прожженныхъ мѣстахъ останутся блестящія черныя пятна, а кожа будетъ походить на шкуру леопарда...

А какъ интересны друзья раса: дадіазмачъ Балай, Гета-Уали и аба Вальде-Мадхынъ.

Первый былъ лишенъ владѣній за междоусобную войну съ сосѣднимъ владѣтелемъ Уоло, расомъ Уали (родной братъ императрицы Таиту), и сосланъ въ Каффу къ расу Вальде-Георгису. Передъ этимъ онъ пробылъ годъ въ оковахъ при дворѣ Менелика, и только по настоянію Вальде-Георгиса, женѣ котораго онъ приходится двоюроднымъ братомъ, Балаю было смягчено наказаніе. Дадіазмачъ Балай извѣстенъ своей храбростью, и Менеликъ называетъ его самымъ отважнымъ тигрейцемъ. Балай—сухой, на рѣдкость красивый, типичный абиссинскій аристократъ. Цвѣтъ кожи у него замѣчательно свѣтлый для абиссинца; этому онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ отъ нѣкоего раса Али, пришельца изъ Аравіи. Обращеніе дадіазмача отличается всегда необыкновеннымъ достоинствомъ, и во всѣхъ его поступкахъ чувствуется природный баринъ. Удивительно деликатенъ былъ расъ въ своихъ отношеніяхъ къ находившемуся подъ его властью Балаю. Дадіазмачъ былъ званіемъ ниже раса, отъ котораго онъ при его настоящемъ положеніи былъ вполнѣ зависимъ. Почти ровесникъ расу, дадіазмачъ былъ совершенно разоренъ. Расъ кормилъ его и его слугъ, ссужалъ деньгами, одѣвалъ и оказывалъ ему,—въ виду его былой славы и постигшаго его несчастія,—такія почести, какихъ не оказалъ бы равному себѣ. Расъ, напр., вставалъ при входѣ его и на привѣтствіе дадіазмача отвѣчалъ земнымъ поклономъ.

Гета-Уали — давнишній другъ Вальде-Георгиса — глава одного изъ самыхъ воинственныхъ магометанскихъ племенъ въ Уало, славящихся своею отчаянною смѣлостью и наѣздничествомъ. Это—человѣкъ лѣтъ 50-ти, высокаго роста, обросшій густой черной бородой съ коротко остриженными усами, которые придаютъ ему немного свирѣпый видъ. Расъ познакомился съ нимъ во время одной изъ войнъ Менелика противъ раса Микаеля и подружился, несмотря на разность

религіи, служащую въ Абиссиніи большимъ препятствіемъ къ сближенію. Теперь, отправляясь въ походъ, онъ извѣстилъ объ этомъ своего стараго пріятеля, который, бросивъ домъ и семью, поспѣшилъ на его призывъ.

Одной изъ симпатичнѣйшихъ личностей былъ нашъ отрядный священникъ, аба Вальде-Мацхынъ. Идеалистъ и мечтатель, тихій, кроткій, снисходительный къ другимъ, но строгій къ себѣ, онъ представлялъ собою полную противоположность встрѣчающимся среди абиссинскаго духовенства законникамъ, которые своею слѣпою преданностью обрядностямъ напоминаютъ древнихъ книжниковъ и фарисеевъ. Весь высохшій, обратившійся въ мумію отъ строго соблюдаемыхъ, несмотря ни на какія обстоятельства, тяжелыхъ постовъ, онъ, при всей своей кажущейся тщедушности, проявлялъ замѣчательную выносливость и никогда не показывалъ и вида утомленія.

Когда нашъ ужинъ приблизился къ концу, и казначей раса, начальникъ гымжа-бьетъ (кладовая), подалъ намъ кофе *), сѣли ужинать приближенные раса, сначала старшая его свита: Ато-Баю, каніазмачъ Алемнехъ, агафари Мэнтыръ, геразмачъ Замадьенахъ и др., а послѣ нихъ уже и остальные приближенные и, наконецъ, эльфинь-ашкеры (пажи).

Невдалекѣ забили въ литавры обычный вечерній бой. Далеко раздававшіеся глухіе минорные звуки должны были, по мнѣнію абиссинцевъ, устрашать непріятеля. Угощеніе кончилось; мы допили наши графины съ мутнымъ, неперебродившимъ тэджемъ, казавшимся намъ въ походѣ верхомъ совершенства, и, прослушавъ послѣобѣденную молитву, прочитанную аба Вальде-Мадхыномъ, простились съ расомъ и разошлись по своимъ ставкамъ.

Около выхода изъ палатки меня ожидали пришедшіе за мной ашкеры, и, конвоируемый ими, я вернулся на свой бивакъ. Одинъ изъ пажей, по приказанію раса, освѣщалъ мнѣ путь факеломъ.

Дома меня ожидала еще работа. Надо было записать свои наблюденія въ дневникъ, нанести на карту сегодняшній маршрутъ, разрядить и зарядить фотографическій аппаратъ, и только въ одиннадцатомъ часу мнѣ удалось лечь спать.

*) Сохраненіе кофе и завариваніе его лежитъ всегда на обязанности казначея.

7 Февраля. Въ $5^1/_2$ ч. утра мы выступили и вытянулись въ обычную походную колонну; сдѣлавъ 15-ти верстный переходъ, мы стали бивакомъ на плато, составляющемъ водораздѣлъ рѣкъ Себелиму и Килу вблизи поселеній Шуро. Палатку раса разбили въ тѣни громадной сикоморы, а на вѣтвяхъ ея устроили площадку и приспособили къ ней лѣстницу. Отсюда расъ разсматривалъ въ подзорную трубу мѣстность. По прибытіи на бивакъ, я отправился, по приказанію раса, на развѣдку съ очереднымъ полкомъ каніазмача Алэмнеха. Меня сопровождали, какъ и наканунѣ, Ато-Баю, Габро-Маріамъ и плѣнный старикъ. Въ этотъ разъ онъ несъ на рукахъ еще своего внука, съ которымъ ни за что не хотѣлъ разставаться. Мѣстность имѣла тотъ же характеръ, какъ и наканунѣ, и была такъ же густо населена, но жителей мы нигдѣ не видѣли — и намъ попался на дорогѣ только одинъ мертвый, совершенно голый громадный Шуро, умершій отъ огнестрѣльной раны во время бѣгства. На немъ были мѣдные и желѣзные браслеты, и рядомъ лежали копье и щитъ.

Къ 4 часамъ вечера мы вернулись на бивакъ. Меня ожидало, по обыкновенію, немало больныхъ и раненыхъ; одного, очень тяжело раненаго, принесли на носилкахъ. Онъ отправился наканунѣ за добычей и съ нѣсколькими товарищами отдалился въ сторону отъ бивака. Шуро напали на нихъ изъ засады и одного убили. Другому копье вошло въ спину и вышло въ животѣ около пупа. Раненый, однако, не потерялъ сознанія, самъ вынулъ копье и продолжалъ отстрѣливаться до тѣхъ поръ, пока къ нему не подошла выручка. Рана оказалась очень тяжелой; изъ ея выходнаго отверстія торчали наружу кишки, съ кулакъ величиною, и были такъ зажаты краями раны, что для вправленія ихъ обратно, необходимо было бы продолжить разрѣзъ. Но это было бы совершенно безполезнымъ и къ тому же могло повести только къ нареканіямъ, будто человѣкъ умеръ отъ моей операціи. Я засыпалъ рану іодоформомъ и перевязалъ. Раненый сильно страдалъ, но не издавалъ ни стона, ни жалобы. Онъ, видимо, не сомнѣвался въ исходѣ своей раны и спокойно ожидалъ смерти. Умеръ онъ только на слѣдующій день.

Въ этотъ день мы захватили нѣсколькихъ женщинъ, такихъ же уродливыхъ, какъ и взятыя въ плѣнъ раньше, губы у нихъ тоже были проткнуты. Одна изъ плѣнницъ была

женою мѣстнаго царька, и у нея за пазухой нашли какую то лепешку, похожую на кусокъ затвердѣвшей золы. Оказалось, что это соль, которую Шуро вымѣниваютъ за скотъ у племени Дулумэ, обитающаго вблизи р. Шорма или Шорумъ (Омо). Соль здѣсь очень дорого цѣнится и имѣется только у богатыхъ, употребляющихъ ее, какъ большое лакомство. Дулумэ приготовляютъ эти лепешки изъ золы какой то травы, смѣшивая ее съ водой *).

Передъ заходомъ солнца я производилъ солнечное наблюденіе для опредѣленія часоваго угла. Расъ полюбопытствовалъ посмотрѣть, какъ „винтятъ солнце", и его конвой толпой обступилъ мой инструментъ. Я показалъ Вальде-Георгису солнце, которое удивило его своимъ быстрымъ прохожденіемъ черезъ волосокъ, и даже прочелъ маленькую лекцію по астрономіи, объяснивъ установку инструмента по уровнямъ, значеніе отсчетовъ, годовое и суточное вращеніе земли и пр. Онъ меня очень внимательно слушалъ и большую часть того, что я говорилъ, пересказывалъ по своему окружающимъ, а тѣ отъ удивленія только быстро щелкали языкомъ „ць, ць, ць, ць!" и издавали другія, выражавшія удивленіе, восклицанія: „Ойёугудъ. Ытжыгъ!" и т. п., усиленно порываясь къ инструменту, чтобы увидѣть, какъ это въ трубѣ ходитъ небесное свѣтило.

Съ закатомъ солнца совершена была обычная вечерняя молитва, послѣ чего я, поужинавъ дома, занялся проявленіемъ фотографическихъ снимковъ.

Къ ужину расъ прислалъ мнѣ чуднаго бѣлаго душистаго сотоваго меда, и это послужило поводомъ Зелепукину слѣдующимъ образомъ оформить давно уже, вѣроятно, занимавшія его мысли.

— Вотъ, Ваше Высокоблагородіе, въ страну позаѣхали: соты то въ Февралѣ подрѣзаютъ!..

8 Февраля. Было заговѣнье передъ Великимъ постомъ **), соблюдаемымъ абиссинцами строго какъ дома, такъ и въ походѣ. Абиссинскіе вожди съ нетерпѣніемъ ждутъ наступле-

---

*) Подобный способъ добычи соли извѣстенъ и въ землѣ Гофа.

**) Великій постъ продолжается не 7 недѣль, а 8, включая также и сырную недѣлю. За недѣлю до Великаго есть еще 3-хъ дневный постъ „ной-нэй".

нія поста, такъ какъ въ это время солдаты не употребляютъ въ пищу сырого мяса и болѣе гарантированы отъ заболѣваній.

По случаю заговѣнья расъ устроилъ большой пиръ, всѣ офицеры и старѣйшіе солдаты были приглашены; также Зеленукинъ, и всѣ мои ашкеры. Въ хлѣбопекарняхъ цѣлую ночь шла дѣятельная работа; къ утру зарѣзано было нѣсколько десятковъ быковъ и барановъ. Обѣ палатки раса, соединенныя въ одну, образовали помѣщеніе, гдѣ могло собраться одновременно около 200 человѣкъ.

Въ 9 часовъ утра пришелъ ко мнѣ одинъ изъ эльфиньашкеровъ звать на пиръ, прошедшій обычнымъ порядкомъ, ничѣмъ не отличаясь отъ тѣхъ, которые расъ давалъ своимъ войскамъ у себя въ столицѣ. Среди солдатъ нашелся даже пѣвецъ, услаждавшій насъ во время обѣда своимъ пѣніемъ. Только въ три часа мы разошлись по ставкамъ.

Вернувшись домой, я замѣтилъ, что у меня въ палаткѣ кто-то хозяйничалъ въ мое отсутствіе, такъ какъ часть проявленныхъ и находившихся еще въ ваннѣ негативовъ оказалась испорченной. Я произвелъ строгій допросъ, и виновникомъ оказался Адера, мой второй поваръ. Ему хотѣлось пить, воды на бивакѣ не было, и вотъ онъ выпилъ содержимое ванны. Адера упорно отпирался, но Фаиса видѣлъ, какъ онъ пилъ, и подтвердилъ свое показаніе присягой на ружьѣ. Любопытна, между прочимъ, обрядность этой присяги: къ животу Фаисы приставили заряженную винтовку съ возведеннымъ куркомъ, и онъ, произнеся клятву, лизнулъ дуло ружья языкомъ. Противъ такого свидѣтельства Адера не въ силахъ былъ возражать и былъ жестоко наказанъ.

9 Февраля. Въ 5½ часовъ утра мы выступили и къ 10 ч. стали бивакомъ на берегу р. Себелиму, спустившись съ высоты 1,600 метровъ надъ уровнемъ моря на высоту 1,000 метр. Спускъ былъ крутой, скалистый. Изъ горныхъ породъ стали попадаться граниты и гнейсы.

Р. Себелиму течетъ въ р. Мену. Въ этомъ мѣстѣ она представляетъ изъ себя довольно значительную рѣчку (25 ш. ширины), съ очень быстрымъ теченіемъ. Среди многочисленныхъ видовъ акацій, которыми поросли ея берега, я впервые увидѣлъ дерево, впослѣдствіи, южнѣе, попадавшееся мнѣ чаще. Похожее видомъ на акацію, оно отличается отъ нея

своими громадными плодами, кажущимися издали большими слоновыми клыками. Каждый плодъ напоминаетъ строеніемъ огурецъ и имѣетъ въ среднемъ отъ 1—1½ аршинъ въ длину и до ¼ арш. въ разрѣзѣ, оболочка его довольно крѣпкая, сердцевина съ небольшими, какъ въ арбузѣ, бѣлыми сѣменами, внутри мягкая.

Съ бивака я отправился на развѣдку съ 2-мя полками: геразмача Замадьенаха и каніазмача Вальде-Тенсае. Я перешелъ съ ними необитаемую долину, р. Себелиму и поднялся въ горы. Мѣстность оказалась довольно густо заселенной, но не въ одномъ опредѣленномъ центрѣ, а кучками.

Белемуса.

Въ одномъ изъ ущельевъ надъ попались на встрѣчу двѣ женщины. Одна изъ нихъ, молодая, съ крикомъ бросилась

бѣжать, другая-же, старуха, совершенно спокойно и, ничуть не смущаясь, подошла къ намъ. Она была страшно уродлива: рѣдкіе зубы торчали наружу, а на мѣстѣ выбитыхъ нижнихъ рѣзцовъ виднѣлась черная брешь. Звали ее Белемуса. Она была торговкой, знала, поэтому, отлично окружающую мѣстность и согласилась служить намъ проводницей. Мы отпустили молодую негритянку, а старуху привели съ собой на бивакъ. Оказывается, что у этихъ народовъ вся торговля ведется старыми женщинами, безпрепятственно переходящими по землямъ различныхъ племенъ; мужчины же не допускаются въ предѣлы другого племени.

По возвращеніи, у меня было совѣщаніе съ расомъ по поводу производимыхъ нами ежедневно развѣдокъ. Они казались мнѣ мало достигающими цѣли, потому что обслѣдовался лишь очень ограниченный районъ, не болѣе какъ на 4—5 час. пути впереди бивака, а между тѣмъ развѣдки эти были связаны съ очень большой и совершенно непроизводительной затратой силъ. Не говоря уже о томъ, что всѣ послѣдніе дни несмѣняемые участники развѣдокъ—я, Ато-Баю и наши ашкеры, выступая въ 5 ч. утра, возвращались на бивакъ только къ 4—5 час. вечера, все время будучи безъ пищи: смѣшно было бы, по абиссинскимъ понятіямъ, брать пищу съ собой въ военныя предпріятія, съ которыхъ къ вечеру мы должны уже вернуться на бивакъ *).

Между тѣмъ совершенно безцѣльно утомлялись наряжаемые въ развѣдки полки, принужденные дѣлать въ одинъ день, по крайней мѣрѣ, тройной переходъ, а именно: выступая вмѣстѣ съ войсками раса, очередная часть шла съ ними до слѣдующаго бивака, а оттуда тотчасъ же отправлялась дальше и, найдя новый бивакъ, возвращалась обратно. Болѣе дальнія развѣдки были-бы, по моему мнѣнію, цѣлесообразнѣе и примѣнительнѣе. Посредствомъ ихъ можно было бы гораздо лучше и дальше освѣтить впереди лежащую мѣстность и выбрать удобнѣйшій путь для отряда. Въ такомъ случаѣ, и люди не стали бы дѣлать двойныхъ переходовъ туда и на-

---

*) Кромѣ того, я не хотѣлъ также подтверждать утвердившееся среди абиссинскахъ солдатъ мнѣніе, что у европейцевъ въ походѣ всѣ кобуры набиты всякими припасами и они не перестаютъ ѣсть во время всего перехода.

задъ, а выполнивъ свою задачу, оставались бы выжидать прибытія главныхъ силъ или новыхъ приказаній.

Эти соображенія я высказалъ расу, который согласился со мной и, собравъ на военный совѣтъ своихъ фитаурари, сказалъ имъ слѣдующее:

— Ыскындеръ Булатовичъ находитъ, что наши теперешнія ближнія развѣдки приносятъ мало пользы, и совѣтуетъ предпринять болѣе дальнія. Что вы скажете на это?

Большинство одобрило мое предложеніе, но такъ какъ отдаляться на значительное разстояніе отъ главныхъ силъ противно духу абиссинской тактики, то было рѣшено, что завтра мы выдвинемся только на два перехода впередъ и, развѣдавъ дорогу и выбравъ бивакъ, пошлемъ донесеніе расу, сами же будемъ дожидать на мѣстѣ его прибытія.

10 Февраля. Со свѣтомъ мы выступили на развѣдку съ полкомъ фитаурари Имама. Мы оставили весь нашъ обозъ при главныхъ силахъ, и только начальники захватили съ собой по мулу, съ палаткой и небольшимъ запасомъ продольствія. Со мною ѣхалъ также и Зелепукинъ. Проводницу Белемусу мы посадили на мула одного изъ солдатъ фитаурари Имама. Старуха, никогда не видѣвшая передъ этимъ мула, боялась сѣсть на него, и нѣсколько солдатъ подхватили ее, кто за ноги, кто подъ руки, при общемъ хохотѣ водрузивъ ее на животное. Хороша была Белемуса въ эту минуту: она вся перегнулась впередъ, крѣпко уцѣпилась за переднюю луку, ея голыя ноги безпомощно болтались. Солдаты хохотали и острили надъ ней, но ея это не обижало, и, изобразивъ на своемъ лицѣ отвратительную гримасу, она старалась улыбаться.

По утоптанной бѣжавшими Шуро тропинкѣ мы поднялись на горный отрогъ, который тянулся къ западу отъ главнаго хребта, и около 10 час. утра взошли на вершину Голда (1800 метровъ надъ уровнемъ моря). Отсюда я взялъ азимуты на окружающія горы, и Белемуса назвала мнѣ ближайшія изъ нихъ. Гора Голда покрыта травой и кустарникомъ, склоны же ея довольно густо заселены Шуро. На берегу ручья, въ урочищѣ Горну, расъ расположилъ свой бивакъ, а мы, спустившись съ горы, двинулись далѣе къ юго-западу и скоро дошли до крутого края отрога. Внизу начиналась широкая долина неизвѣстной рѣки, названной

Белемусой очень сбивчиво: не то Чому, не то иначе. На юго-востокѣ высился горный хребетъ, относительно котораго она также не дала мнѣ никакихъ свѣдѣній, отговариваясь полнымъ незнаніемъ какъ его имени, такъ и того, кѣмъ и насколько онъ населенъ.

Мы спустились въ долину съ высоты 1600 метр. на высоту 1000 метр. надъ уровнемъ моря и стали бивакомъ въ урочищѣ Шабали, у подножія отрога.

Во время подъема на гору Голда у нашихъ солдатъ произошла маленькая стычка съ туземцами, стоившая послѣднимъ нѣсколькихъ убитыхъ, а при спускѣ съ нея мы захватили въ плѣнъ одного Шуро, скрывавшагося въ кустахъ около самой дороги. Это былъ еле-двигавшійся старикъ лѣтъ 60—70, совсѣмъ непохожій на негра. Цвѣтъ кожи его былъ свѣтлѣе, черты лица довольно правильныя, одежда, въ противоположность другимъ, состояла изъ длинной воловьей, отлично выдѣланной, шкуры, надѣтой черезъ одно плечо и концами искусно вдѣланной въ желѣзныя кольца; нѣсколько желѣзныхъ и мѣдныхъ браслетовъ и одинъ ременный украшали руки, на шеѣ на ремешкѣ висѣла табакерка, сдѣланная изъ небольшого клыка кабана. Копье его отличалось тоже болѣе изящной отдѣлкой. Плѣнный все время ругался и не хотѣлъ отвѣчать на вопросы. Онъ казался намъ не совсѣмъ обычнымъ негромъ, и мы, взваливъ его на сѣдло, повезли съ собой на бивакъ. Тамъ, послѣ того какъ мы его накормили, онъ сталъ милостивѣе и отвѣчалъ на нѣкоторые изъ нашихъ вопросовъ. Старикъ оказался царькомъ этой мѣстности и назывался Коморути-Геда. На западѣ, по его словамъ, по горному отрогу живутъ тоже Шуро (въ мѣстности, называемой Джири). Съ ихъ царькомъ онъ былъ въ дружбѣ, ходилъ иногда къ нему пить пиво. О юго-восточномъ же хребтѣ онъ не сказалъ ничего положительнаго.

Табакерка царька Шуро.

— Это—не наши земли, и я ихъ не знаю.

То онъ говорилъ, что тамъ въ 2—3 дняхъ пути есть изобилующія хлѣбомъ земли, то, наоборотъ—что въ этой сторонѣ, кромѣ слоновъ и другихъ звѣрей, нѣтъ ничего. Мы переспрашивали его десятки разъ и все-таки не могли добиться опредѣленнаго отвѣта. Переводчикъ Габро-Маріамъ

совершенно измучился, повторяя все тѣ-же вопросы и выслушивая все тотъ же отрицательный отвѣтъ: „ы, ы, ы".

Царекъ Шуро́—Коморути-Геда.

Оставалось пока довольствоваться предположеніями и догадками. Принимая во вниманіе, что виднѣвшійся на югѣ хребетъ отстоялъ не настолько далеко отъ насъ, чтобы его климатическія условія могли быть другими, или что на немъ воды менѣе, чѣмъ на этомъ отрогѣ, мы рѣшили, что и онъ долженъ быть такъ же населенъ, какъ и этотъ, но что, вѣроятно, населеніе его принадлежало къ другой народности. Главное направленіе нашего пути должно было пройти черезъ эти горы, и ихъ необходимо было развѣдать. Въ такомъ духѣ фитаурари послалъ донесеніе расу, и мы остались ожидать его прибытія.

На всѣхъ тропинкахъ виднѣлись свѣжіе слѣды людей и животныхъ, въ окрестностяхъ бивака, то и дѣло, раздавались выстрѣлы нашихъ солдатъ, съ которыми вступали въ бой Шуро. Въ этотъ день было убито нѣсколько десятковъ негровъ и одинъ абиссинецъ. На моего ашкера Вальде-Маркына одинъ негръ напалъ изъ засады; въ то время, какъ онъ рвалъ траву для муловъ, негръ бросилъ въ Вальде - Маркына копье, но, къ счастью, промахнулся. Противники сцѣпились въ рукопашную, и Вальде-Маркынъ закололъ туземца кинжаломъ. Въ этой долинѣ, очевидно сосредоточилось все бѣ-

жавшее населеніе и приготовилось отчаянно сопротивляться абиссинцамъ. Мы ожидали, поэтому, нападенія, тѣснѣе расположили свой бивакъ и выставили усиленное охраненіе, а на ночь разложили по краямъ бивака большіе костры. Предосторожности, однако, оказались излишними: ночь прошла совершенно спокойно.

11 Февраля. Въ 10 часовъ утра прибылъ расъ съ головой колонны и сдѣлалъ вторичный вопросъ Коморути-Геда, послѣ чего на собранномъ совѣтѣ было рѣшено на слѣдующій день всѣмъ отрядомъ перейти западнѣе, къ подножію горы Джаша, и стать тамъ бивакомъ, полкамъ же фитаурари Дамети и фитаурари Габро-Маріама, вмѣстѣ со мною и съ Ато-Баю, отправиться разслѣдовать расположенныя на югѣ горы, а полку фитаурари Чабуде—съ тою же цѣлью двинуться на западъ. Расъ выждетъ на мѣстѣ окончательныхъ результатовъ обѣихъ развѣдокъ, а тѣмъ временемъ войска пополнятъ въ горахъ свои продовольственные запасы.

Запрещеніе раса вступать въ бой съ туземцами оказывалось теперь невыполнимымъ: они, очевидно, были далеко отъ какого бы то ни было намѣренія покориться и, напротивъ, нападали первыми. Окрестности, какъ и наканунѣ, оглашались выстрѣлами, и въ лагерь, то и дѣло, возвращались побѣдители съ отбитыми трофеями, плѣнными и скотомъ, распѣвая побѣдныя пѣсни.

Пронесли нѣсколько убитыхъ, причемъ товарищи громко оплакивали покойниковъ; доставили ко мнѣ для перевязокъ нѣсколько раненыхъ. Одинъ изъ нихъ пострадалъ очень тяжело; копье пробило ему грудь насквозь, войдя у правой лопатки и выйдя около середины груди, наравнѣ съ соскомъ. Ширина раны сзади была $5^1/_2$ сант., а спереди $3^1/_2$; кромѣ того, онъ сильно порѣзалъ себѣ ладонь правой руки, схватившись въ моментъ удара за торчащее спереди остріе копья, такъ что мякоть руки между большимъ и указательнымъ пальцемъ была отдѣлена до самой кости. Я промылъ и засыпалъ раны іодоформомъ и зашилъ ихъ.

Женщинъ и дѣтей наши не трогали. Скотъ пригоняли только солдаты изъ галласовъ, такъ какъ абиссинцы, по случаю поста, мяса не употребляли; за то галласы въ этотъ день досыта наѣлись; бивакъ нашъ кругомъ былъ усѣянъ бычачьими внутренностями, отрубленными головами и костями

убитыхъ наканунѣ животныхъ. Поражаясь ихъ количествомъ, я невольно задавалъ себѣ вопросъ: по сколько же фунтовъ мяса пришлось на каждаго ѣдока?

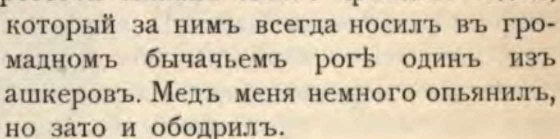
12 Февраля. Мы перешли къ подножію горы Джаша. Отрядъ остановился тутъ бивакомъ, а 2 полка (фитаурари Габро-Маріама и фитаурари Фариса) отправились на развѣдку. Съ ними поѣхалъ и я. Весь обозъ мы оставили при главныхъ силахъ и захватили съ собой только продовольствія дней на 10.

Мы спустились въ низменную долину р. Чому (возвышается на 800 метр. надъ уровнемъ моря) и шли по направленію къ виднѣвшемуся на горизонтѣ отрогу хребта. Мѣстность здѣсь очень скалистая, поросшая невысокой травой и рѣдкими деревьями. Среди камней попадаются граниты самой разнообразной окраски, кремни и слюдяные сланцы.

Долина р. Чому совершенно пустынна, вода держится въ ямахъ, въ сухихъ руслахъ рѣчекъ, окрестности которыхъ изобилуютъ дичью. Встрѣчались намъ слѣды слоновъ, но самихъ животныхъ мы не видѣли.

Въ 4 часа дня мы перешли русло р. Чому и на ея берегу сдѣлали небольшой привалъ. Здѣсь мы нашли воду въ глубокой ямѣ и напоили нашихъ муловъ. Было очень жарко; отъ ослѣпительнаго солнечнаго свѣта, отражавшагося миріадами лучей въ разсыпанныхъ кругомъ свѣтлыхъ камняхъ, болѣли голова и глаза. Я чувствовалъ уже себя очень слабымъ, вѣроятно, старая лихорадка возвращалась ко мнѣ.

Но фитаурари Габро-Маріамъ,—веселый, беззаботный солдатъ-рубака, никогда не пропускавшій случая выпить съ хорошимъ человѣкомъ,—разгонялъ мою усталость. Онъ поднесъ мнѣ большой роговой стаканъ своего крѣпкаго тэджа, который за нимъ всегда носилъ въ громадномъ бычачьемъ рогѣ одинъ изъ ашкеровъ. Медъ меня немного опьянилъ, но зато и ободрилъ.

Абиссинскій рогъ для меда.

Мы двинулись дальше, когда совсѣмъ стемнѣло, и стали на ночлегъ въ лощинкѣ около небольшой водяной ямы. На противоположныхъ горахъ блестѣли огоньки, — очевидно, тамъ были люди. Но бывшая съ нами проводница Белемуса не знала, что за народъ обитаетъ въ

тѣхъ мѣстахъ. За этотъ день мы одолѣли 58 верстъ, а до горъ оставалось еще верстъ 15—20.

13 Февраля. Ночью огней мы не разводили, поднялись еще до разсвѣта и быстро направились къ горамъ. Впереди шелъ полкъ фитаурари Габро-Маріамъ, во главѣ котораго ѣхалъ командиръ полка, Ато-Баю и я, за нами фронтомъ въ нѣсколько шеренгъ шли офицеры и конные солдаты полка, и въ 15 шагахъ за ними двигались тоже фронтомъ и въ нѣсколько шеренгъ пѣшіе люди полка. За первымъ полкомъ, шагахъ въ 50-ти, шелъ второй полкъ въ такомъ же точно порядкѣ. Командовалъ имъ не самъ фитаурари Фарисъ, оставшійся по болѣзни съ главными силами, а его старшій офицеръ.

Около 8 часовъ утра мы увидали невдалекѣ хижины туземцевъ и около нихъ мирно пасшіяся стада рогатаго скота. Туземцы замѣтили насъ и подняли тревогу. Горы огласились криками, воины сбѣгались кучками и устремлялись къ намъ навстрѣчу. Мы безъ выстрѣловъ подвигались впередъ, заставивъ переводчика кричать, чтобы они успокоились, что мы желаемъ съ ними мира. Но они, видно, не понимали языка Шуро, на которомъ говорилъ переводчикъ, и мало по малу со всѣхъ сторонъ окружили нашъ отрядъ. Въ нашу сторону полетѣлъ одинъ дротикъ, другой... Мимо ушей просвистѣлъ камень, брошенный изъ пращи... Сдерживать долѣе нашихъ людей было бы безсмысленно, такъ какъ мы не для того-же пришли, чтобы жертвовать солдатами. Раздалась давно ожидаемая команда фитаурари Габро-Маріама: „Белау!“ (валяй), и весь нашъ конный отрядъ карьеромъ бросился на непріятеля. Туземцы не выдержали натиска и разсыпались во всѣ стороны. Но и отъ нашихъ полковъ не осталось на мѣстѣ ни одного человѣка. Давно жаждавшіе боя солдаты съ яростью спѣшили воспользоваться представившимся случаемъ и добыть, наконецъ, тѣ лавры, о которыхъ мечтали съ первыхъ дней похода. Каждый искалъ себѣ жертву...

Цѣлый рядъ разнообразныхъ одиночныхъ схватокъ происходилъ теперь передъ нами. Вотъ абиссинецъ скачетъ на мулѣ и погоняетъ его изо всѣхъ силъ ногами, преслѣдуя молодого голаго туземца, бѣгущаго всего шагахъ въ 20-ти передъ нимъ. Абиссинецъ высоко поднялъ шашку, приготовившись къ удару, но туземецъ все увертывается. Въ рукахъ его 2 копья и щитъ, но онъ и не думаетъ защищаться и

спѣшитъ къ ближайшему дому, надѣясь въ немъ найти свое спасенье. На маленькой рѣзвой лошаденкѣ бѣглецу перерѣзаетъ дорогу другой солдатъ въ развѣвающейся по вѣтру шаммѣ. Вотъ онъ уже настигъ его. Блеснула сабля, и туземецъ упалъ, обливаясь кровью. Съ побѣдными криками: „Я—зарраф! Я—убійца!"—хватаетъ онъ свою жертву за волосы и привычнымъ, ловкимъ движеніемъ сабли перерѣзаетъ ей горло. Глаза его безсмысленно, дико глядятъ, опьяненный кровью, онъ въ эту минуту кажется сумасшедшимъ.

Вотъ другого туземца настигаетъ пѣшій абиссинецъ. Солдатъ стрѣляетъ и промахивается. Преслѣдуемый быстро поворачивается и бросается съ копьемъ на абиссинца. Послѣдній теперь въ безпомощномъ состояніи. У него нѣтъ сабли, а ружье онъ не успѣетъ вновь зарядить... Но вотъ рядомъ раздается услужливый выстрѣлъ товарища, и туземецъ замертво падаетъ во всю длину своего громаднаго тѣла...

Одинъ изъ раненыхъ успѣлъ скрыться въ домѣ, но его выдаетъ струйка крови на пескѣ, и солдатъ стремительно бросается по слѣдамъ, но тутъ же у порога падаетъ пробитый насквозь копьемъ... Товарищи храбреца окружаютъ домъ, внутри котораго темно; никто не рѣшается войти, и солдаты толпятся около норы, гдѣ только что скрылась лисица. У одного изъ нихъ нашлась спичка, и черезъ нѣсколько мгновеній домъ пылаетъ... Какъ сумасшедшій, выскакиваетъ изъ пламени туземецъ, но мѣткій выстрѣлъ абиссинца укладываетъ его на мѣстѣ. За нимъ выбѣгаетъ его жена, которую солдаты забираютъ въ плѣнъ. Несчастная дрожитъ отъ только что пережитаго ужаса и, вытянувъ руки ладонями вверхъ, что-то безсвязно бормочетъ, умоляя, вѣроятно, о пощадѣ. Она довольно красива. На совершенно обнаженномъ тѣлѣ ея на поясѣ къ маленькому ремешку привязаны желѣзныя побрякушки, волосы вымазаны въ желтую глину, въ ухо вставлена большая каменная серьга... Вонъ два молодыхъ солдата преслѣдуютъ двухъ туземцевъ. Отчаявшись въ своемъ спасеніи, бѣглецы бросаются на колѣна и свѣшиваютъ голову до самой земли, покорно ожидая смерти. Я вижу издали эту сцену и кричу солдатамъ: „не бей!, не бей!, бери въ плѣнъ!" Но они недавно только получили ружья, и имъ очень ужь хочется испробовать дѣйствіе своего новаго оружія. Вотъ они прицѣливаются, торопливо выпускаютъ два вы-

стрѣла—и промахиваются. Въ эту минуту я успѣваю прискакать къ нимъ, и мы забираемъ туземцевъ въ плѣнъ.

На одномъ изъ холмовъ забѣлѣла палатка фитаурари. Она должна была служить маякомъ и мѣстомъ сбора для разсыпавшагося отряда; сюда мало по малу стали собираться солдаты. Большая часть ихъ возвращалась съ побѣдными трофеями. Всѣ были возбуждены и казались опьяненными убійствами и видомъ человѣческой крови: нервныя порывистыя движенія, лихорадочный блескъ глазъ, быстрая неестественная рѣчь. Каждый разсказывалъ о случившихся съ нимъ происшествіяхъ; нѣкоторые ссорились и тутъ же приходили судиться къ фитаурари, кто убилъ дѣйствительно какого-нибудь туземца.

Плѣнныхъ мужчинъ и женщинъ оказалось болѣе ста. Всѣ они совершенно не понимали языка Шуро, и мы были лишены возможности объясняться съ ними. Въ концѣ концовъ, мы отпустили ихъ на свободу.

Часовъ около 12, когда отрядъ собрался, мы двинулись впередъ, намѣреваясь подняться на густо населенный гребень хребта, на нѣсколько сотъ метровъ круто возвышавшійся надъ нами. Развѣдчики розыскали тропинку, по которой туземцы сгоняли внизъ свой скотъ, и мы, вытянувшись гуськомъ, стали осторожно подниматься. Доступъ наверхъ былъ очень труденъ, и туземцы, заперши эту единственную тропинку, извивавшуюся къ тому же по карнизу, легко могли бы сдѣлать его совершенно неприступнымъ. Спуская на насъ обвалы, они могли надѣлать намъ не мало бѣдъ. Но утренній бой, на который они смотрѣли съ высоты своихъ горъ, ошеломляюще подѣйствовалъ на нихъ: точно съ неба свалились новые, невиданные доселѣ, люди, одѣтые въ какія-то бѣлыя одежды, скачущіе на дикихъ звѣряхъ и убивающіе враговъ огненнымъ дуновеніемъ, гулъ отъ котораго раздается, какъ громъ весеннихъ грозъ...

Мы безпрепятственно поднялись на гребень. Вершина его была сплошь застроена. Каждая усадьба, какъ и въ другихъ селеніяхъ, огорожена заборомъ, внутри котораго находились дома и отлично обработанныя поля. Среди усадебъ шла обсаженная деревьями дорожка. Невдалекѣ на холмѣ виднѣлась небольшая роща высокихъ деревьевъ. Рядомъ съ ней былъ большой домъ, около котораго столпились туземцы. Мы безъ

выстрѣловъ надвигались на нихъ, и, когда приблизились на нѣсколько сотъ шаговъ, они побросали свое оружіе и, поднявъ руки къ небу, повидимому, просили о пощадѣ, крича намъ: „Халіо! халіо!“

Отрядъ нашъ остановился. Мы знаками стали приглашать толпу приблизиться. Чтобы окончательно увѣрить туземцевъ въ нашемъ миролюбіи, я приказалъ всѣмъ сѣсть и, сорвавъ пучечекъ травы, сталъ показывать его туземцамъ. Тогда одни, сложивъ руки на груди, а другіе, схватившись рукой за то же плечо, что и рука, и, держа ее какъ бы на вѣсу, нерѣшительно подошли къ намъ, повторяя все время: „Халіо!“, и въ 15 шагахъ передъ нами сѣли на корточки.

Начались переговоры, какіе, вѣроятно, рѣдко случались въ военной исторіи. Должно быть, также происходили они во времена Христофора Колумба и Кортеца въ Америкѣ. Ни языка Гимиро, ни языка Шуро туземцы не понимали и только мычали въ отвѣтъ на всѣ наши вопросы.

Большой домъ на холмѣ принадлежалъ, вѣроятно, начальнику племени, и я хотѣлъ узнать, находится ли онъ здѣсь, предъ нами, или отсутствуетъ. Всячески старался я объяснить мою мысль, но мои попытки были напрасны. Рядомъ со мной, отдѣльно отъ остальной толпы, стояли, дрожа отъ страха и изображая своими руками виноградный листикъ, 4 переговорщика. Наконецъ, я всталъ и направился къ большому дому. Переговорщики заволновались и, ставъ передо мной, какъ будто просили, чтобы я не шелъ туда. Теперь уже не трудно было дать имъ понять наше желаніе видѣть того, который находится въ этомъ домѣ, самаго большого человѣка. Туземцы поняли, что-то радостно замычали и, попросивъ меня сѣсть, побѣжали въ домъ. Черезъ нѣсколько мгновеній оттуда вышла вереница людей, несшихъ на головахъ нѣсколько большихъ тыквъ, наполненныхъ густѣйшимъ пивомъ „турча“, небольшой слоновый клыкъ, нѣсколько куръ, нѣсколько пакетиковъ меду, завернутыхъ въ банановые листья, свертки табаку, и, въ довершеніе всего, тащили за собой собаку. Эти дары присылалъ намъ царекъ—Койсъ, какъ не переставалъ называть его, передавая дары, одинъ изъ переговорщиковъ. Мы приняли приношенія, но собака, къ ужасу туземцевъ, вырвалась и убѣжала. Ее бросились ловить, но безуспѣшно и, взамѣнъ бѣжавшей, намъ принесли

изъ дому двухъ щенятъ. Наконецъ, показался самъ царекъ, высокій, толстый, лысый старикъ такъ же, какъ и его подданные, голый и разукрашенный большимъ числомъ браслетовъ на рукахъ и ногахъ. Онъ спокойно, исполненный чувства собственнаго достоинства, подошелъ къ намъ и сѣлъ напротивъ на корточки. Переговорщику онъ приказалъ поцѣловать мнѣ руку. Тотъ, подойдя ко мнѣ, хлопнулъ сначала въ ладони и, взявъ мою руку въ обѣ свои, повернулъ ладонью вверхъ и поцѣловалъ, широко раскрывъ при этомъ губы. Царекъ говорилъ: „Халіо! халіо!“—я вслѣдъ за нимъ повторялъ: „Халіо! халіо!“. Абиссинцы хлопали туземцевъ по плечу, и между ними вскорѣ установилась самая тѣсная дружба. Изъ дома царька принесли еще дополнительные дары—нѣсколько пакетиковъ имбиря (вѣроятно, одно изъ любимѣйшихъ лакомствъ). Я взялъ кусочекъ, откусилъ половину, а другую далъ Койсу. Мы объяснили, какъ могли, чтобы намъ на бивакъ доставили продовольствія, и затѣмъ спустились съ гребня къ ранѣе разбитому биваку.

Абиссинцы были въ восторгѣ отъ туземцевъ. „Какіе же это шанкала (негры)“,—говорили они,—„хоть и голые, а совсѣмъ народъ образованный. И царя своего уважаютъ, и дома хорошо построены, и покориться съумѣли. Настоящіе шанкала разбѣжались бы, какъ звѣри, и погибли бы до послѣдняго человѣка, не додумавшись до того, что лучше покориться добровольно. Вотъ только, зачѣмъ они собаку намъ подарили, или они, подлецы, думаютъ, что мы ихъ ѣдимъ, или сами они ихъ ѣдятъ, можетъ быть“.... Меня это обстоятельство тоже удивляло. Было ли въ дареніи собаки какое-нибудь символическое значеніе, или, дѣйствительно, туземцы употребляютъ ихъ въ пищу,—мнѣ такъ и не удалось выяснить.

Жители этихъ горъ не походятъ ни на одно изъ извѣстныхъ мнѣ племенъ. Я почти не замѣтилъ въ нихъ ничего общаго съ неграми. Черты лица—красивыя и правильныя, высокій лобъ, форма черепа—продолговатая; глаза—выразительные, осмысленные. Всѣ большого роста, крѣпкаго сложенія, съ сильно развитой мускулатурой; большія закорузлыя руки хлѣбопашцевъ говорятъ о трудолюбіи этого народа. Волосы у нѣкоторыхъ отпущены до плечъ и свиты въ маленькія космочки, у иныхъ коротко острижены или

взбиты кверху и обсыпаны пепломъ. Совершенно голые, какъ я уже сказалъ, мужчины разукрашены большими браслетами изъ желѣза, слоновой кости, очень рѣдко изъ мѣди. У одного на локтѣ я замѣтилъ большой желѣзный браслетъ, къ которому былъ прикрѣпленъ торчащій назадъ маленькій клыкъ слоненка. У воиновъ правая часть груди и рука татуированы, для чего проведено нѣсколько глубокихъ надрѣзовъ, въ видѣ прямыхъ параллельныхъ линій, съ узорчатымъ бордюромъ внизу. Операція эта, должно быть, очень мучительная и производится, какъ я потомъ узналъ, раскаленнымъ ножемъ. Я видѣлъ одного воина, недавно нататуировавшагося. Надрѣзы у него были ярко-красные и, казалось, что у него со всей руки содрали кожу.... Край уха у всѣхъ широко прорѣзанъ и въ него вставлены большія деревянныя или каменныя серьги, въ видѣ диска, дюйма $1^1/_2$ въ діаметрѣ. На головахъ нѣкоторыхъ повязки изъ шкуры обезьяны, у другихъ шапочки изъ кожи того же звѣря. У многихъ по срединѣ лба я замѣтилъ особое украшеніе. Въ волосы спереди вставлена деревянная шпилька, а къ ней прикрѣплена красная шкурка, снятая съ головы хорошенькой птички. Можетъ быть, это какое-нибудь боевое отличіе.

Головное украшеніе изъ шкуры райской птицы.

Вооруженіе состоитъ изъ большого копья и круглаго кожанаго щита.

Труба изъ слоновой кости племени Беру.

Шляпа Беру.

Щитъ Беру, 20 дюйм. діаметра.

Языкъ изобилуетъ свистящими зубными звуками: т, ц, с, произношеніе походитъ на языкъ Гимиро; но они другъ друга не понимали и даже не знали никогда о существованіи другъ друга.

Культура описываемыхъ туземцевъ гораздо выше, чѣмъ у ихъ сосѣдей Шуро. Дома—куполообразной формы, отлично построены. Поля очень глубоко вскопаны и хорошо обработаны; засѣяны, по большей части, извѣстными въ Эфіопіи хлѣбами. Существуетъ и скотоводство. Изъ ремеслъ очень распространено кузнечное. Желѣзныя издѣлія оказались отлично выдѣланными; почти въ каждомъ домѣ мы находили кузнечные инструменты.

Пища, главнымъ образомъ,—жидкая. Приготовленіе хлѣба либо квашенаго, либо прѣснаго имъ, повидимому, неизвѣстно, и, вмѣсто него, они пьютъ очень густое кисловатое питье, сдѣланное изъ муки и зеренъ разныхъ хлѣбовъ. Похоже оно не то на квасъ, не то на пиво (называется „турча"), очень вкусно, замѣчательно питательно и не дѣйствуетъ опьяняюще.

Съ бивака фитаурари Габро-Маріамъ послалъ ночью же донесеніе расу. Его повезъ одинъ изъ офицеровъ, со сборной командой въ 20 человѣкъ. Мы окружили лагерь засѣкой и приняли предосторожности на случай ночного нападенія.

Палатки у меня съ собой не было, и я помѣстился съ Ато-Баю, палатка котораго находилась въ самой серединѣ лагеря. Бросивъ себѣ на землю абиссинскую шамму, положивъ подъ голову сѣдло, я накрылся буркой и крѣпко заснулъ, полный недавно пережитыхъ впечатлѣній.

14 Февраля. Мы поднялись на горы для развѣдокъ находящихся далѣе къ югу земель. Часть отряда осталась на бивакѣ, а часть пошла съ нами. Жители встрѣчали насъ, сидя на корточкахъ, вдоль нашей дороги. Не было ни одной женщины. Мы поднялись на холмъ, съ котораго прекрасно открывалась мѣстность; здѣсь я остановился, чтобы произвести нѣкоторыя наблюденія. Вскорѣ пришелъ Койсъ и принесъ нѣсколько тыквъ съ турчей. Онъ угостилъ нашихъ солдатъ и потомъ своихъ подданныхъ. Послѣдніе очень бережно принимали отъ царька ковшикъ обѣими руками и пили по два сразу, ротъ со ртомъ. (Удивительно: правило принимать отъ старшихъ что-либо двумя руками, а не одной, существуетъ также и въ Абиссиніи). Вмѣстѣ съ царькомъ явился маленькій

юркій старичекъ, который наканунѣ первый понялъ меня во время нашихъ переговоровъ. Лицо его свѣтилось умомъ, и я сталъ допытываться отъ него, какъ называется эта земля и окружающая мѣстность. Пришлось, конечно, объясняться знаками: я топалъ ногой, касался земли ладонью, потомъ вопросительно вскрикивалъ и т. д. Много разъ продѣлывалъ я то же самое, но старикъ все не понималъ меня и только подражалъ мнѣ во всѣхъ моихъ движеніяхъ и мычалъ, какъ обезьяна. Наконецъ, страшно обрадовавшись, онъ вскрикнулъ: „Беру! Ко-Беру! Беру!"—повторялъ онъ десятки разъ, касаясь ладонью земли и показывая на поселенія. Самое трудное было сдѣлано и теперь можно было узнать другія названія.

„Ко-Касси",—назвалъ мнѣ старикъ густо населенный холмъ къ югу отъ Беру. „Ко-Гаро", „Ко-Дами", „Ко-Канта", „Ко-Мору",—перечислялъ онъ одну за другой окружающія горы. Когда я не зналъ, о какой именно идетъ рѣчь: ближней или дальней, онъ рѣзко вскрикивалъ: „и" и пальцемъ показывалъ внизъ, когда же гора была дальняя, онъ, щелкнувъ пальцами, вытягивалъ руку впередъ и произносилъ: „Чо-ло-ло-ло-ло-ло"...

15 Февраля. Воскресенье. Отрядъ отдыхаетъ. Утро я провелъ за довольно оригинальнымъ занятіемъ—велъ войну съ многочисленными обитателями моего бѣлья. Ато-Баю дѣлалъ тоже самое. Мы сидѣли рядышкомъ въ болѣе, чѣмъ легкихъ, костюмахъ и увлеклись нашей работой. Старая тетушка Ато-Баю, неизмѣнная спутница его во всѣхъ походахъ, стыдливо отвернулась, приготовляя для насъ въ другомъ концѣ палатки питье—медъ съ водою. Когда кому-нибудь изъ насъ удавалось поймать очень большой экземпляръ, мы хвастались другъ передъ другомъ и показывали его старой тетушкѣ. Она конфузилась и съ ужасомъ восклицала: „Эре Ба Егзіабееръ (ахъ, ради Бога!)"...

Въ 9 час. утра я установилъ универсальный инструментъ для солнечнаго наблюденія. Въ день боя я позабылъ завести хронометръ, и теперь надо было опредѣлить по соотвѣтствующимъ высотамъ моментъ истиннаго полдня. Въ промежуткѣ я произвелъ наблюденіе широты и даже успѣлъ пообѣдать. Мои ашкеры сжарили мнѣ на вертелѣ курицу и испекли прѣсную лепешку—соли у меня въ это время уже нѣсколько дней не было.

После полдня пришелъ Кира (такъ звали старика, назвавшаго мнѣ наканунѣ мѣстность). Онъ принесъ турчи, маленькій слоновый клыкъ, нѣсколько пакетиковъ кофе и большой мѣдный браслетъ. Кира поцѣловалъ мнѣ руку, положилъ принесенные дары передо мной, объясняя, что прислалъ ихъ царекъ Койсъ, затѣмъ вскочилъ и сталъ топтаться на мѣстѣ, показывая, будто онъ идетъ, повторяя: „горо, горо, горо." Наконецъ, онъ вопросительно вскрикнулъ „э". Я понялъ, что Кира явился посланникомъ отъ Койса, прося насъ взять дань и уйти изъ ихъ земли. Тогда я усадилъ Киру, самъ всталъ, приподнялъ полотно палатки, объяснилъ знаками, что тамъ, у горы Джаша, есть еще много абиссинцевъ и очень большой человѣкъ, что всѣ они направляются сюда, и что потомъ мы всѣ пойдемъ на югъ—„горо, горо, горо." Кира вначалѣ очень грустно слушалъ, но послѣднее ему понравилось, онъ вскочилъ, сталъ топтаться рядомъ со мной и перечислять тѣ земли, куда, по его понятіямъ, мы должны были пойти. „Беру! э? Касси! э? Белисъ! э? Мену?" При словѣ „Мену" онъ протяжно мычалъ, что, вѣроятно, означало, что Мену—крайній предѣлъ извѣстныхъ ему земель.

Чѣмъ дальше, тѣмъ лучше понимали мы съ Кирой другъ друга, и, въ концѣ концовъ, у насъ выработался даже свой особый языкъ, состоявшій изъ условныхъ жестовъ и изъ нѣсколькихъ словъ незнакомаго для насъ обоихъ языка Шуро. Кира съумѣлъ даже объяснить мнѣ свое положеніе при царѣ. Онъ происходилъ изъ другой земли и когда былъ груднымъ ребенкомъ, его сюда принесла мать. Когда я допрашивалъ его, есть ли на югѣ очень большая рѣка, Кира сказалъ, что невдалекѣ къ востоку течетъ большая рѣка Кибишъ, въ которой вода доходитъ до бедеръ, а дальше есть очень большая рѣка Шорумъ, въ которой плаваютъ гиппопотамы, причемъ Кира изображалъ, какъ они ныряютъ и фыркаютъ. О существованіи на югѣ большой стоячей воды—оз. Рудольфа, Кира, видимо, не зналъ.

Онъ до вечера просидѣлъ у меня въ палаткѣ, забавляя насъ пѣснями и пляской, и ушелъ только, когда стемнѣло Я просилъ его прійти ко мнѣ на слѣдующій день, какъ только пропоетъ пѣтухъ; Кира понялъ и обѣщалъ явиться.

16 Февраля. Рано утромъ пришелъ Кира. Я взялъ съ собой часть отряда и поднялся на горы, направляясь къ Касси. Мы пе-

решли ручей, берега котораго поросли густымъ лѣсомъ, составлявшимъ границу между землями Касси и Беру. Жители, завидѣвъ насъ, подняли тревогу, но Кира закричалъ имъ, чтобы они успокоились, бросили оружіе и садились на землю. Безъ выстрѣла прошли мы среди ихъ поселеній и, достигнувъ холма, съ котораго далеко на югъ видна была окружающая мѣстность, остановились. Навстрѣчу къ намъ вышелъ царекъ Касси, въ сопровожденіи толпы своихъ подданныхъ, и принесъ намъ въ даръ нѣсколько тыквъ, турчи, табаку и большой слоновый клыкъ.

Я установилъ универсальный инструментъ и сталъ производить солнечное наблюденіе для опредѣленія широты, а затѣмъ сталъ брать азимуты и разспрашивать Киру про то, какія есть земли къ югу.

Внизу текла рѣчка Кори, а за ней была земля Балисъ. Къ юго-востоку тянулся высокій хребетъ, на которомъ возвышались три остроконечныя вершины Канта. Къ юго-западу отъ хребта виднѣлись скалистые его отроги. Кира показывалъ на западъ и говорилъ, что тамъ земля Мену, или Менъ. По его словамъ, тамъ было такъ много хлѣба, что имъ хоть сморкайся, въ поясненіе чего онъ бралъ горсточку зерна и, бросая его на землю, сморкался. Но гдѣ была эта Мену близко или далеко, этого мнѣ не удалось выяснить. На виднѣвшихся остроконечныхъ скалистыхъ пикахъ едва ли могла быть плодородная земля. Я добивался отъ Киры, сколько разъ мы будемъ ночевать въ походѣ, прежде чѣмъ дойдемъ до Мену, но Кира, видно, и самъ хорошо не зналъ и давалъ очень сбивчивые отвѣты. Не то три дня, не то пять...

17 Февраля. Ночью былъ ураганъ, чуть не сорвавшій палатки. Утромъ прибылъ посланецъ отъ раса, поздравлявшаго съ благополучнымъ исходомъ развѣдки. Расъ прислалъ мнѣ въ подарокъ большую рыбу, похожую на сома, которую онъ поймалъ наканунѣ въ Чому.

Въ 11 час. дня, верстахъ въ 7 отъ насъ, внизу показалась палатка раса, и я отправился вмѣстѣ съ Ато-Баю къ главнокомандующему. Мы взяли съ собой и Киру. Кира сразу понялъ, кто главнокомандующій, цѣловалъ ему руку, смѣшилъ его пѣніемъ и танцами и ушелъ, совершенно очаровавъ раса.

Мои ребята радостно встрѣтили меня. Нѣкоторые изъ нихъ въ геройскихъ возгласахъ хвастались передо мною сво-

ей побѣдою. Запѣвало Либанъ закололъ одного Шуро кинжаломъ. Войска за это время произвели нѣсколько реквизицій въ горахъ Джири. Туземцы упорно сопротивлялись, понесли значительныя потери, но и намъ нанесли уронъ.

Нѣсколько моихъ ашкеровъ были больны. Зелепукинъ тоже страдалъ лихорадкой.

18 Февраля. Ночью была буря съ дождемъ. Утромъ отрядъ перешелъ къ подножью хребта и сталъ бивакомъ около земли Габро. Въ полдень пришли два царька изъ Беру—Койсъ и Кіясъ—и нѣсколько тысячъ человѣкъ ихъ подданныхъ. Въ числѣ пришедшихъ былъ и старый жрецъ. Кира назвалъ его Дорморо и, указывая на небо, сказалъ: Даду (богъ). На шеѣ жреца былъ сальникъ изъ только-что принесеннаго въ жертву барана.

Царекъ принесъ въ даръ расу большой слоновый клыкъ. Сплошная толпа туземцевъ сидѣла на корточкахъ передъ расомъ, а Кира отъ имени обоихъ царьковъ цѣловалъ главнокомандующему руку. Торжественный пріемъ былъ молчаливый: мы не могли объясняться.

Расъ подарилъ Койсу и Кіясу красные шерстяные плащи (на которые они, впрочемъ, смотрѣли довольно презрительно и надѣли не особенно охотно), а затѣмъ отпустилъ ихъ домой. Киру онъ намѣревался оставить проводникомъ при отрядѣ и приказалъ задержать. Кирѣ это сначала очень не понравилось, но потомъ онъ какъ будто помирился съ своей судьбой и за ужиномъ въ палаткѣ раса смѣшилъ насъ своими шутками. Его должны были въ предупрежденье побѣга заковать въ кандалы, но мнѣ было жаль Киры, и я просилъ отдать его мнѣ на поруки, на что расъ согласился.

Къ вечеру на правомъ флангѣ лагеря стали раздаваться выстрѣлы. Жители Гаро, на границѣ поселеній которыхъ мы теперь стояли, напали на абиссинцевъ, отправившихся за дровами и травой и въ поискахъ отдалившихся отъ лагеря. Командиръ флангового полка, услышавъ выстрѣлы, пошелъ на выручку. Габро были отбиты, но и абиссинцы потеряли нѣсколько человѣкъ убитыми.

Я положилъ Киру спать въ моей палаткѣ, рядомъ съ моей постелью, а къ дверямъ приставилъ караулъ. Кира снялъ съ себя подаренные ему расомъ штаны и, свернувъ

ихъ въ комочекъ, положилъ подъ голову, покрылся подаренной ему шаммой и черезъ нѣсколько минутъ захрапѣлъ.

19 Февраля. Проснувшись утромъ, я увидѣлъ на томъ мѣстѣ, гдѣ спалъ, Кира только его штаны и шамму. Кира бѣжалъ! Въ его побѣгѣ былъ виноватъ я со своей неумѣстной сентиментальностью. Какъ бы то ни было, безъ Киры отрядъ былъ въ очень затруднительномъ положенiи, и я рѣшилъ попытаться найти и вернуть Киру. Онъ, навѣрное, скрылся у Койса. Надо поѣхать къ Койсу и потребовать его выдачи. Отрядъ еще не выступалъ, когда я взобрался на горы Беру. За мной шли мои три оруженосца: присоединился также Ато-Баю со своимъ оруженосцемъ, увидавшiй меня, когда я проѣзжалъ мимо его палатки. Солнце еще не всходило, когда мы поднялись на гребень и подъѣзжали къ дому царька. Несмотря на раннiй часъ, тамъ уже толпилась масса народа, и, странно: мирные, дружественные Беру были теперь поголовно вооружены копьями и щитами. Ужь не поднялъ ли Кира все населенiе какой-нибудь сочиненной имъ басней? По всѣмъ дорожкамъ спѣшили къ дому царька запоздавшiе воины и, завидя насъ, скрывались за домами и деревьями. Я направился прямо къ толпѣ. Оттуда послышались возгласы: „халiо! халiо!“, и передовые стали прятать оружiе. Навстрѣчу выбѣжалъ Койсъ. Я сталъ объяснять причину моего прихода и требовать немедленно выдачи Кира. Койсъ что-то промычалъ въ отвѣтъ, быстро побѣжалъ въ домъ и черезъ нѣсколько минутъ вернулся, одѣтый въ пожалованный ему наканунѣ костюмъ, думая, должно быть, что это было именно то, чего я отъ него требовалъ. Послѣ долгихъ объясненiй онъ меня, наконецъ, понялъ и, указывая на востокъ, сказалъ, что Кира у Кiяса, другого царька Беру. Тогда я потребовалъ, чтобы мнѣ привели Киру, вошелъ во дворъ дома царька и сѣлъ тамъ, показывая, что не уйду, пока не явится Кира.

Дворъ представлялъ изъ себя круглую площадку, шаговъ сорокъ въ дiаметрѣ, огороженную высокимъ плетнемъ, къ его южной сторонѣ прилегалъ высокiй домъ съ свѣшивавшейся до полу крышей и низенькой плотно закрытой дверью. Посрединѣ былъ устроенъ навѣсъ для скота и подъ нимъ стояло нѣсколько отличныхъ коровъ. Направо отъ дома было отведено мѣсто для жертвоприношенiй, о чемъ свидѣтель-

ствовала куча пеплу, въ которой былъ зарытъ большой слоновый клыкъ, а рядомъ лежала большая четырехъугольная каменная плита, на которой сохранились слѣды выливаемаго во время жертвоприношенiй пива. Жилище царька, повидимому, считалось священнымъ. Тамъ, кромѣ нѣсколькихъ стариковъ, никого не было, и мое присутствiе тутъ, кажется, чуть ли не осквернявшее верховныхъ правъ ихъ вождя, приводило народъ въ ужасъ.

Туземцы сильно шумѣли за оградой и живо о чемъ-то толковали. Нѣсколько стариковъ подошли ко мнѣ, что-то объясняя, но я настойчиво повторялъ слово: „Кира", требуя, чтобы мнѣ его привели. Они показывали на востокъ, повидимому, говорили, что Кира у Кiяса, и что сами они привести его оттуда никакъ не могутъ. Тогда я рѣшилъ идти къ Кiясу и, взявъ царька за руку, приказалъ вести меня туда. Онъ повиновался. Я сѣлъ на мула, Койсъ съ десяткомъ туземцевъ пошелъ впереди. Шагахъ въ двухстахъ за нами, крадучись за кустами, двигались всѣ собравшiеся къ дому царька воины. Нѣкоторыхъ изъ нихъ, черезчуръ открыто осмѣлившихся показываться передъ нами съ оружiемъ въ рукахъ, я лично обезоруживалъ или приказывалъ моимъ ашкерамъ отнять копья. Ато-Баю и мои оруженосцы были встревожены поведенiемъ туземцевъ и не переставали уговаривать меня не довѣряться дикарямъ. Они ожидали каждую минуту нападенiя и, въ виду этого, ружья были заряжены, курки взведены, и между пальцами лѣвой руки было наготовѣ по нѣсколько патроновъ... Я не менѣе ихъ понималъ опасность положенiя, но чувствовалъ, что тронуть насъ туземцы не посмѣютъ, несмотря на нашу малочисленность.

Кiясъ жилъ внизу по долинѣ, верстахъ въ пяти отъ дома царька, но дойти туда намъ не пришлось, такъ какъ въ это время поднявшiеся на гребень наши войска завязали жаркiй бой съ сосѣднимъ племенемъ Гаро. Невдалекѣ вдругъ затрещали ихъ выстрѣлы. Койсъ страшно перепугался, затрясся весь отъ испуга, вырвался вдругъ отъ державшаго его ашкера и бросился бѣжать, а съ нимъ и всѣ его спутники. Это было сигналомъ къ общей паникѣ туземцевъ. Ловить бѣжавшаго царька было теперь безполезно: все равно живымъ онъ намъ въ руки не дался бы, убивать же его совсѣмъ не входило въ мои намѣренiя. Поэтому, когда одинъ изъ

ашкеровъ прицѣлился и уже готовъ былъ спустить курокъ, я (къ счастью, во-время) остановилъ его. Розыски Киры, конечно, не могли повести теперь ни къ какимъ результатамъ. Оставалось, какъ ни печально было, отказаться отъ этого намѣренія, и возвратиться къ отряду. Я направился въ Касси, гдѣ шелъ кровопролитный бой.

Еще наканунѣ я предчувствовалъ, что если завяжется бой съ Гаро, то абиссинцы, въ виду неопредѣленности границъ, перейдутъ и въ мирную, ни въ чемъ неповинную землю Касси, предупреждалъ объ этомъ раса и уговаривалъ его принять мѣры. Онъ, дѣйствительно, оградилъ заставами путь въ Беру, но думалъ, что окажется возможнымъ пройти Касси, не причинивъ вреда ея жителямъ, собравъ предварительно весь отрядъ въ Гаро, что, какъ видно, ему не удалось. Пограничный лѣсъ, въ которомъ скрылась масса туземцевъ, былъ окруженъ абиссинцами, буквально избивавшими враговъ. Со всѣхъ сторонъ раздавались выстрѣлы, мимо ушей, то и дѣло, жужжали пули, повсюду лежали окровавленные трупы дикарей, среди которыхъ попадались и абиссинскіе. Видъ труповъ съ громадными ранами былъ ужасенъ. Не было почти такого, на которомъ не зіяли бы слѣды сабельныхъ ударовъ, такъ какъ пристрѣленнаго туземца почти всегда прирѣзывали еще шашкой. Порой попадались и раненые. Какъ теперь помню одного изъ нихъ. Съ распоротымъ копьемъ животомъ и вывалившимися наружу кишками онъ еще въ сознаньи, молча, смотритъ на проѣзжающихъ. Видно, какъ сильно онъ страдаетъ, но не издаетъ ни звука...

На полянкѣ, гдѣ мы такъ недавно еще мирно пили турчу и я показывалъ дикарямъ поражавшій ихъ блестящій компасъ и часы, лежали замертво павшіе царекъ Касси и главные представители племени... Они, вѣроятно, вышли навстрѣчу абиссинцамъ, но тѣ не поняли ихъ миролюбивыхъ намѣреній и всѣхъ перестрѣляли...

Теперь расъ былъ не въ силахъ остановить кровопролитіе: войсками овладѣла жажда крови и убійства. Не жалѣли не только людей, но и животныхъ *), трупы которыхъ съ

*) Дѣлали это, впрочемъ, не абиссинцы, а иррегулярные солдаты раса, дикіе Куло.

перерѣзанными шеями массами валялись на дорогѣ. Только женщины и дѣти избѣгали смерти, и ихъ забирали въ плѣнъ.

Главнокомандующій былъ глубоко огорченъ происшедшимъ. Онъ чуть не плакалъ отъ жалости и ѣхалъ молча, закрывъ себѣ лицо шаммой. Сопровождавшіе его офицеры тоже были сконфужены, всѣмъ было тягостно, непріятно...

По трудному спуску мы спустились къ рѣкѣ Кори и стали на берегу ея бивакомъ. Мало по малу сталъ собираться отрядъ. Принесли нѣсколькихъ раненыхъ, которымъ я сдѣлалъ перевязки. Солдаты гнали передъ собой скотъ и плѣнныхъ.

Когда всѣ были уже въ сборѣ, забилъ нагаритъ и извѣстилъ войска о томъ, что объявляется приказъ. Литаврщикъ прокричалъ обычную вступительную формулу приказа, содержаніе котораго прочиталъ затѣмъ секретарь раса — ато-Мельке, стоявшій рядомъ съ духовникомъ раса.

„Развѣ мои слова — слова кухарки? — гласилъ приказъ. —Зачѣмъ убиваете безоружныхъ и даромъ тратите патроны? Я не считаю героями тѣхъ, которые сегодня убивали. Я ихъ считаю за мышей. Да не смажутъ они себѣ масломъ головы и не заплетутъ волосъ въ косы въ ознаменованіе сегодняшнихъ убійствъ. Кто былъ со мной въ Аусѣ *), тотъ знаетъ, что такое настоящее мужество, и показалъ свою храбрость. Да знаютъ всѣ, что съ тѣми, которые станутъ убивать, если не будутъ къ этому вынуждены, я поступлю такъ, какъ поклялся сегодня моему духовнику. Соберите весь скотъ и плѣнныхъ. Пусть каждый вѣрный солдатъ, который узнаетъ про другого, что онъ преступаетъ мои приказанія, убиваетъ туземцевъ или отбиваетъ скотъ и рѣжетъ его, пусть донесетъ объ этомъ мнѣ“.

Когда приказъ былъ прочтенъ, всѣ поклонились до земли и молча разошлись. Всѣхъ плѣнныхъ набралось около тысячи человѣкъ. По приказанію раса, ихъ вывели за бивакъ и отпустили на свободу. Я снялъ нѣсколько фотографій и, между прочимъ, съ одной довольно красивой плѣнницы. Когда я сталъ наводить на нее аппаратъ, она начала кри-

Женское шейное украшеніе племени Касси.

*) Походъ въ Аусу въ 1896 г.

кричать, думая, вѣроятно, что я собираюсь пристрѣлить ее, и я могъ снять ее не иначе, какъ заставивъ солдатъ держать ее за руки.

20 Февраля. Отрядъ перешелъ землю Балисъ. Мы не имѣли теперь ни проводниковъ, ни переводчиковъ. Кира говорилъ мнѣ про землю Мену, но гдѣ она и какъ въ нее пройти? Главнокомандующій рѣшилъ остановиться здѣсь, и приказалъ двумъ полкамъ, фитаурари Дамти и фитаурари Чабуде, и мнѣ вмѣстѣ съ ними развѣдать мѣстность и найти Мену.

Деревянная труба, обтянутая кожею ящерицы, пл. Балисъ.

Въ 12 час. дня съ новаго бивака я отправился на развѣдку. Со мной пошелъ Зелепукинъ, мои оруженосцы и нѣсколько ашкеровъ; обозъ мы оставили при главныхъ силахъ, захвативъ съ собою продовольствіе только на нѣсколько дней. Мы направились на югъ и скоро вышли за предѣлы обитаемыхъ земель. Было жарко. Въ тѣни 27° R. Мы шли по пустынному скалистому плато. Почва была покрыта острыми каменными обломками, въ промежуткахъ между которыми росла тощая трава и низенькія, рѣдкія, колючія деревца. Русла рѣчекъ были сухія, и только въ одной нашли мы немного очень скверной воды. Изрѣдка попадались полуразрушенныя хижины и небольшіе открытые загоны для скота, но, судя по засохшему навозу, можно было заключить, что селенія оставлены жителями. Сюда, вѣроятно, перекочевывали туземцы со своими стадами во время дождей.

Въ $5^1/_2$ час. вечера мы достигли скалы, указывая на которую, Кира говорилъ—„Мену". Слѣдовъ населенія по близости, однако, абсолютно никакихъ не оказалось. Солнце заходило. Наши солдаты были съ 5 час. утра почти въ безпрерывномъ движеніи и съ 12 час. дня не пили. Пора было становиться бивакомъ, и мы разослали во всѣ стороны конныхъ искать воду. Долго поиски были тщетными, и только въ половинѣ седьмого прискакалъ одинъ изъ развѣдчиковъ съ донесеніемъ, что вода найдена, и мы стали палить изъ ружей, чтобы вернуть остальныхъ.

Бивакъ мы разбили около самой воды. Мои ашкеры быстро поставили палатку, развели огонь, заварили кофе (послѣднюю пригоршню, которая у меня еще оставалась). Ко мнѣ пришли

оба фитаурари и Ато-Баю. Я угостилъ ихъ кофе; тутъ же они составили донесеніе и отослали его къ расу съ однимъ офицеромъ и 20 солдатами.

21 Февраля. Нашъ рекогносцировочный отрядъ раздѣлился на 2 части, и съ ранняго утра мы отправились на развѣдку. Ато-Баю и фитаурари Чабуде пошли на югъ, а я съ фитаурари Дамти направились на юго-западъ. Для охраны бивака (отъ звѣрей, а не отъ людей) мы оставили нѣсколько десятковъ солдатъ.

Чѣмъ дальше мы подвигались, тѣмъ безплоднѣе казалась мѣстность. Угрюмъ и суровъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и замѣчательно красивъ былъ ея пейзажъ. Кругомъ—гранитныя скалы самыхъ причудливыхъ формъ, и только одни камни всевозможныхъ оттѣнковъ, отъ розоваго до темно-сѣраго, виднѣлись вокругъ. Черезъ нѣсколько часовъ мы нашли воду въ руслѣ одного ручья и вокругъ нея свѣжіе слѣды людей и животныхъ. Тутъ скрывались, вѣроятно, бѣжавшіе изъ Бале жители. Вблизи возвышался высокій холмъ; поднявшись на его вершину, мы стали разсматривать въ бинокль и подзорныя трубы окрестности. Верстахъ въ 15 къ юго-западу виднѣлась долина какой-то рѣчки, о существованіи которой свидѣтельствовала лента зеленѣющихъ деревьевъ. Рѣка текла, должно быть, на юго-востокъ и въ нее впадали русла тѣхъ пересохшихъ рѣчекъ, которыя мы только что перешли. Далѣе къ западу возвышались скалистыя горы, а на горизонтѣ на западѣ виднѣлись пологіе скаты неизвѣстныхъ мнѣ горъ. Ихъ мягкія очертанія, походившія на очертанія Беру и Касси, давали нѣкоторое основаніе предположить, что онѣ населены. Если Мену, дѣйствительно, существуетъ, то она, по всей вѣроятности, должна быть тамъ*). По моему мнѣнію, намъ надлежало спуститься въ долину виднѣвшейся на юго-западѣ рѣчки, а на слѣдующій день искать Мену на западѣ. Но мои спутники энергично запротестовали. Имъ казалось, что горы, на которыя я указываю, отстоятъ черезчуръ далеко, что если мы пойдемъ туда, то не вернемся къ главнымъ силамъ раньше недѣли, а расъ не приказывалъ уходить такъ далеко. Ближайшія горы были, очевидно, безлюдны, и они полагали, что намъ ничего болѣе

*) Въ послѣдствіи оказалось, что я не ошибся.

не остается, какъ вернуться къ расу и передать все на его усмотрѣніе. Я былъ гостемъ, и мнѣ не приходилось навязывать имъ свои мнѣнія... Мы вернулись на бивакъ, навьючили муловъ и отправились къ главнымъ силамъ.

Развѣдка была безрезультатной: мы не выполнили возложенной на насъ задачи, и вопросъ о томъ, есть ли на болѣе или менѣе близкомъ отъ насъ разстояніи населенная земля, оставался открытымъ. Все это было очень досадно, въ душѣ я обвинялъ моихъ спутниковъ въ нерѣшительности, но теперь, хладнокровно обсуждая всѣ условія недавней экспедиціи, я принужденъ отнестись къ этой неудачѣ гораздо снисходительнѣе. Дѣйствительно, обстановка похода была самая необычайная: это былъ не столько военный походъ, сколько географическая экспедиція 15-ти тысячнаго отряда по абсолютно неизвѣстной землѣ. Превосходныя боевыя абиссинскія войска были совершенно неподготовлены къ этой новой для нихъ дѣятельности.

Солнце уже зашло, когда мы возвратились на бивакъ. Главнокомандующій пригласилъ меня къ себѣ въ палатку и сталъ разспрашивать про развѣдку. Я откровенно высказалъ недовольство ею. — „Ты правъ,—возразилъ онъ мнѣ,— но я предвидѣлъ, что это такъ случится. Мои солдаты храбры, любятъ войну, но не терпятъ пустыни. Теперь они увѣрены, что дальше уже людей нѣтъ, и куда бы я ихъ ни сталъ посылать, они будутъ возвращаться все съ однимъ отвѣтомъ: идти дальше никакъ невозможно. Только за мной еще они пойдутъ впередъ. Но куда?.. Какъ поступить?."

— Наше положеніе не такъ безнадежно, доложилъ я главнокомандующему. Недалеко позади насъ богатыя хлѣбомъ земли. Мы можемъ оставить тамъ всѣхъ больныхъ, слабыхъ и большую часть отряда, а съ отборными людьми двинуться дальше, слѣдуя по теченію р. Кори, направляющемуся, повидимому, на сѣверо-западъ. У нея должны быть притоки какъ справа, такъ и слѣва, и по одному изъ нихъ мы могли бы потомъ идти къ югу. Водой мы будемъ обезпечены, продовольствія возьмемъ съ собою дней на 10. Когда оно выйдетъ, мы найдемъ въ изобиліи дичь, если не будетъ хлѣба. Можетъ быть, Мену совсѣмъ не такъ далеко, какъ кажется. Если на югѣ найдемъ густо населенную богатую хлѣбомъ мѣстность, мы перетянемъ туда часть отряда, устроимъ второй опорный

пунктъ, вторую базу и пойдемъ дальше. Главнокомандующій съ большимъ вниманіемъ слушалъ меня и, когда я кончилъ, сказалъ: „Твои слова вошли мнѣ черезъ уши въ сердце." На завтра онъ рѣшилъ собрать военный совѣтъ.

22 Февраля. Утромъ былъ военный совѣтъ. Расъ открылъ его рѣчью, въ которой обрисовалъ нашу теперешнюю обстановку, указавъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, на необходимость во что бы то ни стало идти впередъ, такъ какъ такова была воля Императора. Въ заключеніе расъ предложилъ присутствующимъ высказать свое мнѣніе, но всѣ молчали.

Тогда расъ сказалъ: „Завтра мы возвращаемся въ горы. Тамъ останется часть отряда, больные и слабые. Мы запасемся продовольствіемъ, и я съ лучшими людьми пойду впередъ".

Наканунѣ около бивака нашли слѣды пребыванія здѣсь итальянской экспедиціи Ботего—нѣсколько желѣзныхъ скобъ отъ вьючныхъ ящиковъ, выстрѣленныя гильзы Ветерли, бумажныя гильзы 10 калибра и какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшій листокъ изъ „Теоріи вѣроятностей" на итальянскомъ языкѣ. Астрономическое положеніе этого мѣста—6° 48′ с. ш. и 35° 26′ в. д. отъ Гринвича.

Плѣнные, захваченные въ этой мѣстности, принадлежатъ къ совершенно отличной отъ прочихъ сосѣдей (горцевъ Беру и Касси) народности. Они больше походятъ на негровъ Шуро, но языка послѣднихъ тоже не понимаютъ. Мужчины и женщины очень уродливы, у всѣхъ выбиты нижніе передніе рѣзцы. Особенно непривлекательны женщины. Нижняя губа у нихъ широко прорѣзана и отвисла внизъ, обнажая рѣдкіе торчащіе впередъ зубы, съ брешью по серединѣ на мѣстѣ выбитыхъ переднихъ рѣзцовъ. Въ прорѣзъ вставленъ деревянный дискъ около 2-хъ верш. въ діаметрѣ*). Среди плѣнныхъ оказался царекъ племени—Джуфа.

23 Февраля. Мы выступили обратно къ р. Кори и стали на берегу ея къ юго-востоку отъ нашего прежняго бивака. Въ большой водяной ямѣ въ руслѣ рѣки нашли массу рыбы, которую солдаты вылавливали своими шаммами. Главнокомандующій тоже отправился удить рыбу, поймалъ 14 штукъ и прислалъ мнѣ въ подарокъ. Кромѣ того Зелепукинъ съ ашкерами

---

*) Дональдсонъ Смитъ встрѣчалъ, кажется, также обезображенныхъ женщинъ на лѣвомъ берегу р. Омо.

наловили полную кастрюлю. Въ этотъ день одинъ изъ полковниковъ сдѣлалъ мнѣ, какъ нельзя болѣе кстати, дорогой подарокъ—кусокъ соли. Мы сварили себѣ съ Зелепукинымъ чудную уху и объѣдались ею.

Послѣобѣденное время я занимался лѣченіемъ и перевязками. Около моей палатки, какъ всегда, толпилась масса больного народу. Больше всего войска страдали отъ кроваваго поноса, и мой запасъ висмута и касторового масла быстро истощался. Болѣли также лихорадками и воспаленіями глазъ. Глазныя болѣзни я очень успѣшно лѣчилъ неизвѣстными еще въ медицинѣ каплями (секретъ И. С. Джевинскаго, моего домохозяина въ Царскомъ Селѣ). Не мало приходилось пользовать и раненыхъ. Нѣкоторые, болѣе легко раненые, очень быстро поправлялись, и сегодня, напримѣръ, я снялъ лубки съ одного солдата, которому въ одинъ изъ первыхъ дней по переходѣ границы ударомъ камня изъ пращи сломали руку. Другому, у котораго за нѣсколько дней передъ тѣмъ копье пробило насквозь мускулы на груди, миновавъ грудную полость, я тоже сегодня снялъ перевязку и залилъ заживающія раны коллодіумомъ. Но одинъ бѣдняга, которому у горы Джаша пробили грудь насквозь копьемъ, не поправлялся. Онъ страшно похудѣлъ. Зашитая, было, мною рана открылась, и изъ нея при выдыханіи вытекалъ бѣлый жидкій вонючій гной и выходили пузырьки воздуха.

24 Февраля. Ночью былъ ураганъ, а все утро шелъ дождь, сопровождавшійся сильнѣйшимъ вѣтромъ. Съ неимовѣрными усиліями поднялись мы на горы по крутой скользкой тропинкѣ. Гребень былъ густо населенъ тѣмъ же народомъ, что и Беру. Постройки ихъ такія же и поля также тщательно обработаны. Все населеніе бѣжало при нашемъ приближеніи, и ни одной души не было видно. Голова колонны прибыла на мѣсто бивака къ 9 час. утра, аріергардъ же только къ 6 час. вечера, и обозъ цѣлый день дефилировалъ передъ нашими па-

латками. Невеселую картину представлялъ изъ себя хвостъ колонны. Непрерывной вереницей тихо тянулись больные и раненые; кого несли въ носилкахъ, кто шелъ пѣшкомъ, поддерживаемый товарищами, другіе ѣхали верхами на мулахъ и держались, чтобы не упасть, за плечи идущихъ рядомъ людей. Одного умирающаго галласа везли на мулѣ, причемъ его положили животомъ на сѣдло, ноги подогнули назадъ и всего прикрѣпили къ сѣдлу ремнями. Бѣднягу некому нести на носилкахъ, а на сѣдлѣ онъ все равно не усидитъ. Ужасенъ видъ больныхъ черной оспой, которой страдаютъ, главнымъ образомъ, солдаты изъ галласовъ или слуги и служанки абиссинцевъ. Сами же абиссинцы, прививая себѣ оспу, перенесли ее большею частью еще въ дѣтствѣ *).

Полуголые, покрытые сѣрыми большими нарывами съ страшно распухшимъ лицомъ, на которомъ почти не видно глазъ, они томились на дождѣ и вѣтрѣ. Уже съ 5 час. утра несчастные верхомъ трогались въ путь, удивительно терпѣливо перенося всѣ страданія и невзгоды.

Послѣ полдня расъ произвелъ лично рекогносцировку и выбралъ мѣсто для будущей крѣпости. Это былъ холмъ, возвышавшійся на оконечности горнаго отрога, представлявшій изъ себя очень крѣпкую и удобную позицію. У подножья протекалъ ручей, вблизи въ изобиліи были и трава для муловъ, и топливо.

25 Февраля до 4 Марта. Отрядъ перешелъ на выбранное мѣсто и тѣсно расположился бивакомъ, сгруппировавшись вокругъ палатки раса. Тотчасъ же по прибытіи, приступили къ устройству частокола вокругъ бивака и дома для раса, въ который онъ перешелъ въ тотъ же вечеръ. По войскамъ былъ объявленъ приказъ: запрещалось оставлять въ лагерѣ отбросы и предписывалось сохранять особенную чистоту. Каждый солдатъ долженъ былъ копать себѣ отхожія ямки и каждый разъ засыпать ихъ землей.

На бивакѣ въ Колу мы простояли съ 25 Февраля по 4-е

---

*) Абиссинцы сами дошли до умѣнья прививать оспу. Ребенку прививаютъ человѣческую оспу, вводя въ разрѣзъ на кожѣ матерію отъ другого больного. Подвергшіеся этой операціи большею частью выздоравливаютъ и, такъ какъ болѣзнь бываетъ въ дѣтствѣ, то слѣдовъ почти не остается.

Марта. Дни эти прошли въ ежедневныхъ фуражировкахъ и работахъ по укрѣпленію крѣпости, которую окружили вы-

Крѣпостца.

сокимъ частоколомъ и окопали рвомъ. Солдаты построили себѣ шалаши и дома для начальниковъ. Враждебность населенія, среди котораго мы теперь находились, вызывала съ нашей стороны усиленныя мѣры охраненія. Днемъ высылались сторожевыя заставы отъ одного изъ полковъ по очереди, становившіяся на возвышенныхъ и открытыхъ мѣстахъ, впереди водопоевъ, пастбищъ, порубокъ, и почти цѣлый день ведшія войну съ туземцами. Послѣдніе пользовались всякимъ случаемъ, чтобы нанести намъ уронъ и нападали изъ своихъ засадъ не только на солдатъ, но и на женщинъ и на нашихъ муловъ, ословъ и лошадей. Надъ убитыми надругивались. Я видѣлъ, напримѣръ, одну женщину, которой распороли животъ, вырѣзали груди и т. д.

27 Февраля былъ военный совѣтъ, на которомъ окончательно былъ опредѣленъ составъ выступающаго съ расомъ отряда. Всего набралось 5664 ружья. Въ этомъ числѣ были почти всѣ офицеры и большая часть конныхъ солдатъ. Въ крѣпости оставались, подъ начальствомъ фитаурари Фариса, весь его полкъ и около 3 тыс. человѣкъ изъ другихъ полковъ,

больные, слабые, а также весь обозъ и всѣ женщины. Если кто-либо изъ офицеровъ пожелалъ взять съ собой кухарку, онъ обязанъ былъ дать ей непремѣнно мула. Съ отрядомъ шла только часть патроннаго обоза и продовольствіе, которое каждый солдатъ долженъ былъ взять съ собой не менѣе, какъ на 10 дней. Забота о продовольствіи возложена была на самихъ солдатъ: ѣхалъ на мулѣ, везъ его съ собой, или грузилъ на вьючнаго мула, остальные—несли его на головахъ.

26, 27 и 28 Февраля были произведены реквизиціи въ окрестностяхъ, для чего полки были раздѣлены на три очереди. Происходили эти реквизиціи слѣдующимъ образомъ. Очередной полкъ, получивъ направленіе, въ которомъ онъ долженъ былъ дѣйствовать, выступалъ въ полномъ своемъ составѣ. Дойдя до населенной богатой мѣстности, солдаты разсыпались, отгоняли туземцевъ и нагружали своихъ муловъ и лошадей продовольствіемъ. Часть полка составляла резервъ на случай нечаяннаго нападенія и располагалась въ центрѣ такого раіона. На обратномъ пути на бивакъ, резервъ слѣдовалъ въ хвостѣ отряда и служилъ аріергардомъ.

За эти 3 дня было собрано мѣсячное довольствіе для остающагося отряда и 15-ти дневное для выступающаго.

Я между тѣмъ отдыхалъ. Часть дня я обыкновенно занимался — наносилъ на карту маршрутъ, дѣлалъ кое-какія наблюденія, лѣчилъ больныхъ, а все свободное время проводилъ съ расомъ. Тихо и мирно протекали эти дни.

Съ ранняго утра главнокомандующій выходилъ на свое излюбленное мѣсто, съ котораго, какъ на ладони, былъ виденъ весь лагерь. Завидѣвъ главнокомандующаго, командиры полковъ, офицеры и солдаты спѣшили къ нему на поклонъ. Легкимъ, граціознымъ движеніемъ сбросивъ съ плечъ свои шаммы, они кланялись до земли, затѣмъ усаживались тѣснымъ кружкомъ, и вскорѣ раса, такимъ образомъ, окружала толпа. Главнокомандующій сидѣлъ здѣсь съ утра до обѣда и отъ обѣда до захода солнца. Занимались дѣлами или развлекались разговорами, играми. Приходили судиться офицеры и солдаты. Зачастую рѣшались серьезныя дѣла. Вотъ два типичныхъ дѣла и удивительно простыхъ резолюцій: Императоръ Менеликъ, перемѣнивъ дислокацію своихъ войскъ, отобралъ у раса Вальде-Георгиса его владѣнія на лѣвомъ берегу р. Омо, отдавъ ихъ другимъ начальникамъ, а расу

предоставилъ взамѣнъ всѣ земли къ юго-западу отъ Каффы. Когда войска эвакуировали отобранныя области, много солдатъ перешло на службу къ новому властителю, и, благодаря этому, во многихъ сотняхъ расположенныхъ раньше въ этихъ мѣстностяхъ полковъ, численность уменьшилась до того, что они стали существовать только номинально: въ нѣкоторыхъ сотняхъ остался только командиръ и нѣсколько офицеровъ. Довольствіе, однако, получали всѣ сотни поровну. Въ виду этого, нѣсколько сотниковъ одного изъ полковъ жаловались расу на ненормальность такого положенія. Расъ призналъ ихъ жалобу совершенно основательной. Командиры отвѣчали за численность своихъ частей и, слѣдовательно, были виноваты, если сотни у нихъ не въ полномъ составѣ. На основаніи этого, расъ приказалъ людей изъ неполныхъ сотенъ перечислить въ другія, болѣе полныя, а офицеровъ — разжаловать въ солдаты... Другое дѣло возникло изъ за того, что командиръ одной изъ сотенъ подъ предлогомъ болѣзни второй годъ уклонялся отъ похода, а вмѣсто него командовалъ его вахмистръ — Туки. Передъ настоящимъ походомъ эта сотня должна была получить 12 новыхъ ружей, но Туки отказывался принять ихъ, такъ какъ отвѣтственность за нихъ должна была лежать на немъ, какъ на командирѣ. Вахмистръ былъ извѣстенъ, какъ отличный солдатъ.—„Ты не хочешь принимать эти 12 ружей?"—Спросилъ расъ.—„Я не могу: я—нищій!"—„Ты второй годъ командуешь за своего больного начальника?"—„Да, второй годъ."—„Ну, такъ принимай сотню и будь сотникомъ!" (Ямато алака).— И вахмистръ сталъ ротмистромъ.

Приводили также главнокомандующему солдатъ, уличенныхъ въ захватѣ скота у туземцевъ и закалываніи его, что было запрещено расомъ подъ страхомъ строгаго наказанія. Попадались преимущественно галласы, абиссинцы же постились и мяса не ѣли. Виновныхъ наказывали 10 ударами жирафа, подобно пистолетнымъ выстрѣламъ раздававшимися по лагерю, подъ жалобные вопли. Одного солдата, уличеннаго въ томъ, что онъ, не будучи къ этому вынужденъ, хотѣлъ убить туземца и выстрѣлилъ въ него изъ ружья, наказали 40 ударами. Счастье для него, что онъ промахнулся: иначе онъ былъ бы, навѣрное, казненъ.

Въ промежуткахъ между дѣлами бесѣдовали, вспоминали

интересную быль или просто острили другъ надъ другомъ. Какъ во всякой товарищеской средѣ, и здѣсь были свои присяжные остряки, среди которыхъ въ особенности отличался одинъ каніазмачъ. Я забылъ его настоящее имя, но всѣ звали его — каніазмачъ Янье-Уададжъ (мой другъ), потому что онъ всѣхъ такъ называлъ. Годжамецъ родомъ, сухой, съ замѣчательно комичнымъ лицомъ, съ маленькой торчащей бородкой и съ такими длинными ногами, что когда онъ ѣхалъ на своемъ маленькомъ мулѣ, онѣ у него волочились, казалось, по самой землѣ, онъ всегда былъ веселъ, безпрестанно острилъ, поднимая на смѣхъ то одного, то другого изъ товарищей и вызывая дружный взрывъ хохота.

Играли съ большимъ азартомъ въ „гебету" или разсматривали въ подзорную трубу окружающія горы. У раса было двѣ трубы, которыя онъ бралъ съ собой всюду, и смотрѣть въ нихъ было его любимѣйшимъ занятіемъ. (Впрочемъ, подзорная труба составляетъ одинъ изъ аттрибутовъ всякаго абиссинскаго вождя, и на своихъ картинкахъ абиссинцы изображаютъ военно-начальника во время боя стоящимъ на холмѣ и глядящимъ въ подзорную трубу). Сначала смотрѣлъ въ трубу самъ главнокомандующій, затѣмъ она переходила отъ одного къ другому, и маленькіе пажи съ нетерпѣніемъ ждали того момента, когда и имъ, наконецъ, удастся взглянуть. Расъ зналъ всѣ тонкости устройства трубы и съ особой любовью и даже нѣкоторой гордостью разбиралъ и протиралъ не только свои трубы, но и трубы своихъ офицеровъ.

Гебета занимала большую часть нашего свободнаго времени, и я къ ней, въ концѣ концовъ, очень пристрастился*). Мы цѣлыми часами съ увлеченіемъ просиживали надъ доской. Всѣ присутствующіе принимали въ игрѣ живѣйшее участіе, и всякая субординація въ это время исчезала. Главнокомандующій со своими партнерами лежали животами надъ доской и иногда съ азартомъ спорили. Самый лучшій игрокъ и неизмѣнный партнеръ раса былъ его ашкеръ—носитель его зонтика.

Когда вечерѣло, ковры убирались, и мы становились на

---

*) Гебета очень распространенная игра въ Абиссиніи. Состоитъ она въ томъ, что каждому изъ партнеровъ предоставляется ямочка, выдолбленная въ доскѣ или просто вырытая въ землѣ. (Всѣхъ ямо-

молитву. Затѣмъ расъ приглашалъ меня въ свой небольшой, уютный домикъ, угощалъ меня скуднымъ ужиномъ и графинчикомъ разбавленнаго водой тэджа или рюмочкой самодѣльной водки. Самъ онъ во время Великаго поста не ужиналъ и ѣлъ только одинъ разъ въ сутки, послѣ полдня, дѣлая исключенія изъ этого правила лишь въ воскресные дни. Даже рыбы въ Великомъ посту онъ не ѣлъ.

Домикъ раса раздѣлялся на двѣ половины: въ первой—помѣщалась его кровать, во второй — стояли два его боевыхъ коня и два мула. Лошади были знаменитыя, одна сѣрая, — извѣстный Соугудъ, другая—караковая. Абиссинцы очень суевѣрны и различаютъ счастливыхъ и несчастливыхъ лошадей. Оба эти коня были счастливые. Соугудъ, — буцефалъ Вальде-Георгиса, принадлежалъ раньше Менелику и считался дикимъ; но расъ, по словамъ приближенныхъ, выпросилъ его себѣ у Императора и совершенно укротилъ. Когда расъ выѣхалъ на Соугудѣ во время битвы при Эмбабо*), ему посчастливилось взять въ этотъ день въ плѣнъ 35 человѣкъ, послѣ чего конь сталъ главнымъ „Cheval de bataille“ раса и сопровождалъ его во всѣхъ походахъ. Караковый конь былъ также въ почетѣ; на немъ расъ воевалъ съ Гому и съ него убилъ въ одинъ день три носорога.

Наша довольно продолжительная стоянка имѣла благія послѣдствія. Туземцы, видя, что сильные пришельцы не уходятъ, а построили себѣ дома и по всѣмъ признакамъ остаются, рѣшили, что волей-неволей придется покориться, и 1-го

чекъ 12). Въ каждую ямку кладутъ сначала по 4 шарика или камешка. Начинающій беретъ всѣ шарики изъ одной изъ своихъ ямокъ и раскладываетъ ихъ по одному по очереди съ права налѣво въ слѣдующія. Изъ той, на которую пришелся послѣдній шарикъ, онъ вынимаетъ всѣ лежащіе тамъ шарики и продолжаетъ такъ до тѣхъ поръ, пока послѣдній шарикъ придется или на пустую ямку, или на ту, гдѣ лежатъ три шарика. Въ послѣднемъ случаѣ, т. е. когда шарикъ прибавляется къ тремъ уже находящимся въ ямкѣ, всѣ 4 шарика вынимаются изъ игры и переходятъ въ собственность того, кто ихъ раскладывалъ. Когда всѣ шарики разобраны, игру начинаютъ вновь, причемъ каждый заполняетъ столько ямокъ, сколько у него шариковъ, считая по 4 шар. на ямку. Игра ведется до тѣхъ поръ, пока у кого-нибудь не остается больше ни одного шарика. Меня очень удивило, что въ Касси нашлась необходимая для этой игры доска.

*) Битва при Эмбабо въ 1886 г. во время войны Менелика съ негусомъ Годжамскимъ.

Марта пришла первая депутація отъ земли Дука съ изъявленіемъ покорности. Во главѣ ея прибылъ князекъ старикъ Мурута-Бабусъ и принесъ въ даръ расу большой слоновый клыкъ. Мурута оказался для насъ очень счастливой находкой, такъ какъ, будучи изъ той же народности, что и Геру, зналъ въ то же время и языкъ Шуро и могъ служить переводчикомъ. Это обстоятельство выводило насъ изъ того безпомощнаго состоянія, въ которомъ мы находились до сихъ поръ, не имѣя возможности объясниться съ покоряемымъ народомъ. Муруту-Бабуса обласкали, одарили, одѣли въ красный шерстяной плащъ и оставили при отрядѣ переводчикомъ, заковавъ его на всякій случай въ кандалы, чтобы онъ не удралъ, какъ Кира. Ему обѣщали, если онъ будетъ вѣрно служить намъ, сдѣлать впослѣдствіи главнымъ правителемъ всѣхъ этихъ земель.

Теперь мы могли разговаривать съ горцами, но намъ недоставало еще другого переводчика, который бы зналъ языкъ плѣннаго Джуфы, но на слѣдующій день и онъ отыскался. Жители земли Канта, одноплеменные съ Беру, пришли тоже съ изъявленіемъ покорности, и одинъ изъ нихъ зналъ языкъ Джуфы. Явилась депутація и отъ жителей ближайшей горы Дами, родственные Касси, Беру, Колу и Дука. Это были замѣчательно крупные и рослые люди. Ихъ царекъ былъ ростомъ въ два аршина и 12 вершковъ. Татуировка у нихъ глубже и больше, чѣмъ у другихъ соплеменниковъ, украшенія тѣ же.

Обласкавъ и одаривъ пришедшихъ, расъ отпустилъ ихъ, передавъ черезъ Муруту-Бабуса, чтобы они извѣстили всѣ окружающія племена о томъ, что абиссинцевъ бояться нечего, что зла они никому не дѣлаютъ, а требуютъ только покорности.

Произведенный въ тотъ же день допросъ всѣмъ плѣннымъ далъ намъ нѣкоторыя свѣдѣнія, о пребываніи здѣсь и итальянской экспедиціи, и о впереди лежащей мѣстности.

„Гучумба“,—какъ называлъ европейцевъ Джуфа,—пришли по его словамъ, съ юго-востока, но откуда именно—онъ не знаетъ. Они разбили бивакъ рядомъ съ селеніемъ Джуфы и пробыли тутъ нѣсколько дней, требуя, подъ угрозой дѣйствія своимъ огнедышащимъ оружіемъ,—безвозмездной доставки хлѣба, а затѣмъ ушли на сѣверо-западъ. Словомъ,

„Гучумба“, какъ оказалось впослѣдствіи, называли европейцевъ всѣ племена отсюда до самаго озера Рудольфа. „Гучумба“ дословно значитъ—бродяги.

Джуфа повѣдалъ намъ также, что зналъ относительно мѣстности, лежащей къ югу и западу. Мену или Меунъ, богатая хлѣбомъ область, находилась, по его словамъ, на западѣ, въ трехъ четырехъ дняхъ пути. Другая хлѣбородная земля—Мурле, лежащая гдѣ-то на югѣ, была далеко, и дороги къ ней онъ не зналъ. (Эта страна, какъ потомъ оказалось, расположена на берегу р. Омо, у ея устья). Джуфа ничего не слышалъ о существованіи большого озера на югѣ, но ему извѣстно было другое, въ нѣсколькихъ дняхъ пути къ сѣв. зап., въ которое впадала рѣка Кори. Онъ называлъ это озеро Кій и соглашался быть нашимъ проводникомъ, говоря, что по дорогѣ къ нему есть богатая хлѣбомъ земля, самые же берега озера, по его словамъ, не имѣютъ осѣдлаго населенія, и по нимъ скитаются лишь дикіе охотники, вооруженные луками и стрѣлами. Я спросилъ, какой они народности; и знаетъ ли Джуфа ихъ языкъ. „Всѣ они—Иденичъ“,—отвѣтилъ Джуфа, и Габро-Маріамъ, передавая мнѣ это, съ презрѣніемъ отвернулся отъ допрашиваемаго; то же сдѣлали и Мурута-Бабусъ и Канта. Меня удивило это презрительное отношеніе дикарей къ дикарямъ же и я просилъ объяснить мнѣ, что такое иденичъ. „Не людскія дѣти!“—сказалъ Габро-Маріамъ. Они—дикіе звѣри, ѣдятъ мясо и слоновъ, и ящерицъ, хлѣба совсѣмъ почти не сѣютъ. Они „уату“—добавилъ, наконецъ, Габро-Маріамъ, съ отвращеніемъ при этомъ сплюнувъ. Уату—паріи Абиссиніи, презираемые всѣмъ остальнымъ населеніемъ Эфіопіи. Они представляютъ изъ себя, вѣроятно, остатокъ какого то племени, принадлежавшаго къ низшей расѣ. Обитаютъ уату въ густыхъ лѣсахъ и низменныхъ нездоровыхъ долинахъ рѣкъ, занимаются преимущественно охотой, убиваютъ гиппопотамовъ, изъ кожи которыхъ дѣлаютъ распространенные во всей Абиссиніи

Колчанъ Иденичъ.

Лукъ и стрѣла Иденичъ.

кнуты „аланча“ и щиты, мясо же употребляютъ въ пищу, какъ иденичъ, не брезгая вообще никакимъ мясомъ. Я видалъ въ Абиссиніи нѣсколькихъ уату и нашелъ, что по внѣшности они имѣютъ много общаго съ Джуфой и тѣми соплеменниками его, съ которыми я потомъ познакомился: такъ же некрасивы и неопредѣленны черты ихъ лица, такое же тупое выраженіе глазъ. Можетъ быть, уату и иденичъ принадлежатъ къ одной и той же расѣ и являются сѣверными и южными представителями ея, причемъ въ этихъ маловодныхъ пустыняхъ и густыхъ лѣсахъ они сохранились, менѣе всего смѣшавшись съ другими племенами?..

Плато къ югу отъ главнаго хребта заселено кочевниками иденичъ, которые въ ближайшихъ къ горамъ мѣстностямъ живутъ болѣе осѣдло и занимаются хлѣбопашествомъ. Встрѣчалъ я ихъ и въ лѣсахъ на берегу р. Омо, гдѣ главное ихъ занятіе составляли охота и рыбная ловля. Вездѣ они были одинаково презираемы другими племенами, не иденичъ. Говорятъ они въ этой мѣстности на языкѣ, близкомъ къ языку Шуро, Бога называютъ Тума, но имѣютъ о немъ самое смутное представленіе, жертвъ не приносятъ никакихъ. Отличительной чертой этого племени служитъ выбиванье переднихъ нижнихъ рѣзцевъ, уродованье женщинъ и употребленіе въ пищу всякаго мяса. Я не имѣлъ возможности выяснить цѣль обезображиванія: можетъ быть, они это считаютъ красивымъ или дѣлаютъ для того, чтобы отнять охоту у храбрыхъ сосѣдей отбивать ихъ женъ?..

Бусы изъ бобовъ, пл. Иденичъ.

На основаніи показаній Джуфы былъ принятъ слѣдующій планъ дѣйствія: 4-го Марта (3-го былъ большой абиссинскій праздникъ) расъ съ отборнымъ отрядомъ выступаетъ на западъ; мы слѣдуемъ внизъ по теченію р. Кори до впаденія ея въ озеро, если таковое дѣйствительно есть, а оттуда избираемъ себѣ путь на югъ или юго-западъ, черезъ Мену или другую хлѣбную область,—какая попадется на пути.

Во время стоянки въ Колу мнѣ пришлось наблюдать довольно необычайное метеорологическое явленіе: каждый вечеръ, передъ заходомъ солнца, на безоблачномъ небѣ появлялись съ западной стороны маленькія тучки; часовъ около

девяти подымался въ горахъ сильнѣйшій шумъ, возвѣщавшій о приближающемся ураганѣ, который, наконецъ, налеталъ на насъ съ страшной силой, нѣсколькими порывами, и сопровождался дождемъ; къ полуночи все стихало. Первый разъ произошло это явленіе въ ночь на 15 Февраля и съ тѣхъ поръ повторялось ежедневно, только съ разной силой, въ зависимости отъ высоты мѣстности. Спустившись 20—21 Февраля на плато въ Бенеманѣ, я больше не замѣчалъ ураганов, но затѣмъ въ Колу они стали повторяться съ еще большей силой, такъ что сносили наши палатки. Первый разъ испыталъ я такую непріятную исторію 26 Февраля. Мы не подозрѣвали надвигающейся бѣды и спокойно улеглись спать. На маленькомъ столикѣ, рядомъ съ моей кроватью лежала раскрытая записная книжка и барометръ; въ ваннѣ мокли фотографическіе отпечатки.

Часовъ около 9 вечера вдали зашумѣло въ горахъ, земля какъ бы задрожала, и налетѣвшій первый страшный порывъ вѣтра сорвалъ съ колышковъ края палатки, поднялъ, какъ перышко, столикъ и перекинулъ его черезъ мою постель. Слѣдующій порывъ, еще болѣе сильный, вынесъ внутренній столбъ палатки, который упалъ своимъ нижнимъ концомъ мнѣ на голову, а палатка прикрыла насъ съ Зелепукинымъ. Нѣсколько уцѣлѣвшихъ веревокъ не давали еще ей улетѣть, и она билась о землю, какъ подстрѣленная птица, то подымалась отъ вѣтра, то снова хлопалась, и громко раздавались удары ея краевъ. Какъ ни жутко было въ эту минуту, но о томъ, чтобы созвать слугъ и вновь поставить палатку, нечего было и думать; оставалось только лежать подъ буркой, защищая себѣ голову руками отъ ушиба, и ждать, что будетъ дальше. Когда стихало, намокшая крыша придавливала насъ, образуя какъ бы сплошной согрѣвающій компрессъ, подъ которымъ мы задыхались отъ духоты. Во время затишій, мы съ Зелепукинымъ старались дать себѣ отчетъ въ происшедшихъ аваріяхъ.

— „Что, Зелепукинъ, тебя не пришибло?"—спрашивалъ я его. Никакъ нѣтъ!—„Гдѣ ранецъ (съ документами), около тебя?"—„Около меня."—„А инструментъ (теодолитъ)?—„Тоже, Ваше Высокоблагородіе, здѣсь."—„А гдѣ фотографія?" „Она на столѣ лежала."—Фотографіи нѣтъ: ее унесло вмѣстѣ со столомъ, а барометръ я успѣлъ спрятать подъ бурку. На-

летѣвшій въ этотъ моментъ новый порывъ вѣтра заглушилъ нашъ разговоръ.

На слѣдующій день я съ вечера принялъ мѣры для укрѣпленія палатки, но мои старанія оказались напрасными, и ее снова снесло. На третій день я окружилъ ее заборомъ— опять снесло, и только, когда колья глубоко вбили въ землю, прикрѣпили къ нимъ двойныя веревки и обтянули всю палатку по серединѣ длиннымъ вьючнымъ ремнемъ, чтобы полы были натянуты, она устояла. Наученные опытомъ, мы принимали на ночь предосторожности, какъ на кораблѣ въ ожиданіи бури, и когда солнце заходило, отдавали приказъ укрѣплять снасти. Все, что только могло промокнуть или быть унесеннымъ вѣтромъ, складывалось во вьюки; ружья прятали подъ брезентъ. Затѣмъ мы ложились и ожидали урагана, съ тревогой думая, снесетъ или не снесетъ палатку.

VII.

Отъ Колу къ озеру Рудольфа.

4-го Марта. Въ $5^1/_2$ час. утра отборный отрядъ въ 5664 человѣка, подъ начальствомъ раса Вальде-Георгиса, покинулъ крѣпостцу Колу. Я сопровождалъ его.

Такъ какъ мы выступили на-легкѣ, я взялъ только 11 ашкеровъ и нѣсколько вьючныхъ муловъ. Зелепукинъ былъ, конечно, со мной.

Передъ выступленіемъ меня осадили остававшіеся въ Колу больные и раненые, прося дать лекарство про запасъ. Тяжело раненый, съ пробитой насквозь грудью, былъ въ отчаяніи, говоря, что теперь онъ остается безъ помощи и, навѣрное, умретъ.

Наконецъ, мы тронулись.

Передъ расомъ вели всѣхъ четырехъ переводчиковъ. Старикъ Мурута-Бабусъ въ пожалованномъ ему красномъ плащѣ ѣхалъ верхомъ. Ноги черезчуръ длинныя безпомощно болтались, такъ какъ онъ не могъ упереть ихъ въ короткія стремена. Джуфа бодро бѣжалъ впереди и велъ отрядъ. По крутому, усыпанному камнями скату, спустились мы къ рѣкѣ

очень тихое—не болѣе 4-хъ верстъ въ часъ; ширина рѣки 40—60 шаговъ.

Мы стали бивакомъ немного ниже сліянія Меру и Кори, и я отправился, въ сопровожденіи своего оруженосца, къ небольшой скалистой вершинкѣ, виднѣвшейся верстахъ въ семи отъ бивака, и, измученный труднымъ подъемомъ при палящемъ знoѣ, обливаясь пòтомъ, я взобрался на нее.

За мой трудъ я былъ вознагражденъ чуднымъ видомъ и далекимъ кругозоромъ, который отсюда открывался. На сѣверо-востокѣ возвышался, въ видѣ громадной гряды, скрывавшейся въ дымкѣ горизонта, хребетъ, который мы недавно покинули. На сѣверъ, насколько хваталъ глазъ, тянулась низменная долина р. Кори, и линіи горныхъ отроговъ, справа и слѣва отъ нея, обозначали впадавшіе въ нее притоки. На одномъ изъ этихъ отроговъ возвышалась гора Джаша, у подножія которой мы стояли бивакомъ 10—12 Февраля, а за ней виднѣлась долина рѣки Себелиму, впадавшей въ Кори.

Здѣсь должны были, очевидно, соединиться всѣ стекавшія съ западныхъ склоновъ пройденнаго нами хребта рѣчки и образовать многоводный Собатъ, или Джубу, граничащую на западѣ съ Абиссинскими владѣніями. Находящійся на востокѣ хребетъ составляетъ водораздѣлъ рѣкъ Омо и Собата,—что, несомнѣнно, разрушаетъ существовавшее раньше предположеніе, будто р. Омо впадаетъ въ Собатъ, огибая Каффскія горы съ юга и минуя оз. Рудольфа. Антуанъ д'Абади, покойный президентъ парижскаго географическаго общества, впервые сдѣлалъ такое предположеніе, нашедшее многихъ сторонниковъ среди лицъ, интересовавшихся этимъ вопросомъ. Въ числѣ ихъ были, между прочимъ, Императоръ Менеликъ и его приближенные европейцы. Графъ Телеки и Хенель, открывшіе оз. Рудольфа, найдя у сѣверной его оконечности устье большой рѣки, впервые высказали мысль, что это и есть рѣка Омо. Утвержденія ихъ были пока довольно голословны и вскорѣ были опровергнуты Дональдсономъ Смитомъ, поднявшимся на нѣсколько десятковъ верстъ вверхъ по рѣкѣ. Онъ принялъ, впрочемъ, за главную рѣку одинъ изъ ея притоковъ и, въ виду его маловодности, подтверждалъ впервые допущенную д'Абади гипотезу. Ботего удостовѣрилъ своимъ путешествіемъ, что Омо впадаетъ въ оз. Рудольфа, но труды этой экспедиціи были ко вре-

мени моего путешествія еще не разработаны и мнѣ неизвѣстны.

Отправляясь въ нынѣшнее путешествіе, я вмѣстѣ съ большинствомъ держался того мнѣнія, что р. Омо огибаетъ Каффскія горы на югѣ, и есть ничто иное, какъ начало рѣки Собата, впадающаго въ Нилъ. 28 Января, когда съ горы Бока я увидѣлъ далеко на югъ тянущійся изъ Каффы хребетъ, не значившійся до того еще ни на одной картѣ, во мнѣ зародилось первое сомнѣніе въ справедливости этого предположенія. Теперь же оно было окончательно опровергнуто. Открытый мною хребетъ раздѣлялъ бассейны Омо и Собата и отгонялъ воды своихъ западныхъ склоновъ отъ ихъ естественнаго, казалось бы, бассейна оз. Рудольфа,—въ далекій Нилъ и Средиземное море. Хребетъ этотъ названъ съ ВЫСОЧАЙШАГО разрѣшенія и съ согласія Императора Менелика „Хребтомъ Николая II" *).

Но куда же могло исчезнуть озеро, про которое я слыхалъ изъ трехъ совершенно различныхъ источниковъ? Еще въ г. Андрачи туземцы Бенешо говорили мнѣ, что на юго-западѣ отъ нихъ есть какое-то озеро Бошо, въ которое впадаютъ ихъ главныя рѣки. Проводница Белемуса говорила, что на западѣ есть какое-то озеро съ горячей водой, на берегахъ котораго ея соплеменники добываютъ соль и, нако-

*) **Въ № 195 „Русскаго Инвалида" за 1899 г. напечатано:** путешествовавшему по Абиссиніи л.-гв. Гусарскаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка штабсъ-ротмистру Булатовичу удалось, благодаря участію его въ началѣ 1898 года въ одной изъ экспедицій абиссинцевъ въ южныя области центральной Африки, пройти черезъ еще совершенно неизвѣстныя европейцамъ страны и открыть высящійся по западному берегу р. Омо большой хребетъ горъ, простирающійся на нѣсколько сотъ верстъ съ сѣвера на югъ.

До сего времени существованіе этого хребта не было извѣстно для науки. Предполагалось, что къ западу отъ р. Омо существуетъ горная возвышенность, но это не было еще удостовѣрено. Предшествовавшими изслѣдователями (Кіарини, Чеки и монсиньоръ Массая) были пройдены и обслѣдованы лишь сѣверные отроги этого хребта. Путешественники, открывшіе и изслѣдовавшіе озеро Рудольфа (графъ Телеки, Хенель, Дональдсонъ Смитъ, экспедиціи 1896 года Ботего и 1897 года Кавендиша), пролили много свѣта на совершенно неизвѣстную еще для географіи часть средней Африки; тѣмъ не менѣе значительное пространство, находящееся между 7° сѣв. шир. и озеромъ Рудольфа и между рр. Омо и Ниломъ, оставалось еще совершенно неизслѣдован-

нецъ-иденичъ Джуфа показывалъ на сѣверо-западъ и опредѣленно говорилъ, что тамъ есть озеро Кій, на берегахъ котораго бродятъ дикіе, вооруженные луками и стрѣлами, охотники.

Если озеро дѣйствительно существуетъ, то оно должно находиться въ этой низменной, покрытой туманомъ, долинѣ рѣки, въ чемъ меня убѣждала, кромѣ показаній туземцевъ,

---

нымъ. Первымъ европейцемъ, прошедшимъ черезъ часть этихъ областей и открывшимъ здѣсь громадный горный хребетъ, оказался штабсъ-ротмистръ Булатовичъ. Впервые онъ перевалилъ черезъ сѣверные отроги хребта въ ноябрѣ 1896 года. Подробное же обслѣдованіе всего хребта, на всемъ его протяженіи, было имъ произведено въ періодъ времени съ 24-го января по 23-е апрѣля 1898 года. Во все время этого своего путешествія штабсъ-ротмистръ Булатовичъ пользовался всякимъ случаемъ производить точныя астрономическія наблюденія, а наряду съ этимъ дѣлалъ подробную маршрутную съемку. Всего вычислено астрономическое положеніе 13 точекъ и составлена подробная карта путешествія.

Вернувшись изъ своего путешествія въ Россію, штабсъ-ротмистръ Булатовичъ, какъ имѣющій право перваго открытія, а потому и наименованія упомянутаго громаднаго хребта, повергнулъ къ стопамъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА всеподданнѣйшую просьбу разрѣшить именовать вновь открытый хребетъ Именемъ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II.

Съ своей стороны, негусъ Менеликъ выразилъ въ письмѣ на имя начальника чрезвычайной миссіи нашей въ Адисъ-Абабѣ желаніе о присвоеніи горному хребту, открытому штабсъ-ротмистромъ Булатовичемъ, наименованія ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО соизволилъ дать СВОЕ согласіе на присвоеніе означенному хребту СВОЕГО Державнаго Имени.

Итакъ, отнынѣ въ центрѣ Африки выдающаяся по своему географическому положенію мѣстность, представляющая громадный горный массивъ, служащій водораздѣломъ главнѣйшихъ рѣкъ этой части свѣта, носитъ Великое Имя ГОСУДАРЯ, благорасположеннаго и покровительствующаго государству, во владѣніи котораго она находится.

Хребетъ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II находится между 8° 30′ с. ш. и 36° 30′ в. д. и 6° с. ш. и 36° 30′ в. д. На сѣверѣ онъ расходится нѣсколькими хребтами, составляющими водораздѣлы рѣкъ Гибье, Гибье-Энарза, Гибье-Каке, Дидессы, Добана, Габы и Баро.

Главный хребетъ, тянущійся вдоль теченія рѣки Омо, составляетъ водораздѣлъ двухъ громадныхъ басейновъ: Омо и оз. Рудольфа съ одной стороны—и р. Джубы или Собата, слѣдовательно, Бѣлаго Нила и Средиземнаго моря, съ другой.

Отстоя въ средней части всего на 30—40 верстъ отъ теченія рѣки Омо, онъ возвышается надъ послѣдней на 1,000—1,500 метровъ, и воды

еще высота рѣки надъ уровнемъ моря, достигавшая всего 700 метр. При весьма маломъ паденіи и очень медленномъ теченіи, рѣкѣ предстояло пройти громадное разстояніе раньше, чѣмъ соединиться съ Ниломъ.

Главная цѣль нашего похода была на югѣ, и поэтому я, къ сожалѣнію, не имѣлъ возможности удостовѣриться въ справедливости моихъ предположеній.

его западныхъ склоновъ, находясь такъ близко отъ естественнаго, казалось бы, басейна, отгоняются имъ на десятокъ тысячъ верстъ къ далекому Средиземному морю.

Средняя высота хребта надъ уровнемъ моря—2,000 метр. Наиболѣе возвышена его сѣверная часть, гдѣ отдѣльныя вершины Тулу-Жиренъ, Джимаянгечъ, Бача-али-кела и Гида достигаютъ свыше 3,000 метровъ. Вершины Бонга-беке, Бока, Уйта, Шаши, Сай, Кароитъ, Джаша достигаютъ высоты 2,500 метр. надъ уровнемъ моря.

Горный хребетъ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II не носитъ на себѣ слѣдовъ вулканическаго происхожденія, которому обязана большая часть горъ эѳіопскаго нагорія. Онъ представляетъ изъ себя систему однообразныхъ ровныхъ горбовъ съ рѣдкими холмообразными вершинами.

Изъ горныхъ породъ встрѣчаются песчаники, граниты и гнейсы. Изъ металловъ туземцы добываютъ только желѣзо и мѣдь. Въ виду часто встрѣчающихся жилъ кварца, есть основаніе думать, что тщательное геологическое изслѣдованіе открыло бы въ немъ и другіе минералы.

Воды, стекающія съ этого хребта, образуютъ слѣдующія рѣки: съ восточныхъ скатовъ спускаются въ рѣку Гибье, которая зарождается въ горахъ Гудеру, рѣки Гибье-Энарза и Гибье-Каке. По сліяніи этихъ рѣкъ она называется Омо; далѣе къ югу въ нее впадаютъ рр. Годжебъ и Гуми, и по сліяніи съ послѣдней она называется Шорумъ; еще далѣе въ нее впадаетъ рѣка Кибишъ, и отсюда рѣка называется Уаръ. Устье этой многоименной рѣки при впаденіи ея въ озеро Рудольфа называется Нянямъ.

Съ западныхъ скатовъ хребта текутъ рѣки Баро, Мена, Бако, Килу, Себелиму, Чому и Кори, которыя, соединившись, образуютъ Собатъ и впадаютъ въ Нилъ.

Строеніе этого хребта различно въ восточной и въ западной его части. Восточные скаты очень круты и обрывисты, а рѣчки, стекающія съ нихъ, представляютъ изъ себя, большею частью, быстрые горные потоки. Западные склоны пологи, понижаются очень постепенно, и рѣки этихъ склоновъ текутъ гораздо медленнѣе.

Климатическое значеніе этого хребта весьма велико. Находясь вблизи отъ экватора и, слѣдовательно, въ области двухъ пассатовъ, значительно возвышаясь надъ остальной мѣстностью, онъ привлекаетъ къ себѣ наибольшее количество дождевыхъ облаковъ, при этомъ наи-

Возвращаясь на бивакъ, я увидѣлъ толпу народа, окружавшую мою палатку. Ждали моего возвращенія. Оказалось, что принесли только что покусаннаго крокодиломъ солдата, и раненый былъ такъ перепуганъ, что лицо его казалось зеленоватымъ. Онъ купался вмѣстѣ съ товарищами, и крокодилъ, схвативъ его пастью поперекъ всего тѣла, потащилъ подъ воду. При видѣ этого, солдаты подняли крикъ, и крокодилъ выпустилъ свою жертву. На плечахъ и на груди у солдата было 12 глубокихъ ранъ, нанесенныхъ какъ будто острыми зубцами пилы. Раненый жаловался на то,

---

большая часть дождей приходится на его восточные склоны. Въ климатическомъ отношеніи хребетъ раздѣляется на три пояса. Наиболѣе влажна средняя часть хребта, на которой расположена Кафа, и она въ то же самое время самая возвышенная. Благодаря обилію влаги и ровности температуры, почва Кафы отличается своимъ плодородіемъ. Большая часть площади Кафы покрыта густыми лѣсами, въ которыхъ деревья достигаютъ гигантскихъ размѣровъ. Въ большомъ изобиліи встрѣчается кофейное дерево, встрѣчающееся въ дикомъ видѣ только въ этой части Абиссиніи. Въ Кафѣ бываютъ два дождевыхъ періода: одинъ въ февралѣ—мартѣ, другой въ іюнѣ, іюлѣ, августѣ.

Сѣверная часть хребта, хотя тоже отличается влажнымъ климатомъ, но въ ней бываетъ только одинъ дождевой періодъ, въ іюнѣ, іюлѣ, августѣ, весенняго же періода, такого какъ въ Кафѣ, тутъ не бываетъ.

Южная часть хребта отличается еще болѣе сухимъ климатомъ. Здѣсь выпадаютъ дожди и во время весенняго, и во время лѣтняго періодовъ, но въ гораздо меньшемъ количествѣ.

Климатъ находящагося къ югу отъ хребта плато очень сухъ. Дожди выпадаютъ тутъ весьма рѣдко, и рѣки представляютъ изъ себя сухія каменистыя русла, въ которыхъ вода держится только въ рѣдкихъ ямахъ. Растительность здѣсь очень бѣдна, почва скалиста и усыпана обломками горныхъ породъ.

Племена, поселенныя на этомъ хребтѣ, принадлежатъ къ шести отдѣльнымъ этнографическимъ группамъ и говорятъ различными языками.

Сѣверная оконечность населена Галласами-Оромо. Они раздѣляются на нѣсколько самостоятельныхъ государствъ: Гума, Гомо, Гера, Джима, которыя въ настоящее время завоеваны абиссинцами, и только послѣдняя сохранила свою условную самостоятельность.

Среднюю часть хребта занимаетъ Кафа, населенная племенемъ семитическаго происхожденія. Кафа въ недалекомъ прошломъ представляла изъ себя сильную, богатую и обширную южно-эфіопскую имперію. Въ 1897 году она была покорена и присоединена къ Абиссиніи.

Восточные скаты хребта, пограничные съ Кафой, населены пле-

что у него болитъ сердце, и думалъ, что укусъ крокодила ядовитъ. Я зашилъ ему раны и наложилъ 32 шва. (Черезъ нѣсколько дней онъ выздоровѣлъ). Въ этомъ мѣстѣ рѣки довольно много крокодиловъ. Одинъ изъ нашихъ солдатъ погибъ во время купанья, и мы послѣ этого не рѣшались больше купаться.

7 ***Марта.*** Отрядъ двинулся на юго-западъ по направленію къ Мену. Ведутъ насъ два иденича, которыхъ мы взяли въ плѣнъ 5-го Марта. Степь, по которой мы идемъ, изобилуетъ дичью; иногда изъ подъ ногъ вырываются дикія козы и, какъ сумасшедшія, скачутъ вдоль всей нашей колонны. Я убилъ одну

менами Сидамо, составляющими государства: Куло, Конту, которыя въ настоящее время покорены абиссинцами.

Къ югу отъ Кафы живутъ племена Гимиро, раздѣленныя на маленькія, зависимыя отъ Кафы, государства: Шаро, Шево, Бенешо, Яйна, Дука и Каба. Племя это, вѣроятно, есть смѣсь сидамо и кафцевъ съ неграми.

Къ югу отъ Гимиро находятся негрскія племена Шуро, которыя, вѣроятно, родственны принильскимъ Шилукамъ.

Юго-западная оконечность хребта населена племенемъ, которое по типу, языку и быту совершенно отлично отъ негровъ и походитъ на племена Сидамо. Имѣются нѣкоторыя основанія предположить, что эти племена представляютъ изъ себя уцѣлѣвшій остатокъ первобытныхъ обитателей эфіопскаго нагорія, которые, смѣшавшись съ семитами, образовали нынѣ обитающія въ Эфіопіи племена.

Плато, находящееся къ югу отъ хребта, населено номадами Иденичъ, которые, вѣроятно, родственны съ неграми Шуро, но находятся въ болѣе дикомъ состояніи.

Племена эти находятся на самыхъ различныхъ степеняхъ культуры. Наиболѣе развиты кафцы. Они составляютъ изъ себя отдѣльное государство, живутъ уже въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ политической жизнью, раздѣляются на сословія. Наименѣе же развиты племена Иденичъ, это названіе значитъ въ переводѣ „сыны не людей", причемъ это имя дано имъ ихъ же собратіями, дикарями.

О различіи этихъ этнографическихъ группъ свидѣтельствуетъ разное именованіе ими божества. Галласы-Оромо называютъ Бога Уакъ; кафцы—Іеръ; Сидамо—Тоса; Гимиро—Кій; Шуро и Иденичъ—Тума, а первобытные обитатели эфіопскаго нагорья называютъ Бога—Даду.

Хребетъ, будучи населенъ на всемъ своемъ протяженіи разнообразными племенами, раздѣленными на множество маленькихъ самостоятельныхъ государствъ, не имѣетъ особаго принадлежащаго ему названія. Каждое изъ этихъ государствъ носитъ названіе обитаемой ими мѣстности, но общаго названія для всего хребта не существуетъ.

Отнынѣ таковымъ названіемъ является наименованіе его **„Хребтомъ Императора Николая II"**.

большую газель. Величиной она была съ небольшого быка, а скакала съ легкостью серны длиннымъ широкимъ махомъ кровной скаковой лошади. Шерсть на ней была свѣтло-желтая, морда бычачья и такой же хвостъ, рога витые, довольно прямые. Я отрубилъ шашкой одну изъ заднихъ ногъ газели и, взваливъ ее на плечи оруженосцу, отправился догонять отрядъ, ушедшій пока я охотился, далеко впередъ.

Около 11 час. дня мы нашли воду въ руслѣ пересохшей рѣки, выкапывая въ пескѣ ямки. Отсюда мѣстность стала подниматься. Мы перевалили черезъ нѣсколько горныхъ отроговъ и, наконецъ, около 3-хъ час. дня вступили въ первое поселеніе Мену. Дома здѣсь расположены группами и каждый хуторокъ окруженъ невысокимъ заборомъ, промежутки засѣяны машеллой и кукурузой; въ долинахъ паслись стада козъ и барановъ. Жители разбѣжались при нашемъ приближеніи. Солдаты разсыпались по усадьбамъ въ поискахъ за мукой и зерномъ, пополняя истощившійся за эти дни запасъ продовольствія. Нѣсколько туземцевъ попались въ плѣнъ, и ихъ привели къ расу для снятія допроса. Они принадлежали къ племени иденичъ, тому же что и Джуфа, и ни по типу, ни по языку не отличались отъ нихъ, только женщины были не такъ обезображены, и нижняя губа у нихъ, хотя и проткнутая, не была такъ широко прорѣзана, какъ у женщинъ земли Бенемане.

Женская одежда племени Мену.

Въ числѣ плѣнныхъ находился и царекъ этой мѣстности— Бесела, большой, дряхлый старикъ, одѣтый въ накинутую черезъ плечо бычачью шкуру и съ тяжелыми желѣзными браслетами на рукахъ. Окружающая мѣстность была ему совершенно неизвѣстна, и онъ никогда не слыхалъ про озеро на сѣверо-западѣ или на юго-востокѣ. Далѣе къ югу мѣстность была, по его словамъ, совершенно пустынна, и люди тамъ не жили. Когда его спросили, видалъ ли онъ когда нибудь европейцевъ—гучумба, то онъ, къ нашему большому удивленію, отвѣтилъ что они находятся совсѣмъ недалеко отъ насъ, на южныхъ границахъ его земли. Плѣнныя жен-

щины тоже видали ихъ, а одна только вчера возвратилась оттуда, вымѣнявъ муки на нитку бусъ. На вопросъ, сколько среди нихъ бѣлыхъ людей, они сказали, что всѣ бѣлые,—вѣроятно, потому, что всѣ одѣты въ бѣлыя одежды,—а на вопросъ, много ли ихъ всѣхъ, они показали на бивакъ одного изъ нашихъ полковъ.

Вѣсть эта была настолько важной, что главнокомандующій немедленно созвалъ своихъ начальниковъ частей, чтобы сообщить имъ ее. Неизвѣстно было, кто эти европейцы: можетъ быть, это былъ отрядъ англійскихъ войскъ маіора Макдональда, который долженъ былъ изъ Уганды выступить на сѣверъ на встрѣчу Китченеру (про неудачу его экспедиціи мы въ то время еще не знали), или какая-нибудь научная экспедиція. Во всякомъ случаѣ, расу Вальде-Георгису даны были совершенно опредѣленныя инструкціи Императоромъ Менеликомъ, какъ дѣйствовать при встрѣчѣ съ тѣми или съ другими европейцами, и поэтому было рѣшено на слѣдующій день идти туда, гдѣ они находились. Въ этотъ день было уже черезчуръ поздно, и войска слишкомъ утомлены безостановочнымъ десятичасовымъ переходомъ и слѣдовавшей за нимъ реквизиціей, чтобы предпринять тотчасъ же дальнюю развѣдку, да и полагаться ночью на плѣннаго проводника въ совершенно неизвѣстной мѣстности казалось рискованнымъ.

Бесела согласился признавать надъ собой власть Менелика и, вмѣстѣ со всѣми остальными плѣнными, былъ отпущенъ на свободу; одного же изъ своихъ подданныхъ онъ назначилъ состоять при насъ проводникомъ.

8 Марта. До свѣта разбудилъ насъ сигнальный рожокъ главнокомандующаго. Впередъ высланы были разъѣзды. Отрядъ построилъ резервную колонну, всѣ полки имѣли полное число рядовъ, и отдѣлили только самыхъ необходимыхъ людей въ обозъ. Впереди всѣхъ двигался полкъ фитаурари Атырсье, за нимъ, на 25 шаговъ дистанціи, въ затылокъ шелъ полкъ фитаурари Габро-Маріамъ, затѣмъ на той же дистанціи—полкъ фитаурари Чабуде. Въ ста шагахъ за нимъ, окруженный двумя полками азаджа (гофмаршала) Габре, слѣдовалъ главнокомандующій, непосредственно охраняемый людьми своей личной охраны. Внутри кольца, образованнаго ими, несли впереди раса знамя; везли его палатку, литавры,

вели его боевыхъ коней, и оруженосцы несли его ружья. За полками азаджа Габро шелъ полкъ фитаурари Убье. Направо отъ раса, на интервалѣ въ 200—300 шаговъ, шли полки фитаурари Имама и каніазмача Алемнеха, а налѣво на томъ же интервалѣ—полки фитаурари Дубье и фитаурари Дамти. За резервной колонной слѣдовалъ обозъ, за нимъ арьергардъ, состоящій изъ очереднаго полка. Каждый полкъ былъ построенъ фронтомъ въ нѣсколько шеренгъ, причемъ впереди въ каждомъ полку шли пѣшіе солдаты (въ 6—10 шеренгъ), шаговъ на 15 дистанціи—конные (2—4 шеренги), въ промежуткѣ между пѣшими и конными ѣхалъ командиръ полка. Глубина фронта каждаго полка была около 40—60 шаговъ. Ширина—50—70.

Я любовался ихъ стройностью, порядкомъ и умѣньемъ приспособляться къ мѣстности...

Замѣчательно искусно проходили части черезъ тѣснину: передніе, пробѣжавъ черезъ нее на нѣкоторомъ разстояніи, вновь выстраивались. Дѣлалось это такъ ловко и быстро, что середина колонны шла почти безъ задержки.

Около 9 час. утра мы поднялись на вершину гребня, у подножья котораго, по словамъ проводника, долженъ былъ находиться лагерь европейцевъ. Но когда мы достигли вершины, мы увидали только засѣку, окружавшую мѣсто ихъ лагеря, да дымокъ отъ потухающаго костра, свидѣтельствовавшій о недавнемъ ихъ пребываніи.

Мы остановились на гребнѣ. Внизу на опушкѣ рощи, находившейся на берегу ручья, толпились бѣжавшіе отъ насъ туземцы, и мы черезъ переводчика на разстояніи около 500 шаговъ начали мирные переговоры. Мы имъ кричали, чтобы они спокойно шли по своимъ домамъ и не боялись насъ, такъ какъ зла мы имъ не сдѣлаемъ, и ихъ царь Бесела со вчерашняго дня сталъ нашимъ другомъ. Долго наши увѣренія не имѣли успѣха, и только спустя довольно продолжительное время нѣкоторые смѣльчаки, прячась за деревьями, отважились приблизиться къ намъ шаговъ на 200—300. Въ рукахъ у нихъ были вѣточки—символъ мира, мы тоже взяли вѣтви и листья и, этимъ убѣдивъ ихъ окончательно въ нашемъ миролюбіи, начали непосредственные переговоры.

Совершенно голые туземцы эти хотя и принадлежали къ расѣ иденичъ, но черты лица были у нихъ гораздо правиль-

нѣе, съ гораздо болѣе осмысленнымъ выраженіемъ, чѣмъ у ихъ соплеменниковъ. Будучи осѣдлыми, они, очевидно, превосходили кочевниковъ своей культурой. Ихъ копья и щиты оказались отлично сдѣланными, на рукахъ красовались многочисленныя желѣзныя браслеты. Голову украшали страусовыми перьями.

Наши парламентеры сообщили, что „гучумба" ушли сегодня ночью и что въ ихъ лагерѣ было очень шумно. При свѣтѣ факеловъ изъ сухой травы, они повьючили своихъ животныхъ и поспѣшно ушли на востокъ—въ Белу или Балисъ — туда же, откуда пришли шесть дней тому назадъ.

Я ѣздилъ въ ихъ лагерь, который былъ расположенъ очень удачно, на границѣ поселеній, вблизи тѣнистаго ручья. Круглая площадь, около 60-ти шаговъ въ діаметрѣ, съ двумя воротами, была огорожена довольно высокою засѣкою изъ срубленныхъ и поваленныхъ другъ на друга деревьевъ. Внутри было два мѣста для палатокъ, мѣсто для кухни, обсыпанное перьями куръ, для склада продовольствія (возвышающаяся на футъ надъ землей каменная площадка), 13 малыхъ шалашей, гдѣ жила, вѣроятно, прислуга, и 11 загончиковъ; изъ нихъ, судя по навозу, пять—для муловъ иословъ, а шесть—для рогатаго скота. О поспѣшности ихъ ухода свидѣтельствовала разрушенная засѣка. Вѣроятно, казалось черезчуръ долгимъ выгонять скотъ черезъ ворота и, для ускоренія этой процедуры, былъ разрушенъ заборъ. Большая часть рогатаго скота осталась брошенной на дорогѣ, и вообще уходъ скорѣе походилъ на паническое бѣгство. Расъ удивлялся проявленному бѣглецами несомнѣнному страху, такъ какъ, судя по величинѣ ихъ отряда, они составляли научную экспедицію, которой нечего было насъ бояться. Въ этомъ смыслѣ расъ послалъ имъ вслѣдъ письмо, выражая также недоумѣнье о причинахъ ихъ бѣгства.

Найденныя въ оставленномъ лагерѣ вещи наводили на мысль, что экспедиція состояла изъ англичанъ.

Нашъ отрядъ сталъ бивакомъ немного ниже бивака англійской экспедиціи, на берегу того же ручья; я поднялся на одинъ изъ ближайшихъ холмовъ, чтобы оріентироваться. Гребень возвышенности, покрытой густымъ лѣсомъ, закрывалъ горизонтъ на югѣ. Дальше въ этомъ направленіи людей нѣтъ,

какъ говорили туземцы, водятся тамъ лишь слоны и другіе дикіе звѣри.

Изъ Мену расу предстоялъ довольно трудный выборъ дальнѣйшаго пути для отряда. Двигаться далѣе на юго-западъ казалось невозможнымъ. По словамъ туземцевъ, обитаемыхъ земель нѣтъ, время было уже позднее и скоро долженъ былъ наступить періодъ дождей. Поэтому расъ рѣшилъ отложить дальнѣйшее движеніе на юго-западъ до слѣдующаго года, а теперь завладѣть устьемъ р. Омо, важнѣйшимъ стратегическимъ пунктомъ этихъ областей, и, вернувшись оттуда въ Каффу, окончательно завоевать всѣ находящіяся внутри пройденнаго нами пути племена и расположить въ ихъ земляхъ гарнизоны.

Мнѣ очень хотѣлось изслѣдовать, насколько мѣстность къ юго-западу отъ Мену дѣйствительно необитаема и непроходима. Съ своимъ маленькимъ отрядомъ я думалъ отдѣлиться отъ раса, но, уступая его просьбѣ, отказался отъ этого намѣренія и рѣшилъ идти вмѣстѣ съ нимъ искать пресловутое оз. Рудольфа.

10 Марта. Мы отдыхали... Такъ какъ туземцы не знали, гдѣ находится озеро Рудольфа, то единственнымъ нашимъ проводникомъ оставался теперь компасъ.

Я опредѣлилъ приблизительно географическое положеніе Мену, указалъ расу направленіе, въ которомъ должна была находиться сѣверная часть оз. Рудольфа, и онъ рѣшилъ напрямикъ вести туда свой отрядъ. Я не вполнѣ одобрялъ это рѣшенье.

После развѣдки 20-го, 21-го Февраля, я сомнѣвался въ возможности большому отряду пройти черезъ скалистое, маловодное плато прямо къ озеру. Кромѣ того, мнѣ казалось, что необходимо было бы прежде, чѣмъ оставить Мену, основательно развѣдать лежащую къ юго-востоку и юго-западу мѣстность.

Расъ Вальде-Георгисъ лучше меня зналъ состоянье духа и силъ своихъ солдатъ. Предпринимать теперь развѣдки частями отряда онъ считалъ безполезнымъ, заранѣе увѣренный въ ихъ безрезультатности. Надо было двигаться впередъ, не теряя времени, и какъ бы ни было рисковано подобное рѣшеніе, пользоваться той инерціей силъ, которой обладало еще войско. Расъ, какъ опытный вождь, зналъ тѣ законы,

которымъ повинуются человѣческія массы, онъ чувствовалъ степень напряженности энергіи своего отряда и предвидѣлъ, что остановка грозитъ для него гораздо большей опасностью, чѣмъ неизвѣстность пустыни.

11 Марта. На разсвѣтѣ насъ поднялъ, какъ всегда, сигнальный рожокъ; мы покинули поселенія и, направляясь на юго-западъ, вступили въ пустыню. Вблизи отъ поселеній попадался скотъ, брошенный прошедшей тутъ 2 дня тому назадъ англійской экспедиціей, а въ нѣсколькихъ часахъ пути отъ Мену въ одномъ ущельи, надъ которымъ летало много, обратившихъ наше вниманіе, хищныхъ птицъ, у ямы съ водой мы нашли свѣжія кости и внутренности барановъ. Тутъ, должно быть отдыхала эта экспедиція днемъ послѣ ночного марша, съ 8-го на 9 Марта.

Въ $11^1/_2$ час. мы нашли воду и стали бивакомъ. Я произвелъ солнечное наблюденіе и нанесъ на карту наше приблизительное астрономическое положенье*). Расъ, живо интересовавшійся результами наблюденія, прислалъ своего эльфинь-ашкера (пажа) съ обычнымъ вопросомъ „винтилъ ли я солнце?"—„сколько чиселъ (т. е. минутъ или градусовъ) мы прошли?"—и просилъ принести показать ему на картѣ мѣсто, гдѣ мы находимся.

Я послалъ ему карту, самъ же не въ состояніи былъ двинуться и лежалъ почти въ полномъ изнеможеніи въ своей палаткѣ. У меня начиналась лихорадка; къ этому прибавился еще сильнѣйшій поносъ отъ отвратительной пищи. Пшеничная мука уже нѣсколько дней вышла, и мои ашкеры на небольшомъ каменномъ брускѣ сами мололи муку изъ добытаго зерна. Это была, собственно говоря, не мука, а раздробленное зерно. Изъ нея мы пекли на желѣзныхъ сковородахъ прѣсныя неквашеныя лепешки, которыя составляли основанье нашей пищи. Мясо ѣли только въ дни удачныхъ охотъ или въ населенныхъ земляхъ, если удавалось захватить козу

---

*) Широту я вычислялъ по наименьшему изъ наблюденныхъ зенитныхъ разстояній, исправляя его на полудіаметръ солнца, взятый изъ эфемеридъ. Долгота опредѣлялась графически на пересѣченіи широты съ азимутомъ, взятымъ на одну изъ ранѣе опредѣленныхъ горъ на сѣверѣ или на сѣверо-востокѣ.

или барана. Соли*) у меня уже давно не было, и, благодаря этому, мясо можно было ѣсть только поджареннымъ на угляхъ, обливая его немного желчью для вкуса. Вареное прѣсное мясо и супъ изъ него были черезъ чуръ отвратительны. Вмѣсто лепешекъ мы иногда ѣли поджаренныя на сковородѣ зерна машеллы. Это—замѣчательно красивое блюдо. Каждое зерно лопается на нѣсколько частей, скрѣпленныхъ около основанія, и походитъ на бѣлоснѣжную миніатюрную розу; оно вкусно, но вредно для желудка, т. к. шелуха раздражаетъ его.

Ни консервовъ, ни вина, ни кофе давно уже у меня не было. Осталось нѣсколько коробочекъ бульона (Magi) на случай болѣзни, которыми я теперь питался, да бутылочка коньячной эссенціи, которую я подбавлялъ по нѣскольку капель въ кипяченую воду, подсыпалъ туда сахарину и пилъ вмѣсто чаю. На бивакѣ мы съ Зелепукинымъ выпивали по нѣсколько кастрюль этого питья, избѣгая сырой воды; во время переходовъ пить воздерживались.

Непріятно болѣть вообще, а въ походѣ неизмѣримо тяжелѣе, въ особенности при такихъ условіяхъ. Безконечными кажутся тогда длиные переходы, мучительно считаешь каждый шагъ мула, но не легче и по прибытіи на бивакъ. Кровати съ собой нѣтъ, травы тоже близко не добыть. Лежишь на разостланномъ прямо на каменистой почвѣ брезентѣ, приспособляясь къ торчащимъ подъ нимъ камнямъ. Палатка маленькая, солдатская, сдѣлана изъ скверного шитинга; солнце просвѣчиваетъ. Температура 28—29° Р. въ тѣни. Духота страшная, обливаешься пóтомъ и ждешь—не дождешься вечера. Наконецъ, солнце заходитъ. Загораются костры—наше освѣщенье и отопленье, лагерь утихаетъ, становится прохладнѣе, — но вотъ новая бѣда. Налетаетъ ураганъ, валитъ палатку, и подъ проливнымъ дождемъ промокаешь до косточки...

Въ этотъ день мы сдѣлали 7-ми часовой переходъ и стали бивакомъ у подножья горы Буме, отмѣченной мною со скалы 21 Февраля.

---

*) Запасъ соли, который у меня былъ съ собой, пропалъ въ день перехода границы. Абиссинцы чистой соли въ походъ не берутъ, довольствуясь толченымъ краснымъ перцемъ, съ небольшимъ лишь добавленіемъ соли. Смѣсь эта называется „Дылыхъ“.

12 Марта. Мы выступили на разсвѣтѣ, и расъ выслалъ впередъ разъѣзды искать воду. Мѣстность, по которой мы шли, очень скалистая, острые камни рѣзали босыя ноги солдатъ и обивали копыта муламъ. Между камнями кое-гдѣ скудная травка, мѣстами выжженная, и низенькія деревца мимозъ и акацій. Около 12 час. дня мы захватили въ плѣнъ нѣсколькихъ женщинъ племени Тирма, живущаго на возвышающихся на востокѣ горахъ. Онѣ собирали здѣсь бобы одного дерева, похожаго на акацію и называемаго Абиссинцами „комора", или „рокъ". Фрукты коморы имѣютъ видъ стручковъ, внутри которыхъ—парныя сѣмена съ мясистой оболочкой. Эти фрукты служатъ для приготовленія кислаго питья, и женщины, собравъ ихъ тутъ, относятъ въ Мену, гдѣ обмѣниваютъ эти плоды на зерно.

Плѣнницы слыхали про гучумба (европейцевъ), которые прошли черезъ ихъ землю дней 8 — 10 тому назадъ. Европейцы купили у ихъ племени хлѣба за бусы и взяли проводника до Мену.

Про существованіе на югѣ озера онѣ не знали; земля Мурле, про которую говорилъ нашъ проводникъ Джуфа, была имъ тоже неизвѣстна. Воды, по ихъ словамъ, вблизи не было. Къ счастью, мы нашли нѣсколько лужъ съ водой, собравшейся послѣ ночного ливня въ руслѣ пересохшей рѣки. Разъѣзды наши вернулись поздно вечеромъ, по огнямъ костровъ разыскавъ бивакъ, найдя одну лишь пустыню.

Температура днемъ была 28° въ тѣни, а ночью 18° R.

Послѣ совершенно тихаго и яснаго дня, ночью поднялся ураганъ съ дождемъ.

Я чувствовалъ себя лучше и понемногу оправлялся отъ болѣзни.

13 Марта. Главнокомандующій продолжалъ упорствовать въ своемъ намѣреніи слѣдовать напрямикъ къ оз. Рудольфа, несмотря на отсутствіе воды.

Мы оставили на сѣверо-востокѣ горы Тирма (откуда были плѣнницы) и стали понемногу спускаться по пологимъ юго-восточнымъ скатамъ плато, двигаясь вдоль русла рѣчки, на берегу которой стояли наканунѣ.

Пейзажъ здѣсь такой же грозный и красивый. Мѣстами возвышаются отвѣсныя скалы, разставленныя, какъ декораціи. Очертанія ихъ въ высшей степени своеобразны.

На юго-востокѣ вырисовывалась высокая скалистая гора, походившая на усѣченную пирамиду, на верхней площадкѣ которой какъ будто поставлена другая, меньшихъ размѣровъ. Я впервые увидѣлъ эту гору 20 Февраля, теперь же, начиная съ 8 Марта, она все время возвышалась на горизонтѣ впереди насъ, служа намъ маякомъ. Потомъ я видѣлъ ее 24—30 Марта съ долины рѣки Омо и, наконецъ, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ съ горы Каститъ. Мѣстное названіе ея осталось мнѣ неизвѣстно. Очень часто приходилось мнѣ наносить ее на свой планшетъ, и, когда въ долгіе томительные часы длинныхъ безостановочныхъ переходовъ, страдая отъ зноя и жажды, я переносился мыслью въ далекую родину, гора эта почему то напоминала мнѣ Царскій Валикъ въ Красномъ Селѣ. Громаднымъ военнымъ полемъ казалось мнѣ это плато, по которому какъ бы маневрировалъ нашъ отрядъ, а впереди Царскій Валикъ съ разбитой на немъ, какъ въ дни парадовъ, палаткой...

Называя поэтому въ своемъ дневникѣ эту гору Царскимъ Валикомъ, я оставилъ за ней это названіе и на своей картѣ.

Около 12 час. дня мы нашли, послѣ долгихъ поисковъ, лужу воды въ одномъ изъ сухихъ руселъ. Мѣстность, куда мы пришли, въ полномъ смыслѣ слова,—царство животныхъ. Ровная, на 1000 метр. возвышающаяся надъ уровнемъ моря, степь покрыта невысокой, невыжженной бѣлой травой и рѣдкими деревцами. Около воды скучилось все животное населеніе. Стада зебръ бродили въ перемежку съ антилопами и дикими козами и, съ удивленіемъ разсматривая неожиданно появившихся людей, не спѣша уходить отъ насъ. Въ пескѣ русла виднѣлись глубоко вдавленные слѣды носороговъ и слоновъ...

Вокругъ бивака раздавалась непрерывная стрѣльба: солдаты, у большинства которыхъ запасъ продовольствія истощился, добывали себѣ пищу охотою.

Наши солдаты выступили изъ Мену съ очень малымъ количествомъ продовольствія, надѣясь, что новая обильная хлѣбомъ земля отстоитъ отъ Мену не далѣе, чѣмъ послѣдняя отъ Колу, и у тѣхъ, которымъ приходилось нести весь свой запасъ на головахъ, онъ уже весь вышелъ. Обыкновенно строго соблюдающіе постъ и брезгающіе мясомъ дикихъ

животныхъ солдаты убивали теперь всякую, попадавшуюся имъ дичь,не брезгая никакимъ мясомъ, и тѣ, которымъ на охотѣ не везло, покупали себѣ мясо у болѣе счастливыхъ товарищей Ко мнѣ, напримѣръ, во время обѣда пришли два солдатика и, низко кланяясь, умоляли продать имъ кусокъ только что убитой мной антилопы за патронъ... Трудно было двигаться дальше при такихъ условіяхъ. Старикъ проводникъ Мурута-Бабусъ говорилъ, что въ двухъ переходахъ на сѣверѣ есть богатая хлѣбомъ земля Кира. Это подтверждали также вчерашнія плѣнницы, и на слѣдующій день расъ рѣшилъ подняться вновь въ горы.

Рога антилопы.

Тихо, невесело было на нашемъ бивакѣ. Не слышалось ни пѣсенъ, ни смѣха, ни остротъ и прибаутокъ, до которыхъ такіе охотники Абиссинскіе солдаты.

Непонятной казалась имъ цѣль бродить по маловодной, не населенной пустынѣ и терпѣть лишенія. Среди нихъ ходили фантастическіе слухи и толки; во всѣхъ своихъ бѣдахъ они обвиняли, конечно, иностранца—меня и положительно осаждали моихъ ашкеровъ.

— „Куда мы идемъ?—спрашивали они. Да скоро ли, наконецъ, дойдемъ мы до вашего дома?—Да вашъ фрэнджъ насъ всѣхъ погубить хочетъ!—Вѣдь, ему самому ни почемъ, онъ заколдованъ, можетъ ни ѣсть, ни пить, не устаетъ!"... Иногда происходили даже драки между солдатами и моими ашкерами. Впрочемъ, по отношенію ко мнѣ, какъ офицеры, такъ и солдаты были очень вѣжливы. Случаевъ оскорбительныхъ на мой счетъ выраженій, какъ было въ первые дни моего знакомства съ ними, больше не происходило и хотя ихъ чувства ко мнѣ были непріязненны, но въ тоже время солдаты меня уважали. Злоба на меня росла въ эти послѣдніе дни и начала уже достигать такихъ размѣровъ, что нѣкоторые изъ моихъ друзей сочли долгомъ предупредить меня, чтобы я остерегался...

14 Марта. Мы повернули на сѣверъ и стали подниматься въ гору. Я охотился на антилопъ и зебръ, убилъ нѣсколькихъ, но не

могъ взять, къ сожалѣнію, ни шкуръ, ни роговъ антилопъ, и только взвалилъ къ себѣ на сѣдло одну изъ ногъ убитой зебры на ужинъ. Съ высоты 1000 метр. надъ уровнемъ моря мы поднялись на хребетъ на высоту 1500 метр. и по трудному, крутому спуску, пролагая себѣ дорогу въ густыхъ заросляхъ колючихъ, кустарниковъ спустились къ рѣкѣ Дему на высоту 600 метр. надъ уровнемъ моря. Воды въ рѣкѣ было очень мало, ее хватало только для людей, животныхъ же поить было запрещено. Для соблюденія порядка былъ приставленъ къ водѣ караулъ. Мы шли въ этотъ день безостановочно 11 часовъ при температурѣ +26° Р. въ тѣни и на всемъ переходѣ нашли только одинъ разъ воду въ 9 час. утра въ небольшой ямѣ наверху хребта.

Въ мѣстности, гдѣ мы находились, кочевали со своими стадами иденичъ племени Тилай. Солдаты захватили одно изъ ихъ стадъ и пригнали его на бивакъ. Это было счастливой находкой для нашихъ голодающихъ солдатъ. Съ крикомъ, позабывъ свою усталость, гонялись они за быками, козами и баранами, отбивая ихъ другъ отъ друга.

Попался въ плѣнъ также одинъ Тилай—въ 2 ар. 12 верш. ростомъ, вооруженный двумя копьями, его поймалъ 17-ти лѣтній солдатикъ.

Плѣнный зналъ находящуюся на сѣверѣ и на западѣ мѣстность, въ томъ числѣ Мену. Онъ видалъ гучумба (европейцевъ), когда они проходили туда черезъ его землю, и продалъ имъ козла. Про существованіе оз. Рудолфа онъ не слыхалъ, зналъ только, что р. Кибишъ, въ которую впадаетъ р. Дему, впадаетъ въ свою очередь въ большую рѣку Уаръ, находящуюся на востокѣ отъ насъ въ семи дняхъ пути.

Изъ живущихъ на югѣ племенъ упоминалъ о „Бумби“, которыя издалека приходятъ отбивать у нихъ скотъ.

15 Марта. По густо заросшей кустарникомъ долинѣ мы перешли къ р. Кибишу и стали бивакомъ на ея берегу. Р. Кибишъ спускается съ юго-восточныхъ склоновъ хребта и впадаетъ въ Омо. Песчаное русло ея широко размыто вслѣдствіе рѣзкаго колебанія уровня ея водъ, теченіе ея вблизи мѣста нашего бивака около 6 верстъ въ часъ, ширина около 30 шаг., глубина не болѣе аршина. Высота надъ уровнемъ моря 900 метр.

Около самаго бивака солдаты нашли свѣжіе слѣды пребы-

ванія европейцевъ; на берегу рѣки дымилось нѣсколько костровъ, около которыхъ лежали куски мяса, брошенныя во время спѣшнаго ухода, одежда слугъ и кое-какія вещи, напр., ножи съ англійскими клеймами.

Они, видно, еще не отдѣлались отъ своего паническаго страха передъ Абиссинцами и, застигнутые врасплохъ, поспѣшно бѣжали. Не трудно было бы расу догнать ихъ теперь, если бы въ этомъ была какая-нибудь необходимость, но надобности въ какихъ-либо агресивныхъ дѣйствіяхъ, конечно, не было, и расъ предоставилъ европейцамъ спокойно удаляться *).

Въ низменной, стѣсненной горами долинѣ рѣки еще жарче. Въ полдень въ тѣни +31° R. Я по обыкновенію „винтилъ солнце" и опредѣлилъ астрономическое положеніе нашего бивака.

Погода днемъ была тихая, по заходѣ же солнца были порывы сильнаго сѣверо-западнаго вѣтра, напоминавшіе ураганы въ Колу.

16 Марта. Мы выступили въ землю называвшуюся Кира, и стали бивакомъ среди густыхъ поселеній на высотѣ 1400 метр. надъ уровнемъ моря. Около Кибиша мы наткнулись на самку

---

*) Впрочемъ, страхъ европейцевъ вполнѣ понятенъ послѣ недостойныхъ и искаженныхъ описаній Дональдсона Смита.

Дональдсонъ Смитъ пробылъ нѣкоторое время въ резиденціи генерала Вальде-Габріеля, ожидая тамъ разрѣшенія Императора Менелика на путешествіе черезъ Абиссинію къ оз. Уаламо или Абаси. Менеликъ долженъ былъ отказать ему въ этомъ въ виду того, что племена Уаламо не были еще имъ покорены и самъ онъ какъ разъ въ это время собирался идти противъ нихъ. Дональдсону Смиту былъ оказанъ со стороны Абиссинскаго генерала самый радушный пріемъ, ему отвели помѣщеніе въ собственномъ домѣ Вальде-Габріеля, который продовольствовалъ и его, и весь его караванъ, а на прощанье подарилъ крайне необходимыхъ Дональдсону Смиту нѣсколькихъ отличныхъ верблюдовъ и, вообще, держалъ себя съ явно враждебно настроеннымъ противъ Абиссинской націи бѣлымъ человѣкомъ, какъ истый джентльменъ, можетъ быть, даже излишне великодушно. Американецъ принялъ всѣ подарки абисинца, не отдалъ взамѣнъ ничего, а въ своей книгѣ, упрекнулъ даже Вальде-Габріеля въ попрошайничествѣ только потому, что одинъ изъ приближенныхъ генерала сказалъ Д. Смиту, что его господину очень нравится его ружье. Кромѣ того, Д. Смитъ описалъ въ смѣшномъ видѣ какъ самаго генерала Вальде-Габріеля, оказавшаго ему столько добра, такъ и его семью.

носорога съ маленькимъ дѣтенышемъ и убили ихъ. Вступивъ въ населенную землю, солдаты разсыпались, добывая себѣ продовольствіе. Жители отступали передъ Абиссинцами, нападая только на наиболѣе увлекшихся. Изрѣдка завязывались одиночные бои, стоившіе намъ нѣсколько человѣкъ убитыми и ранеными. Въ числѣ убитыхъ былъ одинъ офицеръ, котораго солдаты принесли на бивакъ и громко оплакивали.

Мои ашкеры тоже ходили на добычу и принесли нѣсколько мѣховъ зерна, нѣсколько фунтовъ кофе и барана съ большимъ курдюкомъ. Добыча кофе меня очень осчастливила. Изъ жирнаго бараньяго курдюка мы вытопили сало, изъ сальника же его сдѣлали свѣчи, замѣнившія мнѣ на два дня мое давно уже единственное освѣщеніе—пламя костра.

Было взято нѣсколько плѣнныхъ, принадлежавшихъ къ той же народности, что и горцы Беру, Каси, Дами и др.

17 Марта. По случаю праздника въ честь Богородицы отряду назначена дневка и запрещены фуражировки.

18 Марта. Мы двинулись на востокъ, слѣдуя по вершинѣ тянущагося въ этомъ направленіи, густо населеннаго горнаго отрога. На сѣверѣ возвышалась скалистая вершина Муй, а съ обѣихъ сторонъ гребня текли, въ глубокихъ долинахъ рѣчки, впадающія въ Кибишъ.

Туземцы покинули свои жилища и, сидя на скалахъ въ нѣсколькихъ тысячахъ шаговъ, отъ насъ глядѣли на нашу походную колонну, копьями показывая иногда дорогу, выражая этимъ желаніе, чтобы мы скорѣе уходили. Поселенія были также густы, дома также построены и поля также хорошо обработаны, какъ и въ Беру. На холмахъ виднѣлись усадьбы начальниковъ племени и около нихъ священныя рощицы.

Дойдя до оконечности отрога мы спустились по крутому трудному скату къ рѣчкѣ Карке и стали на берегу ея бивакомъ.

Населенныя мѣстности остались позади, впереди вновь простиралось низменное, жаркое, маловодное и почти безлюдное пространство.

Непродолжителенъ былъ нашъ походъ: всего 12 дней прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы покинули крѣпость Колу. Немного верстъ сдѣлали мы за это время, бродя по неизвѣстнымъ мѣстамъ, но несмотря на это, солдаты наши были утомлены и животныя приморились. Въ такихъ случаяхъ,

впрочемъ, не верстами и не временемъ измѣряется трата силъ отряда, а трудностями похода.

Не встрѣчая часто воды отъ бивака до бивака, мы двигались безостановочно, дѣлая иногда 10—11 часовые переходы подъ палящимъ зноемъ, безъ дорогъ, прокладывая себѣ тропинку по скалистой, усыпанной острыми камнями пустынѣ, или среди густыхъ зарослей колючихъ кустарниковъ, обращавшихъ въ лохмотья нашу одежду. Сколько за эти переходы захромало людей и покалѣчилось животныхъ и какъ мало времени на отдыхъ оставалось при этихъ условіяхъ солдатамъ!... Какъ только отрядъ приходилъ на бивакъ, одни солдаты шли рвать траву для муловъ (а ея на скалистомъ плато очень мало), собирать дрова, принести воду, мололи муку на походныхъ жерновахъ для лепешекъ на ужинъ, другіе же—назначались въ наряды и караулы. Только къ ночи отрядъ успокоивался, да и то еще бродили люди, потерявшіе за день муловъ, призывая монотонными криками „во имя Або“ (абиссинскій святой) возвратить ихъ или указать, гдѣ онъ находится.

Не мало было и больныхъ въ отрядѣ.

Теперь предстояли новые труды. Солдатамъ было приказано запастись не менѣе, какъ на десять сутокъ, продовольствіемъ. Расъ объявилъ офицерамъ, что мы пойдемъ къ озеру, находящемуся въ 10-ти дняхъ пути, на берегу котораго найдемъ себѣ продовольствіе. Но кто въ отрядѣ былъ увѣренъ, что существуетъ въ дѣйствительности это озеро, оправдаются ли слова раса? Плѣнные до сихъ поръ очень неопредѣленно говорили, что есть какая то рѣка на востокѣ, Шорумъ или Уаръ, очень большая, въ которой, судя по фырканью, которое они производили, говоря это, плаваютъ гиппопотамы, вода этой рѣки будто становится дальше очень большой и притомъ „ложится“. Но гдѣ рѣка „ложится“, и кто населяетъ ея берега, оставалось невыясненнымъ, да и относительно того, есть ли вообще это озеро, показанія были самыя противорѣчивыя. Единственно, кто зналъ доподлинно о существованiи и мѣстонахожденiи озера, былъ я, и главнокомандующій мнѣ вполнѣ довѣрялъ. Офицеры же относились къ новому походу очень несочувственно. Когда расъ объявилъ имъ на военномъ совѣтѣ свое рѣшеніе, многіе изъ военачальниковъ протестовали, указывая на состояніе от-

ряда. Главнокомандующій былъ непоколебимъ и на возраженія отвѣтилъ слѣдующими словами: „Пускай трусы и бабы погибаютъ или убираются вонъ! Я не возвращусь, не побывавъ на берегу озера, и если вы всѣ меня покинете, я пойду туда съ Ыскындыръ Булатовичемъ и съ людьми моей охраны".

Не знаю, удалось ли бы другому вождю двинуть свое утомленное войско, испытавшее только что передъ этимъ ужасы голода, въ новую невѣдомую, казавшуюся безпредѣльной, пустыню, но расъ Вальде-Георгисъ, въ высшей степени обладая даромъ военачальника владѣть волей своихъ подчиненныхъ, увлекъ ихъ за собою.

19 Марта. Мы выступили съ бивака р. Карки и пошли на юго-западъ. Ночью была буря съ дождемъ, очень затруднившая нашу дорогу. Мы перешли нѣсколько отроговъ горы Сай и, наконецъ, къ 3-мъ час. дня стали бивакомъ на низовьяхъ р. Карки. Первое время нашими проводниками были два молодыхъ туземца племени, обитающаго на западныхъ склонахъ горы Сай. Они пришли наканунѣ и принесли въ дань расу два носорогьихъ рога. Туземцы эти слыхали, что на югѣ есть озеро, и называли его Бору. Около самаго нашего бивака находилась покинутая съ мѣсяцъ тому назадъ стоянка англичанъ. По словамъ туземцевъ, европейцы пробыли тутъ довольно долгое время и потомъ ушли на западъ. Замѣчательные красавцы были эти два горца. Смѣлое, открытое выраженіе лица съ правильными чертами, большіе выразительные глаза, прямые носы. Они вели насъ къ юго-западу до тѣхъ поръ, пока мы не отдалились на значительное разстояніе отъ ихъ земель, а когда мы вступили въ густыя заросли, они быстро въ нихъ скрылись и бѣжали.

Высота надъ уровнемъ моря нашего бивака 920 метр. Въ тѣни было +32° R. *).

Мнѣ сильно нездоровилось; чувствуя приступы приближающейся лихорадки, я усиленными дозами глоталъ хининъ.

20 Марта. По низменной, черноземной степи, вязкой отъ лившаго ночью дождя, перешли мы къ р. Кибишъ и стали на ея берегу. Здѣсь оказалась масса дичи: бродили стада козъ, антилопъ и зебръ, и, не сходя съ тропинки, я стрѣлялъ въ нихъ. Всего веселѣе было охотиться на дикихъ козъ; спугнутыя,

---

*) Когда въ тѣни бываетъ болѣе 30° R.—на солнцѣ болѣе 60°.

онѣ вскачь мчались назадъ вдоль всей нашей походной колонны, иногда, какъ шалыя, врываясь въ ряды. Поднимался крикъ, въ козъ стрѣляли, метали копья, рубили шашками и затѣмъ торжественно дѣлили добычу. Я убилъ одного козла, съ рогами длиною въ 9 дюймовъ. Въ густомъ, тянущемся вдоль берега рѣки, лѣсу атаковалъ насъ носорогъ. Неожиданно онъ бросился изъ кустовъ на самую середину нашей походной колонны и, убивъ одного мула (причемъ сидѣвшій на немъ абиссинецъ, спасся какимъ то чудомъ), онъ скрылся въ противоположныхъ кустахъ. Произошло это такъ быстро, что никто не успѣлъ даже выстрѣлить. Замѣчательно жарко было въ этотъ день, хотя термометръ показывалъ всего +28° Р. въ тѣни. Парило точно въ банѣ. По приходѣ на бивакъ, я лежалъ въ полномъ изнеможеніи подъ палаткой, поднявъ бока ея, снявъ съ себя абсолютно всю одежду и отпиваясь жидкимъ теплымъ кофе. Въ полдень у меня еще хватило силъ произвести солнечное наблюденіе.

Рога антилопы.

На востокѣ, по словамъ проводниковъ, должна была находиться, въ одномъ или двухъ переходахъ, большая рѣка (по всѣмъ вѣроятіямъ, р. Омо). Но что туземцы разумѣли подъ однимъ или двумя переходами и есть ли по дорогѣ вода—оставалось невыясненнымъ. Надо было произвести развѣдку, но на кого теперь положиться? Главнокомандующій рѣшилъ сдѣлать ее лично. Невдалекѣ подымался гребень возвышенности, откуда можно было хорошо видѣть долину рѣки. Мы съ расомъ взобрались на одну изъ вершинокъ, и предъ нами на востокѣ открылась низменная долина. Верстахъ въ 30-ти отъ насъ, у подножья тянувшагося на той сторонѣ долины кряжа, виднѣлась темная полоса деревьевъ, и здѣсь, очевидно, должно было быть водное пространство. Рѣка Кибишъ поворачивала на сѣверо-востокъ, другихъ притоковъ предполагаемой на востокѣ рѣки мы не замѣтили, и главнокомандующій принялъ смѣлое рѣшеніе идти напрямикъ на востокъ. Путь вдоль р. Кибиша отнялъ бы много времени, а 30 верстъ, отдѣляющія насъ, повидимому, отъ рѣки, къ которой намѣтили свой путь, мы сдѣлаемъ безъ особаго труда часовъ за 7.

Невдалекѣ отъ холма, съ котораго мы разсматривали окрестности, возвышалась болѣе высокая гора, обѣщавшая мнѣ болѣе значительный кругозоръ, я отдѣлился отъ раса и направился къ ней въ сопровожденіи одного своего оруженосца. Гора оказалась, однако, гораздо дальше, чѣмъ я предполагалъ, и отъ бивака, по крайней мѣрѣ, въ 10 верстахъ. Высота ея надъ уровнемъ моря болѣе 1000 метр., гребень поросъ низкой травой и рѣдкими деревцами. На вершинѣ я увидѣлъ нѣсколько ямъ со скопившейся послѣ дождей водой; около нихъ почва была положительно утоптана копытами зебровъ и антилопъ. Тутъ же шла свѣжая тропинка, проложенная слонами, по которой они, вѣроятно, переваливали черезъ горы, кочуя отъ р. Омо къ р. Кибишу. Несмотря на такое обиліе слѣдовъ дикихъ животныхъ, мнѣ на глаза попалась только одна антилопа. Солнце уже садилось, когда я достигъ вершины. Я обманулся въ своихъ ожиданіяхъ: ничего новаго съ этой горы не было видно, и, взявъ отсюда азимуты на окружающія горы, я поспѣшилъ обратно на бивакъ. Только къ 9 час. вечера я вернулся, задержанный полной темнотою и труднымъ спускомъ.

Мѣстность, гдѣ мы теперь находились, замѣчательно богата въ минералогическомъ отношеніи. Русло рѣчки засыпано обломками всевозможныхъ породъ гранита, гнейса; въ горахъ попадались слюдяные сланцы, жилы кварца, горный хрусталь. Здѣсь туземцы, какъ намъ потомъ стало извѣстно, добывали желѣзную и мѣдную руду*).

21 Марта. Этотъ день — одинъ изъ памятнѣйшихъ во всей экспедиціи. Въ 4 часа ночи при свѣтѣ костровъ мы навьючили нашихъ муловъ и, выступивъ отъ р. Кибиша, двинулись на юго-западъ къ предполагавшейся тамъ р. Омо. Миновавъ вдоль береговъ Кибиша густые кусты и оставивъ за собою горный кряжъ, на который я восходилъ наканунѣ, мы вступили въ широкую гладкую степь. Здѣсь почва, обращаясь

---

*) Я собиралъ, по мѣрѣ возможности, коллекцію камней, но, къ моему глубокому огорченію, большая часть ея, и въ томъ числѣ всѣ граниты, пропала. Ее везли обыкновенно въ мѣшечкѣ, помѣщенномъ во вьюкъ; ашкеръ, которому была поручена коллекція, полагая, что она только отягчаетъ и безъ того замученнаго мула, а сама по себѣ не имѣетъ никакой цѣнности (камней, молъ, можно найти вездѣ сколько угодно)—выбросилъ ее.

въ періодъ дождей въ вязкое болото, теперь сильно растрескалась, и наши мулы, то и дѣло, оступались. Дорога затруднялась еще липкой грязью ночного ливня.

Отрядъ нашъ шелъ, раскинувшись по степи широкимъ фронтомъ.

Къ 10 часамъ утра мѣстность стала измѣнять свой характеръ, и мы вступили въ рѣдкіе кусты, точно клумбы, стоявшіе по степи. Тутъ было много дичи, но мы ея не трогали въ виду дальности предстоящаго перехода. Только для жираффа было сдѣлано исключенье. Главнокомандующему очень хотѣлось убить этого звѣря, единственнаго, котораго онъ до сихъ поръ еще не убивалъ; авангарду было даже приказано немедленно донести, какъ только жираффы будутъ замѣчены.

Въ 10½ ч. утра изъ авангарда прискакалъ солдатъ съ донесеніемъ, что стадо жираффовъ—не вдалекѣ. Расъ вскочилъ на коня, и мы всѣ—кто верхомъ на мулѣ, кто на лошади — поскакали въ указанномъ направленіи. Быстро настигли мы стадо. Очень смѣшное зрѣлище представляли бѣгущіе жираффы: высоко вытянувъ длинныя шеи (такъ что ихъ морды возвышались надъ растущими кругомъ кустами), задними короткими ногами въ припрыжку, какъ бы галопомъ, длинными же передними, совсѣмъ не сгибая ихъ, какой то испанской рысью бѣжали они впереди насъ. Наши лошади и мулы оказались болѣе быстрыми. Я на свой чудной сѣрой мулихѣ скоро догналъ одного большого жираффа и поскакалъ рядомъ съ нимъ. Очень хотѣлось мнѣ рубнуть шашкой по его длинной тонкой шеѣ, но проклятый мулъ ни за что не хотѣлъ приблизиться къ страшному невиданному звѣрю, и я, наконецъ, положилъ жираффа нѣсколькими выстрѣлами изъ револьвера Маузера и, отрубивъ ему хвостъ, въ видѣ трофея, поспѣшилъ вернуться къ проходившему уже довольно далеко, въ сторонѣ отъ меня, отряду.

Пройдя рѣдкіе кусты, мы вступили въ густыя заросли колючихъ деревьевъ, называемыхъ абиссинцами контыръ. Это низенькія деревца, почти лишенныя листвы съ вѣтками, усаженными длиннѣйшими (около 1 вершка) шипами, обращенными къ основанію. Бывали случаи, что колючки эти буквально забирали въ плѣнъ. Одинъ солдатъ, зацѣпившись плечомъ и желая высвободиться, зацѣпился за рукавъ. Дру-

гой—хотѣлъ выручить плѣнную руку, но и она не избѣгла той же участи. Попробовалъ солдатъ зубами освободить ее, но колючка захватила ему губы въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и бѣдняга заоралъ благимъ матомъ...

Черноземную степь смѣнили солончаки. Колонна наша остановилась. Шашками прорубали мы въ кустахъ узкую тропинку и медленно втягивались въ нее. Жара стояла невыносимая. Солнце было почти въ зенитѣ и прожигало насъ своими отвѣсными лучами. Воздухъ въ заросляхъ былъ совершенно неподвиженъ и дѣлался еще болѣе удушливымъ отъ столпившагося множества людей. Послѣ быстрой ходьбы по трудной грязной дорогѣ всѣхъ томила невыносимая жажда, въ особенности страдали тѣ, кто поохотился за жираффами и участвовалъ въ 20-ти минутной скачкѣ за ними. Но вода давно уже не встрѣчалась намъ, а все, что мы захватили съ собой, было выпито.

Всѣ наши мысли и стремленія сосредоточились на ожидаемой рѣкѣ, но почти на каждомъ шагу намъ готовились все новыя и новыя разочарованія. Вотъ мѣстность круто начинаетъ понижаться, напрягаешь зрѣніе, чтобы сквозь деревья увидѣть желанную воду, но увы!—это сухое русло рѣки; за нимъ слѣдуетъ второе, третье... Время проходитъ, томленіе становится еще невыносимѣе. Многіе абиссинцы,—привычные, казалось бы, къ жарѣ люди,—начинаютъ валиться, падать отъ солненныхъ ударовъ, или истомленные жарой и жаждой.

Уже четыре часа дня; прошло болѣе трехъ часовъ, показавшихся намъ вѣчностью, какъ мы находились въ такомъ, полномъ неизвѣстности, мучительномъ состояніи. Сухія русла слѣдовали одно за другимъ, близкаго же присутствія рѣки не было даже и признака. Тяжелыя минуты... Давила насъ мысль, что мы могли ошибиться, полагая, будто въ этихъ заросляхъ должна быть рѣка. Можетъ быть, ея въ дѣйствительности нѣтъ, можетъ быть, она отдалена отъ насъ еще на нѣсколько десятковъ верстъ, можетъ быть, даже находится по ту сторону гребня, что впереди насъ, а здѣсь проходятъ только сухія русла ея притоковъ... Можетъ быть, наконецъ, я сдѣлалъ значительную ошибку, опредѣляя долготу мѣста нашего бивака, и мы, на самомъ дѣлѣ, находимся гораздо западнѣе, чѣмъ я думалъ?... Если это, дѣйствительно,

такъ, то отряду грозитъ неминуемая гибель. Голова туманится отъ этихъ мыслей, мгновенія кажутся вѣчностью. Считаешь каждый шагъ мула, ежеминутно смотришь на часы, но они не двигаются, они какъ будто остановились...

Вдругъ впереди раздался крикъ: „вода". Было $4^1/_2$ часа дня. Подъ нашими ногами заблестѣла широкая водная полоса, на поверхности которой то тамъ, то сямъ, вытянувшись во всю длину своихъ громадныхъ тѣлъ, чернѣли дремлющіе крокодилы.

Главнокомандующій приказалъ трубить въ рожокъ — сигналъ остановки на бивакъ. По всей колоннѣ, какъ электрическій токъ, прошла вѣсть о томъ, что вода найдена, и лѣсъ огласился радостными криками! Какое чувство ни съ чѣмъ не сравнимаго счастья испытывали мы въ эту минуту! Вода была найдена! Отрядъ былъ спасенъ!

Мы поспѣшили къ рѣкѣ и безъ конца пили ея тепловатую воду. Я черпалъ своимъ шлемомъ и чѣмъ больше пилъ, тѣмъ большую чувствовалъ жажду. Мое тѣло, бывшее до того совершенно сухимъ, покрылось сплошнымъ пôтомъ. Одинъ изъ офицеровъ такъ хотѣлъ пить, что, достигши воды, почувствовалъ сильнѣйшее головокруженіе, и упалъ въ рѣку.

Только къ семи часамъ вечера прибылъ аріергардъ, похоронивъ въ пути 4-хъ солдатъ, погибшихъ отъ солнечнаго удара. Въ общемъ же въ этотъ день умерло болѣе 10 человѣкъ, кромѣ того, нѣсколько десятковъ заблудилось и пропало безъ вѣсти.

Около самой рѣки намъ попалась въ плѣнъ женщина—иденичъ, собиравшая въ лѣсу какую то траву, употребляемую въ пищу. Имя нашей плѣнницы—Келемиса; долину эту она называла Келесе, рѣку же Уаръ. Келемиса принадлежала къ племени бродящихъ въ этихъ лѣсахъ дикарей, занимающихся рыбной ловлей и охотой и такимъ образомъ питающихся. Единственная, обильная хлѣбомъ мѣстность, какъ она слыхала,—земля, до которой, по ея словамъ, 5—6 дней пути. Европейцевъ—гучумба она тоже знала. По увѣреніямъ Келемисы, они прошли здѣсь 4 дня тому назадъ и, немного южнѣе отъ нашего бивака, переправились черезъ рѣку.

Высота рѣки надъ уровнемъ моря въ этомъ мѣстѣ 657 метр. Берега ея песчаные, обрывистые, возвышающіеся ме-

тровъ на 30 надъ водой. Ширина 200—300 шаговъ, скорость теченія—около 8 верстъ въ часъ.

Мы оставили Келемису въ качествѣ проводницы.

22 Марта. Мы выступили по обыкновенію на разсвѣтѣ и пошли къ югу, слѣдуя на нѣкоторомъ разстояніи отъ русла Уара. Около 10 часовъ дня стали бивакомъ.

Я воспользовался ранней остановкой и поспѣшилъ на одинъ изъ ближайшихъ холмовъ, чтобы произвести полуденное солнечное наблюденіе.

Въ описаніи своихъ путешествій Дональдсонъ Смитъ, или Хенель (теперь хорошо не помню, кто изъ нихъ), говоритъ, что тѣ, которые думаютъ, что путешествіе только пріятное препровожденіе времени, глубоко заблуждаются. И дѣйствительно, если только путешественникъ хочетъ добиться какихъ-нибудь положительныхъ результатовъ, онъ бываетъ заваленъ работой. Въ справедливости этого я глубоко убѣдился. Помимо цѣлаго ряда мелкихъ хлопотъ, помимо постояннаго напряженнаго вниманія, заботъ и долгихъ утомительныхъ переходовъ, сколько времени отнимается составленіемъ маршрутной съемки, всякаго рода наблюденіями, выборомъ пути и т. д... По приходѣ на бивакъ, вмѣсто желаннаго отдыха, васъ ожидаютъ новые труды: надо проложить на картѣ маршрутъ, записать дневникъ, произвести астрономическія наблюденія и, хотя приблизительно, вычислить ихъ, снимать фотографію и проч. Если принять все это во вниманіе, и то, что дневокъ за послѣдиее время почти не было, что мы бывали въ пути ежедневно не менѣе 6 часовъ,—причемъ наши обозы приходили только черезъ 2—3 часа, по прибытіи на бивакъ головы колонны, то, дѣйствительно, день мой оказывался весь наполненнымъ работой. Самымъ тяжелымъ дѣломъ для меня было производство солнечныхъ наблюденій въ полдень, въ особенности въ низменной долинѣ р. Омо. Какъ только мы приходили на бивакъ, если это было до 12 часовъ дня, я спѣшилъ съ инструментомъ на какой-нибудь возвышенный холмъ, откуда можно было бы разсмотрѣть также и мѣстность. Запыхавшись, обливаясь потомъ, при 60-ти градусной жарѣ, добирался я до желаемой вершины. Полдень уже приближается. Отдыхать некогда. Спѣшишь установить инструментъ, но, какъ на зло, уровень долго не хочетъ успокоиться. Отъ жары и быстрой ходьбы сердце учащенно бьется,

пальцы отказываются обращаться съ микрометрическими винтами съ должной осторожностію. Оруженосцы мои расходятся вокругъ холмика, гдѣ я произвожу наблюденія, охраняя меня, на случай нечаяннаго нападенія, со стороны спрятавшихся гдѣ-нибудь въ засадѣ туземцевъ. Трудно сидѣть неподвижно на солнечномъ припекѣ. Солнце жжетъ немилосердно, потъ градомъ льется со лба, на рѣсницы, мѣшая смотрѣть въ окуляръ инструмента. Въ вискахъ стучитъ, голова кружится... но надо соблюдать полное вниманіе. Съ напряженіемъ наблюдаешь моментъ, когда солнце коснется „края волоска". Надо не ошибиться въ отсчетѣ секундъ по хронометру и въ отсчетѣ ноніуса по „вертикальному кругу".—Какое это все мученье и какого терпѣнья это стоитъ!..

Пользуясь тѣмъ, что въ этихъ широтахъ солнце находится почти въ первомъ вертикалѣ, я, одновременно съ наблюденіемъ наименьшихъ зенитныхъ разстояній, производилъ наблюденія момента наибольшей высоты солнца по соотвѣтствующимъ высотамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я наблюдалъ мѣсто меридіана и универсальнымъ инструментомъ бралъ истинные азимуты на выдающіяся горы.

Въ этотъ день намъ попались въ плѣнъ нѣсколько женщинъ—иденичъ, крайне уродливыхъ и производившихъ впечатлѣніе совершенныхъ идіотокъ.

Послѣ захода солнца налетѣлъ съ сѣверо-запада ураганъ, сопровождавшійся дождемъ.

23 Марта. Отрядъ продолжалъ слѣдовать вдоль теченія рѣки, прорубая себѣ, какъ и наканунѣ, дорогу шашками въ густыхъ заросляхъ. Рѣка поворачивала на западъ и солончаковый берегъ ея былъ размытъ дождями на довольно большомъ разстояніи, образуя миніатюры затѣйливыхъ горныхъ системъ. Мы шли зигзагами, слѣдуя поворотами рѣки и теряя только даромъ силу и время. Гораздо удобнѣе было бы слѣдовать на болѣе далекомъ разстояніи отъ рѣки, напрямикъ къ выбранному биваку на ея берегу.

Расъ остановился и сталъ лично допрашивать плѣнную Келемису, гдѣ находится Мурле и какъ ближе всего пройти туда, минуя задерживающіе насъ кусты. Но Келемиса, только два дня тому назадъ говорившая, что знаетъ Мурле и дорогу къ ней, теперь наотрѣзъ отказалась отъ своихъ словъ и заявляла, что ничего,—дескать, про Мурле она и не слыхала.

Вѣроятно, другіе плѣнные переводчики, желавшіе, чтобы отрядъ поскорѣе вернулся обратно, научили ее этому. Эта очевидная ложь произвела на толпившихся вокругъ раса и внимательно прислушивавшихся къ допросу солдатъ громадное впечатлѣніе и, благодаря быстротѣ, съ которой распространяются вѣсти среди абиссинцевъ, могла имѣть для насъ дурныя послѣдствія. Всѣ уже со словъ раса вѣрили, что въ нѣсколькихъ дняхъ пути есть обильная хлѣбомъ Мурле — и вдругъ обѣтованнаго уголка не оказывалось, и даже проводница наша отрицала его существованіе... Къ счастью, я находился въ эту минуту съ расомъ, и поспѣшилъ вступиться въ дѣло.

„Ты лжешь,—сказалъ я ей черезъ переводчика,—вотъ я тебѣ за это вложу сейчасъ въ ротъ такое лекарство, отъ котораго ты немедленно умрешь, какъ только еще разъ скажешь неправду".—Я велѣлъ солдатамъ открыть Келемисѣ ротъ и, пристально глядя ей въ глаза, втиснулъ между зубовъ пластинку хины. Съ ужасомъ смотрѣла на меня Келемиса.

— Гдѣ Мурле?—спросилъ я ее послѣ этого.

Она показала пальцемъ на югъ.—„Либа іе унто" (хлѣбъ есть тамъ или нѣтъ, на языкѣ иденичъ)?—„Іе",—есть—отвѣтила она. Расъ и я торжествовали: могущая постигнуть насъ бѣда миновала.

Послѣ этого мы пошли дальше и къ полдню вышли къ водѣ. Келемиса послушно исполняла теперь наши приказанія.

Около 11 часовъ дня мы стали бивакомъ. На противоположномъ берегу рѣки виднѣлись частыя усадьбы туземцевъ, окруженныя полями машеллы. На нашемъ берегу поля тоже были кое-гдѣ обработаны, но поселеній не было, и туземцы для полевыхъ работъ переѣзжали, вѣроятно, на эту сторону въ челнокахъ. Намъ попались въ плѣнъ двое мужчинъ и нѣсколько женщинъ. Наружностью и одеждой они отличались отъ иденичъ и языка ихъ не понимали Они были гораздо красивѣе ихъ. Нижняя губа была проткнута и въ нее вставлена маленькая палочка въ нѣсколько сантиметровъ длины, украшенная мѣдными пластинками. Въ края ушей сверху до низу вдѣто нѣсколько мѣдныхъ колецъ съ красными бусами на нихъ. Мужчины были совершенно нагіе, а

у женщинъ на бедрахъ былъ надѣтъ коротенькій передникъ, расшитый раковинками, черезъ плечо накинута бычачья шкура. Волосы коротко обриты и отрощены только на макушкѣ въ завитыя космочки.

Я „винтилъ солнце", а потомъ раздавалъ лекарство и дѣлалъ перевязки осаждавшимъ меня больнымъ и раненымъ. Санитарное состояніе нашего отряда съ каждымъ днемъ ухудшалось, много солдатъ порѣзали себѣ ноги объ камни или занозили ихъ колючками, а жаркій, тропическій климатъ очень вредно отзывался даже на самыхъ маленькихъ ранахъ, подвергавшихся сильному гніенію. Кромѣ того, многіе страдали нарывами. Больные приходили ко мнѣ и умоляли, чтобы я имъ вскрылъ нарывъ. Не мало было больныхъ поносами, лихорадками. Было нѣсколько раненыхъ во время недавнихъ фуражировокъ. Удивительно терпѣливы эти люди, никогда я не видалъ еще такой выносливости.

Послѣобѣденное время я провелъ съ главнокомандующимъ на берегу рѣки, подъ тѣнью громаднаго дерева. Мы наблюдали въ подзорную трубу обитателей того берега и стрѣляли въ крокодиловъ и гиппопотамовъ, когда они показывались на поверхности воды. Крокодилы были удивительно смѣлы и совсѣмъ не боялись людей.

24 Марта. Рѣка повернула на востокъ. Отрядъ слѣдовалъ по ея теченью, и около 12 ч. 30 м. голова колонны стала бивакомъ на берегу маленькаго озерца, образованнаго разливомъ р. Омо. Низменная часть берега поросла густымъ лѣсомъ, въ которомъ деревья достигали гигантскихъ размѣровъ. Я „винтилъ солнце", и т. к. мы шли сначала на юго-западъ, потомъ на юго-востокъ, то почти не приблизились къ пресловутому оз. Рудольфа, и Вальде-Георгисъ пришелъ въ отчаяніе, когда я показалъ ему на картѣ мѣсто сегодняшняго нашего бивака. Онъ какъ будто начиналъ сомнѣваться, что мы когда-нибудь достигнемъ озера, и сегодня высказывалъ мнѣ наединѣ свое раздумье. Сила и энергія какъ отряда, такъ и самого главнокомандующаго, очевидно, падали. Характернымъ показателемъ этого было растягиваніе походной колонны: голова колонны пришла на бивакъ въ 12½ ч., а аріергардъ только въ 7 час. вечера. Мулы, очень плохо перенося жару и находясь ежедневно подъ вьюкомъ отъ 7 до 13 час. въ сутки, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе слабѣли. Люди тоже страшно

устали, а особенно тѣ, которые за отсутствіемъ вьючныхъ животныхъ, несли свое продовольствіе на головахъ.

Я сознавалъ справедливость опасеній раса, но вѣдь озеро должно было быть совсѣмъ близко. Мы должны были найти тамъ продовольствіе!... „Не надо падать духомъ",—говорилъ я расу. — „Вы знаете, что никакое большое дѣло легко не дается, вѣдь даже женщина, когда родитъ, страдаетъ". Главнокомандующему эти слова очень понравились, онъ, разсмѣявшись, отвѣтилъ: „Дай Богъ, чтобы и мы поскорѣе родили твое озеро". Въ 8 час. вечера былъ ураганъ, но слабѣе, чѣмъ наканунѣ.

25 Марта. День Благовѣщенія былъ для насъ очень счастливымъ. Пройдя холмистые солончаки, мы вступили въ ровную, поросшую сочной травой и кустами, степь, а въ 8 час. утра увидали хуторки туземцевъ, зрѣющія поля машеллы и кукурузы и многочисленныя стада рогатаго скота и ословъ. Какая это была пріятная для нашего сердца картина послѣ безплодныхъ солончаковыхъ холмовъ и непроходимой чащи колючихъ кустарниковъ!.. Солдаты, позабывъ усталость, съ гикомъ разсыпались по равнинѣ. Они захватывали скотъ и забирались въ дома, въ поискахъ за молокомъ и хлѣбомъ. Жители бѣжали, и только изрѣдка раздавались выстрѣлы, свидѣтельствовавшіе о происходящихъ одиночныхъ схваткахъ. Въ 9 часовъ утра отрядъ сталъ бивакомъ въ самомъ центрѣ поселенія.

Я поднялся на одинъ изъ холмовъ, возвышавшихся невдалекѣ отъ лагеря, и оттуда произвелъ солнечное наблюденіе. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня лежалъ ничкомъ, уткнувшись лицомъ въ землю и приложивъ къ губамъ „матабъ" (шелковый шнуръ, съ пришитой къ нему ладонкой, замѣняющій абиссинцамъ теперь крестъ), только что убитый абиссинскій офицеръ. На спинѣ и на шеѣ у него зіяли громадныя раны, нанесенныя копьемъ...

Вернувшись на бивакъ, мы съ Зелепукинымъ чудно пообѣдали бараниной, поджаренной на маслѣ, и запили кринкой молока. Солдаты возвращались на бивакъ, нагруженные зерномъ, и гнали передъ собой скотъ и плѣнныхъ. Плѣнныхъ допрашивали, и они показали, что до озера всего два дня пути. Для всего отряда день этотъ былъ большимъ праздни-

комъ. Въ первый разъ за три недѣли похода мы могли заснуть безъ тяжелой заботы о слѣдующемъ днѣ.

Долго не успокаивался бивакъ въ эту ночь. Раздававшійся, послѣ ужина, веселый бой въ литавры—„гыбыръ, гыбыръ!“—какъ его называли абиссинцы,—покрывался блеяніемъ овецъ, мычаньемъ коровъ и ревомъословъ, вновь захваченныхъ солдатами; кое-гдѣ пѣли, слышался веселый смѣхъ и оживленные разсказы о сегодняшнихъ боевыхъ эпизодахъ, и среди всѣхъ этихъ звуковъ раздавались обычные протяжные крики солдатъ, разыскивавшихъ своихъ заблудившихся муловъ. Около каждой палатки—костеръ, и при свѣтѣ его солдаты возятся съ только-что пріобрѣтенными ослами, пріучая ихъ къ вьючкѣ. Ослы вырываются, бьются, но, въ концѣ концовъ, покоряются.

26 Марта. Въ 5 часовъ утра раздался сигнальный рожокъ, и мы выступили. Вчерашній плѣнный ведетъ насъ напрямикъ по гладкой, покрытой травой и рѣдкими кустами, степи. Поселенія Мурду остались позади. Около берега виднѣются коегдѣ поля машеллы, но домовъ не замѣтно. Около 8 часовъ утра заблестѣла вдали поверхность озера. Вотъ она, наконецъ, завѣтная цѣль нашей экспедиціи! Солдаты веселыми криками привѣтствовали долго жданное озеро. Наша походная колонна была опять также шумна, стремительна и весела, какъ и раньше. Со смѣхомъ повторяли солдаты сложенныя во время похода поговорки, выражавшія въ юмористическомъ видѣ перенесенныя ими тягости *).

Мы стали бивакомъ на берегу маленькаго озерца, среди небольшихъ поселеній племени Машай, и взяли въ плѣнъ

*) Вотъ, напр., одинъ изъ такихъ діалоговъ: „Етъ техедалехъ?“—куда идешь? „Бандера текела.“ Ставить флаги. „Мынъ тыбелалэхъ?“—Что ѣшь?—„Комора“ (кислый фруктъ) „Мынъ тытеталехъ?“—Что пьешь?—„Агуара“—пыль. „Мынъ тышекамалехъ?“—Что ты понесешь?—„Фужигра“. Ружье.—„Яманъны ашкеръ?“—Чей ты слуга?—„Ерасъ Макара“—Раса заботы. (Прозвище раса Вальде-Георгиса). Или вотъ, напр., другая поговорка: „Бе фрэнджю хидъ но ауаджю“,—при иностранцѣ только одинъ приказъ—иди впередъ!“—„Бе Баю еммайммечынъ гудъ аю“. При Баю (Ато-Баю) мы видали невозможныя вещи.—„Бе Мелькe етафанъ ба коркѣ“.—При Мелькѣ (секретарь раса) мы осквернились въ постъ мясомъ антилопы. „Те шиамбель гадель ишалалъ.“ Лучше пропасть, чѣмъ полковники... и т. п.,—причемъ перечисляется самымъ нелестнымъ образомъ большинство начальниковъ.

нѣсколькихъ жителей. Плѣнные, въ большинствѣ, были хромые, вслѣдствіе поврежденныхъ сухожилій подъ колѣномъ. Причины этого обстоятельства мнѣ не удалось выяснить. Произошла ли хромота въ борьбѣ съ товарищами, вооруженными браслетообразными ножами, или она явилась наказаніемъ за бродяжничество, дабы, такимъ образомъ, насильно прикрѣпить къ землѣ?..

VIII.

Устье р. Омо и обратный путь до р. Кибиша.

Рѣка Нянямъ, какъ называютъ Омо обитающіе у ея устья туземцы, тѣснимая съ востока,—послѣ соединенія трехъ рѣкъ Гибье въ одну,—высокимъ горнымъ хребтомъ, составляющимъ водораздѣлъ бассейновъ оз. Уаламо (Regina Margherita) и оз. Рудольфа, а на западѣ высокими Каффскими горами,—отрогами хребта—ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II, являющагося водораздѣломъ бассейновъ рр. Омо и Собата,—выходитъ къ югу отъ 6° с. ш. изъ горныхъ ущелій въ широкую долину. Одинъ изъ отроговъ восточнаго хребта, возвышающійся въ видѣ каменной гряды надъ лѣвымъ берегомъ рѣки, отклоняетъ ея теченіе къ западу, затѣмъ рѣка огибаетъ южную оконечность этихъ горъ на 5° 20′ с. ш., течетъ отсюда на югъ и на 4° 59′ с. ш. и 36° 14′ в. д. отъ Гринвича и впадаетъ затѣмъ въ заливъ Русъ, или Ырусъ оз. Рудольфа. Заливъ этотъ отдѣляется узкой косой, поросшей высокими деревьями, наполовину затопленными, отъ другого залива, находящагося на востокѣ.

Вдоль праваго берега рѣки, отстоя отъ него на нѣсколько десятковъ верстъ, тянется параллельно ея теченію невысокая горная цѣпь, на южной оконечности которой находится остроконечная скалистая вершинка—гора Курасъ. Къ западу отъ этихъ горъ со скалистаго плато спускается къ озеру по временамъ пересыхающая рѣчка, впадающая въ

широкій заливъ Лабуръ. Съ востока въ р. Омо на широтѣ 5°20′ с. ш. впадаетъ значительный притокъ (вдоль его лѣваго берега поднимался Дональдсонъ Смитъ во время своего путешествія, принимая эту рѣку за Омо). Долина рѣки представляетъ изъ себя гладкую низменную солончаковую степь, покрытую травой, а вдоль теченія—густыми зарослями колючихъ кустовъ и узкой полосой дѣвственнаго густаго лѣса. Вблизи отъ озера берегъ заливается въ періодъ дождей на значительное разстояніе, на немъ часто разсыпаны высокія причудливыя столбообразныя постройки термитовъ.

Берега р. Нянямъ населены только у его устья; обитающія здѣсь племена: Мурле, Рого, Мурду или Муруту, Машай и др. родственны, судя по типу и по языку, дикарямъ иденичъ. Въ нихъ замѣтны типичные признаки негритянской расы, но они культурнѣе, выраженіе ихъ лица гораздо умнѣе, чѣмъ у родственныхъ имъ дикарей охотниковъ и кочевниковъ, обитающихъ выше по теченію рѣки, бродящихъ въ ея густыхъ прибрежныхъ лѣсахъ и на скалистомъ плато къ сѣверо-западу отъ озера. Народъ этотъ поражалъ первыхъ, открывшихъ его, европейцевъ какъ своей внѣшностью, такъ и достоинствомъ, съ которымъ онъ себя держалъ. Всѣ отлично сложены, женщины далеко не уродливы. Мужчины не носятъ никакой одежды, женщины же носятъ вокругъ бедеръ небольшую шкуру серпообразной формы, расшитую иногда раковинками, черезъ плечо накидываютъ большую воловью, отлично выдѣланную, шкуру, свѣшивающуюся до колѣнъ. Украшаютъ себя мужчины и женщины желѣзными браслетами, мѣдными серьгами, продѣтыми по семи въ каждомъ ухѣ, и маленькими палочками, въ вершокъ длины, которыя втыкаютъ въ проткнутую нижнюю губу; иногда замѣняютъ ее стебелькомъ сухой травы и свистятъ въ него. У женщинъ, кромѣ того, на шеѣ надѣто ожерелье въ нѣсколько рядовъ, сдѣланное изъ мелко распиленныхъ птичьихъ и крокодильихъ косточекъ, или изъ глиняныхъ бусъ, у нѣкоторыхъ же красуются европейскія синія и бѣлыя

Роговая ложка пл. Мурду.

Боевая шапка Мурду.

бусы. Мужчины большей частью коротко острижены; у нѣкоторыхъ же волосы высоко взбиты и образуютъ два отдѣль-

Шлемъ Машай.

ныхъ хохла, спереди и сзади. У женщинъ голова обрита вокругъ макушки, наверху которой отрощено нѣсколько космочекъ, спадающихъ внизъ.

Оружіе воиновъ состоитъ изъ длинныхъ копій, лезвія которыхъ насажены на роговые черенки, прикрѣпленные къ длинной трости. Копья сильно заострены и покрыты кожаными накладками. На рукахъ они носятъ браслетообразные ножи, острыя лезвія которыхъ тоже защищены кожаными накладками. Кромѣ того, они употребляютъ въ бою еще палицы. Оборонительное вооруженіе составляютъ щиты, украшенные сверху страусовыми перьями. Воины украшаютъ себѣ головы шлемами, — сдѣланными изъ сбитаго изъ человѣческаго волоса войлока, обшитаго наверху раковинками, или изъ плетеной сухой травы,—богато украшенными страусовыми перьями.

Женское ожерелье изъ рыбьихъ косточекъ Машай.

Характерную принадлежность исключительно этого племени составляютъ маленькія низенькія табуретки, которыя мужчины всегда носятъ съ собой. Мужчины татуируютъ себѣ

Палица пл., населяющихъ устье р. Омо.

Скамейка жителей устья р. Омо.

иногда правое плечо и правую руку крапинками и на лбу проводятъ нѣсколько вертикальныхъ черточекъ; нижніе рѣзцы обыкновенно какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, выбиты.

Языкъ ихъ, судя по тѣмъ словамъ, которыя я собралъ, очень мало отличается отъ языка иденичъ.

Культура стоитъ сравнительно на довольно высокой ступени. Дома, куполообразной формы, отлично построены. Поселенія расположены группами, усадьбы окружены заборами. Земля отлично обрабатывается. Занимаются скотоводствомъ и разводятъ, кромѣ рогатаго скота, еще ословъ, мясо которыхъ употребляютъ въ пищу. Ослы здѣсь гораздо больше абиссинскихъ, свѣтло-гнѣдой масти и отлично сложены.

Сосудъ для молока изъ слоноваго клыка, обтянутаго кожею, племени Машай.

Большая часть поселеній расположена на лѣвомъ, болѣе возвышенномъ берегу Няняма, и только племя Мурду, или Муруту, отличающееся своей воинственностью, раскинулось

на правомъ берегу, не опасаясь набѣговъ воинственныхъ степняковъ-кочевниковъ Тургана, обитающихъ къ западу отъ оз. Рудольфа.

Кожаный щитъ Мурду (23 дюйм.). Кожаный щитъ Машай (2 ф. 8 д.).

*27 **Марта***. Въ 7 часовъ утра мы стали бивакомъ на самомъ берегу рѣки въ тѣни высокихъ деревьевъ у впаденія Няняма въ заливъ Русъ. Отрядъ нашъ частью разсыпался по окрестностямъ въ поискахъ за добычей, частью занялся постройкой шалашей на бивакѣ. Я воспользовался ранней остановкой и, установивъ на небольшомъ холмѣ на берегу озера универсальный инструментъ, занялся производствомъ сол-

нечныхъ наблюденій. Около 2 часовъ дня, закончивъ наблюденія, я направился къ биваку. По дорогѣ я перегонялъ возвращавшихся съ добычей солдатъ. Одни несли на головахъ кукурузу, или машеллу, увязавъ ее въ плащи, другіе — громадныя тыквы, полныя кислаго молока, нѣкоторые счастливцы гнали передъ собой стада ословъ, быковъ, козъ и барановъ и тащили на плечахъ отбитые у туземцевъ щиты, копья и боевые шлемы — сегодняшніе побѣдные трофеи. Богатая добыча заставила абиссинцевъ позабыть недавніе труды и лишенія. Они пѣли боевыя пѣсни и перекидывались другъ съ другомъ остротами и шутками.

Меня встрѣчали теперь съ особеннымъ уваженіемъ и низко мнѣ кланялись. Нѣкоторые цѣловали мои колѣни и наивно благодарили за то, что я ихъ „привелъ въ хорошую землю", какъ будто я былъ виновникомъ этого...

Не успѣлъ я вернуться и пообѣдать кускомъ мяса, поджареннаго на ослиномъ маслѣ, какъ къ моей палаткѣ подошелъ расъ и его духовникъ, окруженные толпою солдатъ. Они несли ко мнѣ маленькаго мальчика, брошеннаго родителями и страшно изуродованнаго нашими кровожадными Куло*). На видъ ему было около 3-хъ лѣтъ. Нашелъ его священникъ въ камышахъ, гдѣ онъ лежалъ въ безпомощномъ состояніи около самой рѣки. Священникъ поднялъ его и принесъ къ расу, который теперь и притащилъ его ко мнѣ, съ просьбой оказать помощь.

Мальчишка молча стоялъ передо мною, широко разставивъ ноги. Онъ былъ страшно окровавленъ, но кровь большею частью присохла. Маленькій страдалецъ не стоналъ и не плакалъ, а только кротко глядѣлъ на всѣхъ насъ. Когда я его положилъ для перевязки на спину, онъ, увидавъ въ моихъ рукахъ ножницы, сталъ отбиваться всѣми силами и жалобно кричать: „Ай! ай! ай!", ударяя себя ладоньками въ грудь. Суровые солдаты, пролившіе на своемъ вѣку не мало крови, и тѣ не могли отъ жалости смотрѣть на невинно пострадавшаго, обливавшагося кровью маль-

*) Куло—одно изъ жестокихъ племенъ Сидамо (см. выше). Они до того кровожадны, что не давали пощады даже захваченному скоту и, если не могли взять его съ собой, то перерѣзывали животнымъ горло и бросали на дорогѣ. Они не входили въ составъ нашихъ регулярныхъ войскъ и были при отрядѣ на положеніи турецкихъ башибузуковъ.

чишку, и одинъ за другимъ уходили. Первымъ удалился самъ расъ. Я очистилъ рану, обмылъ ее составомъ сулемы и кокаина и, сдѣлавъ перевязку, уложилъ мальчика въ моей палаткѣ.

Васька, какъ я почему-то назвалъ его, оказался хорошенькимъ, здоровымъ, пузатымъ мальчуганомъ; голова его была коротко обстрижена, только наверху торчали два пучечка волосъ. Нижніе два рѣзца выбиты. На рученкахъ и на ножкахъ небольшія желѣзныя браслеты, а на шеѣ на веревочкѣ привязаны двѣ небольшихъ крокодиловыхъ косточки и надѣты сдѣланныя изъ глины бусы. Зелепукинъ хотѣлъ было снять ихъ, но Васька уцѣпился за нихъ и ни за что не отдавалъ.

Васькино шейное украшеніе.

Весь остальной день я провелъ въ пріятномъ dolce far niente на берегу рѣки. Въ душѣ надъ всѣми остальными чувствами преобладало чувство необыкновеннаго спокойствія и „пресыщенности энергіи“, если такъ можно выразиться, какое бываетъ только послѣ окончанія какого-нибудь заданнаго себѣ труднаго, продолжительнаго дѣла. Пріятно сознавать, что оно уже кончено, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ощущаешь какую то пустоту... Расъ лежалъ на разостланной на высокомъ берегу рѣки шаммѣ одного изъ пажей, положивъ голову на колѣни полковника. Остальные офицеры сидѣли или лежали вокругъ. Мы глядѣли въ тихо катящіяся мутныя воды рѣки и стрѣляли въ появлявшихся то тутъ, то тамъ крокодиловъ и гиппопотамовъ. Въ подзорную трубу мы наблюдали за тѣмъ, что дѣлается на противоположномъ берегу, да изрѣдка, истомясь отъ жары и духоты, сбѣгали внизъ попить теплой воды Нянямa...

28 Марта. Отряду назначена дневка. Войскамъ отданъ приказъ, чтобы каждый чинъ отряда раздобылъ себѣ два камня для сооруженія памятника въ ознаменованіе нашего пребыванія здѣсь. Одному изъ полковниковъ приказано добыть челнъ и подготовить переправу небольшого отряда, чтобы водрузить на томъ берегу абиссинскій флагъ.

Утромъ я приказалъ Габро-Маріаму (солдатъ-переводчикъ языка Шуро) привести всѣхъ плѣнныхъ переводчиковъ, причемъ каждаго изъ нихъ сопровождалъ солдатъ, которому онъ

былъ порученъ. Я усадилъ ихъ всѣхъ въ одинъ рядъ и сталъ разспрашивать. По абиссински я обращался съ вопросомъ къ Габро-Маріаму, который переводилъ мои слова на языкъ Шуро старику Муруту-Бабусу, этотъ на языкѣ горцевъ передавалъ ихъ плѣнному земли Канта, тотъ, въ свою очередь, Иденичу, взятому нѣсколько дней тому назадъ около рѣки Омо, который, наконецъ, сообщалъ мой вопросъ послѣднимъ плѣннымъ племени Машай. Не легкое это было дѣло. Каждый переводчикъ сначала нѣсколько разъ повторялъ своему сосѣду: „слушай хорошенько!“ и передавалъ ему мои слова только послѣ того, какъ вопрошаемый также нѣсколько разъ отвѣчалъ: „слышу хорошо“. Такимъ образомъ путешествовалъ мой вопросъ къ Машаю и обратно и, конечно, большею частью подвергался всевозможнымъ искаженіямъ. Поэтому приходилось начинать съизнова, не будучи, однако, обезпеченнымъ отъ повторенія ошибки, такъ какъ неизвѣстно было, въ какомъ звенѣ цѣпи она произошла. Даже самыхъ простыхъ, казалось бы, свѣдѣній,—какъ, напр., названія земли и племени, новаго плѣннаго,—можно было добиться только послѣ долгихъ разспросовъ. Чтобы удостовѣриться въ томъ, что мнѣ отвѣчаютъ, дѣйствительно, на вопросъ, необходимо было обращаться къ всевозможнымъ провѣркамъ: иначе могли бы получиться феноменальныя извращенія. Словомъ, я изощрялся, какъ судебный слѣдователь во время труднаго допроса.

Въ концѣ концовъ мнѣ удалось все-таки кое-что узнать. Я составилъ нѣчто въ родѣ словаря*). Языки племени Машай и Иденичъ оказались до такой степени схожи, что я подозрѣваю—не произошло-ли какой-нибудь ошибки, и не повторялъ ли плѣнный Машай извѣстныхъ ему словъ языка Иденичъ?

Про обитающія вблизи племена я узналъ слѣдующее: къ западу отъ устья рѣки есть земля Ломодокъ, жители которой богаты скотомъ, но хлѣбопашествомъ не занимаются. Къ югу отъ нихъ вдоль западнаго побережья озера живутъ воинственные Тургана, у которыхъ также большія стада скота и много верблюдовъ. Хлѣба Тургана не сѣютъ, а собираютъ на берегу озера какую-то траву, употребляемую ими въ пищу (у многихъ женщинъ, которыхъ мы взяли въ

*) Смотри приложеніе.

плѣнъ у озера, солдаты находили запасы травы, но, не зная ея употребленія, выбрасывали ее). У многихъ плѣнныхъ на шеѣ были голубыя бусы, у нѣкоторыхъ мѣдныя гильзы патроновъ, которыя, по ихъ словамъ, имъ дали гучумба (европейцы). Дѣйствительно, около самаго устья рѣки еще виднѣлись слѣды разрушеннаго лагеря европейцевъ. Невысокая засѣка окружала тамъ небольшую площадь, въ одномъ изъ угловъ которой была устроена вышка; вокругъ засѣки лежало много рыбьихъ и бараньихъ костей и среди нихъ человѣческій черепъ. „Гучумба“ были здѣсь 3 мѣсяца тому назадъ, а отсюда они прошли въ землю Наруга вверхъ по теченію р. Омо. Повидимому, эти европейцы были тѣ, слѣды которыхъ мы встрѣтили въ Мену. Туземцы, по ихъ словамъ, другихъ европейцевъ еще никогда и не видали.

Измученный допросомъ, я пошелъ отдохнуть на берегъ рѣки, гдѣ въ это время подготовлялась переправа къ завтрашнему дню. Переводчиковъ расъ потребовалъ къ себѣ для переговоровъ съ туземцами на той сторонѣ.

Нѣсколько черныхъ голыхъ фигуръ сидѣли на томъ берегу на низенькихъ табуреткахъ подъ тѣнью развѣсистаго дерева.— „Приходите къ намъ покориться“—кричалъ имъ Машай по приказанію раса.—„Мы васъ не знаемъ“—отвѣчали съ того берега—„вы гучумба (бродяги), уходите изъ нашей земли“.— „Не придете добровольно, мы васъ попалимъ огнемъ нашихъ ружей, заберемъ вашъ скотъ, вашихъ женъ и дѣтей. Мы не гучумба, мы ваши властители Амара (абиссинцы) Менелика“.—„Не знаемъ мы Амара Менеликъ. Уходите, уходите!“...

Переговоры не имѣли успѣха, но когда къ нашему берегу подъѣхалъ найденный выше по теченію рѣки челнокъ, туземцы сдѣлались сговорчивѣе и стали спрашивать:

— „Кто такой Амара-Менеликъ, что мы ему должны покориться?“

— „Мы Амара, а Менеликъ, нашъ великій царь“.

— „Вы убьете насъ, если мы къ вамъ придемъ“.

— „Нѣтъ, не убьемъ, приходите, приносите дань“.—„Хорошо, мы объ этомъ потолкуемъ“... Въ это время нѣсколько абиссинцевъ причалили къ противоположному берегу, чтобы переправить на нашу сторону стоявшій тамъ другой челнъ, и туземцы скрылись.

Передъ вечеромъ я сдѣлалъ нѣсколько операцій, вскры-

Васька.

валъ тремъ больнымъ нарывы, одному—кисти руки, а двумъ—на подошвѣ.

На нашемъ бивакѣ, несмотря на такое короткое пребываніе, начинаетъ распространяться зловоніе отъ массы вокругъ лежащихъ внутренностей зарѣзанныхъ животныхъ. Галласы буквально объѣдались мясомъ, абиссинцы же пока только нарѣзывали его тонкими лентами и сушили на солнцѣ для будущихъ розговѣнъ. Въ особенности портятъ воздухъ выдѣлываемые мѣха для воды. Только что снятую шкуру предварительно намачиваютъ и держатъ до тѣхъ поръ, пока она не подгніетъ настолько, что шерсть начинаетъ легко сходить. Затѣмъ шерсть соскабливаютъ, мѣха надуваютъ и уминаютъ ногами. Нѣтъ почти такого солдата, который не запасся бы мѣхомъ. Почти у каждой палатки видишь или намокающіе мѣха, отравляющіе воздухъ гнилью, или сильно накаченные воздухомъ и сохнущіе на солнцѣ, на другихъ, видишь, пляшетъ солдатъ, схватившись руками за вѣтку дерева и высоко подпрыгивая на туго надутомъ мѣхѣ.

Васька живъ, и сегодня я дѣлалъ ему перевязку. Сегодня мимо палатки, въ которой онъ лежитъ, шелъ одинъ изъ ашкеровъ рѣзать барана. Какъ только Васька увидалъ у него въ рукахъ ножъ, онъ схватилъ камень и замахнулся на него. Такое молодечество въ 3-хъ лѣтнемъ мальчикѣ! Я вполнѣ раздѣляю мнѣніе тѣхъ изслѣдователей Африки, которые утверждаютъ, что здѣсь нѣтъ дѣтей, или, лучше сказать, всѣ, старъ и младъ, одинаковыя дѣти.

29 Марта. Въ лагерѣ утромъ все было готово, и охотники уже начали переправляться на ту сторону въ двухъ добытыхъ вчера челнокахъ. Они были долбленые и очень валки. Люди садились по шести человѣкъ держась руками за борта, ногами обхватывая впереди сидящаго. На кормѣ стояли опытные лодочники раса, племени Куло, живущаго на берегу Омо, и гребли длинными веслами. Съ озера дулъ сильный вѣтеръ, поднявшій волненіе на рѣкѣ, и волны хлестали черезъ низкіе борта челноковъ. Переправилось около ста человѣкъ, которыхъ съ этой стороны должны были поддержать тысяча ружей. Послѣдними переѣхали я и Ато-Баю съ флагомъ, прикрѣпленнымъ къ длинному древку. Флагъ привязали къ верхушкѣ большого дерева и съ той стороны отсалютовали ружейнымъ залпомъ и боемъ въ литавры.

По водруженіи флага, мы съ Ато-Баю возвратились обратно, а солдаты разсыпались по густо населенному берегу, и раздававшіеся время отъ времени выстрѣлы показывали, что они дѣломъ подтверждали слова раса, убѣждавшаго туземцевъ добровольно покориться. Охотники собрались къ обратному переѣзду только къ заходу солнца и тѣмъ же порядкомъ возвратились на нашу сторону. Расъ не предпринялъ на той сторонѣ никакихъ болѣе серьезныхъ операцій, такъ какъ его владѣнія оканчивались на правомъ берегу р. Омо.

Къ вечеру мы торжественно водрузили флагъ у устья рѣки. По сигналу раса отрядъ выступилъ въ резервной колоннѣ къ берегу озера. Каждый чинъ отряда, не исключая и раса, несъ на плечахъ по̀ два камня. На одномъ изъ холмовъ, на самомъ берегу, мы остановились и изъ камней сложили высокую кучу. Посрединѣ утвердили столбъ (12 арш. высоты), связанный изъ нѣсколькихъ стволовъ, и на концѣ его зашелестѣлъ шелковый зеленый-красный-желтый абиссинскій флагъ. Тогда отрядъ выстроился покоемъ противъ флага тыломъ къ озеру. На противоположной сторонѣ лицомъ къ озеру сталъ главнокомандующій и его свита, а за нимъ литавры, флейты и трубы. Расъ взялъ въ руки ружье. Все замолкло. Всѣ глаза устремились на главнокомандующаго, и войска съ напряженіемъ ждали его перваго выстрѣла. Минута была торжественная. Впереди блестѣло озеро, то самое давно желанное озеро, къ которому мы такъ долго и неуклонно стремились. Направо тянулась низменная степь, а тамъ далекія горы, налѣво—густой прибрежный лѣсъ р. Омо. И на этомъ фонѣ ярко выдѣлялся фронтъ абиссинскихъ войскъ. Пестрѣли шелковыя рубашки, звѣриныя шкуры, золотыя и серебряныя украшенья и развѣвались абиссинскія знамена. Наконецъ, выстрѣлъ грянулъ, и пять тысячъ абиссинскихъ ружей отсалютовали новымъ владѣніямъ Менелика и вновь водруженному его флагу. Забили литавры, затрубили трубы, засвистали флейты, раздались боевыя пѣсни.... Умиленный расъ Вальде-Георгисъ обнялъ меня, и я его горячо и отъ души поздравилъ.

30 Марта. Отрядъ выступилъ въ обратный путь. Я отдѣлился, намѣреваясь подняться на гору Курасъ, которая возвышалась на южной оконечности горной цѣпи, тянущейся въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ праваго берега рѣки. Я хотѣлъ

произвести оттуда наблюденія и связаться съ вершинами находящагося на сѣверѣ хребта, который долженъ былъ быть оттуда виденъ. По случаю переутомленія отряда сопровождали меня только два моихъ оруженосца, Абаба и Аулале. Раса я не предупредилъ о моемъ намѣреніи, зная, что онъ не согласится отпустить меня одного безъ конвоя. Мы выступили въ 4 часа утра и быстро направились по равнинѣ. Мѣстность сначала была очень ровная, и я иноходью ѣхалъ на моей чудной мулихѣ, а Абаба и Аулале, первый съ трехлинейкой и универсальнымъ инструментомъ въ рукахъ, а второй со штативомъ, бѣгомъ поспѣвали за мной. Скоро взошло солнце; сдѣлалось жарко, да и дорога стала труднѣй: рыхлая, размокающая во время половодья, почва дала повсюду глубокія трещины; мулъ оступался каждую минуту. Мы пошли тише. Около 9 часовъ утра невдалекѣ отъ насъ послышался изъ кустовъ разговоръ. Мои ребята кинулись туда и наткнулись на десятокъ туземцевъ съ семьями; они только что зарѣзали большого барана и свѣжевали его. Застигнутые врасплохъ, туземцы бѣжали во всѣ стороны, а мои ашкеры бросились за ними. Мой мулъ, который не могъ бѣжать быстро, благодаря трещинамъ почвы, отсталъ отъ ашкера. Это было, впрочемъ, къ лучшему, такъ какъ вскорѣ туземцы, замѣтивъ, что абиссинцевъ только двое, остановились и стали заходить моимъ ашкерамъ въ тылъ и только при моемъ появленіи окончательно бѣжали. Абаба поймалъ, наконецъ, туземца, вооруженнаго копьемъ, щитомъ, лукомъ и стрѣлами, а Аулале—его жену съ груднымъ ребенкомъ. Въ этомъ случаѣ они показали себя молодцами, такъ какъ поймать вооруженнаго, хотя и бѣгущаго, можетъ только храбрый человѣкъ. Гораздо легче и соблазнительнѣй застрѣлить его изъ ружья... Что касается до Аулале, то онъ преслѣдовалъ совершенно безоружный, съ однимъ только штативомъ отъ инструмента на плечахъ. Плѣнные были въ полномъ отчаяніи. Мужчина жалобно мычалъ и вытягивалъ руки впередъ, повернувъ ихъ ладонями вверхъ, а женщина выдавливала себѣ изъ груди нѣсколько капель молока на ладонь и протягивала мнѣ, умоляя о пощадѣ. Ребенокъ ревѣлъ. Маленькая собаченка, оставшаяся вѣрной своимъ хозяевамъ, вертѣлась вокругъ насъ и заливалась лаемъ... Мнѣ пришло въ голову воспользоваться нашими плѣнными, какъ проводни-

ками, и я сталъ ихъ успокоивать, какъ могъ, показывая на виднѣвшуюся впереди гору и объясняя знаками, что хочу идти туда и потомъ отпущу ихъ на свободу. Они, кажется, поняли и перестали трепетать. Мои ребята взвалили на нихъ свою ношу—инструментъ и штативъ, и мы двинулись къ горѣ.

Плѣнные были изъ племени Тургана. Мужчина высокаго роста, съ довольно правильными чертами лица, прямымъ носомъ, совсѣмъ не похожимъ на негритянскій. Губы не особенно толсты, глаза умные, выраженіе лица открытое. Онъ обрѣзанъ, и бедра нататуированы мелкими крапинками. На плечи накинута черная шкура козленка, свѣшивавшаяся съ плечъ назадъ и составлявшая всю его одежду. Волосы сплетены въ длинный, свисающій до самыхъ плечъ, шиньонъ, немного напоминающій прически въ семидесятыхъ годахъ нашихъ дамъ, которыя носили волосы въ шелковыхъ сѣткахъ. Конецъ шиньона свитъ въ торчащій назадъ хвостикъ, на макушкѣ были страусовыя перья.

Его спутница была молодая, очень стройная и сравнительно красивая женщина. По типу похожа на сомалійку. Вокругъ ея бедеръ обвернута большая воловья шкура. На рукахъ желѣзныя браслеты. Волосы коротко острижены, только на макушкѣ оставленъ небольшой хохолъ Губы у нея не проткнуты, какъ у женщинъ иденичъ, и передніе рѣзцы не выбиты. Около десяти часовъ мы достигли подножья горы и стали взбираться по усыпанному застывшей лавой и камнями подъему. Вскорѣ я принужденъ былъ слѣзть съ мула и, оставивъ при немъ одного изъ ашкеровъ, направился дальше пѣшкомъ.

Солнце какъ-то особенно пекло въ этотъ день. Подъемъ оказался труднымъ и очень крутымъ, усыпаннымъ мелкими камнями; скаты его поросли густымъ колючимъ кустарникомъ. Съ трудомъ карабкались мы, то и дѣло оступаясь, падая... На полгорѣ плѣнные отказались идти дальше и легли, обнявшись другъ съ другомъ. Никакія угрозы не помогали. Они, вѣроятно, рѣшили лучше умереть, чѣмъ идти дальше. Плѣнный былъ мнѣ очень нуженъ, такъ какъ только онъ могъ назвать мнѣ окружающія горы, почему я рѣшилъ заставить его идти во что бы то ни стало. Я выстрѣлилъ изъ револьвера надъ самымъ его ухомъ и, воспользовавшись его испугомъ, поднялъ плѣнника за волосы. Его ношу я

взвалилъ себѣ на плечи и пошелъ впередъ. Онъ машинально послѣдовалъ за мной. Женщина продолжала лежать, и мы ее оставили. Ребенка отецъ несъ на рукахъ. Въ одиннадцать часовъ пятнадцать минутъ, совершенно измученные, достигли мы вершины горы. Высота ея надъ уровнемъ моря 1047 метровъ, высота подъема—500 метровъ. Температура воздуха у подножія была +34 градуса Р. въ тѣни, а наверху +28 гр. Полдень уже приближался; надо было, кромѣ наименьшихъ зенитныхъ разстояній солнца, наблюсти еще моментъ наибольшей высоты его и мѣсто меридіана. Времени на отдыхъ не оставалось, и я, несмотря на полное утомленіе, поспѣшилъ установить инструментъ и приняться за работу. Окончивъ солнечное наблюденіе, я началъ наносить на планшетъ открывающуюся съ высоты горы мѣстность, брать азимуты на выдающіяся точки и у плѣннаго сталъ допытываться названій окружающихъ горъ. За незнаніемъ языка, мнѣ, конечно, пришлось объясняться знаками.

Отсюда, какъ на ладони, виднѣлась вся сѣверная часть озера съ его тремя заливами,—двумя узкими, длинными на востокѣ, въ одинъ изъ которыхъ—Русъ впадаетъ Нянямъ, и широкимъ заливомъ на западѣ—Лабуръ, окруженнымъ, какъ амфитеатромъ, горами. Этотъ заливъ заканчивается на югѣ высокимъ скалистымъ мысомъ, на которомъ возвышаются три пика. Я не могъ узнать его мѣстнаго названія и поэтому, въ честь Васьки, котораго нашелъ въ тотъ день, назвалъ его—„Васькинымъ мысомъ". Этимъ мысомъ заканчивается тянущаяся съ запада на востокъ горная цѣпь Мору и Накуа *). Отдѣльно отъ этихъ хребтовъ, немного сѣвернѣе ихъ, возвышается конусообразная, походящая на потухшій вулканъ, вершина, которую плѣнный назвалъ мнѣ Эрекъ. Дальше, на сѣверозападъ виднѣются высокія горы знакомаго уже намъ хребта, а на западѣ высится остроконечный пикъ горы—Цар-

*) Горы Накуа отмѣчены на картѣ Дональдсона Смита приблизительно вѣрно. Горы Меру не значились еще на картахъ. Западный заливъ озера Рудольфа открытъ Ботего въ 1896 году и удостовѣренъ Кавендишемъ въ 1897 году. Ни Ботего, ни Кавендишъ не нашли его туземнаго наименованія. Плѣнные племени Муруту называли его Лабуръ. Также точно назвалъ мнѣ его теперь плѣнный Тургана. Наименованіе эго (Лабуръ) есть и у Кавендиша, но имъ называются горы, находящіяся къ западу отъ „Васькина мыса".

скій Валикъ. На сѣверо-востокѣ едва замѣтны въ дымкѣ горизонта вершины: гора Диме (M. O. Smith) и гора Яменеликъ-Саганейтъ, видѣнныя мной впервые съ горы Бока. Къ югу отъ нихъ высокій хребетъ съ нѣсколькими остроконечными вершинами, скрывающійся на юго-востокѣ.

Въ заливъ Лабуръ, на сѣверовосточной его оконечности, впадала неизвѣстная мнѣ рѣка, и вдоль ея теченья извивалась лента зеленыхъ деревьевъ *). Эта рѣка соединяетъ въ себѣ тѣ русла пересыхающихъ ручьевъ, которые мы переходили 11—13 Марта.

Вода въ заливѣ поднялась, повидимому, на болѣе высокій уровень, чѣмъ обыкновенно, такъ какъ часть деревьевъ у устья рѣчки была на половину затоплена.

Было уже 1 ч. 30 м. дня, когда я окончилъ наблюденія, и мы стали спускаться съ горы. Стоя на ногахъ или сидя на корточкахъ, мы скатывались по крутому, усыпанному щебнемъ, спуску и въ 2 часа дня добрались до того мѣста, гдѣ оставили мула. Плѣнный тоже шелъ за нами и, жалобно повторяя „Дулоле! Дулоле!“, звалъ свою жену. Но Дулоле не откликалась. Насъ мучила жажда. Въ тыквѣ осталось еще нѣсколько глотковъ воды, и мы раздѣлили ее поровну. Тургана изъ своей части удѣлилъ нѣсколько капель ребенку.

До захода солнца оставалось теперь только три съ половиною часа, до воды же не менѣе 20 верстъ, а до бивака еще гораздо дальше. Мы съ четырехъ часовъ утра были въ движеніи и сдѣлали болѣе 30 верстъ, не считая восхожденія на гору. Провизіи съ собою мы не имѣли; вода, которой пришлось только стакана по два на человѣка, — была вся выпита, и до самаго Нянямa мы были и ея лишены. Оставивъ плѣннаго съ ребенкомъ, мы сами поспѣшили къ рѣкѣ. Замученные жарой и жаждой, мы еле-еле подвигались. У Аулале сдѣлались колики. Я посадилъ его на мула и пошелъ пѣшкомъ. Черезъ часъ онъ оправился, дальше мы шли, садясь на мула по очереди. На горизонтѣ чернѣли прибрежные лѣса, къ которымъ мы и стремились, но они не только не приближались, но какъ будто удалялись отъ насъ. Въ 5 часовъ дня мы сдѣлали пятиминутный привалъ, и не успѣлъ

*) Рѣка эта отмѣчена на картѣ Итальянской экспедиціи Ботего и названа тамъ Морицціо-Секи.

я вновь сѣсть на мула, какъ невдалекѣ изъ кустовъ вышло стадо козъ и барановъ, а за ними нѣсколько десятковъ туземцевъ. Сзади доносились голоса еще другихъ. Они, вѣроятно, удалялись въ глубь страны отъ проходящихъ вдоль рѣки абиссинцевъ.

Положеніе наше было теперь довольно затруднительно. Туземцы, замѣтя нашу малочисленность и слабость, навѣрное, атакуютъ насъ, мы же, сильно утомленные, не могли бы выдержать продолжительнаго боя тѣмъ болѣе, что и вооруженье наше было очень незначительно, всего одно ружье съ 30 и револьверъ съ 10 патронами. Мнѣ показалось, что гораздо выгоднѣе неожиданно атаковать самому, чѣмъ быть атакованнымъ. Не теряя ни одного мгновенія, я поскакалъ на туземцевъ, и они, пораженные моимъ внезапнымъ появленіемъ, разсыпались во всѣ стороны и бросились бѣжать. Увлеченные моимъ примѣромъ и позабывъ свою усталость, Аулале и Абаба бросились также преслѣдовать. Я атаковалъ вторую группу туземцевъ болѣе стойкихъ, впрочемъ, чѣмъ ихъ первые товарищи, и съ однимъ изъ нихъ даже вступилъ въ бой... Туземцы покинули свое стадо, и нашъ путь былъ теперь свободенъ. Я остановился и сталъ звать моихъ ашкеровъ. Но они не откликались, Я выстрѣлилъ, но отвѣта не послѣдовало. Около 20 минутъ ожидалъ я ихъ, крича и стрѣляя, но они не подавали голоса. Искать ихъ, теперь было безполезно, оставаться дольше и безцѣльно, и опасно: если они живы, то, навѣрное томимые жаждой, спѣшатъ теперь напрямикъ къ рѣкѣ. Съ тягостнымъ чувствомъ неизвѣстности, что стало съ товарищами, я покинулъ это мѣсто. Мнѣ начали попадаться многочисленные слѣды скота, направлявшіеся на югъ. Тутъ прошли, должно быть, стада туземцевъ, которые угоняли ихъ въ обратную отъ абиссинцевъ сторону. Слѣды же нашего отряда, который, по моему разсчету, я уже долженъ бы былъ найти, къ моему удивленію, все еще не встрѣчались.

Солнце уже зашло и стало темнѣть, когда я вступилъ въ прибрежный лѣсъ. Къ ужасу моему я наткнулся на слѣдующую картину: на опушкѣ лежалъ убитый копьемъ абиссинецъ и рядомъ съ нимъ его лошадь, вѣроятно, одинъ изъ развѣдчиковъ, отдѣлившійся отъ отряда. Немного дальше, на скрытой въ лѣсу полянкѣ, валялись на травѣ правильно

разложенныя веревочныя сѣтки, натянутыя на деревянныя рамы для вьюченьяословъ; тутъ находился, должно быть, ихъ бивакъ, который спугнули абиссинцы. Въ чащѣ лѣса я накнулся на логовище охотниковъ, расположенное подъ большимъ развѣсистымъ деревомъ и окруженное густыми кустами. Посреди круглой площадки, сажени въ полторы въ діаметрѣ,—мѣсто очага, а рядомъ съ нимъ оригинальная корзинка, аршина въ полтора вышиной. Прутики воткнуты въ землю и связаны обручами. На полъ-аршина отъ земли устроено дно, въ корзинку положены куски сухого дерева и угля.

Густой лѣсъ былъ совсѣмъ не такимъ безлюднымъ, какимъ онъ казался на первый взглядъ...

Съ трудомъ пробираясь въ чащѣ, я продолжалъ идти къ водѣ и достигъ, наконецъ, обрывистаго берега Няняма. Напоить въ этомъ тѣстѣ мула было невозможно, и, прикрѣпивъ его поводья къ своей шашкѣ, которую я глубоко загналъ въ землю, я по ліанѣ спустился съ высоты нѣсколькихъ саженъ къ рѣкѣ и жадно сталъ пить ея теплую мутную воду. По той же ліанѣ взобрался опять на верхъ. Моего мула—единственнаго теперь моего товарища—я нашелъ, къ моему большому, счастью на томъ мѣстѣ, гдѣ его передъ тѣмъ оставилъ, и, мои опасенія, что какой-нибудь иденичъ убьетъ его изъ-засады, или онъ самъ оторвется, испуганный случайно звѣремъ, — не оправдались.

Я выѣхалъ изъ лѣса и вновь сталъ искать слѣдовъ отряда. Недавно утоленная жажда разгорѣлась теперь еще въ гораздо сильнѣйшей степени, и тѣло мое, сухое передъ этимъ, покрылось сплошной испариной.

По пути мнѣ попадались частые овраги; двигаться дальше при этихъ условіяхъ было невозможно. Надо было выждать луны.

Безлунная черная тропическая ночь была теперь въ полной силѣ своей таинственной красоты. Жутко было чувствовать себя совершенно однимъ, затеряннымъ среди невѣдомой враждебной земли. Признаковъ близости отряда не было никакихъ, и я тщетно старался среди ночныхъ звуковъ разобрать ревъ осла. Напрасно... Только слонъ ломился въ лѣсу сквозь чащу, да съ рѣки доносился ревъ гиппопотама и пронзительный крикъ ночной птицы... Опустившись на землю и крѣпко

привязавъ къ рукѣ поводья, я прислонился къ высокому холму, построенному термитами, и задремалъ. Усталая, не пившая за весь день мулиха, стояла понуривъ голову, иногда же почуявъ по близости звѣря, испуганно храпѣла и настораживала уши.

Не то на сонъ, не то на забытье походило то состоянiе, въ которомъ я находился. Я крѣпко держалъ мула, инстинктивно прислушивался къ каждому шороху, готовый на самую отчаянную самозащиту, но въ то же время въ моемъ воображенiи проходили, одна за другой, фантастическiя картины. Это былъ точно сонъ на яву... Переносился я и въ свою семью, и къ своимъ полковымъ товарищамъ; вспоминалъ мелкiе эпизоды моей жизни, и быль сплеталась съ фантазiей въ непрерывную цѣпь образовъ...

Наконецъ, около 12 час. ночи, взошла луна, и я отправился дальше на поиски отряда. Я слѣдовалъ все время къ сѣверу вдоль обрывистаго края степи, и черезъ часъ мнѣ начали попадаться частые слѣды копытъ муловъ и лошадей, а еще немного дальше я наткнулся на утоптанную пѣшими и конными широкую тропинку. Слѣды направлялись на сѣверъ; не было никакого сомнѣнiя, что они принадлежали нашему отряду. Я рысью поѣхалъ по тропинкѣ, то и дѣло натыкаясь на трупы погибшихъ во время перехода людей и животныхъ, и мой мулъ испуганно бросался въ сторону. Въ низинахъ около труповъ хозяйничали уже кое-гдѣ гiены, а въ ночной тиши раздавались протяжныя, далеко слышныя, но казавшiяся негромкими, не то ворчанья, не то какъ бы стоны льва.

Около 3 час. ночи я достигъ того мѣста, гдѣ 25 Марта находился нашъ бивакъ. Отрядъ прошелъ его, и тропинка шла дальше среди густой травы и кустарника. Я быстро ѣхалъ въ высокой травѣ. Вдругъ, въ нѣсколькихъ шагахъ впереди, при свѣтѣ луны заблестѣли лезвiя копiй, и я увидѣлъ трехъ туземцевъ. Я быстро выстрѣлилъ изъ револьвера въ средняго и карьеромъ поскакалъ на нихъ. Среднiй упалъ, а крайнiе кинулись въ кусты. Встрѣча съ туземцами указывала на близость нашего бивака: они бродили, вѣроятно, вблизи его. Дѣйствительно, черезъ нѣкоторое время я услыхалъ невдалекѣ громкiй ревъ осла, который въ эту памятную въ моей жизни минуту радостно отозвался въ моемъ сердцѣ, какъ голосъ вѣстника моего спасенiя.

Мои слуги, съ тревогой меня поджидавшіе, вышли ко мнѣ на встрѣчу съ горящими головнями. Встрѣча моя съ Зелепукинымъ была самая радостная. Онъ, бѣдняга, загоревалъ и собирался было уже ѣхать на розыски. Было уже 4 часа утра. Я наскоро перекусилъ кускомъ черствой лепешки.

Абаба и Аулале пришли почти одновременно со мной. Преслѣдуя туземцевъ, они наткнулись на дорогу, по которой прошелъ отрядъ, и, мучимые жаждой, направились прямо къ водѣ, оставивъ меня одного.

Отряду тоже не легко дался переходъ 30 Марта. Расъ повелъ свои войска прямикомъ черезъ безводную степь, чтобы миновать изгибы рѣки и кусты на берегу. Погибло, благодаря этому, нѣсколько десятковъ плѣнныхъ женщинъ и дѣтей, непривычныхъ къ продолжительной ходьбѣ и плохо переносящихъ жажду.

Изъ нашихъ солдатъ пятеро умерли отъ солнечнаго удара.

31 Марта. Мы миновали бивакъ 24 Марта и стали, немного не доходя бивака, 23 Марта.

Наша походная колонна увеличилась теперь почти вдвое, сравнительно съ прежнимъ, отъ множества отбитаго скота, плѣнныхъ женщинъ и дѣтей. У раса не хватало духа заставить солдатъ отказаться отъ добычи.

Наши солдаты блаженствовали; ослы везли на себѣ запасъ продовольствія, избавляя этимъ ихъ хозяевъ отъ тяжелой ноши, которую они иначе должны были бы нести на головахъ; плѣнные мальчуганы несли ружья и щиты или гнали отбитыхъ коровъ, а плѣнныя женщины, быстро помирившись съ своей судьбой, уже ходили за водой, рвали травы для мула и мололи муку. Мои ребята тоже добыли себѣ нѣсколькихъ ословъ и горевали, что имъ не удалось захватить и негритянку, которая избавила бы ихъ отъ необходимости самимъ молоть муку.

Васька постепенно поправлялся. Его несли во время переходовъ на рукахъ. Замѣчательно умный мальчишка, зналъ уже, какъ зовутъ меня, Зелепукина, умѣлъ, уже по русски, спросить ѣсть, пить и т. п.

Мы охотились сегодня на слоновъ, ранили нѣсколькихъ изъ нихъ, но слоны ушли отъ насъ.

1 Апрѣля. Мы стали бивакомъ въ получасѣ разстоянія впереди

стоянки 22 Марта. Главнокомандующій рѣшилъ идти отсюда напрямикъ къ рѣкѣ Гибишу, чтобы миновать густыя и колючія заросли, въ которыя мы попали 21 Марта.

2 Апрѣля. Въ 2 часа дня мы выступили, захвативъ съ собой возможно бо́льшій запасъ воды, и шли до полной темноты. На бивакъ стали въ 8 час. вечера.

3 Апрѣля. Въ 2 ч. ночи мы поднялись и, оріентируясь по компасу, двинулись дальше. Миновавъ заросли, вступили передъ разсвѣтомъ въ травянистую степь.

Въ 6-мъ часу утра наткнулись на льва и убили его. Его завидѣли передовые, когда онъ тихо удалялся отъ приближавшагося отряда. Объ этомъ доложили расу, и мы помчались на перерѣзъ льву. Расъ выстрѣлилъ въ него первымъ; потомъ другіе. Левъ упалъ, обратясь къ намъ головой. Онъ былъ еще живъ. Подскакавшіе къ нему нѣсколько абиссинцевъ зарубили его шашками.

Скоро взошло солнце и освѣтило горы, возвышающіяся вдоль р. Кибиша. Мы направились къ знакомой вершинѣ, около которой стояли бивакомъ 20 Марта. Путь до нея оказался еще очень долгимъ. Стало жарко. Взятая наканунѣ вода еще ночью была выпита. Колонна наша растянулась, и болѣе слабые начали отставать. Первыми стали падать плѣнныя женщины и дѣти, и погибали. Подобрать было некому и ихъ бросали въ пустынной степи, такъ какъ, кто могъ, спѣшилъ изо всѣхъ силъ къ водѣ.

Около 10 час. утра мы завидѣли въ верстѣ отъ отряда стадо жирафовъ, и у раса еще хватило выносливости поохотиться на нихъ. Сопровождаемый нѣсколькими офицерами, онъ поскакалъ за ними. Но охота была неудачной: лошади, попадая ногами въ трещины почвы, падали. Мой пріятель Ато-Баю сломалъ себѣ при этомъ ключицу, и я сдѣлалъ ему перевязку, воспользовавшись для этого его длиннымъ поясомъ *).

Около 12 час. дня передовые всадники достигли рѣки и,

---

*) Поясъ, который абиссинцы одѣваютъ вокругъ поясницы, представляетъ изъ себя длинную (около 14 арш.) полосу ($^1/_2$ арш. шириной) легкой бумажной матеріи (вѣситъ $1^1/_2$—2 ф.). Онъ очень удобенъ въ походѣ. Служитъ набрюшникомъ; равномѣрно стягиваетъ животъ; въ случаѣ раны полезенъ, какъ бинтъ. На этомъ поясѣ гораздо удобнѣе носить поясной патронташъ.

напившись и захвативъ, сколько могли, воды, поскакали назадъ выручать пѣшихъ товарищей. Только къ 4 час. дня отрядъ собрался. Мы потеряли отъ солнечныхъ ударовъ 4

Плѣнныя негритянки.

абиссинцевъ и 2 галласовъ. Около сотни плѣнныхъ отстало. Зелепукинъ, насмотрѣвшись во время перехода на всякіе

Плѣнныя негритянки.

ужасы, идя съ обозомъ въ серединѣ колонны, пріѣхалъ очень разстроенный.

— Страсть какъ жалко смотрѣть на плѣнныхъ шанка-

лихъ (шанкала—негръ по абиссински), Ваше Высокоблагородіе,—говорилъ онъ,—идетъ себѣ, качается, потомъ упадетъ и лежитъ. Хозяинъ поднимаетъ, бьетъ, да ужъ силы въ ней, видно, нѣтъ: подняться не можетъ—броситъ онъ и пойдетъ.

Температура въ полдень была +32° Р. въ тѣни.

4 Апрѣля. Великая Суббота. Отрядъ стоитъ бивакомъ у р. Кибиша, а сборная команда по 10 чел. отъ каждаго полка при офицерѣ отправлена въ крѣпость Колу, чтобы привести остававшійся тамъ отрядъ. Съ командой ушелъ и Мурута-Бабусъ. Онъ былъ безконечно счастливъ, когда узналъ, что его отпускаютъ на свободу, танцовалъ передъ палаткой раса и пѣлъ, импровизируя на своемъ языкѣ въ честь раса хвалебныя пѣсни. Главнокомандующій щедро одарилъ Муруту. Я тоже подарилъ ему рубашку, и мы трогательно распрощались. Удивительный это человѣкъ, терпѣливый, выносливый, никогда не показывавшій усталости и, несмотря на старость, замѣчательно веселый. Онъ былъ любимцемъ отряда, и солдаты называли его Комору (царь—на языкѣ Шуро). Во время переходовъ съ нимъ всегда шутили, заставляя его, какъ попугая, произносить всякія ругательства, и Мурута, къ общему удовольствію, охотно исполнялъ все это. Одно время онъ былъ боленъ. Это случилось какъ разъ тогда, когда онъ былъ болѣе всего нуженъ, служа намъ проводникомъ (14—15 Марта). У него сдѣлался поносъ, и онъ чуть ли не ежеминутно останавливалъ главнокомандующаго, который ѣхалъ за нимъ, и всю походную колонну. Длинный, худой Мурута еще больше похудѣлъ, три дня ничего не могъ ѣсть, но, несмотря на это, никогда не жаловался и на всѣ наши вопросы отвѣчалъ только „буши, буши“—т. е. хорошо.

Своимъ умомъ и понятливостью Мурута выдѣлялся среди остальныхъ переводчиковъ: въ немъ проявлялось несомнѣнное превосходство расы горцевъ, въ которой онъ принадлежалъ, надъ всѣми остальными, обитающими въ этой мѣстности племенами.

Со мной Мурута былъ очень друженъ, называлъ меня не иначе, какъ „Бенти-Бабусъ“, т. е. великій колдунъ.

На страстной недѣлѣ абиссинцы придерживаются самаго строгаго поста. Въ Великую Пятницу и Великую Субботу они ничего не ѣдятъ и не пьютъ; въ походѣ же отказы-

ваются отъ пищи и питья только въ Субботу. Я не хотѣлъ и въ этомъ отставать отъ абиссинцевъ и тоже сегодня ничего не ѣлъ и не пилъ.

Такъ какъ на бивакѣ мы должны были простоять нѣсколько дней, чтобы дать время отряду, выступавшему изъ Колу, приблизиться къ намъ,—я построилъ себѣ небольшой шалашъ и перешелъ въ него изъ моей низенькой изорвавшейся палатки. Не двигаясь, пролежалъ я цѣлый день, обливаясь пòтомъ и съ нетерпѣніемъ ожидая прохладнаго вечера.

По войскамъ былъ отданъ приказъ, въ которомъ солдатамъ приписывалось соблюдать на бивакѣ чистоту и закапывать всѣ отбросы поглубже въ землю.

Расъ прислалъ мнѣ въ подарокъ на розговѣнье большого быка. Къ заходу солнца мои ашкеры зарѣзали его рядомъ съ моимъ шалашомъ и копошились, раздѣлывая тушу, предвкушая прелесть розговѣнья.

Псалтирь XVI вѣка (7 дюм. длины).

Въ эту ночь нашъ отрядъ не спалъ. Всюду горѣли костры, и кто, какъ могъ, приготовлялся встрѣтить наступающій праздникъ. Уже нѣсколько разъ проревѣли хоромъ ослы—пѣтухи

нашего отряда, но полночь все еще не наступала, и въ ожиданіи ея солдаты сидѣли вокругъ огней и тихо болтали; офицеры же при свѣтѣ свѣчки, сдѣланной изъ сальника барана, въ полголоса читали Псалтирь или Евангеліе. Необычайно торжественна и какъ всегда полна ожиданій была эта ночь. Наконецъ, изъ палатки раса раздался выстрѣлъ—Христосъ Воскресе! И по всему нашему биваку перекатомъ затрещала пальба и понеслись пронзительные радостные крики: „И-ли-ли-ли-ли". Мы похристосовались съ Зелепукинымъ и стали разговляться молокомъ и мясомъ, мечтая о соли, которой давно у насъ не было. Черезъ нѣсколько минутъ пришли отъ раса съ приглашеніемъ меня на ужинъ.

5 Апрѣля. Свѣтлое Христово Воскресеніе. Расъ устроилъ большой пиръ всему своему отряду. Угощеніе, впрочемъ, было очень простое и состояло изъ прѣсныхъ хлѣбныхъ лепешекъ и парного мяса, которое абиссинцы послѣ продолжительнаго поста поѣдали въ неимовѣрномъ количествѣ. Мои ашкеры, напримѣръ (ихъ было со мной всего 11), успѣли за двое сутокъ уничтожить цѣлаго быка. Васька тоже не отстаетъ отъ нихъ, и Зелепукинъ говоритъ, что онъ съѣлъ сегодня столько мяса, сколько намъ вдвоемъ, навѣрное, было бы не подъ силу. Животъ у Васьки раздулся и сдѣлался твердымъ, какъ дерево, но ему это видно не вредитъ: онъ веселъ, поправляется и рана его быстро заростаетъ. Зелепукинъ ходитъ за нимъ, какъ нянька, кладетъ спать рядомъ съ собой, не брезгая тѣмъ, что Васька плохо ведетъ себя по ночамъ, и только каждое утро ругается по этому случаю.

7 Апрѣля. Я ходилъ на охоту. На сыромъ пескѣ русла р. Кибиша были свѣжіе отпечатки львиныхъ лапъ и носороговъ, но, несмотря на поиски, я не встрѣтилъ звѣрей. Наканунѣ около нашего бивака бродили львы и зарѣзали у насъ нѣсколькихъ ословъ и одну женщину. На ночь я отправился на охоту *). Съ однимъ изъ моихъ ашкеровъ—Арегауомъ—мы влѣзли на дерево, прикрѣпивъ себя къ вѣткамъ длиннымъ ремнемъ, а къ кусту привязали козленка. Какъ только стем-

*) Въ этой мѣстности такъ много львовъ, что абиссинцы прозвали ее Яамбаса-Мьеда — Львиное поле. Между прочимъ, крѣпость Колу они прозвали Ядагуса-Мьеда—поле Дагусы (родъ хлѣба), а устье р. Омо Яахья-Мьеда, т. е. ослиное поле.

нѣло, со стороны рѣки послышалось, похожее на глубокіе вздохи, ворчанье нѣсколькихъ львовъ. Козленокъ заметался было, но не блеялъ. Мы напрасно прождали всю ночь: львы къ намъ не подошли. Утромъ, хромая на обѣ затекшія за ночь ноги, я вернулся на бивакъ и наскоро закусилъ.

На сѣверѣ отъ мѣста расположенія нашего бивака, приблизительно верстахъ въ 15-ти, виднѣлась высокая гора, на которую я нашелъ необходимымъ взойти для съемки мѣстности; мнѣ казалось возможнымъ одновременно видѣть какъ сѣверныя, такъ и крайнія южныя извѣстныя мнѣ вершины и „связать ихъ между собою азимутами". Я рѣшился это исполнить немедленно. На этотъ разъ я не могъ уйти безъ вѣдома раса, который приказалъ сопровождать меня конвою изъ 26 человѣкъ подъ командою офицера. Кромѣ нихъ я взялъ еще 3-хъ моихъ ашкеровъ: Текла-Георгиса, Абабу и Абто-Селасье.

Перейдя р. Кибишъ, мы по низменной степи, тянущейся вдоль р. Омо, направились напрямикъ къ горѣ, которая оказалась гораздо дальше, чѣмъ я предполагалъ: только послѣ 4-хъ съ половин. час. движенія, въ 10 час. утра, мы достигли ея подножія. Здѣсь высокая, очень крутая, каменная гряда отвѣсно поднимается на 1.000 метр. надъ долиной р. Омо. По карнизамъ ютятся густыя поселенія туземцевъ. Вершина горы, повидимому, сплошь заселена. Мы нашли тропинку, которая вела наверхъ, и стали подниматься. Солдаты мои очень неохотно слѣдовали за мной.

Какъ только туземцы замѣтили насъ, они огласили горы тревожными криками, и воины ихъ, вооруженные копьями и щитами, стали сбѣгаться въ кучки, а женщины и дѣти спасались, угоняя скотъ. На уступѣ скалы въ 100 шагахъ передъ нами стоялъ старикъ и бросалъ въ нашу сторону горстями пыль, что было, вѣроятно, заклинаніемъ, Когда мы приблизились, старикъ спрятался за дерево. Я приказалъ Абто-Селасье поймать его, и мой ашкеръ стремительно кинулся на старика и моментально обезоружилъ и взялъ его въ плѣнъ. Дряхлый старикъ былъ ничуть не смущенъ этимъ и хладнокровно продолжалъ курить свою длинную трубку. Плѣннаго мы повели впереди и двинулись дальше. Группа воиновъ, около 100 человѣкъ, занявъ узкій проходъ, загораживала намъ дорогу. Я запретилъ стрѣлять, и мы спокойно

приближались. Когда мы были всего шагахъ въ 50-ти отъ воиновъ, изъ ихъ группы послышались возгласы „халіо" (миръ), я тоже отвѣчалъ имъ „халіо" и, остановивъ отрядъ, сорвалъ пучечекъ травы, какъ доказательство моихъ миролюбивыхъ намѣреній, и вплотную приблизился къ 3 передовымъ туземцамъ. Они указали на старика, прося, повидимому, отпустить его, что я и сдѣлалъ. Затѣмъ я знаками объяснилъ имъ, что требую положить оружіе, угрожая въ противномъ случаѣ убить ихъ дуновеніемъ моего ружья. Они поняли и стали исполнять мою просьбу, а въ кучкѣ туземцевъ старые, болѣе благоразумные и желавшіе мира, заставляли силой повиноваться молодыхъ—пылкихъ. Дорога теперь была свободна, и мы двинулись дальше. Моимъ солдатамъ показалось, однако, черезчуръ опаснымъ идти впередъ и они въ одинъ голосъ стали отказываться и просить меня, ради Бога, Менелика и Вальде-Георгиса вернуться обратно. Я не могъ согласиться на ихъ требованія: находясь такъ близко отъ намѣченной мною цѣли, для меня было бы слишкомъ больно отказаться отъ нея. Вдобавокъ, туземцы обходились съ нами не особенно враждебно, и отступленіе казалось мнѣ позорнымъ. Я въ рѣзкихъ выраженіяхъ сталъ укорять солдатъ, обозвалъ ихъ мышама (самое оскорбительное для абиссинскаго воина выраженіе) и, кликнувъ моихъ трехъ ашкеровъ, рѣшительно пошелъ впередъ, сказавъ солдатамъ, что, кто желаетъ, можетъ возвращаться къ расу. Моя рѣшимость подѣйствовала на нихъ, и солдаты, кто ворча, кто оправдываясь, нехотя пошли за мной. Не успѣли мы отойти и нѣсколькихъ сотъ шаговъ, какъ только что умиротворенные, казалось, туземцы стали вновь готовиться къ враждебнымъ дѣйствіямъ. Должно быть, партія молодыхъ отважныхъ воиновъ взяла верхъ, и они, быстро прячась за камнями и деревьями, стали настигать хвостъ моего отряда. Впереди всѣхъ бѣжалъ горецъ громаднаго роста съ украшеніями изъ страусовыхъ перьевъ на головѣ и тремя копьями въ рукахъ. Онъ былъ уже всего шагахъ въ 50 отъ тыла и, высоко подпрыгивая, исполнялъ свой боевой танецъ и мѣтилъ дротикомъ въ одного изъ солдатъ. Медлить дольше было немыслимо.

Грянулъ выстрѣлъ. Гулъ его и видъ убитаго обратили нападающихъ въ бѣгство. Мы пошли дальше, и, когда отда-

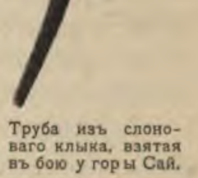
лились на значительное разстояніе, вокругъ убитаго собралась толпа туземцевъ. Я видѣлъ въ бинокль, какъ они разсматривали его рану и, наконецъ, выкопавъ могилу, похоронили его. Другіе, видѣвшіе съ горы эту сцену, были тоже устрашены ею и не смѣли напасть на насъ. При нашемъ проходѣ они прятались за дома, или, сидя на камняхъ въ нѣсколькихъ стахъ шаговъ отъ нашего пути, указывали намъ копьями дорогу, когда у насъ возникало сомнѣніе, какую изъ тропинокъ выбрать, чтобы подняться на вершину. Чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ гуще становились поселенія. Около одной группы домовъ мы сдѣлали привалъ и напились чуднаго молока и густого кваса, которые раздобыли мои ашкеры.

Въ 12½ час. я достигъ гребня хребта. Я обманулся въ своихъ ожиданіяхъ: отсюда хорошо былъ виденъ югъ, на сѣверъ же горизонтъ загораживала высокая гора Сай, отстоявшая верстахъ въ 15 отъ того мѣста, гдѣ я находился. Тѣмъ не менѣе я остановился и сталъ наносить на планшетъ открывавшуюся отсюда мѣстность и бусолью брать азимуты на выдающіяся точки. Болѣе часа провелъ я за этимъ кропотливымъ занятіемъ. Мои солдаты не переставали надоѣдать мнѣ, торопя возвращеніемъ. На гребнѣ не было видно ни одного туземца, а бивакъ отстоялъ часахъ въ 6 пути. Мнѣ оставалось только взять еще нѣсколько азимутовъ на сѣверо-востокъ, и я сказалъ солдатамъ, чтобы они потихоньку спускались со скалы, а я ихъ сейчасъ догоню. При мнѣ остались только Абаба, который держалъ мула и несъ мою трехлинейку, Текла-Георгисъ, Абто-Селасье и старшій въ конвоѣ. Передніе уже отошли отъ насъ на 1.000 шаговъ, а я бралъ еще послѣдній азимутъ, какъ вдругъ былъ удивленъ поразительной перемѣной, внезапно происшедшей въ окружающей мѣстности. Безлюдные, казалось, кусты и голые камни ожили, повсюду виднѣлись черныя фигуры вооруженныхъ туземцевъ. Передніе изъ нихъ были теперь всего въ какихъ-нибудь ста шагахъ отъ меня.

Положеніе наше было критическимъ. Мы были только впятеромъ, ружей же всего 4, патроновъ только по 30 штукъ на три ружья и сотня на мое и 50 на револьверъ. Я лично въ этотъ моментъ былъ безоруженъ, такъ какъ снялъ шашку и револьверъ, которые мѣшали бы наблюденію, и они

лежали въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня. Въ эту минуту мы были въ полной власти туземцевъ. Удалившіеся впередъ солдаты не успѣли бы во время возвратиться, уходить же теперь значило бы заранѣе обречь себя на вѣрную гибель. Надо было быстро предпринять что-нибудь такое, что могло бы хоть немного задержать туземцевъ и дало бы время остальнымъ моимъ людямъ подойти на помощь.

„Халіо!“—крикнулъ я ближайшему отъ меня туземцу, который, прячась за деревомъ, приближался ко мнѣ, и пошелъ къ нему навстрѣчу, какъ былъ, только съ планшетомъ и компасомъ въ рукахъ. Онъ остановился и, притаившись тоже, отвѣчалъ „халіо“, а его товарищи, удивленные такимъ оборотомъ дѣла, стали смотрѣть, что будетъ дальше. Приблизившись шаговъ на 5 къ дереву, за которымъ былъ туземецъ, я остановился и сталъ манить его къ себѣ. Мой противникъ нерѣшительно вышелъ изъ засады и подошелъ ко мнѣ, говоря „комору“, т. е. царь. Я протянулъ ему руку и онъ на воздухъ поцѣловалъ ее. Затѣмъ я сказалъ „диръ“ и, присѣвъ на корточки, заставилъ присѣсть туземца. Начались мирные переговоры, и время было выиграно. Я взялъ у воина копья и, объяснивъ, что требую, чтобы онъ положилъ ихъ на землю, заставилъ его это сдѣлать; затѣмъ сталъ звать другихъ ближайшихъ къ намъ, съ любопытствомъ глядѣвшихъ на эту сцену туземцевъ, заставляя ихъ класть предварительно оружіе и затѣмъ цѣловать мнѣ руку. Скоро собралось человѣкъ 20. Они сидѣли на корточкахъ рядомъ со мной, я показалъ имъ компасъ, далъ послушать часы, и, наконецъ подозвавъ старшаго въ конвоѣ и приказавъ ему замѣстить меня въ церемоніи цѣлованія руки вновь приходящими туземцами, самъ поспѣшилъ къ своему оружію и надѣлъ его. Теперь на нашей горкѣ было уже человѣкъ 15 абиссинцевъ, и намъ пора было уходить. Крикнувъ нѣсколько разъ „халіо“ и „диръ“, мы, довольные тѣмъ, что все такъ удачно обошлось, стали спускаться съ горы.

Труба изъ слоноваго клыка, взятая въ бою у горы Сай.

Но не успѣли мы отойти и сотни шаговъ, какъ вдругъ сзади

насъ раздались громкіе звуки трубъ, и мѣстность огласилась воемъ и боевыми кликами туземцевъ. Они насъ окружили и, дико прыгая и „играя *) своими дротиками, стремительно атаковали насъ. Мѣсто боя было закрытое и очень неудобное для насъ. На сѣверѣ и западѣ росли густые кусты, къ востоку горы круто обрывались, и тропинка наша извивалась по карнизамъ обрыва. Мы схватились за ружья и быстро стали отстрѣливаться, направляя нашъ огонь въ передовыхъ, которые падали всего шагахъ въ 20 передъ нами. Я выстрѣливалъ пять патроновъ трехлинейки и, пока Абаба заряжалъ ее, вновь выпускалъ 10 патроновъ скорострѣльнаго револьвера Маузера. Трудно было промахнуться на такомъ близкомъ разстояніи, и почти каждый выстрѣлъ попадалъ въ цѣль.

Мѣткость нашей стрѣльбы произвела ошеломляющее впечатлѣніе на туземцевъ и остановила ихъ натискъ. Помогло намъ въ особенности то обстоятельство, что туземцы тутъ же подбирали и оттаскивали далеко назадъ своихъ убитыхъ и раненыхъ товарищей, потому что, какъ бы ни дѣйствительна была наша стрѣльба, но мы были черезчуръ малочисленны и съ слишкомъ малымъ запасомъ патроновъ долго удержаться не могли. Всего шаговъ 20 оставалось туземцамъ добѣжать до насъ, и мы оказались бы въ ихъ рукахъ.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ жаркаго боя разстояніе между нами и нашими врагами увеличилось до сотни шаговъ. Туземцы какъ то пали духомъ и только посылали въ нашу сторону камни изъ пращей. Патроновъ оставалось уже у насъ немного; прекративъ стрѣльбу и раздѣливъ моихъ солдатъ на 2 части, которыя должны были послѣдовательно прикрывать другъ друга, я сталъ понемногу спускаться.

Ошеломленные было враги наши, какъ только мы двинулись внизъ, вновь ободрились и, не смѣя аттаковать насъ, прибѣгли къ новому способу дѣйствія. Тропинка наша пролегала по карнизамъ, и кучки смѣльчаковъ, отдѣлившись отъ главной массы непріятелей, стали занимать выдающіяся точки надъ дорогой и сталкивать оттуда на насъ обвалы.

---

*) Копье подымаютъ кверху и, направивъ въ противника, приводятъ его въ колебаніе быстрымъ движеніемъ руки.

Нельзя сказать, чтобы особенно пріятное впечатлѣніе производилъ летящій внизъ съ грохотомъ камень, отскакивая во всѣ стороны отъ встрѣчныхъ скалистыхъ уступовъ; каждому въ этотъ моментъ кажется, что камень летитъ именно на него и всякій спѣшитъ укрыться за скалой или низко пригнуться къ землѣ. Вой и дикіе крики туземцевъ сопровождали каждый обвалъ, хотя, къ счастью, еще не причинившій дѣйствительнаго вреда, но вызывавшій нѣкоторую панику среди моихъ солдатъ. Чтобы противодѣйствовать намѣреніямъ враговъ, мы по очереди стали занимать площадки, съ которыхъ можно было было бы обстрѣливать уступы, на которыхъ приготовляли обвалъ туземцы,—и этимъ до нѣкоторой степени остановили ихъ.

Только въ пятомъ часу спустились мы съ кручи и миновали границы поселеній, совершенно благополучно, если не считать одного солдата, раненаго въ руку камнемъ изъ пращи, и одного убитаго мула. Поздно ночью я вернулся на бивакъ.

Расъ, безпокоясь о моемъ долгомъ отсутствіи, съ нетерпѣніемъ ожидалъ меня и, какъ только узналъ о моемъ возвращеніи, послалъ просить къ себѣ. Ему уже доложили о всѣхъ подробностяхъ боя, и онъ, поздравляя меня съ побѣдой, въ то же время сталъ укорять меня.

— „Зачѣмъ ты не сказалъ, что идешь драться. Я бы тебѣ далъ больше солдатъ. Не понимаю, какъ ты остался цѣлъ и какъ твои солдаты не разбѣжались. Вѣдь гибель должна была казаться имъ неминуемой. Ты сайтанъ (діаволъ), но только знай, что твоя теперешняя храбрость не есть еще настоящее мужество, а пылкость молодости и неопытности. Повѣрь мнѣ, что только тогда, когда ты испытаешь бѣгство и будешь раненъ, ты станешь понимать опасность, и неопытная пылкость замѣнится въ тебѣ сознательнымъ мужествомъ закаленнаго въ бояхъ воина“. Онъ былъ правъ.

10 Апрѣля. Мы дошли до рѣки Карки. Дорогой охотились на слоновъ, но неудачно. Ночью съ 9 на 10 былъ сильный ливень, и незначительная р. Карка обратилась въ бурный потокъ, который мы съ трудомъ перешли. Передъ заходомъ солнца отправившіеся за травой солдаты завидѣли слоновъ около самаго нашего бивака. Мы преслѣдовали ихъ и нѣсколькихъ ранили; но они, благодаря быстро наступившей темнотѣ, ушли отъ насъ.

11 Апрѣля. Мы сдѣлали переходъ вверхъ по теченію Карки и стали бивакомъ въ нѣсколькихъ верстахъ къ западу отъ мѣста боя 8 Апрѣля. Подъемъ на гору вслѣдствіе бывшаго наканунѣ ливня оказался очень труднымъ; многіе захваченные у устья Омо ослы, непривычные къ горамъ, пристали.

12 Апрѣля. Мы вынуждены остановиться въ ожиданіи двигающагося изъ Колу отряда; войска распущены для производства фуражировокъ, въ прикрытіе которымъ послано въ разныя стороны нѣсколько маленькихъ отрядовъ. Я поднимался съ Зелепукинымъ на гребень, откуда сдѣлалъ нѣкоторыя наблюденія. Наши фуражиры возвращались въ это время на бивакъ, нагруженные добычей, а за ними по пятамъ слѣдовали туземцы. Сверху мнѣ было прекрасно видно, какъ они возвращались въ свои жилища съ женами и дѣтьми, собирали выброшенную и разбитую посуду и сгребали разсыпанное зерно.

Главнокомандующій цѣлый день не перестаетъ смотрѣть въ подзорную трубу на противоположныя горы, откуда должны подойти войска изъ Колу.

13 Апрѣля. Въ полдень на вершинѣ противоположнаго гребня забѣлѣли абиссинскія палатки.

14 Апрѣля. Отрядъ, шедшій изъ крѣпостцы Колу, соединился съ нами. Прибылъ весь мой багажъ, и я нѣжусь теперь, окруженный давно невиданнымъ комфортомъ: разбита моя большая палатка, разставлена постель, вмѣсто грубыхъ трудно переваримыхъ лепешекъ изъ самодѣльной муки передо мной лежатъ чудныя пшеничныя. Даже кусокъ мыла нашелся въ одномъ изъ вьюковъ, и я съ наслажденіемъ вымылся имъ, а соли все-таки нѣтъ...

Во время нашего отсутствія, остававшіяся въ крѣпостцѣ войска страдали отъ черной оспы и дезинтеріи. Много также терпѣли животныя, такъ какъ травы оказалось недостаточно, да и та дурного качества. Туземцы вели малую войну, постоянно тревожа крѣпость и нападая во время фуражировокъ. Изъ моихъ ашкеровъ погибъ только одинъ Вальде-Маріамъ. Онъ былъ изъ числа тѣхъ, которыхъ Зелепукинъ называлъ новобранцами, и отличался непомѣрной глупостью и обжорливостью благодаря которой и погибъ. Нѣсколько дней тому назадъ, когда отрядъ шелъ черезъ землю Кира, Вальде-Маріамъ, побѣжалъ въ кусты; увидѣвъ тамъ барана, зарѣзалъ его и, несмотря на зовъ товарищей, остался, чтобы хорошенько поѣсть.

15 Апрѣля. Отрядъ снялся съ бивака и выступилъ на сѣверъ. Мы перевалили черезъ одинъ изъ отроговъ горы Сай и спустились на восточную его сторону. Переходъ былъ небольшой, но очень трудный. Обозъ сильно растянулся, и аріергардъ только къ вечеру пришелъ на бивакъ. Туземцы относятся къ намъ враждебно и не перестаютъ нападать на наши фланги. Много больныхъ. Нѣсколько дней тому назадъ появилась какая то новая болѣзнь, и вчера скоропостижно умеръ отъ нея одинъ изъ слугъ раса. Онъ еще утромъ подавалъ намъ обѣдъ, а къ вечеру его не стало. Передъ смертью больной былъ въ безпамятствѣ, а когда умеръ, носъ его оказался полнымъ гною.

16 Апрѣля. Праздникъ Богородицы. Дневка и большой обѣдъ у раса. Мой универсальный инструментъ нѣсколько дней тому назадъ испортился (въ немъ лопнули паутинки), и я возился сегодня надъ его исправленіемъ. За неимѣніемъ паутинки, я приклеилъ къ окуляру два собственныхъ волоска, вырванныхъ изъ руки. Они въ трубѣ казались веревками. Чтобы толщина ихъ не отразилась на точности наблюденій, я принялъ слѣдующую систему: верхній край солнца я наблюдалъ по нижнему краю волоска, а нижній край по верхнему (въ среднемъ толщина волоска впослѣдствіи выразилась, какъ $2^1/_2$).

17 Апрѣля. Мы перешли верстъ на 10 къ сѣверу, слѣдуя вдоль подножія того же отрога. Верстахъ въ 10 къ востоку тянулся густой лѣсъ, простирающійся до самой р. Омо. Въ подзорную трубу мы видали сверху на одной изъ его полянокъ стадо слоновъ. Но до захода солнца оставалось уже немного, и охота не состоялась. Одного солдата во время перехода атаковала большая змѣя. Солдатъ ѣхалъ верхомъ въ густой травѣ, немного отдѣлившись отъ отряда, и мы вдругъ увидали, какъ надъ травой поднялась голова змѣи. Солдатъ шашкой отрубилъ ей голову. Змѣя была длиной 5 аршинъ.

18 Апрѣля. Дневка. Цѣлый день воюемъ съ туземцами: въ горахъ, то и дѣло, раздаются ружейные выстрѣлы. Я производилъ солнечное наблюденіе, опредѣлилъ склоненіе магнитнаго меридіана и былъ пораженъ, замѣченной мной въ этой мѣстности, магнитной аномаліей. Я бралъ въ двухъ мѣстахъ, отстоявшихъ всего шаговъ на сто другъ отъ друга, магнитные

азимуты, на очень дальнія горы, и въ азимутахъ получилась разница на цѣлыхъ 5°.

19 Апрѣля. Праздникъ Св. Георгія Побѣдоносца. Именины главнокомандующаго, и по этому случаю пиръ и дневка. На бивакѣ всю ночь палили изъ ружей. Оказалось, что умеръ одинъ полковникъ,—все отъ той же новой, неизвѣстной болѣзни,—и солдаты, и друзья покойнаго отдавали ему военныя почести, стрѣляя у его палатки. Болѣзнь въ отрядѣ все больше и больше распространяется и уноситъ ежедневно по нѣсколько жертвъ. У меня тоже не совсѣмъ благополучно: вчера вечеромъ заболѣлъ Зелепукинъ. Часа въ 2 дня онъ пошелъ на рѣчку мыть бѣлье и, вѣроятно, отъ сильнаго солнечнаго свѣта, отражавшагося въ водѣ, получилъ воспаленіе глазъ. Когда онъ возвратился съ рѣчки, лѣвый глазъ началъ у него чесаться и показалось немного матеріи; къ вечеру вѣки такъ опухли, что я насилу раскрывалъ ихъ пальцами, чтобы впустить капли. Зелепукинъ сильно страдалъ, но старался не стонать. Никогда я не видѣлъ еще такой острой формы воспаленія глазъ и уже отчаявался въ ихъ спасеніи.

20 Апрѣля. Отрядъ перешелъ къ подножью горы Джаша. Зелепукина везли, завязавъ ему платкомъ глаза; одинъ ашкеръ велъ его мула, а два другихъ поддерживали больного съ боковъ и отклоняли отъ него встрѣчавшіяся вѣтки. По приходѣ на бивакъ, я поднялся на гребень хребта. Меня сопровождали три оруженосца съ инструментами и моимъ ружьемъ. Гребень возвышался надъ бивакомъ на 400—500 метровъ; подъемъ былъ очень трудный. Я спѣшилъ, чтобы не пропустить полдня, и когда я поднялся на вершину, то совершенно замучился. Но я былъ вознагражденъ тѣмъ, что отсюда одновременно увидѣлъ гору Курасъ на югѣ и низъ горы Боканъ на сѣверѣ. Установивъ универсальный инструментъ, я сталъ производить наблюденія; моихъ оруженосцевъ я разставилъ кругомъ на часы, такъ какъ мѣстность была, повидимому, очень неспокойная, и вокругъ виднѣлись свѣжіе слѣды туземцевъ и ихъ скота, а вблизи, то и дѣло, раздавались выстрѣлы абиссинцевъ.

21 Апрѣля. Отрядъ поднялся на хребетъ и сталъ бивакомъ невдалекѣ отъ вершины Сай и на нѣсколько верстъ къ сѣверу отъ мѣста моего вчерашняго наблюденія. Часть отряда

Расъ шествуетъ на обѣдъ.

Т-во „Художеств. Печати" Англійскій, 28.

разсыпалась по окрестностямъ въ поискахъ за продовольствіемъ; для поддержки фуражировъ было выслано нѣсколько резервовъ, расположившихся на холмахъ верстахъ въ пяти отъ бивака. На одну изъ близъ лежащихъ вершинокъ взошелъ главнокомандующій и почти до вечера наблюдалъ въ подзорную трубу за завязывающимися все время вокругъ одиночными боями абиссинцевъ съ туземцами.

Мѣстность эту намъ называли „Мече", жители ея той же народности, что и Беру, Касси, Кира, Сай и др. горныя племена; они очень воинственны. Ружья на нихъ не дѣйствовали такъ ошеломляюще, какъ на ихъ сосѣдей, и они съ ожесточеніемъ отстаивали свое имущество.

Мои ашкеры тоже ходили на добычу и имѣли жаркое дѣло. Они съ трудомъ отбились отъ туземцевъ, которые напали на нихъ въ одномъ изъ ущелій, и уже разстрѣляли почти всѣ свои патроны, когда, къ счастью, подоспѣла помощь. На бивакъ они принесли 10-ти дневный запасъ зерна и пригнали нѣсколькихъ плѣнныхъ женщинъ и дѣтей.

22 Априля. Отрядъ, состоящій изъ здоровыхъ и свободныхъ людей полковъ фитаурари Чабуде, Габро-Маріама и каніазмача Дубье, всего около 1000 человѣкъ, посланъ развѣдать промежуточную мѣстность между горой Сай и Беру. Я присоединился къ этому отряду. Зелепукину было легче, и я не боялся оставить его на нѣсколько дней одного. Главныя силы должны были ожидать на мѣстѣ возвращенія рекогносцировочнаго отряда, или его донесенія о томъ, гдѣ вновь соединиться. Мы поднялись на гребень хребта, тянущагося къ западу отъ горы Сай. Населеніе здѣсь густое. На вершинѣ гребня толпа воиновъ загораживала намъ путь. Они, дико прыгая, угрожали намъ копьями и отступали передъ нами Около 11 часовъ дня мы поднялись на одну изъ вершинъ. Ночью былъ дождь; благодаря особенно прозрачному воздуху, были отчетливо видны далекія Каффскія горы. Я здѣсь остановился, установилъ инструментъ, и сталъ производить солнечное наблюденіе, а затѣмъ взялъ азимуты на виднѣвшіяся вершины. Солдаты въ это время частью разбрелись, добывая себѣ кислаго молока или турчи. Солнце было уже почти въ меридіанѣ, и я напряженно ждалъ момента, когда его верхній край перестанетъ подыматься и вновь начнетъ отдѣляться отъ нижняго края волоска, какъ вдругъ, почти

рядомъ со мной затрубили рога туземцевъ, раздался пронзительный визгъ и вой ихъ боевыхъ кликовъ и насъ атаковали. Невдалекѣ просвистѣло нѣсколько пущенныхъ изъ пращи камней, одинъ попалъ въ ножку статива и чуть не опрокинулъ инструментъ. Абиссинцы начали отстрѣливаться. Оторваться отъ инструмента въ самый важный моментъ наблюденія не приходилось, и я продолжалъ свои занятія при довольно необычайной для астрономическихъ работъ обстановкѣ. Туземцы понесли значительныя потери, и отступили. Мы пошли дальше, а они шли за нами на почтительномъ разстояніи.

Направо и налѣво отъ узенькой тропинки тянулся сплошной рядъ усадьбъ, перемежавшихся съ густыми посадками бананового дерева Кочо. То и дѣло, между нами и туземцами происходили схватки. Въ 4 часа дня мы поднялись на одну изъ вершинъ, на которой находилась выдающаяся по своимъ размѣрамъ усадьба, а рядомъ съ ней—священная роща. Вѣроятно, это былъ домъ мѣстнаго царька. На широкомъ дворѣ его мы остановились. Во дворѣ оказалось 4 большихъ дома, съ опускающейся до самой земли соломенной крышей. Напротивъ стояли 2 амбара, изъ нихъ одинъ на торчавшемъ аршинъ на пять надъ землею срубленномъ стволѣ дерева. Въ серединѣ двора возвышался пирамидальный курганъ, около сажени высоты, обложенный кругомъ камнями. На верхушкѣ его лежало нѣсколько угольковъ, обглоданная баранья косточка и кусочки навоза слона. Двери домовъ были плотно приперты крѣпкими толстыми досками. Солдаты, по приказанію фитаурари Габро-Маріама, разбивъ ихъ прикладами, вошли внутрь жилищъ. Но черезъ нѣсколько мгновеній изъ одного дома выносили уже убитаго копьемъ абиссинца. Оттуда раздалось нѣсколько глухихъ выстрѣловъ, и изъ дверей показалась струйка крови... Въ другихъ домахъ никого не было. Я тоже входилъ въ эти жилища, чтобы осмотрѣть ихъ. Низко пригнувшись, влѣзъ я сквозь маленькую дверь. Послѣ яркаго дневного свѣта внутри ничего не было видно, и только спустя нѣсколько времени глазъ сталъ различать окружающіе предметы. Я былъ пораженъ тѣмъ, что увидалъ. Казалось, будто находишься не то въ древнемъ храмѣ, не то въ какомъ-то подземельѣ. Толстыя лѣпныя колонны поддерживали потолокъ. На одной изъ стѣнъ между

колоннами висѣли два большихъ барабана такой же формы, какъ и въ церквахъ у Абиссинцевъ. Тутъ же стояла большая арфа и лежало нѣсколько желѣзныхъ колоколовъ и трубъ изъ цѣльнаго слоноваго клыка. Въ серединѣ дома вокругъ очага стояли три глиняныя урны. Къ основанію ихъ было приставлено по толстой каменной плитѣ. Справа отъ входа лежала большая воловья шкура, служившая, вѣроятно, постелью хозяевамъ дома; слѣва домъ сообщался съ коровьимъ стойломъ, гдѣ находилась привязанная черная корова. Все было черно, закопчено дымомъ. Колонны изъ толстаго бревна, оплетеннаго хворостомъ, были обмазаны глиной и украшены характерными лѣпными узорами, такими же точно, какъ на татуировкѣ туземцевъ. Внутри корзинъ, которыми оплетены колонны, находились склады всякаго добра, а въ урнахъ лежали какіе-то предметы, имѣвшіе, вѣроятно, для туземцевъ особое значеніе. Тутъ были и зерна кофе, завернутыя въ маленькіе кусочки кожи, и кусочки какой-то смолы, и гладкіе камушки, собранные въ руслѣ рѣчки..

Колонка.

Горецъ.

Жители этой мѣстности—той же народности, что и Беру, Касси, Колу, Дами, Кира, Дече и др. горныя племена, обитающія по гребню южной части главнаго хребта. Этотъ народъ уже давно поражалъ меня контрастомъ, который онъ составляетъ съ остальными обитателями окружающихъ областей. Горцы по внѣшности совсѣмъ не походятъ ни на Шуро, ни на Гимиро и по культурѣ,— хотя одежда имъ и неизвѣстна,

стоятъ несравненно выше Шуро и почти на одномъ уровнѣ съ Гимиро. Религіозный культъ ихъ,—судя по видѣннымъ мною жертвенникамъ, священнымъ рощамъ и могиламъ, находящимся въ нихъ, наконецъ, судя по очагамъ, окруженнымъ урнами, которыя я находилъ почти во всѣхъ домахъ,—долженъ быть сравнительно высокъ. Бога они называютъ Даду—названіе это, между прочимъ, схоже съ Деду (громъ на языкѣ Гимиро) и Деда (небо на языкѣ Сидамо), что мнѣ кажется очень знаменательнымъ. Племена эти совершенно изолированы поселеніями негровъ отъ остальныхъ Эфіопскихъ племенъ: Сидамо, Гимиро, Каффа и, наконецъ, абиссинцевъ. Горцы никогда даже не слыхали не только о существованіи абиссинцевъ, но и о своихъ, казалось бы, не такъ далекихъ сосѣдей,—каффцевъ,—тѣмъ не менѣе въ характерѣ, бытѣ и культурѣ я у нихъ находилъ массу аналогичныхъ чертъ, которыя давали мнѣ поводъ думать, что всѣ эти племена родственны между собою. Я встрѣтилъ у этихъ дикихъ племенъ тотъ же музыкальный инструментъ — большую арфу, какъ и у абиссинцевъ, нашелъ даже доску для игры въ гебету. У нихъ, какъ и у Сидамо, и Гимиро, и каффцевъ, существуютъ жертвоприношенія и гаданія по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ. Дома построены также тщательно и поля обработаны съ такимъ же трудолюбіемъ, какъ и у Гимиро, и у Сидамо. Все это еще больше утверждало меня въ предположеніи, что вся эта цѣпь племенъ, начиная отъ абиссинцевъ на сѣверѣ и кончая горцами на югѣ,—родственна между собою. Быть можетъ, въ давнія времена все Эфіопское нагорье было заселено однимъ и тѣмъ же народомъ, но потомъ съ сѣверо-востока пришли семиты и, смѣшавшись съ аборигенами страны, дали существующія разновидности. Семитическое нашествіе распространялось съ сѣверо-востока къ югу и западу, и въ этомъ отношеніи поразительна та постепенность, съ которой сказывается количество семитической крови въ различныхъ племенахъ. Тигрейцы кажутся чистѣйшими семитами, затѣмъ идутъ Шоанцы, наконецъ, каффцы и Сидамо. Въ Гимиро совершенно не замѣчается семитической крови, напротивъ, они какъ будто смѣшались съ неграми, а среди всѣхъ этихъ племенъ выдѣляются горцы. Неприступность ихъ горъ, удаленность отъ моря и обособленность ихъ сохранили этому народу чистоту его крови,

откуда, мнѣ кажется, слѣдуетъ считать ихъ *первобытными обитателями Эфіопскаго нагорія.*

Солнце уже заходило, когда мы стали бивакомъ на берегу ручья. Туземцы окружили насъ и не переставали безпокоить. Перестрѣлка стихла только къ ночи. Ожидая ночного нападенія, мы приняли мѣры....

23 Апрѣля. Ночь прошла сравнительно спокойно. Раза два поднималась тревога, но оказывалось, что туземцы просто приходили убирать своихъ убитыхъ. На разсвѣтѣ мы выступили и стали подниматься на гору Каститъ. Въ 9 час. утра мы были на ея вершинѣ, возвышающейся на 2600 метр. надъ ур. моря. Дулъ сильный вѣтеръ, было только +7° Р. Моросилъ мелкій дождикъ, и полуголые абиссинцы дрожали отъ холода. Даже у меня, теперь отвыкшаго отъ холода, коченѣли руки. Погода далеко не благопріятствовала наблюденіямъ. Только на югѣ я разглядѣлъ гору—Царскій Валикъ, на востокѣ—гору Диме и на западѣ—Джашу. Въ 9 час. утра мы спустились съ г. Каститъ и пошли на западъ по гребню хребта, тянущагося въ этомъ направленіи.

Желѣзный колоколъ и серьги для коровъ жителей горы Каститъ.

Какъ только солнце пригрѣло, туземцы опять окружили нашъ отрядъ и не давали покоя постоянными нападеніями.

Въ 12 час. дня мы достигли горы Меру. Отсюда каніазмачъ Дубье, фитаурари Чабуде, фитаурари Габро-Маріамъ пошли со всѣмъ отрядомъ къ сѣверу. Я безпокоился о здоровьѣ Зелепукина, да и особой надобности продолжать развѣдку не представлялось, такъ какъ географическое положеніе хребта Императора Николая II было теперь уже мнѣ извѣстно; поэтому я отдѣлился отъ отряда и направился прямикомъ къ биваку главныхъ силъ. За мной пошли мои ашкеры и нѣсколько десятковъ абиссинцевъ. Шли мы до захода солнца, все время окруженные туземцами, и стали на ночлегъ у подножія хребта къ сѣверу отъ того мѣста, гдѣ я наканунѣ производилъ сол-

нечное наблюденіе. Темнѣло. Я спѣшилъ оріентироваться и посмотрѣть, не видать ли съ горы бивака главныхъ силъ, и, кликнувъ своего оруженосца Абто-Селасье, направился къ ближайшему холму. Одинъ изъ офицеровъ, замѣтивъ, что я иду въ сопровожденіи только одного оруженосца, послѣдовалъ за мной. За нимъ несъ щитъ его 12-ти лѣтній сынъ.

12 часовъ провелъ я за этотъ день на сѣдлѣ и ничего не ѣлъ за цѣлыя сутки. Не знаю, поэтому ли, или почему либо другому, но я былъ въ какомъ-то мечтательно-философскомъ настроеніи духа: сколькихъ жертвъ стоило покореніе этого края, и верхомъ насилія и несправедливости представлялось оно мнѣ. Конечно, всегда жертвами оплачивается новый фазисъ въ исторіи народовъ. Но справедливость міровая и индивидуальная совершенно различны между собой. Убійство остается для насъ всегда убійствомъ, съ какою бы цѣлью оно ни совершилось, и оно въ особенности безнравственно по отношенію къ этимъ мирнымъ трудолюбивымъ людямъ, никогда не сдѣлавшимъ намъ зла, у которыхъ мы теперь отнимаемъ насильно ихъ землю, пользуясь превосходствомъ нашего оружья....

Узенькая тропинка круто поднималась въ гору. Я шелъ по ней, какъ вдругъ, впереди въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, показалась фигура туземца, несшаго что-то на головѣ, съ длиннымъ копьемъ на плечѣ. Онъ тоже поднимался на этотъ гребень, но съ противоположной стороны. Неожиданно увидавъ другъ друга, мы оба остановились. Подъ вліяніемъ своего настроенія я даже не думалъ о томъ, чтобы предпринимать противъ него какія либо агрессивныя мѣры. Мнѣ казалось немыслимымъ, чтобы онъ самъ сталъ меня атаковать; вѣдь за мной шло два человѣка, съ ружьями, которые его въ этомъ случаѣ немедленно пристрѣлятъ... На мнѣ была шашка, но я и не собирался вынимать ее изъ ноженъ, мой же револьверъ Маузера, который я въ походѣ всегда носилъ на поясѣ, на этотъ разъ остался въ кабурѣ сѣдла, такъ какъ оборвался ремень, на который я его пристегивалъ. Каково же было мое удивленіе, когда вмѣсто того, чтобы бѣжать, мой противникъ мгновенно скинулъ съ головы ношу и бросился на меня съ копьемъ. Я выхватилъ шашку и кликнулъ своимъ людямъ, которые были еще внизу и не видали происходящаго—„Белау“ (валяй, бей!). Туземецъ остановился

шагахъ въ 10 противъ меня, направивъ въ меня копье,—заставляя конецъ его быстро дрожать,—выбиралъ моментъ для удара. Я ждалъ, что вотъ грянетъ выстрѣлъ, и мой безумный врагъ повалится мертвымъ, но выстрѣла не было... Видя, что я жду съ шашкой его удара, туземецъ, повидимому, не рѣшался колоть или бросить въ меня свое копье... Вдругъ онъ быстро нагнулся и, схвативъ большой камень, съ силой бросилъ въ меня. Я успѣлъ наклониться и камень пролетѣлъ надъ головой. За первымъ камнемъ послѣдовалъ второй, третій... „Белау,—белау!",—кричалъ я солдатамъ, но они что то возились въ нѣсколькихъ шагахъ за мной и не стрѣляли. Повернуться же самому и взять свое ружье значило бы подвергнуть себя вѣрной гибели. Наконецъ, грянулъ выстрѣлъ—стрѣлялъ офицеръ. Въ торопяхъ онъ промахнулся. Абто-Селасье тоже выхватилъ шашку, и мы бросились на туземца.., Одновременно раздался второй выстрѣлъ офицера совсѣмъ въ упоръ, и нашъ противникъ повалился на землю... Онъ долго еще корчился, оскаливъ зубы съ отвратительной улыбкой на лицѣ.

Во время послѣдней схватки онъ съ такой силой ударилъ въ одного изъ насъ копьемъ, что пробилъ насквозь кожаный щитъ, во время подставленный подъ ударъ оруженосцемъ офицера.

Странное совпаденіе обстоятельствъ. Мой револьверъ, который я всегда носилъ на себѣ, оказался именно сегодня въ кабурѣ сѣдла. Абто-Селасье первый разъ несъ за мной 3-хъ линейную винтовку; она была заряжена и затворъ былъ на предохранительномъ взводѣ, а Абто-Селасье не умѣлъ перевести его на боевой взводъ. У другого моего ашкера попался толстый патронъ, который застрялъ наполовину въ патронникѣ и не подвигался ни впередъ, ни назадъ. Но страннѣе всего то, что за нѣсколько дней передъ этимъ происшествіемъ я видѣлъ сонъ, который въ общемъ повторялъ картину сегодняшняго боя, и я тогда же разсказалъ его Зелепукину.

Копье Каститъ, 10 ф. 8 д.

Мы вернулись на бивакъ. Копье туземца мы захватили съ собой; видно было, что оно было уже не первый разъ въ бою: на концѣ его были недавніе слѣды крови, вѣроятно,

абиссинской. Мое мечтательно-философское настроенiе совершенно разсѣялось. Война есть война, а не турниръ, и чѣмъ съ большимъ превосходствомъ собственныхъ силъ можно побѣдить врага, тѣмъ лучше.

24 Апрѣля. Ночь прошла довольно спокойно, къ полдню мы присоединились къ главнымъ силамъ, и дорогой наши ребята запаслись на нѣсколько дней зерномъ. Зелепукинъ поправлялся. Мой маленькiй Васька радостно выбѣжалъ ко мнѣ навстрѣчу и издали уже кричалъ мнѣ „Здравiя желаю, Ваше Высокоблагородiе!“

26 Апрѣля. Всю ночь не прекращалась пальба — послѣднiя почести, которыя отдавались умершимъ въ эту ночь воинамъ ихъ друзьями и товарищами. Новая болѣзнь сильно распространялась среди солдатъ.

27 Апрѣля. Я былъ очень нездоровъ. Тоже заболѣлъ новой болѣзнью и къ вечеру слегъ. У меня былъ сильный жаръ и ломило голову, глаза слезились и болѣли, горловыя железки немного опухли. Узнавъ о моей болѣзни, расъ Вальде-Георгисъ немедленно прислалъ ко мнѣ одного изъ своихъ ашкеровъ — Лыджъ-Абабу, который, оказывается, лѣчилъ странную неизвѣстную болѣзнь, выучившись этому отъ арабовъ въ сѣверо-западныхъ низменныхъ областяхъ Абиссинiи, около Кассалы. Лыджъ-Абаба осмотрѣлъ мнѣ горло и, прощупавъ мизинцемъ горловыя железки, крѣпко надавилъ на нихъ; оттуда вышло немного гною, смѣшаннаго съ кровью. Затѣмъ онъ далъ мнѣ прополоскать ротъ и съѣсть кусокъ черстваго хлѣба, посыпаннаго краснымъ перцемъ. Въ этомъ и заключалось все лѣченiе, но какъ это ни удивительно, послѣ этого я сразу почувствовалъ облегченiе, и голова гораздо меньше стала болѣть. Лыджъ-Абаба теперь — спаситель нашего отряда; ежедневно къ нему обращается масса заболѣвающихъ, и громадный процентъ изъ нихъ, благодаря ему, выздоравливаетъ. Случается, что поражены не только горловыя железки, какъ у меня, но и носовыя, и онъ какъ-то умѣетъ продавливать и ихъ.

Вчера пришло донесенiе отъ канiазмача Дубье. Онъ съ своимъ отрядомъ ожидалъ насъ въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ къ сѣверу, и мы сегодня утромъ выступили туда. Ночью былъ ливень, и рѣчка, которая текла около нашего бивака, обратилась въ бурный потокъ, который совершенно

невозможно было перейти въ бродъ. Отрядъ столпился на берегу рѣчки. Главнокомандующему поставили кресло рядомъ съ самой водой, и мы дожидали спада ея. Часа черезъ полтора уровень сталъ быстро понижаться, а часа черезъ два переправились отдѣльные смѣльчаки, и, наконецъ, двинулся весь отрядъ. Нагруженныхъ всякимъ домашнимъ скарбомъ бабъ сносило иногда водой, но вдоль теченія поставили цѣпь солдатъ, чтобъ ихъ спасать. Отрядъ сталъ бивакомъ у селенія Холки.

28 Апрѣля. Мы перешли въ землю Околъ и соединились съ отрядомъ каніазмача Дубье. Жители явились изъявить покорность расу, и главнокомандующій отдалъ по войскамъ стр гій приказъ, запрещавшій солдатамъ отлучаться въ сторону отъ дороги, а для предупрежденія этого, вдоль всего пути, поставили рядъ заставъ.

Я хотя не совсѣмъ еще поправился, чувствовалъ себя гораздо лучше.

29 Апрѣля. Дневка. Мнѣ опять хуже. Утромъ происходило долгое совѣщаніе главнокомандующаго и его вождей. Весь пройденный нами край раздѣлили на пять расходящихся отъ границъ Каффы къ югу полосъ и въ нихъ расположили тѣ полки, которые раньше занимали землю къ востоку отъ р. Омо: 1) Фитаурари Атерсье получилъ Шуро и всѣ земли къ западу отъ него, доходящія до границъ владѣній дадіазмача Тасамы. 2) Фитаурари Убье—Джири, Джашу, Меру, Машу, Беру, Касси, Колу и теченье рѣки Кори. 3) Фитаурари Дамти — Каститъ, Мажя-Тирма, Мену и земли къ юго-западу отъ послѣдней. 4) Полкъ покойнаго дадіазмача Андарге—Сай, Дече и теченіе р. Омо. 5) Фитаурари Имамъ—Гольду.

Первые 4 полка должны были стать бивакомъ не вдалекѣ отъ горы Уйта и дожидать здѣсь прибытія изъ Каффы ихъ остального обоза и запасовъ патроновъ; затѣмъ имъ предписано было разойтись по своимъ областямъ и приступить къ окончательному покоренію ихъ. Фитаурари Имамъ слѣдовалъ за нами еще нѣсколько переходовъ и затѣмъ самостоятельно шелъ завоевывать воинственную Гольду.

О послѣднемъ раздѣлѣ объявлено въ приказѣ по войскамъ. Солдатамъ оставшихся частей запрещено, подъ страхомъ отрѣзанія руки, отсылать на родину своихъ женъ или

свой обозъ, что служило обыкновенно вѣрнымъ признакомъ намѣренія солдата дезертировать.

Ко мнѣ пришли прощаться мои друзья, и моя палатка была полна народу.

30 Апрѣля. Отрядъ нашъ перешелъ къ сѣверу, и оставшіеся долго провожали насъ. Фитаурари Атерсье боленъ и идетъ съ съ нами. Идутъ также съ отрядомъ всѣ тяжело больные, и въ хвостѣ нашей колонны тянется длинная вереница носилокъ.

3 Мая. Перваго и втораго Мая я чувствовалъ себя очень плохо. Перваго Мая, когда мы перешли къ рѣкѣ Себелиму, я все время былъ такъ слабъ, что меня въ пути поддерживали мои ашкеры. Лыджъ-Абэба опять приходилъ продавливать железки, но гноя въ нихъ больше не было и, вѣроятно, ко мнѣ просто возвратилась моя старая лихорадка Сегодня чувствую себя лучше. Завтра отправляется первое донесеніе Императору. Я пользуюсь оказіей и пишу письма домой, первую вѣсть о себѣ послѣ 5-ти мѣсячнаго молчанія.

Съ туземцами мы продолжаемъ все время воевать. Они до того разнахальничались, что ночью стали врываться въ нашъ бивакъ, производя переполохъ на коновязяхъ. Перестрѣлка съ ними по ночамъ смѣшивается съ салютами по умершимъ.

4 Мая. Мы перешли къ рѣкѣ Килу. Ночью опять былъ ураганъ и гроза. Мою палатку снесло. Послѣ дождя подъемъ на горы сталъ такъ скользокъ, что вьючные мулы не въ состояніи были взбираться на нихъ, и солдаты на рукахъ вносили на гору вьюки. Много животныхъ пристало въ дорогѣ.

Мои ашкеры болѣютъ. Зелепукина тоже лихорадитъ.

5 Мая. Мы перешли къ самой границѣ Гимиро. Солдаты прощаются съ войной и тѣ, которымъ за весь походъ не удалось никого убить, прибѣгаютъ ко всякимъ правдамъ и неправдамъ, чтобы восполнить этотъ пробѣлъ. Среди нихъ даже завелся особый спортъ. Когда отрядъ покидаетъ бивакъ, они прячутся въ шалаши и выжидаютъ, когда придутъ на оставленное становище туземцы, которыхъ и пристрѣливаютъ изъ своихъ засадъ. Но это удовольствіе охотникамъ иногда очень дорого обходится, и многіе поплатились жизнью.

6 Мая. Мы прошли пограничный лѣсъ по той же тропинкѣ, по которой перевалили черезъ границу, выступая въ походъ. Расчищенная нами тропинка мѣстами завалена громадными, вырванными ураганомъ деревьями, и намъ пришлось вновь рас-

чищать ее. Мы вступили въ Гимиро, и веселые звуки флейтъ возвѣстили жителямъ о приходѣ войскъ. Гимиро выходили къ намъ навстрѣчу, падали, при встрѣчѣ съ расомъ, на колѣни, цѣловали землю и били себя руками въ грудь, выражая радость по случаю нашего благополучнаго возвращенія. На бивакъ прибылъ губернаторъ области Ато-Кассемъ. Старичекъ плакалъ отъ радости. Мы жадно допытывались отъ него новостей, но на окраинѣ мало что знали.

Интересные слухи ходили про насъ среди Гимиро первое время по выступленіи. Говорили, будто мы спустились съ горъ въ низменную пустыню, покрытую туманомъ. Проводники отказывались насъ вести, но расъ все-таки пошелъ и погибъ со своимъ войскомъ. Другіе утверждали, что всѣхъ насъ унесло водой.

9 Мая. Мы вступили въ Чану. Я поднимался опять на гору Боканъ. Ночью шелъ дождь, и утромъ воздухъ былъ удивительно прозрачный; я воспользовался этимъ, чтобы взять азимуты на дальнія горы.

Съ бивака въ Чана я выступилъ съ нѣсколькими ашкерами и 20 солдатами Ато-Кассема на охоту на слоновъ. Зелепукинъ тоже отправился со мной. Мы шли до полной темноты, спускаясь съ западныхъ склоновъ главнаго хребта. Тропинка пролегала среди густѣйшаго лѣса. Когда совсѣмъ стемнѣло, мы остановились въ одинокой усадьбѣ одного каффца. Самъ хозяинъ жилъ въ маленькомъ шалашѣ со своей женой и двумя дѣтьми. Домъ его его былъ сожженъ во время покоренія Каффы. Теперь онъ отстраивалъ себѣ новое жилище, которое было уже почти готово: оставалось только покрыть крышу. Шелъ сильный дождь. Палатки у насъ не было, почему мы нарубили шашками банановыхъ листьевъ, покрыли ими крышу и переночевали въ строящемся домѣ.

10 Мая. На разсвѣтѣ мы выступили. Было очень свѣжо, сыро и термометръ показывалъ всего +7°. Мы повернули на сѣверъ и пошли вдоль западныхъ склоновъ хребта. Переправлялись черезъ р. Мену, которая въ этомъ мѣстѣ представляетъ изъ себя еще незначительный горный ручей, и черезъ др. притоки Собата. Къ 12 час. дня мы выступили въ область Биту и остановились въ домѣ начальника ея, Битараши, въ урочищѣ Кушоре. Усадьба Битараши окружена банановыми плантаціями, и внутри чистенькаго двора, огороженнаго за-

тѣйливымъ плетнемъ, стоитъ нѣсколько небольшихъ домовъ. Битараша, пожилой высокій типичный каффскій вельможа, вышелъ самъ къ намъ на встрѣчу, окруженный своими слугами, и принялъ меня очень гостепріимно.

Онъ христіанинъ изъ числа обращенныхъ миссіонеромъ Массаей; въ его домѣ хранится небольшое распятіе, подаренное ему Массаей. Битараша—изъ рода Амаро, который всегда тяготѣлъ къ христіанству и одинъ изъ первыхъ откликнулся на призывъ Массаи.

11 Мая. Мы провели безсонную ночь. Насъ до того кусали клопы и блохи, что даже привычные къ нимъ абиссинцы и тѣ не могли заснуть и все время ворочались. Утромъ мы выступили и направились къ лѣсамъ, гдѣ держались слоны. Въ 10 часовъ утра, съ вершины одного гребня, мы завидѣли внизу на полянкѣ густого лѣса стадо слоновъ. Мы оставили тутъ муловъ и лошадей, а сами, обходя слоновъ, стали приближаться такъ, чтобы вѣтеръ дулъ отъ нихъ на насъ. Лѣсъ здѣсь такъ густъ, что въ немъ можно пробираться только по слоновымъ тропинкамъ. Насъ велъ Битараша и, осторожно ступая, шелъ впереди, держа свое копье наготовѣ, на случай нечаянной встрѣчи. За нимъ слѣдовалъ я, за мной Зелепукинъ и, наконецъ, вытянувшись гуськомъ, шли остальные ашкеры. Когда мы пришли на то мѣсто, гдѣ раньше видали слоновъ, ихъ тамъ уже больше не было, и мы побѣжали по ихъ свѣжимъ слѣдамъ. Перепрыгивая черезъ глубокія ямы, вдавленныя ногами слоновъ, мы перебрались потомъ черезъ топкое болотце, перешли черезъ небольшой хребетъ и вступили въ другой еще болѣе густой лѣсъ. Тамъ царила совершенная тишина, и слоны должны были быть гдѣ-нибудь невдалекѣ. Мы притаили дыханіе и безшумно подвигались..... Вдругъ каффецъ остановился и показалъ мнѣ пальцемъ на какую-то темнокоричневую массу, которая, какъ стѣна, загораживала тропинку всего въ нѣсколькихъ шагахъ впереди. Было ли это брюхо, грудь или задъ слона, я не въ состояніи былъ разобрать. Я боялся, что мои нетерпѣливые ашкеры не выдержатъ и начнутъ палить, и выстрѣлилъ въ виднѣвшуюся громаду. Въ слѣдъ грянули за моей спиной выстрѣлы Зелепукина и моихъ ашкеровъ. Лѣсъ загрохоталъ, затрещали деревья, и все стадо въ паническомъ страхѣ бросилось бѣжать. Раненый мною слонъ тоже бѣжалъ и, от-

дѣлившись отъ остальнаго стада, пронзительно ревѣлъ въ чащѣ. Мы бросились преслѣдовать. Какъ вихрь, летѣли мои ашкеры, перепрыгивая черезъ поваленныя деревья и кочки, стрѣляя на ходу. Мы съ Зелепукинымъ сначала тоже гнались за слонами, но вскорѣ должны были отстать. На одной изъ тропинокъ на листвѣ кустовъ, съ правой стороны, попадалась кровь, и я пошелъ искать раненаго слона; но въ лѣсу было такъ много слоновыхъ тропинокъ, что я скоро потерялъ слѣдъ. Вскорѣ я наткнулся еще на одного слона и ранилъ его, но онъ тоже ушелъ въ чащу. Издалека доносились выстрѣлы моихъ ашкеровъ, но они вскорѣ замолкли: слоны, очевидно, теперь ушли. Я потерялъ всякую надежду на удачную охоту и сталъ возвращаться къ тому мѣсту, гдѣ оставался мулъ. До него было еще верстъ 7. Со мной шли: Зелепукинъ, два каффца и оруженосецъ Аулале, который на этотъ разъ несъ только бинокль. Поднявшись на гребень одного хребта, мы вдругъ увидали внизу на противоположной сторонѣ ручья, на перемычкѣ между двумя лѣсами, все стадо слоновъ. Оно, должно быть, завернуло назадъ и теперь переходило изъ одного лѣса въ другой. До нихъ было шаговъ 800. Я быстро сталъ на одно колѣно и открылъ по стаду изъ трехлинейки частый огонь. Озадаченные слоны на мгновеніе остановились, затѣмъ, покружившись вокругъ одного большого дерева, ушли обратно въ лѣсъ. Подъ деревомъ остался лежать одинъ слонъ, а въ чащѣ ревѣло нѣсколько раненыхъ. Бѣгомъ кинулся я съ горы къ упавшему слону. Но когда мы прибѣжали, то его уже не оказалось, онъ ушелъ. Мы бросились съ Зелепукинымъ по разнымъ тропинкамъ искать раненое животное. Каффцевъ я тоже заставлялъ искать, но они ни за что не рѣшались и остались на опушкѣ. Вдругъ передо мною затрещали кусты..... Трескъ быстро приближался. Я сталъ за поворотомъ тропинки, но черезъ нѣсколько мгновеній все смолкло. Слонъ остановился гдѣ-то совсѣмъ рядомъ, притаившись теперь, должно быть, за какимъ-нибудь деревомъ и выжидая меня. Тяжело раненые слоны постоянно это дѣлаютъ и тогда они очень опасны. Я напрягалъ зрѣніе, чтобы разсмотрѣть его въ густой чащѣ и осторожно подвигался по направленію къ тому мѣсту, гдѣ только что раздавался трескъ. Аулале тоже шелъ со мной и вдругъ закричалъ не своимъ голосомъ—„вотъ онъ!“ Скры-

вавшійся за большимъ деревомъ, шагахъ въ 20-ти отъ меня, слонъ бросился теперь съ ревомъ стремительно въ атаку. Я выстрѣлилъ, и онъ грузно повалился въ 5 шагахъ отъ меня. Пуля попала въ голову. Для вѣрности, я выстрѣлилъ еще разъ, а потомъ отрубилъ шашкой по обычаю абиссинцевъ трофеи—концы хобота, хвоста и ушей.

Убитый слонъ оказался самкой, и у нея, вѣроятно, былъ дѣтенышъ, такъ какъ изъ вымени текло молоко. Я хотѣлъ снять фотографію и послалъ Аулале за аппаратомъ. Мулъ былъ верстахъ въ трехъ отъ насъ, дорога шла черезъ лѣсъ, и Аулале попросилъ, чтобы я далъ ему мое ружье. Я отдалъ ему трехлинейку и остался съ одной шашкой около убитаго слона.

Трофей убившаго слона.

Ко мнѣ прибѣжали каффцы, а черезъ четверть часа подоспѣли остальные ашкеры, которые, слѣдуя по слѣдамъ стада, дошли до этого мѣста. Зелепукинъ искалъ другого раненаго слона, и я послалъ къ нему на помощь всѣхъ ашкеровъ, самъ же остался съ 2 каффцами; черезъ нѣсколько минутъ раздались невдалекѣ частые выстрѣлы, и вслѣдъ за ними раздались крики моихъ ашкеровъ, чтобы я бѣжалъ, такъ какъ на меня шло все стадо слоновъ. Дѣйствительно, невдалекѣ слышно было, какъ оно ломилось сквозь чащу. Оба каффца, которые были со мной, моментально скрылись. Рядомъ съ убитымъ слономъ стояло большое дерево и его корни образовали какъ бы нишу. Слоновая тропинка шла слѣва отъ меня, и съ этой стороны я былъ закрытъ кустами, справа же отъ дерева кусты были рѣже. Въ этой пещеркѣ я засѣлъ. Все ближе и ближе трещалъ лѣсъ, и топотъ нѣсколькихъ сотенъ слоновыхъ ногъ становился все оглушительнѣй. Было несомнѣнно, что они шли прямо на меня. Но гдѣ они пройдутъ: справа или слѣва отъ дерева?

Вдругъ справа, совсѣмъ рядомъ, показалась громадная голова, широкія болтающіяся уши и грузное туловище.... Я сидѣлъ, притаивъ дыханіе. Замѣтитъ слонъ меня или не замѣтитъ? Онъ уже совсѣмъ миновалъ меня, какъ вдругъ круто повернулъ назадъ и, какъ вкопанный, остановился передо мною. Онъ смотрѣлъ на меня своими маленькими блестящими глазами, надвигался впередъ, собиралъ въ себя хоботъ, приподнявъ конецъ его вверхъ, какъ бы приготовившись сдѣлать имъ выпадъ, пятился немного назадъ и, наконецъ, быстро повернувшись, ушелъ. Первая опасность миновала, но сзади бѣжали, можетъ быть, раненые, а потому и самые злые слоны; кромѣ того, рядомъ со мной лежалъ трупъ только что убитой слонихи, а всѣмъ извѣстно, какъ слоны въ этомъ случаѣ мстительны *). Одинъ за другимъ пробѣгали мимо меня слоны; пробѣжалъ, казалось, наконецъ, и послѣдній, и я уже думалъ, что опасность миновала, какъ вдругъ послышался топотъ, и еще одинъ слонъ тяжело пробѣжалъ мимо меня. Онъ былъ раненъ и изъ боку у него сочилась кровь. Пробѣжавъ нѣсколько шаговъ, онъ, какъ и первый слонъ, круто повернулся и пошелъ на меня. Всего въ пяти шагахъ остановился онъ передо мною. Глаза его страшно зло смотрѣли. Онъ топтался на мѣстѣ, вбиралъ свой хоботъ, намѣреваясь какъ будто жестоко отмстить попавшемуся, наконецъ, въ его власть человѣку. Какъ два самыхъ заклятыхъ врага, смотрѣли мы теперь въ глаза другъ другу. Не думалось мнѣ въ ту минуту, что Богъ приведетъ меня описывать этотъ эпизодъ, и исходъ его казался настолько опредѣленнымъ, что я, какъ сейчасъ, помню, какъ я ожидалъ съ секунды на секунду своей гибели...

Но вдругъ, непонятно почему, слонъ взвизгнулъ, завертѣлъ хвостомъ и, круто повернувшись, побѣжалъ дальше.

Я вышелъ изъ своего убѣжища. Впереди слышался удаляющійся трескъ. Я живъ, и въ спасеніи своемъ вижу одинъ лишь Промыселъ Божій.

---

*) Слоны, какъ утверждаютъ охотники, часто разрушаютъ на томъ мѣстѣ, гдѣ изъ ихъ стада убивали кого-нибудь, всѣ деревья. Опасность со стороны раненыхъ слоновъ подтверждаютъ всѣ путешественники средней Африки: Князь Русполи палъ жертвой раненаго имъ слона. Графъ Телеки Кавендишъ и я спаслись отъ нихъ только какимъ-то чудомъ.

На горѣ пѣли побѣдную пѣснь „Адой Шебаэ", которой ашкеры чествовали побѣду Зелепукина, тоже убившаго слона. Первыми подбѣжали ко мнѣ удравшіе каффцы. Они знали, что слоны прошли здѣсь, слышали визгъ одного изъ нихъ и ожидали увидѣть мои останки—и страшно обрадовались, когда нашли меня невредимымъ. Вскорѣ пришелъ и торжествующій Зелепукинъ, съ ашкерами. Мы измѣрили разстояніе. Отъ того мѣста, гдѣ я сидѣлъ до тропинки, по которой бѣжали слоны, оказалось семь шаговъ, а до крайнихъ слѣдовъ переднихъ ногъ слона только четыре.

Было уже четыре часа дня. Поручивъ Битарашѣ вынуть на слѣдующій день клыки, я поспѣшилъ присоединиться къ отряду, и вечеромъ мы прибыли на главный бивакъ.

12 Мая. Отрядъ перешелъ въ Димбиро. Всю дорогу не прекращался проливной дождь. Расъ получилъ печальную вѣсть о смерти своего любимаго внука, и весь отрядъ надѣлъ трауръ. Главнокомандующій очень горевалъ.

13 Мая. Мы перешли къ подножью горы Бонга-Беке. Я перегналъ отрядъ. По дорогѣ къ Бонгѣ, я встрѣтилъ нагади-раса. Онъ ѣхалъ на встрѣчу главнокомандующему и везъ ему въ даръ медъ, пиво и хлѣбъ. Онъ угостилъ меня нѣсколькими стаканами тэджа и упросилъ ночевать у него въ домѣ. Съ однимъ изъ ашкеровъ онъ послалъ сказать своей женѣ, чтобы она отвела для меня помѣщеніе.

Жена нагади-раса, хорошенькая Аламиту, очень гостепріимно приняла меня и угостила отличнымъ ужиномъ, за которымъ присутствовала ея подруга, красавица Цадике, и два монаха. Послѣдніе пришли только-что изъ Адисъ-Абабы. Они видали тамъ русскихъ и разсказывали про удивительную джигитовку нашихъ казаковъ. Трудно представить себѣ, до какой степени пріятно было услышать эти первыя вѣсти о своихъ.

14 Мая. Мы вступили въ городъ Андрачи. На встрѣчу вышли всѣ остававшіяся тамъ войска. Супруга раса Вальде-Георгиса, Визиро-Эшимабьетъ, прислала одного изъ своихъ эльфинь-ашкеровъ поздравить раса и меня съ благополучнымъ возвращеніемъ. Передъ входомъ въ городъ стояла толпа жителей и все духовенство съ крестами и кадилами. Родственники и друзья при встрѣчѣ троекратно цѣловались; женщины и

Золотой щитъ и сабля.
Пожалованы автору Императоромъ Меneликомъ II
12 Іюня 1888 г.

дѣти радостно кричали: „и-ли-ли-ли-ли!“ Наряду съ этимъ раздавались вопли и салюты изъ ружей по умершимъ.

Мы отправились прямо къ церкви, гдѣ былъ отслуженъ

Супруга нагади-раса.

благодарственный молебенъ. Затѣмъ отрядъ разошелся по домамъ, а расъ пошелъ на могилу внука.

16 Мая. Я ѣздилъ къ отстоящей верстахъ въ сорока отъ Андрачи горѣ Адауди. Здѣсь я дѣлалъ наблюденія и ночью вернулся домой.

18 Мая. Я отправилъ свой обозъ въ Адисъ-Абабу.

20 Мая. Я собрался въ Адисъ-Абабу. Передъ отъѣздомъ я пошелъ откланяться и попрощаться къ расу Вальде-Георгису. Онъ завалилъ меня подарками, представляющими, каждый изъ себя, военное отличіе. Подарилъ онъ мнѣ своего чуднаго мула, отбитаго у царька Гофы, лошадь съ серебрянымъ уборомъ, серебряное копье плѣннаго Каффскаго царя, которое онъ бросилъ въ абиссинца, бравшаго его въ плѣнъ, полную боевую одежду и украшенный серебромъ щитъ. Но всего дороже для меня была золотая сабля, которую расъ получилъ послѣ одного боя за отличіе отъ самого Императора. Расъ просилъ меня принять это оружіе, въ память моего

боя 9-го Апрѣля у горы Сай, и въ письмѣ къ Императору Менелику просилъ утвердить за мной эту награду.

Серебряный ошейникъ для мула (боевое отличіе).

Парадный мундиръ абиссинскаго генерала.

Я поднесъ на память расу моихъ неизмѣнныхъ товарищей—трехлинейку и револьверъ Маузера.

Въ высшей степени трогательно было наше разставанie. За четыре мѣсяца, которые мы провели вмѣстѣ, мы хорошо узнали другъ друга, и я искренно полюбилъ и сталъ уважать раса. Я рѣдко встрѣчалъ такую честную, энергичную и благородную личность, въ то же время выдающагося вождя, глубоко преданнаго своему государю. Я видѣлъ въ немъ идеальнаго человѣка, страстно любящаго свою родину, всегда готоваго пожертвовать для нея своими собственными интересами...

Щитъ абиссинскаго вождя, украшенный серебромъ.

5 Iюня. Я прибылъ въ Адисъ-Абабу и нашелъ тутъ въ сборѣ всю нашу миссiю (къ большой радости какъ моей, такъ и Зелепукина), до самаго послѣдняго дня не имѣвшую вѣрныхъ свѣдѣнiй о томъ, гдѣ наши соотечественники.

14 Iюня. Я отправился въ Россiю курьеромъ. Въ одно время со мною должны были выѣхать мои товарищи — поручики Давыдовъ, Коховскiй и Арнольди и съ ними команда казаковъ, кончившихъ свой срокъ службы. Императоръ Менеликъ принялъ меня въ прощальной аудiенцiи и сказалъ мнѣ „до свиданья!" Императрица Таиту не могла принять меня по случаю болѣзни и прислала своего гофмаршала передать ея лучшiя пожеланiя. Въ день отъѣзда Императоръ пожаловалъ мнѣ золотой щитъ *)—выдающееся боевое отличiе, жалуемое въ очень рѣдкихъ случаяхъ.

Насъ сердечно провожали начальникъ миссiи д. с. с. Власовъ и весь составъ ея, а также и г-жа Власова. Въ полдень мы покинули Адисъ-Абабу.

---

*) Я пробылъ въ путешествiи съ 9-го Сентября 1897 года по 19-е Iюля 1898 года. Всего, не считая переѣздовъ по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ, за это время я прошелъ около 8 тысячъ верстъ, на протяженiи которыхъ было только четыре продолжительныхъ остановки: 1) съ 1 Октября по 26 Ноября—42 дня, 2) съ 9 Января по 21 Января—12 дней, 3) съ 26 Февраля по 4 Марта—6 дней и 4) съ 5-го Мая по 14 Мая—9 дней. Короткихъ остановокъ было—33 дня. Дней похода—211.

Подводя итоги моего пребыванія среди войска Императора Менелика II, считаю нужнымъ сказать слѣдующее:

По приказу Императора 15 тысячный корпусъ, несмотря на громадность района своего расквартированія, неимовѣрно быстро сосредоточился и выступилъ въ походъ, дабы присоединить къ владѣніямъ Эфіопіи обширныя земли, лежащія къ югу отъ нея, никѣмъ до того не только не изслѣдованныя, но и совершенно не извѣстныя. Въ теченіи лишь 4-хъ мѣсяцевъ корпусъ этотъ присоединилъ къ Абиссиніи площадь, слишкомъ въ 40 тысячъ квадр. верстъ. Во вновь завоеванныхъ земляхъ расположены гарнизоны, и эти области должны считаться теперь окончательно потерянными для всякой другой державы, которая, можетъ быть, имѣла на нихъ притязанія.

Экспедиція, которая любой европейской державѣ стоила бы милліоны, обошлась Абиссиніи почти даромъ, если не считать нѣсколько сотъ погибшихъ людей, да нѣсколькихъ тысячъ выстрѣленныхъ патроновъ. Полагаю, что этими словами все сказано. Какъ бы ни относились къ Абиссиніи, но за нею нельзя не признавать громадной силы, могущественной державы, которая въ любой моментъ можетъ свободно выставить двухсотъ-тысячную армію.

Многіе считаютъ абиссинскую армію недисциплинированною, думаютъ, что она не въ состояніи выдержать серьезной борьбы съ хорошо организованной европейской арміей, утверждая, что послѣдняя война съ Италіей ровно ничего не доказываетъ...

Я не стану загадывать о будущемъ и скажу только одно: Въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ я присматривался къ этой своеобразнѣйшей въ мірѣ арміи и могу засвидѣтельствовать, что она совсѣмъ не такъ хаотична, какъ на первый взглядъ кажется, а, наоборотъ, глубоко, хотя и своеобразно, дисциплинирована. Война для каждаго абиссинца— самое привычное дѣло, и боевыя сноровки и правила военно-походнаго быта вошли здѣсь въ плоть и кровь каждаго также точно, какъ и главныя начала тактики. Въ походѣ каждый солдатъ умѣетъ обставить себя необходимыми удобствами и беречь свои силы, но за то, когда нужно,—онъ проявляетъ такую выносливость и способенъ на такія лишенія, которыя трудно себѣ даже представить.

Во всѣхъ дѣйствіяхъ и сноровкахъ этого войска видна замѣчательная цѣлесообразность, а въ каждомъ солдатѣ—удивительно сознательное отношеніе къ руководящей задачѣ боя.

Несмотря на такія качества, при его стремительности, управлять этимъ войскомъ гораздо труднѣе, чѣмъ вымуштрованной европейской арміей, и мнѣ пришлось только удивляться и преклониться предъ искусствомъ ея вождей и начальниковъ, въ которыхъ недостатка нѣтъ.

Не мало борьбы перенесъ за послѣдніе вѣка Абиссинскій народъ. Теперь, можетъ быть, наступятъ для него лучшія времена. Онъ сплотился и выходитъ на большую дорогу къ мирному преуспѣянію.

Богъ въ помощь!..

1 Іюля я взошелъ на палубу французскаго парохода „Ирауади", который въ тотъ же день отошелъ изъ Джибути, а 19 Іюля я прибылъ въ Петербургъ.

Конецъ.

	По Абиссински.	По Каффски.	По Сидамо.	По Гимирд.	По Шурд.	Языкъ горцевъ: Беру, Касси и др.	Языкъ Иденичъ.
Богъ	Егзіабгѐръ	Іеръ, Іеротòне	Тòса	Ка, Кій	Тума	Даду	Туму*)
діаволъ	сайтàнъ	сэйтано	талáхи	Шембàто			
царь	Атье, Негусъ	т'àто	к'àти	Тэндъ			
человѣкъ	соу	ашьо	аса	ацъ	мэнъ		
мужчина	уандъ	анамъ	ату	ычь	мэнити	ябля-кусъ	
женщина	сьетъ	маче	мачь	мычъ	маканжя	ябко-гитъ	
отецъ	абатъ	т'або т'анихо	або	ба	біе	куле	мачу
мать	ыннатъ	т'андэ	айо	тынъ	ая	кибо	ячи
жена	мыстъ	т'амыче	мачо	мычъ	мунинъ		
дитя	лыджъ	т'абушо	—	тана, т'анансъ			
сынъ	уандлыджъ	анамбуша	атумана	ычьтана			
дочь	сьетлыджъ	мачебуше	мачáна	мычьтана	хонити		
братъ	уандымъ	т'амано	ита	ычь	готене		
сестра	ыхетъ	мане	мычо	тымычь	уоне		
небо	самай	гумо	деда	чаръ			
солнце	цахай	або	ауа	оберъ	годя	чажи	сусъ
луна	чаракà	агано	агына	эрбъ	мулмулъ	ацумъ	тагисъ
звѣзда	кокàбъ	таджо	деда	чаръ		дарса	мунния
громъ	нагедгуàдъ	тео, гичо	—	даду			
земля	медыръ	шово	гаде	додъ	ба	елу	ба
страна	агѐръ		ентесаа	шедодъ			
гора	коребтà	гэпо	возе	гагъ	тунто	думъ	кумулъ
вода	ухà	ачо	асса	со	ма	ай	ма
рѣка	уанзъ	аго	шафа	—			
камень	денгàй	т'ако	тутча	—	бето	ляду	бэ
дерево	енчѐтъ	мито	мисса	ынчь	тунто	инчи	чамочи
трава	саръ	мочо	машя	—	хабай	уоги	ланжой
огонь	есатъ	како	тамо	тамъ	го	алу	качо
городъ	катама	кэто	гедо	—			
домъ	бетъ	кэто	кэса	кэтъ	туо	и	гору
одежда	лыбсъ	кордо	афыла	симаръ	афила		

*) Богъ называется на языкѣ обитателей устья р. Омо не Туму, какъ называютъ его остальныя племена Иденичъ, а—Ніягучъ.

	По Абиссински.	По Каффски.	По Сидамо̀.	По Гимиро̀.	По Шуро̀.	Языкъ горцевъ: Беру, Касси и др.	Языкъ Иденичъ.
штаны	сури	шенафило	адія	шаулъ			
кушакъ	маканàть	буро	—	—			
копье	торъ	гино	тора	майтъ	бэръ	бекынъ	бэръ
щитъ	гаша	гачо	гондале	гэсъ	культо	гясу	гаша
лукъ, стрѣла	кастъ	—	—	—	бэркондо		
кинжалъ	чубьè	шико	маша	шефъ			
война	торъ	иро	алаба	чаненгаса			
лошадь	фарасъ	мачо	фара	фара			
оселъ	ахыя	—	—	—	сигра	ара	сигра
корова	ламъ	мими	низа	кашь	би	оти	би
быкъ	барè	гато	бора	—			
баранъ	бэгъ	бачо	дорса	доръ	зунку	медеру	зынка
козелъ	фыель	эмито	деша	кэцъ	тонга	эску	понча
пища	мыгыбъ	мао	мео	мъмъ, ммъ	амидо	ица	тила
хлѣбъ (лепешки)	энджера	кошо	укусса	буду, гонжьо			
вареное тѣсто	гунфо	буто	—	койсъ			
супъ	марèкъ	мэчо	ыто	ачь			
машелла, дурра	машелла	янчо	малдо	занга	либа	либэсса	либа
кукуруза	бахрмашелла	—	бадела	—	—		
ячмень	гебсъ	шеко	бенча	—	—	гобсу	
банановое дер. „musa enset“	музъ	кочо	мэка	—	—		
поа	т'эфъ	гашо	гашэ	гачь	—	сима	
элевзина	дагуссà	дагочо		—	—	бара	
горохъ	атеръ	ато		—	уадья		
пшеница	синдьè	тэто	сарга	тэмбъ	—		
голова	расъ	кело	—	тандъ	—	сару	саба
рука	ыджъ	кишо	—	кучъ	—	кучу	сіо
нога	ыгыръ	бато	—	тó	—	асу	дари
животъ	ходъ	тифо	—	шулъ	—	чонъ	кьянго
ротъ	афъ	коко	—	но	—		
языкъ	меласъ	ечіо	—	гашь	—		
носъ	афенча	мудо	—	ситъ	—		
ухо	джоро	уамо	—	уай	—		
борода	тимъ	исано	—	—	—		

	По Абиссински.	По Каффски.	По Сидамд.	По Гимирд.	По Шурд.	Языкъ горцевъ: Веру, Касси и др	Языкъ Иденичъ.
глазъ	айнъ	—	—	анъ			
я	енье	та	тэна	танъ	діанъ		
ты	антè	нэна	нэна	нэнъ	дену		
онъ, она	ерсу, ерсуа	бина	аса	иитъ	дуа		
мы	енья	тана	инэна	нона	діана, діане		
вы	енантъ	итошь	интэна	ипента			
они	ырсачоу	боношь		инэна			
1	эндъ	ико	эту	матъ	кона	кой	доне
2	хулатъ	гуто	лаа	намъ	рама	дагынь	рамынъ
3	состъ	кемо	эза	казъ	сизи	каду	сизи
4	аратъ	аудо	ода	одъ	учь	кукумъ	буй
5	амыстъ	уго	сіеша	укшъ	ачана	учу	хаэна
6	сыдыстъ	харто	усупона	санынъ	шучь	яку	иле
7	сабатъ	шяуато	лапу	нанынъ	хачъ	тусу	исабе
8	сымынтъ	шимито	оспу	пятынъ	лудъ	зетъ	иси
9	зотэнь	итіо	одупуна	чыстынъ	салъ	сакалъ	сакалъ
10	асыръ	аширо	тама	тамъ	тамокита	тому	томунъ
11	аераэндъ	аширонто	таманэту	тамомата	тамокикона		
20	хайа	хіо	латама	хатамъ	—		
30	саласа	шашьо	этама	кастамъ			
40	арба	абе	одама	отамъ			
50	амса	аго	мешама	учутамъ			
100	мато	бало	чета	бачь			
1000	ши	хуму	шя'а	—			
хорошій	малкамъ	гацо	тафа	сойтекушъ	буши	чонкусь	джашь
дурной	кефу	Гондо	пта	итнесъ	гесса	чала	герса
большой	талакъ	ого	лоа	эзъ	буйда	бабусъ	буй
маленькій	тынышъ	Гишо	тика	ушкесе	тино	ерасъ	чино
много	бзу	мито	—	тикъ	—	мучачизъ	буй
мало	текитъ	гишо	—	ушкессе	—	мера	яшишь
сильный	берту	манжо	лоаса	бандъ	мессо	бабугоди	конилумъ
слабый	декапа	гидакачо	лабанеса	гамасъ уйкнесъ	лютъ	берсасай	конидада
богатый	каптамъ	ганечо	одиаса дуреаса	кетнесъ	—	—	—
близко	кырбъ	кате	—	угись	аджа	данта	аджай

	По Абиссински.	По Каффски.	По Сидамò.	По Гимирò.	По Шурò.	Языкъ горцевъ: Беру, Касси и др.	Языкъ Иденичъ.
далеко	рукъ	нибе	—	экма	ранга	окукизо	рена
да	аунъ	эха	э	іо	э-э	ы-ы	э-э
нѣтъ	айдолемъ	котонэ	н!н!	ушэсигисъ	іонгъ	н! н!	н! н!
есть	алле	бете	—	ититукъ	—		
нѣтъ	елемъ	ало	—	кайгушъ	—		
право	кань	кано	—	—	гургъ	куба	сэти
лѣво	гра	іочо	—	—	гурза	канга	нангитенъ
здравствуй	эндьетъ уалхъ	дигонэ	саро	даньтэтъ	илайбанъ	караай	
что?	мынду	амонэ	—	—	коридо		
впередъ	уадафитъ	афоче	—	—	туноко		
назадъ	уадахуала	губекаче	—		—		
сегодня	зарьè	ханога	—	—	мита		
вчера	телàнтъ	ича	—		—		
завтра	нагà	яча	—	—	мираче		
послѣ-завтра	танагòдія	шарта	—				
правда	унатъ	иберонэ	—				
благодарю	Егзіабееръ истелынь	Іеръ то симбо	лоаса	кайуцмэкъ			
это	ихъ	хинэ	кана	—	діа		
шелъ	хеда	амабете	бэда	—	койдо		
нашелъ	алхедамъ	амаче	—	—	койдоіонгъ		
видѣлъ	айёхъ	беке	-	бекейти			
не видѣлъ	алаёхымъ	бекеаче	—				
ѣлъ	банахъ	маате	меда	мунайти	тылъ		
не ѣлъ	албалохымъ	матаче	—				
слышалъ?	самахъ	—	—	—	шигида		
убилъ	гадделхъ	утэтэ	айкэда	—	нисса		
сказалъ	нагерхъ	гэтэтэ	іотэда	гайти			
родилъ	данэдхъ	шіэтэ	іэлэда	—	дену		
дай	сытъ	имбэ	—	уцъ	ачо	ицта-танъ	индже нану
иди	хидъ	амбэ	—	хамъ	іодо	енти	каушауша?
стой	кой	—	—	—	тессо		
ѣшь	белà	мамотъ	—	мьнайкъ	муга	баено	мато
пей	татà	—	—	ушунтъ			
ну!	белъ	—	—	га			

Карта

Астрономическихъ пунктовъ.

Ю.З. Абиссиніи (Эѳіопіи)

Карта

Лѣсныхъ пространствъ

Ю.З. Абиссиніи (Эѳіопіи.)

